

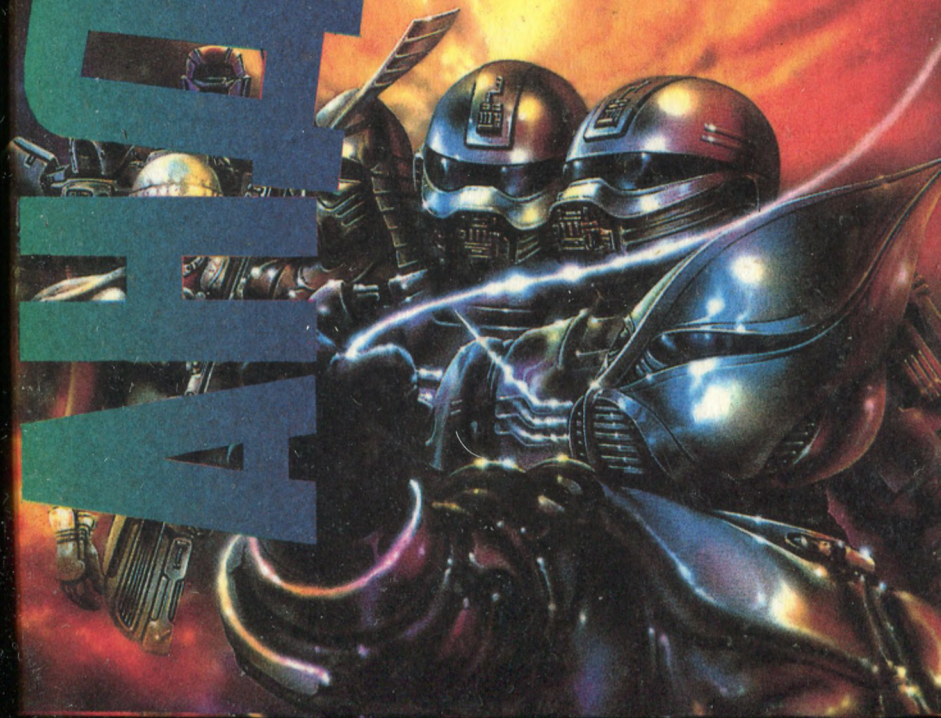
ПОЛ АНДЕРСОН

ВРЕМЯ
ОГНЯ

ПОЛ

АНДЕРСОН

ВРЕМЯ
ОГНЯ

**АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА**

XX века

Пол АНДЕРСОН
Кеннет БАЛМЕР
Джеймс БЛИШ
Джеймс БАЛЛАРД
Джон БРАННЕР
Мэрион Зиммер БРЭДЛИ
Альфред ВАН ВОГТ
Стенли ВЕЙНБАУМ
Джин ВУЛФ
Джек ВЭНС
Гордон ДИКСОН
Абрахам МЕРРИТ
Ларри НАЙВЕН
Андрэ НОРТОН
Брайан ОЛДИСС
Эдгар ПАНГБОРН
Фредерик ПОЛ
Джерри ПУРНЕЛЛЬ
Джоанна РАСС
Фред САБЕРХАГЕН
Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ
Джек УИЛЬЯМСОН
Филипп Хосе ФАРМЕР
Фрэнк ХЕРБЕРТ
Пирс ЭНТОНИ

Poul ANDERSON

There will be time
The fire time

«Amber, Ltd»
«Sigma-press»
1995

Пол АНДЕРСОН

Собрание сочинений

Настанет время Время огня

«Амбер, Лтд». Ашгарск
«Сигма-пресс». Москва
1995

ББК 84.7.США

А 39

Перевод с английского
Д. Арсеньева и А. Колесникова,
Д. и Я. Савельевых
Издания Пола Андерсона выходят под общей
редакцией Вл. Гакова

Печатается по специальному разрешению автора. Конт-
ракт от 15 мая 1995 года.

Перепечатка отдельных романов и всего издания в
целом без разрешения — запрещена. **Всякое коммерческое
использование данного издания возможно исключительно с
ведома издателя.**

Андерсон Пол. Вып. 14.

А 39 **Время огня.** Настанет время: Роман. Время огня:
Роман. Пер. с англ. — Ангарск: Амбер, Лтд, М.: Сигма-
пресс, 1995.—384 с.

А $\frac{4703010100 - 21}{И 22 (03) - 95}$ без объявл.

ISBN 5-88358-067-X

THERE WILL BE TIME

© By Poul Anderson, 1972

© Перевод Д. Арсеньева и А. Колесникова, 1995

THE TIME OF FIRE

© By Poul Anderson, 1974

© Перевод Д. и Я. Савельевых, 1995

© Издательство «Амбер, Лтд», составление, 1995

© Издательство «Сигма-пресс», оформление, 1995

НАСТАНЕТ ВРЕМЯ

Предисловие

Успокойтесь, я не собираюсь выдавать этот рассказ за истинный. Во-первых, таково требование литературной конвенции, которая восходит к временам светлой памяти Теодора Рузвельта. Во-вторых, вы мне все равно не поверите. В-третьих, всякий рассказ, подписанный моим именем, должен восприниматься как развлечение: я ведь писатель, а не пророк. В-четвертых, я сам его записал. Там, где в массе завещанных мне записок, вырезок, фотографий и записей воспоминаний возникали пробелы и сомнительные места, мне приходилось восполнять их своими предположениями. Мне показалось необходимым изменить имена и географические названия. Короче, мне пришлось многое досочинить. И, наконец, я сам не верю ни в одно слово.

Сейчас моя цель рассказать вкратце о докторе Роберте Андерсоне. Книга эта появилась благодаря ему. И я старался сохранить стиль его речи, его дух.

Видите ли, я ему многим обязан. В последующем изложении вы узнаете некоторые темы из моих предыдущих рассказов. Он сообщил мне эти темы и идеи, описал фон и действующих лиц, рассказывал час за часом, пока мы сидели у камина, потягивая шерри и слушая Моцарта. Конечно, я подверг его рассказы литературной обработке, чтобы сделать их своими. Но идея принадлежит ему. Никакой платы он не хотел принимать. «Если удастся напечатать, — говорил он, — накормите Карен (Карен Андерсон, жена писателя, автор ряда фантастических книг. — *Прим. перев.*) прекрасным ужином в Сан-Франциско и выпейте за меня».

Конечно, мы говорили о многом. Я хорошо помню эти наши разговоры. У него было своеобразное чувство юмора. Очень вероятно, что, оставляя мне эту грудку материала в такой форме, как он это сделал, он превратил свои фантазии в еще один, последний, розыгрыш.

С другой стороны, его рассказы бывали и необычно для него мрачными.

Может, мне показалось? Иногда я заставал его в обществе одного или двух младших внуков. И замечал, что удовольствие от общения с ними часто сопровождается у него какой-то болью. А когда я виделся с ним в последний раз и наш разговор коснулся будущего, он неожиданно воскликнул:

— О, боже, дети, бедные дети! Пол, наши поколения прожили свои жизни удивительно легко. Нужно было только быть белым американцем, обладать относительным здоровьем, и нам обеспечено место под солнцем. Но сейчас история и здесь возвращается к своему нормальному климату, и климат этот — ледниковый период. — Он допил вино и снова налил — быстрее, чем обычно. — Стойкие и везучие выживут, — продолжал он. — Остальные... им придется довольствоваться тем, что пошлет судьба. Врач должен привыкнуть к такой мысли, не правда ли? — И он сменил тему разговора.

В старости Роберт Андерсон был высок и строен, плечи у него слегка сутулились, но в целом он находился в прекрасной форме, что приписывал регулярным пробежкам и езде на велосипеде. Лицо у него было худое, синие глаза за толстыми очками, одежда всегда чистая, седые волосы аккуратно причесаны. Говорил он неторопливо, подчеркивая свои слова жестами, взмахами трубки, которой наслаждался дважды в день. Манеры у него были спокойные и дружелюбные. Тем не менее он был независим, как его кот.

— В моем возрасте, — заметил он, — то, что раньше называли бы странностью или обидчивостью, называют милой чудаковатостью. И я этим пользуюсь. — Он улыбнулся. — Когда настанет ваш черед, вспомните мои слова.

Внешне он прожил очень спокойную жизнь. Родился в Филадельфии в 1895 году. Он был отдаленным родственником моего отца. Наше семейство скандинавского происхождения, но одна его ветвь со времен гражданской войны живет в Штатах. Однако мы с ним никогда не слышали друг о друге, пока один из его сыновей, интересовавшийся генеалогией, случайно не поселился недалеко от меня и не связался со мной. Когда старик приехал к сыну в гости, нас с женой пригласили. И мы сразу сошлись.

Его отец был журналистом, в 1910 году он редактировал газету в небольшом городке на среднем Западе (нынешнее население городка 10 тысяч; тогда было меньше). Я назову этот городок Сенлаком. Роберт Андерсон описывал свою семью как номинально религиозную (епископальная церковь) и преимущественно демократическую. Он едва закончил предварительное обучение медицине, как началась первая мировая война и он оказался в армии. Впрочем, в Европу его не отправили. Демобилизовавшись, он закончил докторантуру и интернатуру. У меня сложилось впечатление, что в то время у него бывали приключения. Но ничего серьезного. Со временем он вернулся в Сенлак, начал практиковать и женился на девушке, которая долго его ждала.

Мне кажется, он так и не обрел спокойствия. Но работа практикующего врача не бывает скучной — до того, как прогресс обрек его на выписывание направлений к специалистам, — а брак его был счастливым. Из четверых детей трое мальчиков дожили до зрелого возраста и по-прежнему здравствуют.

В 1955 году доктор Андерсон ушел на пенсию и решил путешествовать вместе с женой. Вскоре я с ним встретился. Жена его умерла в 1958 году, он продал дом и купил коттедж по соседству. Путешествовать он почти перестал. Как-то заметил, что без Кейт путешествия утратили для него свою прелесть. Но он сохранил интерес к жизни.

Он рассказал мне о народе, который назвал маури, словно сочинил сказку, которую не умеет превратить в связный рассказ. Примерно десять лет спустя он беспокоился обо мне, но причины этого беспокойства я не видел. И в свою очередь беспокоился о нем, считая это признаком старости. Но постепенно это прекратилось. Хотя время от времени у него случались приступы дурного настроения, в целом он оставался прежним. И когда в своем завещании уделил мне пункт, вне всякого сомнения, полностью отдавал себе отчет в своих действиях.

Мне предоставлялось право использовать то, что он мне оставил, по моему усмотрению.

Через год доктор Роберт Андерсон неожиданно умер во сне. Нам его не хватает.

Начало определяет конец, но я почти ничего не могу сказать о происхождении Джека Хейвига, несмотря на то, что принимал его появление в мир. Кто мог в холодное февральское утро 1933 года подумать о генетических кодах, или о работе Эйнштейна, как о чем-то, что может спуститься с математического Олимпа и жить среди обычных людей, или о силе территорий, которые мы так легко собирались завоевать? Помню, что роды были долгими и трудными. Он был первым ребенком Элеонор Хейвиг, миниатюрной и очень тогда молодой женщины. Мне не хотелось делать кесарево сечение; может, моя вина в том, что больше у нее с этим мужем не было детей. Наконец красное сморщенное существо благополучно оказалось у меня в руках. Я шлепнул ребенка по задку, чтобы заставить его негодующе втянуть воздух, и он выпустил его с воплем. А дальше все пошло как обычно.

Роды проходили на последнем, третьем этаже больницы нашего округа, расположенной на самом краю города. Снимая хирургический халат, я смотрел в окно. Справа от меня над замерзшей речкой теснился Сенлак, в центре здания из красного кирпича, на засаженных деревьями улицах каркасные дома, вдали, возле железнодорожной станции, призрачно возвышаются элеватор и цистерна водонапорной башни. Спереди и слева от меня под низким серым небом расстилаются широкие белые холмы, местами заросшие лишившимися листвы деревьями, живые изгороди и несколько ферм. На горизонте темная полоса. Это леса Моргана. Стекло запотело от моего дыхания, от холода мое вспотевшее тело слегка вздрогнуло.

— Что ж, — сказал я негромко, — добро пожаловать на Землю, Джон Франклин Хейвиг. — Его отец настоял, чтобы заранее были подобраны имена для обоих полов. — Надеюсь, тебе будет хорошо жить.

Не лучшее время для рождения, подумал я. Депрессия нависла над всем миром, как зимнее небо. Прошлый год отмечен завоеванием Японией Маньчжурии, походом на Вашингтон за увеличение зарплаты и похищением Линдберга. Нынешний год начинался в том же стиле: Адольф Гитлер стал канцлером Германии... Вскоре в Белый Дом

должен был вселиться новый президент, и отмена сухого закона казалась неизбежной. А весной наша местность так же прекрасна, как осенью.

Я отправился в комнату ожидания. Томас Хейвиг вскочил. Он никогда открыто не проявлял своих чувств, но на губах его трепетал вопрос. Я взял его за руку и, улыбаясь, сказал:

— Поздравляю, Том. Вы отец здорового мальчика. Я знаю — только что сам отнес его, слюнявого, в детскую.

* * *

Через несколько месяцев мне пришлось вспомнить об этой своей попытке пошутить.

Сенлак — торговый центр сельскохозяйственного района; в нем есть легкая промышленность, и это, пожалуй, все. Не имея выбора, я был ротарианцем (Член клуба «Ротари», всемирной сети клубов бизнесменов. — *Прим. перев.*), но находил предлоги, чтобы почти не участвовать в деятельности клуба, и редко ходил на его заседания. Не поймите меня неправильно. Эти люди близки мне. Они мне нравятся, я даже кое в чем восхищаюсь ими. Они соль земли. Просто я люблю и другие приправы.

В подобных обстоятельствах у меня и Кейт было немного друзей. Банкир ее отца, ставший и моим банкиром; я подшучивал над ним, говоря, что ему понадобился демократ, чтобы было с кем спорить. Библиотекарша из нашей публичной библиотеки. Три или четыре преподавателя колледжа Холберга с женами, хотя разделявшие нас сорок миль в те дни считались значительным препятствием. И еще Хейвиги.

Они были уроженцами Новой Англии и всегда немного тосковали по дому; но в 30-е годы приходилось принимать любую работу. Том был учителем физики и химии в нашей школе. И вдобавок тренировал местную футбольную команду. Стройный, с резкими чертами лица, не утративший юношеской живости и врожденной сдержанности, он хорошо справлялся со своей второй работой. Ученики любили его; у нас была неплохая футбольная команда. Элеонор — более смуглая и живая, она хорошо играла в теннис и активно участвовала в церковной благотворительности.

И я был удивлен, когда она однажды позвонила мне и попросила немедленно прийти. Я услышал истерические нотки в ее голосе.

В те времена квартира доктора отличалась от нынешних особенно в провинциальных городах. Я переоборудовал две комнаты в большом старом доме, где мы жили. Одна из них была предназначена для собеседования, другая — для осмотра и лечения, в том числе и для небольших хирургических операций. У меня был фармацевт и секретарь. Кэйт помогала в различного рода бумажной работе. Оглядываясь сейчас назад, я понимаю, что основная ее работа заключалась в том, что она развлекала ожидающих приема пациентов. Свои обходы клиентов я делал по утрам.

Я помню: день был очень жаркий, ни облачка сверху, ни дуновения внизу, деревья вдоль пути стояли словно из кованого зеленого железа. В их тени отдувались собаки и дети. Ни один птичий голос не смешивался с рокотом мотора моей машины. Меня охватил страх. Элеонор выкрикнула имя своего Джонни, а такая погода вызывает полиомиелит.

Но когда я вошел в ее прохладный дом, освежаемый вентилятором, она с дрожью обняла меня.

— Я схожу с ума, Боб? — спрашивала она снова и снова. — Скажи мне, что я не схожу с ума!

— Ну, ну, ну! — успокаивал я. — Ты вызвала Тома? — Том добавлял к своему скромному летнему жалованью плату за контроль качества продукции на маслобойне.

— Нет... я... думала...

— Садись, Элли. — Я высвободился. — По мне, ты вполне нормальна. Может, это жара на тебя подействовала. Успокойся... разожди зубы, покрути головой. Лучше? Хорошо, теперь расскажи, что случилось.

— Джонни. Их было двое. Потом снова стал один. — Она подавилась. — Другой Джонни!

— Да? Спокойней, я сказал, Элли! Давай разберемся постепенно.

Рассказывая, она умоляюще смотрела на меня.

— Я... я... я купала его, когда слышала детский крик. Подумала, что это из коляски на улице. Но звучало так, словно из... из спальни. Я закутала Джонни в полотенце — я ведь не могла оставить его в воде — и понесла с собой.

Взглянуть. И увидела: в колыбели был другой мальчик, голый и мокрый, он пинался и кричал. Я так удивилась, что... выронила своего. Я стояла, наклонившись над колыбелью, он должен был упасть на матрац, но, о Боб, он не упал. Он исчез. Прямо в воздухе. Я... инстинктивно попыталась его поймать. И схватила только одеяло. Джонни исчез! Должно быть, на несколько секунд я потеряла сознание. Я когда пришла в себя... стала искать... и никого не нашла...

— А как же незнакомый ребенок? — спросил я.

— Он... он не исчез, я думаю.

— Пошли, — сказал я. — Пошли посмотрим.

В комнате, испытывая огромное облегчение, я воскликнул:

— Да это не кто иной, как добрый старина Джон!

Она схватила меня за руку.

— Он кажется тем же самым. — Ребенок успокоился и загулькал. — И голос тот же. Но этого не может быть!

— Как это не может? Элли, у тебя галлюцинации. Неудивительно в такую погоду; ты все еще слаба. — В сущности, мне подобный случай никогда не встречался, тем более у такой уравновешенной женщины. Тем не менее мое предположение вполне вероятно. К тому же половина лечебного влияния терапевта в его голосе.

Она не была вполне убеждена, пока мы не достали свидетельство о рождении и не сверили отпечатки рук и ног мальчика. Я прописал ей успокоительное, выпил чашку кофе, подшучивая над женщинами, и вернулся к своей работе.

Поскольку больше ничего подобного не случалось, я совершенно забыл об этом инциденте. В том году наша единственная с Кейт дочь заболела воспалением легких и умерла вскоре после своего второго дня рождения.

* * *

Джонни Хейвиг был умным и впечатлительным мальчиком и предпочитал одиночество. Чем больше он овладевал своим телом и языком, тем меньше склонен был общаться со сверстниками. Ему нравилось рисовать за маленьким письменным столом, лепить из глины животных во дворе или плавать в маленькой лодке вдоль берега

реки, когда взрослые брали его с собой туда. Элеонор беспокоилась о нем. Том нет.

— Я был таким же, — обычно говорил он. — В детстве тебя считают странным, отрочество проходит ужасно, но когда вырастаешь, это себя оправдывает.

— Нам надо внимательней за ним приглядывать, — заявила Элеонор. — Вы понятия не имеете, как часто он исчезает. О, конечно, для него это игра, он играет в прятки в кустах или в подвале. Замечательно — слушать, как мама бежит вверх и вниз по лестницам с криками. Но однажды он уйдет за изгородь и... — Она сжала руки в кулаки. — Он может попасть под машину.

Кризис наступил, когда мальчику было четыре года. К этому времени он понял, что исчезновения связаны с наказаниями, и перестал исчезать (насколько знали родители. Что происходит в его комнате, они не видели). Но однажды летним утром его в спальне не оказалось, и его нигде не смогли найти, хотя искали полицейские и все соседи.

В полночь позвонили в дверь. Элеонор спала: я заставил ее принять снотворное. Том сидел один. Он выронил сигарету — выжженное пятно на ковре долго будет напоминать об этом случае — и сбил стул на пути к двери.

На пороге стоял мужчина. На нем был плащ и широкополая шляпа, не дававшая рассмотреть черты лица. Впрочем, это не имело значения. Все существо Тома устремилось к мальчику, которого мужчина держал за руку.

— Добрый вечер, сэр, — раздался приятный голос. — Мне кажется, вы ищете этого юного джентльмена.

И когда Том, который сразу наклонился, со слезами на глазах схватив сына, попытался поблагодарить, мужчина исчез.

— Странно, — говорил мне Том впоследствии. — Я не больше минуты сосредоточился только на Джонни. Ты ведь знаешь улицу Вязов, она хорошо освещена, и на ней негде укрыться. Даже бегом невозможно так быстро исчезнуть. К тому же на бегущего залаял бы десяток собак. Но улица была пуста.

Мальчик ничего не рассказывал, сказал только, что бродил «вокруг», что он виноват и больше не будет.

И действительно, он перестал исчезать. Больше того, у него появился друг, сын Даньеров. Пит Даньер буквально возвышался над своим худым молчаливым товарищем. Он вовсе не дурак: сегодня он занимает высокий пост в нашем сельхозуправлении. Но Джо — так он теперь просил его называть — в их дружбе верховодил. Они играли в его игры, гуляли в его излюбленных местах, а позже, в избранных им районах лесов Моргана, бродили по его воображаемым мирам.

Его мама вздыхала, сидя в моем тесном, пахнущем лекарствами и кожей кабинете.

— Мне кажется, Джон так хорошо выдумывает, что даже для Пита реальный мир кажется бледным по сравнению с вымышленным. В этом-то и беда. Слишком хорошо у него получается.

Это происходило год спустя. Я лечил мальчика от нескольких обычных болезней, но не было никаких причин тревожиться, поэтому я удивился, когда Элеонор попросила назначить ей встречу, чтобы поговорить о сыне. Договариваясь по телефону, она рассмеялась.

— Ты ведь знаешь, Том настоящий янки. Он не позволяет говорить о сыне по телефону. — Голос ее звучал резковато.

Я сел в свое скрипучее вращающееся кресло, сцепил пальцы и сказал:

— Ты хочешь сказать, что он верит в то, что придумывает? Это вполне нормально. Когда вырастет, пройдет.

— Я сомневаюсь, Боб. — Она, нахмурившись, смотрела на свои руки. — Он для этого уже большой.

— Возможно. Особенно ввиду его удивительно быстрого физического и умственного роста за последние месяцы. Однако практическая медицина приучила меня к тому, что «обычное» и «нормальное» вовсе не означают одно и то же... Ну, хорошо. У Джона есть воображаемые друзья?

Она пыталась улыбнуться.

— Воображаемый дядя.

Я приподнял брови.

— Правда? А что именно он рассказал тебе?

— Почти ничего. Что рассказывают дети родителям? Но я часто слышала, как он рассказывает Питу о своем дяде

Джеке, который берет его с собой в удивительные путешествия.

— Дядя Джек? Что за путешествия? В то вымышленное им королевство, где правит Король Лев? Ты как-то об этом рассказывала.

— Н...нет. Это тоже очень странно. Он рассказывал мне и Тому о царстве животных; он знает, что это воображаемый мир. Но путешествия с «дядей» — это совсем другое дело. То, что сумела услышать, было... реалистично. Например, посещение лагеря индейцев. Он описывал работу, которую они делают, и запах сохнувших шкур и костров навоза. Или в другой раз он говорил, что летал на самолете. Я могу себе представить, что он выдумает самолет больше дома. Но почему он настаивал, что у этого самолета не было пропеллеров? Мне казалось, мальчишкам нравится — вжжжик — как в пикирующем самолете. Нет, его самолет летел ровно и почти беззвучно. На борту показывали кино. Цветное. И он даже сказал, как называется такой самолет. Реактивный? Да, мне кажется, он сказал «реактивный».

— Ты боишься, что воображение совершенно захватит его? — спросил я без особой необходимости. И когда она, с трудом глотнув, кивнула, я наклонился вперед, потрепал ее за руку и сказал:

— Элли, воображение — самая драгоценная особенность детства. Способность воображать все в подробностях, как в рассказе об этих индейцах, бесценна. Твой мальчик не просто нормален; возможно, он гений. Что бы ты ни делала, постарайся не убивать в нем эту способность.

Я по-прежнему считаю, что был прав. Абсолютно ошибался, и тем не менее был прав.

А в тот теплый день я усмехнулся и закончил:

— А что касается реактивного самолета, готов поклясться, что у Питера Даньера припрятано много книг про Бака Роджерса (Известный герой комиксов. — *Прим. перев.*).

* * *

Все маленькие мальчики обычно не любят школу, и Джон не был исключением. Он сторонился коллективных игр и по большей части держался подальше от других детей.

Например, Элеонор приходилось самой организовывать праздники по случаю его дня рождения. Тем не менее, обладая мягкими манерами, умея хорошо рассказывать, он — когда кто-то брал на себя инициативу и стимулировал его — всем всегда нравился.

На восьмом году жизни он вызвал новую сенсацию. Несколько старших мальчишек решили, что забавно подстергать одиноких детей на пути из школы и колотить их. Автобусы развозили только детей с ферм, а Сенлак не был тогда еще сплошь застроен: на большинстве пешеходных путей встречались незастроенные пустые участки. Естественно, жертвы не решались пожаловаться.

А вот хулиганы пожаловались — после нападения на Джона Хейвига. Они утверждали, что он вызвал себе на помощь целую армию. И, вне всякого сомнения, кто-то их основательно побил.

Но жалоба привела только к дополнительному наказанию.

— Хулиганы всегда трусы, — говорили отцы сыновьям. — Смотрите, что получилось, когда этот мальчишка Хейvig не струсил и дал сдачи.

Некоторое время на него поглядывали с трепетом, хотя он краснел, запинаясь и отказываясь сообщать подробности. С этого времени мы все называли его Джек.

Но происшествие вскоре забылось. В том году пала Франция.

* * *

— Есть новости о дяде-призраке? — спросил я Элеонор. Собралось несколько семей, но мне хотелось отдохнуть от разговоров о политике.

— Что? — спросила она. Мы стояли на обнесенном решеткой крыльце Стоктонов. Освещенные окна и шумный разговор за нами не затмевали полную луну над часовней колледжа Хольберга, а из теплой, полной запахов растительности темноты доносился треск цикад. Элеонор улыбнулась. — Ты о дяде моего сына? Нет, уже некоторое время ничего не слышно. Ты был прав: это всего лишь этап.

— Либо он научился скрытности. — Я не стал бы вслух произносить эту мысль, если бы подумал заранее.

Потрясенная, она сказала:

— Ты считаешь, он его скрывает? Конечно, он скрытен, он ничего важного не рассказывает ни нам, ни кому-то другому...

— То есть, — торопливо заметил я, — он очень похож на своего отца. Элли, у тебя хороший мальчик, и твоя невестка будет с этим согласна. Пошли выпьем чего-нибудь.

* * *

В моих записях указана точная дата, когда спустя некоторое время Джек Хейвиг снова потерял контроль над собой.

Вторник, 14 апреля 1942 года. Накануне Том сделал гордое заявление сыну. Он никому не рассказывал о своей надежде, кроме жены, потому что не был уверен в исходе. Но теперь он получил извещение. В конце учебного года он оставляет школу и уходит в армию.

Несомненно, он мог получить отсрочку. Учитель, старше тридцати. По правде говоря, он лучше послужил бы своей стране, если бы остался. Но уже провозгласили крестовый поход, всех охватило стремление к несбыточному, и производители вдов уже свистели за безопасными порогами домов Сенлака. И я сам, человек средних лет, подумывал о том, чтобы надеть мундир. Но меня отговорили.

Звонок Элеонор поднял меня с постели еще до рассвета.

— Боб, ты должен прийти, немедленно, пожалуйста! Джонни. Он в истерике. Хуже, чем в истерике. Я боюсь... мозговая лихорадка или... Боб, приходи!

Я держал худое тело в своих руках, пытался понять смысл бреда мальчика, потом сделал ему укол. Джек кричал, его вырвало, он вцепился в отца, бился головой, так что пошла кровь.

— Папа, папа, не ходи, тебя убьют, я знаю, знаю, я видел, я там был и видел, я посмотрел в окно, мама плакала, папа, папа, папа!

Почти всю неделю я давал ему успокоительное. Потребовалось много времени, чтобы он хоть слегка успокоился. До самого мая он оставался вялым и больным.

Реакция абсолютно ненормальная. Другие мальчишки, отцы которых отправлялись в армию, гордились этим. Что ж, думал я, Джек не похож на них.

Он постепенно поправился и снова пошел в школу. Но при любой возможности старался быть с Томом. Даже тогда, когда никто о такой возможности и не подумал бы. Все каникулы он проводил дома. Он писал отцу ежедневно...

... его отец был убит в Италии 6 августа 1943 года.

2

Ни один врач не перенес бы неизбежных неудач своей профессии, если бы его не поддерживали удачи. Джека Хейвига я отношу к числу своих удач. Хотя помог ему не как врач, а как человек.

Профессиональные знания и опыт помогли мне увидеть, что за обычной сдержанностью мальчика скрывается глубокое внутреннее смутение. За пределами восточных штатов в 1942 году не вводили норму на бензин. Я попросил коллегу временно взять на себя мою практику, и когда занятия в школе кончились, мы с Биллом отправились в путешествие... и взяли с собой Джека.

В Эрроухеде, штат Миннесота, мы наняли лодку и углубились в край диких озер, болот и великолепных лесов, который тянется до самой Канады. Целый месяц мы были наедине: я, мой тринадцатилетний сын и мальчик, которого я считал приемным сыном. Мне тогда казалось, что ему девять лет.

Местность эта дождливая и полна комаров; грести против ветра трудно; еще труднее переправляться волоком; чтобы разбить лагерь, нужны были гораздо большие усилия, чем в наши дни, когда существует различное оборудование и замороженные продукты. Но Джеку необходимы были эти препятствия и тяжелый труд. Через несколько дней, как и следовало ожидать, местность начала излечивать его.

Тихие восходы, легкий золотой отблеск на вершинах деревьев и на широкой воде; песни птиц, шорох ветерка, запах растительности; белочка, которую мы приучили при-

нимать еду из рук; испуганное бегство оленя; черника на теплой лесной поляне; потом появление медведя заставило нас почтительно оставить поляну ему; лось, гигантский, нисколько не испуганный, смотрит, как мы проплываем мимо; закат, просвечивающий сквозь прозрачные крылья летучих мышей; сумерки, костер, рассказы, расспросы Билла о самых разных вещах, и ответы Джека, которые показали, что он гораздо лучше меня способен рассказать об обширном мире, лежащем вокруг нас; спальный мешок и бесчисленные звезды.

Таково было основание выздоровления.

Вернувшись домой, я допустил ошибку.

— Надеюсь, Джек, ты понял, что это было всего лишь воображение. Предсказать будущее невозможно. — Он побледнел, повернулся и убежал от меня. Мне потребовалось много недель, чтобы вернуть его доверие.

Во всяком случае, он мне верил. Но ничего не сообщал, кроме мыслей, надежд и проблем обычного мальчика. Я больше не говорил о его одержимости, он тоже. Но насколько позволяло время и обстоятельства, я пытался быть для него тем, в ком он отчаянно нуждался, — отцом.

Пока продолжалась война, мы не могли уезжать надолго. Но у нас оставались дороги округа, леса Моргана — чтобы бродить в них и устраивать пикники, речка для плавания и рыбалки, озеро Винного с моей небольшой лодкой. Джек приходил ко мне в гараж и делал кормушку для птиц или древко метлы для матери. И мы разговаривали.

Думаю, что ко времени смерти Тома Джек обрел некоторое душевное спокойствие. Все сочли его предсказание случайностью.

* * *

Элеонор работала в библиотеке и несколько часов в неделю помогала в больнице. Вдовство тяжело сказалось на ней. Внешне она старалась держаться, но долгое время была подавлена и сторонилась людей. Мы с Кейт старались помочь ей, но она чаще отклоняла наши приглашения.

А когда начала покидать свою скорлупу, то скорее в обществе новых знакомых. Я не мог удержаться и сказал ей:

— Знаешь, Элли, я очень рад, что ты возвращаешься к жизни. Но все же — прости меня — твои новые друзья меня удивляют.

Она покраснела и отвела взгляд.

— Это верно, — негромко сказала она.

— Конечно, они прекрасные люди. Но их ... не назовешь интеллектуальными.

— Н...нет... Ну, хорошо. — Она выпрямилась в кресле. — Боб, будем откровенны. Я не хочу уезжать отсюда, хотя бы из-за тебя и Джека. Но не хочу быть и погребенной заживо, как все эти недели. Я была под влиянием Тома; на самом деле у меня не академический склад ума. И... вы все, с кем мы дружили... вы все женаты.

Я оставил разговор, считая его бесполезным. Нет смысла говорить ей, насколько чужд ее сын этим практичным, громко смеющимся ее новым друзьям, как глубоко он их презирает.

* * *

Джеку было двенадцать лет, когда атомные бомбы уничтожили два города, а вместе с ними остатки невинности человечества. Хотя Джек с 1942 года перестал развиваться так стремительно, тем не менее он намного опережал своих сверстников. Это усиливало его вынужденное одиночество. Теперь Пит Даньер и другие соученики были для него лишь случайными знакомыми. Вежливо, но твердо Джек отказывался от всякого общения, выходящего за пределы школы. Он делал уроки, и хорошо делал, но свободное время принадлежало только ему, и никому другому. Он много читал, преимущественно книги по истории; много миль проходил в одиночестве; рисовал или мастерил с помощью инструментов, которые я помог ему собрать.

Не хочу сказать, что он был угрюмым бирюком. Я уверен, что в будущем он стал бы нормальным человеком. Так как он больше не зависел от меня, он хорошо относился ко мне. Разница в возрасте между ним и Биллом сгладилась и в 1948 году они вместе с Джимом и Стюартом совершили путешествие в Среднюю Миннесоту.

Вскоре после возвращения оттуда мой второй сын спросил меня:

— Папа, посоветуй мне хорошую книгу по философии.

— Что? — Я отложил газеты. — Философия? В тридцать лет?

— А почему бы и нет? — спросила Кейт, оторвавшись от своей вышивки. — В Афинах он начинал бы еще раньше.

— Что ж, ммм, философия — очень разветвленная наука, Джим, — я попытался выиграть время. — Что именно тебя интересует?

— О, — ответил он, — свободная воля, и время, и все такое. Джек Хейвиг много говорил об этом с Биллом во время путешествия.

Я узнал, что Билл, который уже учился в колледже, начал изображать из себя учителя, но скоро запутался в различных проблемах: написана ли история вселенной до ее возникновения? если это так, то возможен ли свободный выбор? если невозможен, то как мы можем воздействовать на будущее? или на прошлое? Ученик средней школы не должен был интересоваться этими проблемами. Джек интересовался.

Когда я спросил у своего протеже, что тот хотел бы получить на Рождество, Джек ответил:

— Что-нибудь, что помогло бы мне понять теорию относительности.

В 1949 году Элеонор вторично вышла замуж. Ее выбор привел к катастрофе.

* * *

У Свена Биркелунда были самые добрые намерения. Родители привезли его из Норвегии в трехлетнем возрасте; сейчас ему было сорок, он владел большой фермой и прекрасным домом в десяти милях за городом; ветеран войны, недавно овдовевший отец двух сыновей: Свена младшего, шестнадцати лет, и Гарольда, девяти. Огромный, рыжеволосый, порывистый, он излучал обаяние мужественности — это сказала мне Кейт, хотя терпеть его не могла, и он отвечал ей тем же. Он выписывал журналы «Ридерс Дайджест», «Нейшннал Географик», «Деревенский джентльмен», изредка читал книги, любил путешествия и был удачливым и проницательным бизнесменом.

А Элеонор, полная жизни, шесть лет прожила в одиночестве.

Невозможно отговаривать влюбленных. Ни Кейт, ни я и не пытались. Мы были на свадьбе и выразили наши лучшие пожелания. Меня беспокоил Джек. Мальчик стал замкнут. Говорил он и действовал, как робот.

В новом доме у него почти не было возможностей видаться с нами. Впоследствии он не вдавался в подробности относительно этих месяцев. Я тоже. Но подумайте. Элеонор выросла в епископальной церкви, хотя потом отошла от нее; Джек был прирожденным агностиком. А Свен — лютеранин, истово верящий в Библию. Элеонор нравилась изысканная пища, Джеку тоже; Биркелунд и его сыновья предпочитали мясо с картошкой. Том обычно проводил вечера за книгами и разговорами с Элеонор. Если Биркелунд не проверял счета, он сидел у радио, а потом у телевизора. Том сделал из Элеонор либерала в политике. Биркелунд был пылким и активным членом Американского легиона — он никогда не пропускал его собраний, и если вы сделали отсюда неизбежные выводы, то вы правы, — и безусловно поддерживал сенатора Джозефа Маккарти.

И так далее и тому подобное. Я не хочу сказать, что Элеонор сразу разочаровалась. Я уверен, Биркелунд пытался угодить ей и постепенно оставил эти попытки только потому, что они были неудачными. То, что она вскоре забеременела, установило между ними связь, продержавшуюся некоторое время. (Мне как семейному врачу она однако рассказывала, что на последних стадиях беременности ей было трудно переносить его еженощное внимание, однако он не останавливался. Я прочел ему лекцию в стиле дядюшки, и он мрачно согласился пойти на компромисс).

Для Джека жизнь сразу стала адом. Сводные братья, копии отца, недоброжелательно встретили его появление. Свен младший, интересовавшийся исключительно охотой и девушками, называл его неженкой, потому что он не любил убивать, и извращенцем, так как он не ходил на свидания. Гарольд находил бесчисленные способы мучить его, какие может только применить младший к старшему, который не в состоянии пустить в ход кулаки.

Став еще более отчужденным, Джек терпел. Я удивлялся ему.

Осенью 1950 года родилась Ингеборг. Биркелунд назвал ее в честь своей тетки: его мать звали Ольгой. Он выразил разочарование тем, что родилась девочка, но тем не менее устроил большую и шумную пирушку, на которой много раз под всеобщий хохот заявлял, что намерен завести сына, как только позволит доктор.

Доктор и его жена были приглашены, но отказались, сославшись на предварительные договоренности. Поэтому я сам не видел, а только слышал, что Джек сбежал с пирушки и Биркелунд негодовал по этому поводу. Много спустя Джек говорил мне:

— Он загнал меня в угол в амбаре, когда ушел последний гость из тех, что не уснули на полу, и заявил, что выколотит из меня дерьмо. Я ответил, что если он попробует, я его убью. Я говорил серьезно. Он это понял и с рычанием ушел. С этого момента мы разговаривали друг с другом, только когда этого нельзя было избежать. Я выполнял свою долю домашней работы, участвовал в уборке урожая, а после обеда уходил в свою комнату. Или в другие места.

Равновесие продержалось до начала декабря. Неважно, что его нарушило — что-то обязательно должно было нарушить, — но дело было в том, что Элеонор спросила Джека, решил ли он, в каком колледже хочет учиться, а Биркелунд закричал:

— Он может убираться отсюда и служить своей стране, как я. Пусть послужит солдатом, если его не выгонят.

Последовала ссора, после которой Элеонор в слезах отправилась в спальню.

На следующий день Джека в доме не оказалось.

Он вернулся в конце января, ни слова не сказал о том, где был и что делал, и заявил, что уйдет навсегда, если отчим выполнит свою угрозу и обратится в полицию, в отдел малолетних преступников. Я уверен, что он вышел из этого спора победителем, и с тех пор его оставляли в покое. Но его поведение и внешность изменились поразительно.

Снова в доме воцарилось шаткое равновесие. Но шесть недель спустя, в воскресенье, когда Джек отправился в свою обычную долгую прогулку после посещения церкви, он забыл закрыть дверь своей комнаты. Маленький Гарольд заметил это, вошел и порывлся в столе Джека. Находка, которую он тут же отдал отцу, взорвала жалкие усилия сохранить мир.

Шел снег, медленная густая белизна заполняла окна. Пробивавшийся дневной свет приобрел серебристо-серый оттенок. Воздух за пределами дома казался почти теплым, было удивительно тихо.

Элеонор сидела на кушетке в нашей гостиной и плакала.

— Боб, ты должен поговорить с ним, ты, ты, ты должен помочь ему... снова. Что происходит, когда он убегает? Чем он занимается?

Кейт обняла ее и положила ее голову себе на плечо.

— Ничего плохого, моя дорогая, — проговорила она. — О, будь уверена. Всегда помни, что Джек сын Тома.

Я расхаживал по ковру. В комнате было полутемно, но мы не зажигали свет.

— Давайте установим факты, — я заговорил увереннее, чем чувствовал себя. — У Джека оказалась мимеографическая брошюра, которую Свен назвал коммунистической пропагандой. Свен хотел позвать шерифа, окружного прокурора — кого-то, кто мог бы заставить Джека сказать, с кем он познакомился во время своих отлучек. Ты незаметно пробралась в гараж, села в машину, встретила мальчика по дороге и привезла его сюда.

— Д...д...да. Боб, я не могу оставаться. Ингеборг дома и... Свен назовет меня плохой матерью...

— Я мог бы сказать несколько слов о праве на личную жизнь, — ответил я, — не говоря уже о свободе слова, печати и мнения. — После паузы: — Гм, ты сказала, что стащила эту брошюру?

— Я... — Элеонор высвободилась из объятий Кейт. Сквозь слезы и запинаясь она проговорила с силой, которую я в ней помнил: — Если нет улик, не к чему звать полицию.

— Можно мне взглянуть? — спросил я.

Она колебалась.

— Это... всего лишь проказа, Боб. Ничего с...с...серьезного. Джек ждет...

... в моем кабинете, по моей просьбе, пока мы совещались. Он проявил самообладание, которое вызвало у меня в этот зимний день дрожь.

— Мы поговорим, — сказал я, — пока Кейт напоит тебя кофе. Я надеюсь, ты немного поешь. Но мне нужно знать, о чем говорить.

Она глотнула, кивнула, порылась в сумочке и протянула мне несколько скрепленных листов. Я сел в свое любимое кресло, положил левую ногу поверх правой, держа в руке трубку, и прочел брошюру.

Потом прочел вторично. И в третий раз. Я совершенно забыл о женщинах.

Вот этот текст. Для вас в нем не будет никаких загадок.

Но вспомните. Это происходило одиннадцатого марта в году нашего Господа тысяча девятьсот пятьдесят первом.

Гарри Трумэн стал президентом Соединенных Штатов, победив на выборах Томаса Дейви. Чуть раньше образовалось НАТО, державшее под ружьем сотни дивизий. Многие из нас находились сейчас в каком-то эмоциональном параличе, мы вели обычную жизнь, но каждое мгновение ожидали, что разразится Третья Мировая война...

Поэтому я не мог винить Свена Биркелунда в поспешности суждений.

Но я читал и перечитывал, и мое изумление усиливалось.

Тот, кто это написал, знал коммунистическую терминологию, но сам, безусловно, не был коммунистом. Но кто же он?

Оглянитесь, повторяю я. Попытайтесь понять мир 1951 года.

За исключением некоторых экстремистов, Америка никогда не сомневалась в собственной праведности, тем более в своем праве на существование. Мы понимали, что у нас есть проблемы, но считали, что сумеем с ними справиться —при наличии времени и доброй воли, а со временем все расы, люди всех цветов кожи и верований будут жить бок о бок в пригородах и распевать вместе народные песни. До дела «Браун против министерства образования» (Судебное дело о расовой сегрегации в образовании. — *Прим. перев.*) еще оставались годы; студенческие волнения происходили в других странах, а нас волновала апатия наших студентов; Индокитай был местом, где французы испытывали едва заметные затруднения.

Только-только появились телевизоры, и мы обсуждали возможные последствия этого события. Межконтинентальные ракеты с ядерными боеголовками еще только создавались, но никто не представлял себе, что их можно

использовать для чего-либо, кроме уничтожения. Перенаселенность была еще новым понятием, которое вскоре будет забыто. Пенициллин и ДДТ были безусловными друзьями человека. Сбережение природы означало сохранение некоторых районов в их естественном состоянии, ну, а если вы были специалистом в этих вопросах, еще и проведение контурных пахотных линий на склонах холмов. Смог случался в Лос Анджелесе и иногда в Лондоне. Океан, бессмертный отец всего живого, вечно будет принимать и очищать наши отходы. Космические полеты принадлежали будущему столетию, когда какой-нибудь эксцентричный миллионер согласится финансировать проект. Компьютеров было мало, они были большие, дорогие и мигали множеством лампочек. Если вы следили за новостями науки, то уже знали о существовании транзисторов и, возможно, с нетерпением ожидали появления дешевых, карманного размера радиоприемников в руках американцев; крестьянам Индии или Африки это было все равно. Противозачаточные средства все были механическими. Гены располагались в хромосомах. В целом человек, если не вернется в каменный век, будет вечно привязан к машинам.

Поместите себя в 1951 год, если сможете, если посмаете, и прочтите то, что прочел я — брошюру, на первой странице которой было напечатано «Копирайт 1970, Джон Ф.Хейвиг».

3

СЛОВАРЬ КОЛЛЕДЖА УИТХИТ

АГРЕССИЯ — международная политика, проводимая фашистами.

АКТИВИСТ — человек, применяющий тактику, направленную на освобождение; будучи используема фашистами, та же тактика именуется маккартизмом и репрессиями.

БЕДНЫЕ (обычно пишется с прописной буквы) — класс, куда входят люди, обладающие доходом меньше

того, какой является их естественным правом. Сюда входят не относящиеся к фашистам все черные, коричневые, красные и желтые, в зависимости от их ежегодного дохода.

БЕЛЫЕ — люди кавказской расы; название происходит от цвета кожи, который варьирует от желтого до коричневого. Не смешивать с черными, коричневыми, красными или желтыми.

БОМБЕЖКА — метод ведения военных действий, который заключается в доставке по воздуху снарядов большой разрушительной силы. Осужден за действие на женщин, детей, стариков, инвалидов и других гражданских лиц, как это происходило в Берлине, Гамбурге, Дрездене, Токио, Осаке и т.д. Хиросима и Нагасаки сюда не относятся. См. ракета.

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН — поэтическая метафора, означающая поражение сил реакционеров. К победе этих сил не применяется.

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС — группа военных и промышленных руководителей, обладающая властью в США. Не смешивать с военными и промышленными руководителями СССР и многочисленных (народных) республик.

ГЕРОЙ — человек, приносящий жертвы и идущий на риск ради прогрессивного дела. Ср. свинья и штурмовик.

ДЕМОКРАТИЯ — государство, в котором свободно избранное правительство остается подчиненным воле народа, например, Чехословакия.

ЖЕЛТЫЙ — человек монгольского происхождения, с цветом кожи от желтого до коричневого. Не смешивать с черными, коричневыми, красными или белыми.

ЖЕСТОКОСТЬ — любые действия полиции. Ср. свинья.

ИМПЕРИАЛИСТ — человек, утверждающий, что государства Запада имеют права на любую заморскую территорию.

ИСТЕБЛИШМЕНТ — все представители власти, которую можно назвать консервативной.

КОЛОНИАЛИСТ — всякий, кто утверждает, что европейцы и североамериканцы имеют права на территории за

пределами Европы и Северной Америки, где побывали их предки. Не относится к русским. Ср. туземцы.

КОНСЕРВАТОР — ср. агрессия, бомбежка, жестокость, шовинизм, колониализм, колониалист, концентрационный лагерь, конформист, истеблишмент, фашист, империалист, маккартизм, наемник, военно-промышленный комплекс, ракета, напалм, свинья, плутократ, предрассудок, право собственности, расист, реакционер, репрессии, штурмовик, ксенофобия.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ — закрытое пространство, в котором содержатся представители народа, подозреваемые правительством или оккупационными властями. Прогрессивное государство или освободительное движение не могут иметь концентрационных лагерей, так как, согласно определению, пользуются поддержкой всего народа. NB: либералы избегают в этой связи упоминать нисеев (Нисеи — американские граждане японского происхождения. В годы второй мировой войны содержались в США в концентрационных лагерях. — *Прим. перев.*).

КОНФОРМИСТ — тот, кто принимает шкалу ценностей истеблишмента, не задавая неудобных вопросов. Ср. нонконформист.

КОРИЧНЕВЫЙ — лицо мексиканского происхождения; от цвета кожи, который варьирует от коричневого до желтого. Не смешивать с черными, красными, белыми или желтыми.

КРАСНЫЙ — 1. лицо, происходящее от американских индейцев; от цвета кожи, варьирующего от коричневого до желтого. Не смешивать с черными, коричневыми, белыми или желтыми, а также с мексиканцами, хотя большинство мексиканцев происходит от американских индейцев. 2. человек, борющийся за освобождение или преодолевающий его последствия.

КСЕНОФОБИЯ — неверие в способность чужаков руководить вашей жизнью.

ЛЮБОВЬ — чувство, которое, будучи испытываемо всеми, автоматически привело бы к решению всех человеческих проблем; однако некоторые (см. консерваторы), согласно определению, на него не способны.

МАККАРТИЗМ — средство борьбы с политическими противниками путем обвинения их в участии в коммунистическом заговоре, особенно если применяется сторонником сенатора Джозефа Маккарти. Не смешивать с обвинением того же человека в ф а ш и з м е, особенно если оно предъявляется сторонником сенатора Эужена Маккарти (Сенатор Эужен Маккарти, в отличие от крайнего консерватора Джозефа Маккарти, отличался либеральными взглядами и, в частности, выступал за прекращение войны во Вьетнаме. — *Прим. перев.*).

МИР — окончательное решение проблемы ф а ш и з м а. М и р н о е с о с у щ е с т в о в а н и е — стадия, предшествующая м и р у, в которой не существует а г р е с с и я и происходит священное о с в о б о ж д е н и е.

МУЧЕНИК — лицо, страдающее или гибнущее ради о с в о б о ж д е н и я. Не смешивать с п р е с т у п н и к о м или — в обобщенном смысле — с вражеским п е р с о н а л о м.

НАЕМНИК — солдат, который за плату служит не своему правительству. Ср. О б ъ е д и н е н н ы е Н а ц и и.

НАПАЛМ — сгущенный бензин, подожженный и применяемый против вражеского п е р с о н а л а; осуждается всеми подлинными либералами, за исключением применения его израильянами против арабов.

НАРОД — (всегда пишется с прописной буквы) — те, кто поддерживает о с в о б о ж д е н и е. Следовательно, все, кто не является ф а ш и с т о м, относится к н а р о д у, независимо от своего желания.

НОНКОНФОРМИСТ — тот, кто придерживается п р о г р е с с и в н ы х взглядов, не задавая неудобных вопросов. Ср. к о н ф о р м и с т.

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ — международная организация, которая использует шведские, индийские, ирландские, канадские и т.д. войска в тех районах мира, которые стремятся к с а м о о п р е д е л е н и ю.

ОДИН ЧЕЛОВЕК, ОДИН ГОЛОС — юридическое правило, которое сводится к тому, что время от времени тарые мошенники заменяются новыми. Также объект, к которому стремится всякая подлинная д е м о к р а т и я.

ОРГАНИКА — продукты, выращенные только на естественных материалах, без химических опрыскиваний и

тому подобного и, следовательно, свободные от вредных примесей и болезнетворных микроорганизмов.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА — право народа на свободу, которое стоит выше права собственности, поскольку последнее не является правом человека.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ — законное право человека, который заработал или иным законным способом приобрел собственность, а также право налогоплательщика, аналогично приобретшего собственность, впоследствии объявленную общественной, пользоваться этой собственностью. Неотделимо от п р а в ч е л о в е к а.

ПРЕДРАССУДОК — предубеждение или враждебность по отношению к отдельному человеку или группе людей, основанные на чисто классовом признаке и без учета фактов. Не смешивать с оценкой врагов н а р о д а (см. к о н с е р в а т о р).

ПРЕСТУПНИК — фашист, особенно арестованный и осужденный. Ср. м у ч е н и к.

ПРОГРЕССИВНЫЙ — связанный с о с в о б о ж д е н и е м.

РАДИОАКТИВНЫЕ ОСАДКИ — радиоактивные материалы, выпадающие после взрыва атомной бомбы и распространяющиеся в атмосфере. Осуждаются за их вредное воздействие на здоровье, за исключением тех случаев, когда их применяют п р о г р е с с и в н ы е страны.

РАЗВИТИЕ — 1. В ф а ш и с т с к и х странах — уничтожение деревьев и лугов, сооружение непрочных трущоб и т.д., или, в общем, эксплуатация окружающей среды. 2. В п р о г р е с с и в н ы х странах — меры по обеспечению пропитанием и жилищами масс или, в общем, использование окружающей среды и естественных ресурсов для удовлетворения человеческих нужд.

РАКЕТА — самоуправляющееся устройство, доставляющее по воздуху мощную взрывчатку, осужденное за свое действие на женщин, детей, стариков и инвалидов, если оно применяется не в Сайгоне, Дананге, Хюе (Порт в центральном Вьетнаме, подвергавшийся бомбардировкам американской авиации. — Прим. перев.) и т.д. Ср. б о м - б е ж к а.

РАСИСТ — всякий белый, который, когда ч е р н ы й одерживает победу, отказывается пускать слюни.

РЕАКЦИОННЫЙ — не п р о г р е с с и в н ы й.

РЕПРЕССИИ — отказ в праве на свободу слова, то есть отказ предоставлять трибуну а к т и в и с т у, отказ печатать, передавать по телевидению или хранить в библиотеках любое слово а к т и в и с т а и вообще любые действия, направленные против а к т и в и с т а. Не смешивать с защитой н а р о д а о т р е а к ц и о н н о г о воздействия.

РЕСПУБЛИКА — государство, в котором правительство избирается не на основе права наследования или богатства, а на выборах, в которых участвуют все политические группировки. Н а р о д н а я р е с п у б л и к а — та, в которой выборы опираются на ствол ружья.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ — право части населения, отличающегося по культурным или этническим признакам, управлять собой, как в Биафре, Восточном Пакистане, Гоа, Катанге, на Синайском полуострове, в Тибете, на Украине и т.д.

СВИНЬЯ — 1. Животное, известное своей ценностью, умом, храбростью, надежностью, добротой, верностью и (если ему позволяют следовать естественным привычкам) аккуратностью. 2. Полицейский. Ср. а к т и в и с т.

СВОБОДА — обязательное и скорое вознаграждение.

СЛАВА — избитый лозунг, за исключением тех случаев, когда он применяется к г е р о ю или м у ч е н и к у.

ТРАВКА — марихуана. Нужно ли снова проходить через все юридические процедуры, связанные с табаком, алкоголем, транквилизаторами и т.д.?

ФАШИСТ — лицо, предпочитающее меры, которые ведут к выживанию Запада.

ЧЕРНЫЙ — лицо, полностью или частично происходящее от африканцев; по цвету кожи, который варьирует от желтого до коричневого. Не смешивать с к о р и ч н е в ы м и, к р а с н ы м и, б е л ы м и или ж е л т ы м и. Это слово сменило прежнее «негр», которое в наши дни считается оскорбительным, так как означает «черный».

ЧЕСТЬ — см. с л а в а.

ШОВИНИЗМ — вера западного белого, что у его страны, цивилизации, расы, пола и так далее есть что-то хорошее. Ш о в и н и с т — любой такой человек; иными словами, ф а ш и с т любой национальности, расы и пола — обязательно ш о в и н и с т.

ШТУРМОВИК — всякий, кто рискует или приносит жертвы во имя целей ф а ш и з м а. Ср. г е р о й.

ЭКОЛОГИЯ — 1. (устар.) Изучение взаимоотношений живых существ друг с другом и окружающей средой.
2. Всякие особенности природы (не люди), которым причинен вред и ст е б л и ш м е н т о м, например, деревья, соколы; однако сюда не включаются крысы, ласточки, водоросли и т.п. Таким образом, п р о г р е с с и в н ы е страны не имеют экологии.

4

Я вошел в свой кабинет, и в первое мгновение он казался мне чужим. Бюро с выдвижной крышкой, лампа для чтения, похожая на гуся с вытянутой шеей, вращающееся кресло с изношенной кожаной обивкой и сиденье для посетителей, набитое конским волосом, полка со справочниками, диплом в рамке, раскрытая дверь в операционную, в которую видны шкафы; в них лежат инструменты и лекарства, большинство из которых узнал бы Кох, — все казалось мне неуместным, крошечным островком во времени, который быстро размывается океаном; я понял, что не позже, чем через десять лет мне нужно будет уходить на пенсию.

Снег пошел гуще, в окнах стоял полумрак. Джек повернул лампу так, чтобы можно было читать журнал. За кружком света лежали огромные тени. Шумел паровой радиатор. От него шел сухой теплый воздух.

Джек встал.

— Простите, что причинил вам беспокойство, доктор Андерсон, — сказал он.

Я знаком попросил его сесть, сам тоже сел и потянулся за свежей трубкой. От табака во рту был неприятный вкус, но мне нужно было чем-то занять руки.

Джек кивком указал на брошюру, которую я бросил на стол.

— Понравилось? — спокойно спросил он.

Я взглянул на него через верхнюю часть своих бифокальных очков. Это не тот мальчик, который знал, что потеряет отца, и не тот юноша, который пытался скрыть

свои чувства, когда мать отвела его в дом отца, — а ведь это было только в прошлом году. Передо мной был молодой человек с глазами старика.

Серые глаза на узком лице с прямым носом. Темно-серые волосы, стройное, среднего размера, чуть неуклюжее тело от Тома; рот, полный и подвижный, единственное исключение на этом аскетическом лице принадлежит Элеонор. Передо мной Джек Хейвиг, которого я никогда не понимал.

Он никогда не уделял особого внимания одежде и сейчас был одет в клетчатую рубашку и синие джинсы — обычный наряд, в котором бродил по холмам. Он казался настороженным, но не встревоженным и смотрел на меня спокойным, недрогнувшим взглядом.

— Что ж, — ответил я, — оригинально. Но ты должен признать, что несколько необычно. — Я набил трубку.

— Да, вероятно. Сувенир. Наверно, мне не следовало ничего брать с собой назад.

— Из твоего ... гм ... путешествия? А где ты был, Джек?

— Вокруг.

Я вспомнил упрямого маленького мальчика, который дал такой же ответ, после того как неизвестный мужчина вернул его отцу. И это заставило меня вспомнить еще многое другое.

Я чиркнул деревянной спичкой, и вспышка показалась мне неестественно яркой. Я закурил, ощутил запах и вкус доброго табака, прежде чем смог снова заговорить.

— Послушай, Джек. У тебя неприятности. И что хуже, неприятности у твоей матери. — Это его проняло. — Я друг вас обоих. Я хочу помочь, но, черт возьми, ты должен пойти мне навстречу.

— Док, как я хотел бы этого, — прошептал он.

Я похлопал по брошюре.

— Ну, хорошо, ты работаешь над научно-фантастическим рассказом, действие которого происходит в 1970 году, и это материал для рассказа. Отлично. Я сказал бы, что ты необычно скрытен, но это твое дело. — Указывая черенком трубки: — Но что не твое дело, так это тот факт, что этот материал напечатан на мимеографе. Никто не делает этого с материалом, предназначенным для личного использования. Это делают только организации. Так что это за организация?

— Нет никакой организации. Несколько друзей. — Шея у него застыла. — Очень немного друзей среди всех этих свиней, выкрикивающих лозунги.

Я встал.

— Выпить хочешь?

Он улыбнулся.

— Спасибо. Это лучшее возможное предписание.

Наливая коньяк из бутылки — он бывает нужен и мне и пациенту, когда я произношу приговор, — я думал о том, чем вызван мой порыв. Дети не выпивают, разве что тайком немного пива. Но мне пришлось в голову, что передо мной не ребенок.

Он выпил, как опытный, хотя и не заядлый пьяница. Где он этому научился? Ведь отсутствовал чуть больше месяца.

Я снова сел и сказал:

— Я не выспрашиваю у тебя твои тайны, Джек, хотя ты знаешь, что я много наслушался в своей работе и ни о чем не болтал. Но я требую твоей помощи, чтобы придумать объяснение и разработать линию поведения на будущее, которое снимет твою мать с крючка.

Он нахмурился.

— Вы правы. Беда в том, что я не знаю, что вам сказать.

— Может быть, правду?

— Док, вы этого не хотите. Поверьте мне, вам не нужна правда.

— «Красота есть правда, а правда — красота...» Зачем же Китс написал это? Он изучал медицину и знал, что говорит. Джек, ставлю десять долларов, что способен рассказать дюжину правдивых историй, которые потрясут тебя больше, чем ты когда-нибудь сможешь потрясти меня.

— Я не стану с вами спорить, — хрипло ответил он. — Это было бы нечестно по отношению к вам.

Я ждал. Он допил бренди и поставил стакан на стол. В желтом свете лампы его лицо казалось совсем изможденным, но вот на нем появилось выражение решительности.

— Налейте мне еще, — сказал он, — и я расскажу вам.

— Отлично, — бутылка немного дрожала у меня в руках, когда я наполнял стакан. — Клянусь хранить твою тайну.

Он рассмеялся странным смехом.

— Не надо кляtv, доктор. Вы и так будете молчать.

Я ждал. Он сделал глоток, посмотрел куда-то за меня и пробормотал:

— Я очень рад. Я всю жизнь несу в себе огромную тяжесть, а теперь я могу разделить ее.

Я выпустил клуб дыма и продолжал ждать.

Он торопливо сказал:

— В основном я был в районе Сан-Франциско, главным образом в Беркли. Больше года.

Я сжал черенок трубки.

— Угу. — Он продолжил: — Я вернулся после месячного отсутствия. Но на самом деле я отсутствовал восемнадцать месяцев. С осени 1969 до конца 1970 года.

Немного погодя он добавил:

— Но из этих полутора лет нужно вычесть время, которое я потратил на посещение более далекого будущего.

В радиаторе шумел пар. Я видел капли пота на лбу своего в сущности приемного сына. Он так же крепко сжимал свой стакан, как я трубку. Но несмотря на напряжение, голос его оставался ровным.

— У тебя есть машина времени? — выдохнул я.

Он покачал головой.

— Нет. Я могу сам передвигаться во времени. Не спрашивайте как. Я и сам не знаю.

Он улыбнулся.

— Конечно, док. Паранойя. Иллюзия, что я представляю собой во вселенной нечто особенное. Хорошо, я вам продемонстрирую. — Он обвел рукой кабинет. — Идите сюда, пожалуйста. Проверьте. Убедитесь, что у меня нет никаких зеркал, люков, никаких фокусов в вашем собственном кабинете.

Я тупо обвел вокруг него руками, хотя совершенно очевидно, что у него не было возможности принести и установить какую-то аппаратуру.

— Удовлетворены? — спросил он. — Так вот, я перенесу себя в будущее. На сколько? На полчаса? Нет, вам придется слишком долго сидеть и жевать трубку. Давайте на пятнадцать минут. — Он сверил свои часы с моими настенными. — Сейчас 4-17, верно? Я появлюсь в 4-30, плюс-минус несколько секунд. — Медленно и отчетливо. — Пусть никто и ничто не занимает за это время мой стул. Я не могу появиться в пространстве, занятом другим телом.

Я с дрожью встал.

— Давай, Джек, — сказал я, перекрывая шум крови в ушах.

Он пожал мне руку и с трогательной нежностью сказал:

— Добрый старый док. Пока.

И исчез. Я услышал свист, с которым воздух занял освободившееся пространство. Больше ничего. Стул опустел. Я потрогал его, на нем ничего не было.

Я снова сел за свой стол и просидел четверть часа, которые не помню.

Неожиданно он снова оказался на прежнем месте.

Я старался не упасть в обморок. Он торопливо подошел ко мне.

— Док, спокойней, все в порядке, вот, выпейте...

Позже он произвел еще одну демонстрацию: передвинулся в недавнее прошлое, всего на минуту, и остановился рядом с самим собой, пока первое тело не исчезло...

* * *

Приближалась ночь.

— Нет, я не знаю, как это действует, — сказал он. — Но я ведь не знаю, и как действуют мои мышцы, не знаю так, как знаете вы, а вы ведь согласитесь, что ваши знания — всего лишь легкая зыбь на поверхности тайны.

— Что ты при этом испытываешь? — спросил я, с удивлением замечая собственное спокойствие. В день Хиросимы оцепенение было сильнее. Что ж, может, в глубине души я и так догадывался, кто такой Джек Хейвиг.

— Трудно описать. — Он нахмурился в полутьме. — Я... я хочу перенестись вперед во времени... как хочу, например, взять стакан со стола. Другими словами, я приказываю чему-то во мне, как приказываю пальцам, и это происходит.

Он помолчал, подыскивая слова, потом продолжал:

— Путешествуя по времени, я оказываюсь в мире теней. Освещение меняется от полной темноты до серости. Если я пересекаю больше суток, свет мигает. Предметы становятся туманными, неясными, плоскими. Потом я решаю остановиться и останавливаюсь и снова оказываюсь в нормальном времени в прочном мире... В пути ко мне не доходит воздух. Мне приходится сдерживать дыхание и время от времени прерывать путешествие и вдыхать, если путешествие занимает больше моего личного времени, чем я способен не дышать.

— Подожди, — сказал я. — Если ты не можешь дышать в пути, не можешь ничего коснуться, если тебя нельзя увидеть, как же ты сам можешь видеть? Как свет может воздействовать на тебя?

— И этого я не знаю, док. Но я читал книги по физике, пытаюсь разобраться. Должно быть, мной движет какая-то сила. Эта сила действует по крайней мере в четырех измерениях, тем не менее это сила. И если в ней есть электромагнитный компонент, я могу себе представить, как мое поле захватывает отдельные фотоны и увлекает их за собой. Материя, даже ионизированная материя, обладает массой покоя и потому не может быть захвачена таким образом... Это всего лишь предположение дилетанта. Хотел бы я посоветоваться с настоящим ученым.

— Для меня и твое предположение слишком сложно, мой друг. Ты сказал, что перемещение — по отношению к тебе самому — не является мгновенным. А сколько времени оно занимает? Сколько минут на год, например?

— Прямой зависимости нет. Все зависит от меня. Я чувствую прикладываемое усилие и могу в определенных пределах управлять им. Ну, скажем, напрягаясь, я могу двигаться ... быстрее ... чем обычно. Это меня утомляет, что доказывает, что для путешествия во времени нужна энергия тела. Эта энергия и создает двигательную силу... По моим часам нужно не больше нескольких минут; а ведь я перемещался на несколько столетий.

— Когда ты был ребенком... — голос мой дрогнул.

Он снова кивнул.

— Да, я слышал об этом случае. Страх падения инстинктивен, верно? Вероятно, когда мама уронила меня, я чисто рефлекторно отбросил себя в прошлое... и так очутился в колыбели.

От сделал глоток бренди.

— Моя способность росла вместе со мной. Вероятно, сейчас у меня нет пределов, если по пути я могу останавливаться для отдыха. Но я ограничен в массе, которую могу прихватить с собой. Всего несколько фунтов, включая одежду. Если масса больше, я не могу двигаться: меня словно придавливает тяжестью. Например, если вы меня будете удерживать, я застряну в нормальном времени, пока вы меня не выпустите, потому что ваш вес слишком велик для меня. Я не могу просто оставить вас: сила действует на все, что имеет непосредственный контакт со мной. —

Легкая улыбка. — Кроме самой Земли, если я босиком. Я предполагаю, что такая огромная масса, связанная не только тяготением, но и другими, гораздо более мощными силами, обладает собственным... сцеплением, что ли?

— Ты предупредил, чтобы я не помещал материальное тело там, где ты собираешься... гм... материализоваться.

— Верно, — ответил он. — В этом случае я не смогу появиться. Я экспериментировал. Путешествуя во времени, я одновременно могу немного перемещаться и в пространстве, если захочу. Так я могу появиться рядом с собой. Кстати, поверхность, на которой я нахожусь, может подниматься и опускаться, но я поднимаюсь и опускаюсь вместе с нею, как человек в нормальном времени. В остальном я остаюсь в том же географическом месте. Неважно, что планета вращается вокруг своей оси или вращается вокруг солнца на своем пути по галактике... Я остаюсь на месте. Вероятно, опять тяготение... Да, относительно материальных тел. Ребенком, когда еще особенно не задумывался, я пытался пройти в холм. У меня получилось, я легко вошел в него, словно в облако тумана. Но тут же меня отрезало от света, и я не мог вернуться в нормальное время, я словно застрял в бетоне, воздух в легких у меня кончился... — Он вздрогнул. — Я едва успел вырваться на открытое место.

— Вероятно, материя сопротивляется твоему вторжению, — предположил я. — Жидкости легче раздвинуть, когда ты появляешься, а твердые тела нет.

— Да, я тоже так подумал. Если бы я потерял сознание и умер в камне и почве, вероятно, мое тело... ну, оно двигалось бы в будущее с нормальной скоростью и появилось, когда холм, который его сжимает, исчез бы.

— Поразительно, как ты ребенком сумел сохранить тайну.

— Ну, наверно, маме я причинил массу неприятностей. Это я не очень хорошо помню. Кто помнит свои первые годы? Наверно, потребовалось время, чтобы понять, что я отличаюсь от других, и это понимание меня испугало — может, я решил, что путешествие во времени — это плохо. А может, я злорадствовал. Во всяком случае, дядя Джек все привел в норму.

— Это тот незнакомец, который привел тебя домой, когда ты потерялся?

— Да. Это я помню. Я отправился в долгое путешествие в прошлое, хотел найти индейцев. Но нашел только лес. И тут показался дядя Джек. Он обыскивал эту местность несколько лет. И мы путешествовали вместе. Наконец он взял меня за руку и показал, как вернуться вместе с ним домой. Он мог бы вернуть меня через несколько минут после исчезновения и избавить моих родителей от ужасных часов. Но мне кажется, он хотел, чтобы я увидел, какую боль причинил им, и понял необходимость скрытности. И я понял.

Голос его стал задумчивым.

— Позже мы с ним совершили несколько прекрасных экскурсий. Дядя Джек был идеальным учителем и проводником. У меня не было причин не слушаться его совета относительно скрытности. Пришлось только поссориться с моим другом Питом. Дядя Джек показал мне такое, чего я сам никогда бы не обнаружил.

— Но ты переносился и один, — напомнил я ему.

— Иногда. Например, как в тот раз, когда на меня напали хулиганы. Я отступил в прошлое несколько раз и превзошел их числом.

— Неудивительно, что ты так быстро выросл. Когда ты узнал, что отец уходит в армию, ты переместился в будущее, чтобы убедиться, что он вернется благополучно?

Джек Хейвиг поморщился.

— Да. Я перенесся в будущее и стал передвигаться небольшими интервалами. И однажды я увидел, как мать плачет у окна. Тогда я пошел обратно и нашел телеграмму. О, я думал, что никогда не смогу путешествовать во времени. Просто не захочу.

Тишина окутала нас. За окном медленно падал снег. Наконец я спросил:

— Когда ты в последний раз видел своего ментора?

— В 1969 году. А перед этим — незадолго до того, как я узнал о своем отце. Дядя Джек был очень добр ко мне. Мы с ним отправились в круглый цирк, видимо, в конец XIX века. Я спросил, почему он так печален, и дядя снова объяснил мне необходимость соблюдать тайну.

— А ты знаешь, кто он такой?

Джек криво усмехнулся.

— А как вы думаете?

* * *

— В прошлом году я возобновил путешествия во времени, — немного погодя снова заговорил он. — Мне нужно было убежище от этого... от положения на ферме. Вначале это были просто увеселительные прогулки в прошлое. Вы понятия не имеете, как прекрасна была эта страна до появления поселенцев. И индейцы... у меня среди них были друзья. Я знал всего несколько слов на их языке, но они встречали меня радушно... и ... гм... девушки... они всегда ласковы, всегда готовы...

Я не мог сдержать улыбки.

— Свен младший смеялся над тобой из-за того, что ты не ходишь на свидания.

Он улыбнулся мне в ответ.

— Можете себе представить, какое облегчение приносили мне эти путешествия. — Снова серьезно: — Но можете себе представить и то, как положение в доме ... в том, что Биркелунду нравится называть моим домом, — казалось мне все более глупым, ненужным и невыносимым. И не только дома. Какого дьявола делаю я в школе? Я взрослый человек, полный увиденных чудес, должен слушать хихиканье подростков и монотонный голос учителя.

— Наверно, семейная ссора заставила тебя отправиться в будущее.

— Верно. Я был вне себя от гнева. Мне главным образом хотелось увидеть могилу Свена Биркелунда. Двадцать лет вперед показалось мне достаточным сроком. Я переместился в конец 1969 года, чтобы захватить весь 1970... Дом все еще существовал. Существует. Будет существовать.

— А Свен? — негромко спросил я.

— Вероятно, и он жив. — Голос его звучал свирепо. — Я не стал это проверять. Через два года мама с ним разведется.

— И что дальше?

— Она заберет детей — обоих — в Массачусетс. Ее третий брак будет удачным. Но мне не хотелось добавлять ей тревог. Поэтому я вернулся. И сделал так, что отсутство-

вал месяц. Мне хотелось показать Биркелунду, что я настроен серьезно, но дольше отсутствовать я не мог из-за мамы.

Я увидел у него выражение, какое видел у других, родственников и близких, больных и умирающих. И потому поторопился сказать:

— Ты сказал, что встретил дядю Джека, это другое свое воплощение.

— Да. — Он рад был вернуться к более практичным проблемам. — Когда я появился в 1969 году, он меня ждал. Мы встретились в лесу, ночью — я не хотел, чтобы меня увидел случайный свидетель, — а участок леса был огорожен и обсажен кукурузой. Дядя Джек снял двухкомнатный номер в отеле — этот отель построят, когда в Сенлаке будет оружейная фабрика, — и поместил меня туда на несколько дней. Он рассказал мне о маме и подтвердил свой рассказ вырезками из газет и несколькими письмами, которые она недавно написала ему... мне. Потом он дал мне тысячу долларов ... док, какие через двадцать лет будут цены! — и предложил, чтобы я осмотрелся.

— В журнале я прочел о Беркли, который... а, это идиома из языка будущего. Во всяком случае Сан-Франциско был сразу за проливом, а мне всегда хотелось на него взглянуть.

— А как Беркли? — спросил я, вспоминая свои посещения спокойного университетского городка.

Он рассказал мне, насколько смог. Но никакие слова в 1951 году не способны передать то, что я испытал впоследствии — дикое, странное, возбуждающее, ужасающее, гротескное воздействие на чувства и здравый смысл Телеграфавеню седьмого десятилетия двадцатого века.

— А ты не боялся неприятностей с полицией? — спросил я.

— Нет. Я остановился в 1969 году и под вымышленным именем зарегистрировался в призывной комиссии. Это дало мне документ, в котором говорилось, что в 1969 мне двадцать один год... Меня притягивали люди на улицах. Я бродил среди них, старомодный деревенщина, слушал их разговоры, узнавал, как они оценивают происходящее. Несколько месяцев я провел среди радикалов. Странная жизнь — скрытность, демонстрации, травка, грязные номера в гостиницах, немые девушки, случайные заработки.

— Твоя рукопись не очень высоко их оценивает, — заметил я.

— Конечно. Я уверен, дядя Джек хотел, чтобы я взглянул изнутри, чтобы понять, куда катится цивилизация, вырастившая меня. Но я изменился.

— М...м...м... Я бы сказал, что ты отшатнулся от увиденного. Нашел другое поле деятельности. Но продолжай. Что было дальше?

— Я отправился дальше в будущее.

— И что же?

— Док, — негромко ответил он. — Считайте, что вам повезло. Вы уже состарились.

— Значит, я к тому времени умру? — Сердце у меня дрогнуло.

— Ко времени взрыва и катастрофы — несомненно. Я не проверял, только убедился, что в 1970 году вы будете живы и здоровы. — Я тогда подумал, почему он не улыбается, сообщая мне эту хорошую новость. Сегодня я знаю: он ничего не сказал о Кейт.

— Война... страшная война со всеми ее ужасами будет позже, — продолжал он тем же железным голосом. — Но все последующее происходит от того шабаша ведьм, что я видел в Беркли.

Он вздохнул и потер уставшие глаза.

— Я вернулся в 1970 год с намерением остановить потоп. Нашел несколько человек, все молодежь, они могли хоть немного увидеть реальность. Эта брошюра... они помогли мне напечатать и распространять ее. Считали меня выбывшим из республиканской партии.

— Это не так?

— Боже, конечно, нет. Неужели вы считаете, что за последние три-четыре поколения был толк хоть от какой-нибудь политической партии?

Он допил бренди и отказался от новой порции.

— Мне нужно сохранить ясную голову, док. Надо сочинить оправдательную историю. Я знаю, что мы сможем это сделать, потому что мое более позднее воплощение дало мне понять, что со своими нынешними проблемами я справлюсь. Однако дядя Джек не рассказал, что именно мне нужно сделать.

— Изменчиво ли время? — спросил я. — Неужели мы ... наши жизни ... застряли в континууме, как мухи в янтаре?

— Не знаю, не знаю, — простонал он. — Знаю, что зря тратил силы. Прежние мои знакомые называли меня доносчиком, новые друзья составляют ничтожное меньшинство. Дьяволыщина, мы не можем распространить свои взгляды.

— Не следует ожидать чудес в политике, — сказал я. — Берегись человека, который обещает их.

— Верно. Я понял это, когда пережил шок от увиденного в будущем. И решил, что мой долг — вернуться и оставаться с матерью. Так я сделаю мир хоть немного менее ужасным.

Голос его смягчился.

— Конечно глупо было сохранять экземпляр этого памфлета. Но мне помогала его писать такая милая девушка... Что ж. Можно сказать, мне повезло. Еще один человек будет знать тайну моей жизни. Мне было ужасно одиноко.

— Ты уникален в этой своей способности? — прошептал я.

— Не знаю. Вероятно, нет. Такие люди очень редки, но, конечно, должны существовать и другие путешественники во времени. Как мне найти их? — воскликнул он. — И если мы найдем друг друга, что нам делать?

5

Биркелунд оказался меньшей проблемой, чем мы ожидали. Я поговорил с ним наедине, сказал, что брошюра осталась от неосуществленного спектакля, указал, что текст исключительно саркастичный, а потом отругал его за то, как он обращается с приемным сыном и женой. Он выслушал меня неохотно, но прислушался. Как я уже говорил, он в сущности не был злым человеком.

Все же ситуация оставалась взрывоопасной. Джек ухудшал ее своей вспыльчивостью и желанием всегда поступать по-своему.

— Он так изменился, — с горечью сказала мне Элеонор. — Даже внешне. И я не могу во всем винить Свена и его мальчиков. Джек часто бывает невыносимо высокомерным.

Конечно, он таким и был — в своем отвержении дома, школьной скуки, в своем знании будущего. Но я не мог сказать его матери об этом. А ради нее он в течение следующих двух-трех лет не мог исчезать больше чем на ночь.

— Я думаю, ему лучше жить самостоятельно, — предложил я.

— Боб, ему только восемнадцать, — возразила она.

Я знал, что на самом деле ему двадцать один год, а может, и больше.

— Достаточно взрослый, чтобы служить в армии. — Он самым законопослушным образом зарегистрировался в день своего рождения. — Это даст ему возможность найти себя. Он может пойти в армию добровольно, тогда срок службы будет минимальным. Призывная комиссия пойдет мне навстречу.

— Только после окончания школы.

Я понимал ее отчаяние и разочарование.

— Он может учиться заочно, Элли. Или посещать классы в армии. Такого умного парня, как Джек, туда обязательно направят. Боюсь, это лучший выход.

Он уже согласился с таким предложением. Прыжок вперед во времени показал, что его направят в Европу.

— Я смогу много заниматься историей, — сказал он; затем трезво добавил: — К тому же так я лучше познакомлюсь с оружием и техникой самообороны. В двадцать первом веке меня едва не убили. Несколько каннибалов захватили меня врасплох, и если бы я на мгновение опоздал перенестись...

Армия не соответствовала его темпераменту, но он умудрился преодолеть начальное обучение, а потом специализировался по электронике, приобретая в этой области большие познания. Конечно, во многом благодаря своим экскурсиям во времени. Они заняли около двух лет его личного времени.

В своих письмах ко мне он мог только намекать на них, потому что Кейт тоже читала. («Восточность?.. Нет, вероятно, дело просто в том, что люди на Востоке меньше изменились». Он видел легионы Цезаря в триумфальном марше на улицах Рима, и серые тени кораблей викингов в фиорде Осло, и Леонардо да Винчи за работой... Но у него не было времени для тщательных наблюдений. В сущности, его сводила с ума поверхностность всех его впечатлений.

Много ли можно узнать в совершенно чужом окружении, если ты едва можешь сказать слово и постоянно опасаясь ареста, пока не сумеешь переодеться в современную одежду? Но чего бы я ни отдал, чтобы быть на его месте!)

Я чувствовал себя предателем, ничего не говоря Кейт. Но если Джек мог хранить тайну от матери, я должен был сделать то же по отношению к жене. Его более взрослое воплощение, этот дядя Джек был ... будет совершенно прав, внушая ребенку необходимость сохранять тайну.

Каковы будут последствия, если станет известно, что человек — маленький мальчик — может путешествовать во времени? Стать сенсацией века — судьба, которой никому не пожелаешь. А в этом случае только вообразите себе все требования, просьбы, отчаянные попытки жадных, стремящихся к власти, идеологически одержимых, осиротевших, испуганных использовать его, гонку правительств, которые захотели бы присвоить его дар или погубить его, человека, который может быть совершенным шпионом или неудержимым убийцей. Если бы он выжил, если бы выдержал его рассудок, у него не оставалось бы другого выхода, кроме как бежать в другую эпоху и там постараться скрыть свою способность.

Нет, лучше с самого начала носить маску.

Но в таком случае каков смысл этого фантастического дара?

* * *

— К концу службы я больше размышлял, чем бродил, — сказал он.

Мы отправились в моей лодке на озеро Винного. Он уже несколько недель как вернулся домой после демобилизации, но ему еще многое нужно было рассказать мне. Мать нуждалась в его поддержке после своего недавнего развода с Биркелундом: семейные сцены в последнее время стали особенно неприятными. Джек еще больше возмужал, и не только физически. Два года назад передо мной тоже был мужчина, но молодой, еще нащупывающий выход из боли и замешательства. Джек Хейвиг, сидевший передо мной в каюте, полностью владел собой.

Я передвинул во рту трубку и отпустил руль. Журчала вода, в ней отражалась весна. От зеленых полей и деревьев, от яблочных садов и свежевспаханной земли тянуло сла-

достью. Шумел ветер. Ветер был холодным, и в его порывах маневрировал ястреб.

— Что ж, у тебя было о чем подумать, — ответил я.

— Для начала, — сказал он, — как происходит путешествие во времени?

— А действительно, мистер Кожа да Кости, расскажи мне, как оно происходит.

Он не усмехнулся.

— В процессе изучения электроники мне пришлось много заниматься физикой. К тому же я много читал, включая то, что находил в будущем: книги, будущие выпуски «Сайентифик Америкен» и «Нейтчур» и так далее. Все теории утверждают, что это совершенно невозможно. Нарушение закона сохранения энергии и так далее.

— *E pur si muove* (И все-таки она вертится *ит.* Выражение, приписываемое Галилео Галилею. — *Прим. перев.*).

— Что?... О да. Док, я изучал Итальянское Возрождение, прежде чем посетить его, и обнаружил, что Галилей никогда не произносил этих слов. И не бросал тяжести с наклонной башни в Пизе. — Он вытянулся на скамье и открыл для каждого из нас по новой бутылке пива. — Ну, хорошо. Значит, у закона сохранения энергии есть особенности, о которых не подозревает современная наука. Математически выражаясь, мировые линии могут быть и конечными, и бесконечными и многомерными. Во многих отношениях путешествие во времени эквивалентно движению со скоростью быстрее света, которое физики тоже считают невозможным.

Я следил за тем, как ветерок разносит табачный дым из трубки. Плескались волны.

— Ты меня опередил на много световых лет, — сказал я. — Я ничего не понял из твоей лекции, за исключением того, что ты не считаешь эту свою способность ... сверхъестественной.

Он кивнул.

— Верно. Каким бы ни был этот процесс, он происходит в рамках законов природы. Это чисто физическое явление. Оно связано с взаимоотношениями материи и энергии. Ну, хорошо. Если это могу я, почему не могут другие? Я вынужден был заключить, что дело в особенностях моих генов.

— Да?

— В будущем установят молекулярную основу наследственности. Это произойдет примерно через десять лет.

— Что?— Я выпрямился. — Ты должен больше рассказывать мне об этом!

— Потом, потом. Я все вам расскажу о ДНК и прочем, что смогу, хотя толку от этого будет немного. Дело в том, что наши гены не просто калька с чертежом будущего зародыша. Они действуют на протяжении всей жизни, контролируя производство энзимов. Их вполне можно назвать самой сутью жизни... А что еще вовлечено в этот процесс, кроме энзимов? Наша цивилизация уничтожит себя, не ответив на этот вопрос. Но мне кажется, что в этих огромных молекулах есть что-то вроде резонанса... или чего-то подобного: и если ваша генная структура резонирует правильно, если получается одинаковый резонанс, вы можете путешествовать во времени.

— Интересная гипотеза. — Я уже привыкал в его присутствии понимать далеко не все.

— У меня есть эмпирические доказательства, — ответил он. С усилием: — Док, у меня было много женщин. Не в этом десятилетии: здесь я слишком зажат и неловок. Но в будущем и в прошлом, в периоды, когда это легко и мне помогает некий налет таинственности.

— Поздравляю, — сказал я, не зная, что еще сказать.

Он, прищурившись, смотрел на озеро.

— Не хочу сказать о них ничего плохого. Если девушка хочет поиграть, как эти молодые индианки из племени дакота триста лет назад, отлично, пусть так и будет. Но если дело заходит дальше, я чувствую ответственность. Я не собираюсь провести жизнь в обществе такой женщины — иногда я сомневаюсь, женюсь ли я вообще, — но я проверяю ее будущее на протяжении следующих нескольких лет и стараюсь убедиться, что с ней все в порядке. — Лицо его дернулось. — Насколько это возможно. У меня не хватало храбрости смотреть на их смерть.

После паузы:

— Я отвлекаюсь, но для меня это важное отвлечение. Возьмем, например, Мег. Я был в Елизаветинском Лондоне. Проблемы, вызванные моим незнанием обычаев, оказались меньше, чем обычно, хотя потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть и овладеть местным произношением. Серебряный слиток, который я захватил с собой, удалось легче, чем обычно, превратить в

монеты — сегодня люди не представляют, сколько подозрительности и правил существовало в прошлом, которое считается таким опрометчивым, — хотя думаю, что при обмене меня обманули. Во всяком случае, этого хватило, чтобы снять номер в прекрасной деревянной гостинице, побывать в «Глобусе» и вообще не очень ограничивать себя.

— Однажды я оказался в районе трущоб. Меня схватила за руку женщина и предложила девственность своей дочери — почти задаром. Я пришел в ужас, но подумал, что по крайней мере нужно встретиться с бедной девушкой, может, дать ей денег или уговорить хозяина гостиницы взять ее на службу... Ничего подобного (Еще один анахронизм в его речи). Она нервничала, но была настроена решительно. И когда объяснила ситуацию, я согласился с ней, что уличной девчонке с независимым характером лучше быть шлюхой, чем служанкой, учитывая, на что приходится соглашаться служанкам. К тому же вряд ли ее взяли бы в услужение — очень сильны классовые различия и антагонизм.

Она держалась вызывающе, была очень привлекательна и сказала, что предпочла бы меня, чем какого-нибудь отвратительного и, вероятно, сифилитичного недоумка. Что мне оставалось делать? Благотворительность без выгоды явно не входила в ее умственную вселенную. Если она не увидит моих эгоистичных мотивов, то решит, что они слишком глубоки и коварны, и сбежит от меня.

Он глотнул пива.

— Ну, хорошо, — вызывающе продолжал он, — я переселился в большую квартиру и прихватил ее с собой. Понятия несовершеннолетних тогда не существовало. Не думайте о наших школьницах: я ни к одной из них и не притронулся. А Мег была женщиной, молодой, но женщиной. Мы прожили вместе четыре года ее жизни.

Конечно, мне нужно было только платить заранее за квартиру и время от времени возвращаться из двадцатого столетия. Не очень часто. Я тогда служил во Франции. Конечно, я мог уходить, когда вздумается, и возвращаться так, что о самовольной отлучке и речи не было бы. Но путешествие в Англию стоит денег, к тому же существуют все остальные столетия... Тем не менее я думаю, что Мег была мне верна. Видели бы вы, как она отшивала своих родственников, которые считали, что могут пожить за

мой счет! Я сказал ей, что нахожусь на голландской дипломатической службе...

О, давайте опустим подробности. Я ухожу в сторону от темы. В конце концов в нее влюбился приличный молодой ремесленник. Я дал им свадебные подарки и свое благословение. И проверил в будущем, время от времени заглядывая в следующее десятилетие, чтобы убедиться, что все в порядке. Как и следовало ожидать.

Он вздохнул.

— Чтобы перейти к сути, скажу вам, док, что она родила ему с полдюжины детей, начиная со следующего года после замужества. Но от меня она не могла забеременеть. И я решил, что ни одна женщина не сможет подарить мне ребенка...

Джек даже прошел тест на дееспособность, который показал, что у него все в норме.

И он, и я были смущены его откровенностью.

— Может быть,— медленно заговорил я,— ты мутант? Мутант до такой степени, что слишком сильно отличаешься от обычного человека?

— Да. Я думаю, что мои гены совсем иные.

— Но если есть женщина, путешествующая во времени...

— Верно, Док.

Некоторое время он сидел молча, на ярком солнечном свете, потом сказал:

— Само по себе это не важно. А важно — возможно, это самое важное на Земле дело, — найти других путешественников во времени и попытаться предотвратить ужасы будущего. Я не могу поверить в бессмысленную случайность!

— И как ты собираешься это организовать?

Взгляд его стал холодным.

— Начну с того, что разбогатею.

* * *

Я мало знаю, чем он занимался в последующие годы.

Иногда он меня навещал — скорее, думаю, чтобы поддержать нашу дружбу, чем рассказывать мне о себе. Совершенно очевидно, что общество Кейт было ему не менее интересно, чем мое. Относительно его карьеры у меня были лишь косвенные свидетельства. Когда его не

было, он все чаще и чаще казался мне плодом воображения, настолько чужд он был нашей повседневной, все более и более убыстряющейся жизни маленького городка, взрослению сыновей, появлению невесток и внуков. Но потом он возвращался, словно вынырнув из ночи, и меня снова очаровывал этот одинокий одержимый человек.

Не хочу сказать, что он был фанатиком. В сущности его взгляд на мир становился все шире, и он все лучше овладевал умением наслаждаться миром. Интеллект его стал необычайно глубок и широк, хотя очевидно, больше всего его интересовали история и антропология. К тому же судьба сделала ему подарок: он обладал способностью к языкам. (Мы с ним часто рассуждали о том, как неспособность овладеть языками препятствует путешественникам во времени). Смесь сардонического юмора и традиционной вежливости Среднего Запада делали его общество приятным. Он стал гурманом, но в то же время сохранил способность не жаловаться, питаясь вяленой рыбой и сухарями. У него была яхта в Бостоне, и он на ней отвез нас в Вест-Индию, чтобы отметить мой уход на пенсию. Хотя юношеская привычка к молчаливости и скрытности у него сохранилась, я знал, как глубоко чувствует он красоту — и природную, и созданную человеком; что касается последней, то особенно он любил барокко, классическую и китайскую музыку, красивые корабли и оружие, а также античную архитектуру. (Боже, если Ты существуешь, от всего сердца благодарю Тебя за то, что Ты дал мне возможность увидеть на фотоснимках Джека Хейвига неразрушенный Акрополь).

Я был единственным, кто делил с ним его тайну, но не единственным его другом. Теоретически он мог бы познакомиться с любым из великих: Моисеем, Периклом, Шекспиром, Линкольном, Эйнштейном. Но на практике возникали слишком серьезные препятствия. Помимо языка, обычаев, законов, известных людей огораживала их занятость и подозрительность. К тому же их постоянно охраняли. Нет, Хейвиг — в разговорах с ним я зову его Джеком, но сейчас мне кажется более естественным звать его по фамилии, — Хейвиг рассказывал мне о простых людях, как его прелестная маленькая Мег (триста лет назад уже ставшая прахом), горец, служивший проводником Льюису и Кларку (Американские путешественники и исследователи начала

девятнадцатого века. — *Прим. перев.*), или старый усатый богохульник, солдат армии Наполеона.

(— История не стремится быть хорошей, совсем нет, док. Мы так считаем, потому что она произвела нас самих. Однако подумайте. Отбросьте романтические легенды и возьмите факты. Средний француз в 1800 году был не более угнетен, чем средний англичанин. Французская империя могла объединить Европу и освободить ее изнутри, и тогда не было бы первой мировой войны, в которой западная цивилизация перерезала себе глотку. Вы ведь знаете, что именно это тогда произошло. Мы все еще теряем кровь и скоро умрем от этого).

Обычно он предпринимал путешествия во времени для развлечения, пока не приобрел нужную технику и не разработал план поиска других мутантов.

— Честно говоря, — улыбался он, — мне все больше и больше нравятся низкопробные развлечения.

— Париж Тулуз-Лотрека? — спросил я наобум. Он уже говорил мне, что более раннее декадентство переоценивается; во всяком случае, оно представлено выходцами из высших классов, которые не одобряют чужаков.

— Ну, там я еще не побывал, — признался он. — Неплохая мысль. С другой стороны, Сторивилл в расцвете (Район Нового Орлеана, известный своими публичными домами в период перед первой мировой войной. Известен также как место рождения джаза. — *Прим. перев.*)... — Проститутки его не интересовали: он уже хорошо знал людей и понимал, что их на это толкает. Но он любил джаз и общество людей, которые для него были реальнее собственного поколения, не говоря уже о людях 1970 года.

* * *

Тем временем он создавал себе состояние. Вы, вероятно, думаете, что это легко. Достаточно взять справочник цен акций — лучший год для этого, очевидно, 1929, — и можно отправляться в плавание по волнам Уолл-Стрита.

На самом деле все не так. Например, откуда ему было взять деньги?

Он мог на деньги, полученные на службе, покупать золото и серебро и обменивать на монеты в восемнадцатом и девятнадцатом веках. Получив небольшой начальный

капитал, мог начать торговать. Мог переносить в будущее марки и монеты и продавать коллекционерам; мог отправиться в прошлое с алюминиевыми сосудами, которые ценились бы выше золота до появления процесса Холла (Чарльз Холл, американский изобретатель второй половины 19 века, создавший основы промышленного производства алюминия. — *Прим. перев.*). Но все эти и другие подобные сделки были по необходимости мизерными и из-за того, что Хейвиг не мог брать с собой большие тяжести, и потому, что не решался привлекать к себе внимания.

Он подумывал о том, чтобы вкладывать деньги в предприятия и зарабатывать на этом, но отказался от такой мысли. Правила и нормы этой игры слишком сложны и своеобразны, чтобы он овладел ими за тот короткий промежуток жизни, какой мог этому посвятить. К тому же ему хотелось быть богатым в своей эпохе; помимо всего прочего, ему понадобятся быстрые транспортные средства, когда он начнет свои поиски. Он не мог оставить деньги в каком-то не очень далеком прошлом, чтобы выросли проценты. Промежуточные годы дают слишком много возможностей для неудач.

А что касается таких начальных периодов, как 1929 год, то деньги, которые он мог бы доставить в это время, оставались очень незначительной суммой. Носясь взад и вперед во времени, он мог выгодно их использовать, но только в строго ограниченных пределах, если хотел остаться незамеченным. К тому же приходилось принимать во внимание многочисленные федеральные агентства, которые с течением времени будут становиться все более подозрительными и любопытными.

Подробности операции он никогда мне не раскрывал.

— Откровенно говоря, — заявил он, — финансы мне не милее бормашины. Я отыскал несколько надежных партнеров, за которыми скрываюсь, и сверхнадежный банк в качестве гаранта, предоставлял им свои «экономические анализы» и позволил извлекать из них выгоду.

В сущности Джон Франклин Хейвиг основал фонд, предусмотрев все необходимые налоги и прочее, который должен перейти к его прямому наследнику мужского пола, отвечающему необходимым условиям, когда тому исполнится двадцать один год. Банк, в котором хранился фонд, был одним из старых банков на восточном побережье, с

римскими колоннами и соборной полутьмой внутри и, как я подозреваю, с куском Плимутрокской скалы (Скала в Массачусетсе, на которую высадились, согласно легенде, пассажиры корабля «Майский цветок», первые поселенцы будущих Соединенных Штатов Америки, в 1620 году. — *Прим. перев.*) в основании. Таким образом, когда прямой наследник мужского пола Джон Франклин Хейвиг в 1964 году связался с банком, он получил свое миллионное состояние без сучка и задоринки. Сенлакская «Труба» сообщила, что он получил наследство от отдаленного родственника.

— Я предоставил банку управление своими деньгами, — сказал он мне. — Мне остается только выписывать чеки.

В конце концов богатство для него было только средством для достижения цели.

Вернее, нескольких целей. Я уже упоминал о его пристрастиях. Должен добавить, что он помогал матери и — негласно — другим. В целом же он отвергал благотворительность.

— Благотворительные фонды, — говорил он мне, — исключительно деловые предприятия. Их чиновники зарабатывают больше вас, док. К тому же, если быть по-свински грубым, у нас слишком много людей. После черной смерти (Разновидность бубонной чумы, которая в Европе 14 столетия, как полагают, уничтожила четверть населения. — *Прим. перев.*) не стоит волноваться из-за судьбы испольтчиков на Миссисипи.

Я дружелюбно покритиковал его за то, что он такой явный консерватор, хотя ему приходилось видеть последствия применения на практике *laissez-faire* (Теория государственного устройства, считающая экономику автономной по отношению к государственной власти, которая должна как можно меньше вмешиваться в экономические отношения. — *Прим. перев.*), и он дружелюбно ответил, что в наши дни либералы, подобные мне, ничего не поняли и ничему не научились, после чего мы выпили... Но я знаю, что он без всякого шума помог очень многим; несомненно также, что он поддерживал своими средствами организации, выступающие за охрану природы.

— Мы нуждаемся в сохранении жизни, всякой жизни, — объяснял он мне. — Сегодня для поддержания духа нам нужен космос и зелень. Завтра они нужны будут для

выживания, с 1914 по 1918, а ведь им не приходится при этом искать остатки собачьей пищи или вооружаться против монголов, которые переправятся через Берингов пролив, который замерзнет, когда вся пыль поднимется в атмосферу.

Впечатление его было таково, что эту войну, как и первую мировую, все предвидели, никто ее не хотел, и люди отшатнулись бы, зная ее последствия. Он считал, что эта война скорее не идеологическая, а экологическая.

— У меня кошмарное представление, что война была не просто результатом превращения огромных пространств в пустыни. Она пришла вовремя. Знаете ли вы, что нашим источником кислорода является океан? К 1970 году инсектициды проникли в планктон. К 1990 океан стал мутным, от него несло, и вы не посмели бы в нем купаться.

— Но это можно было предвидеть, — сказал я.

Он усмехнулся.

— О, да. «Окружающая среда» — эти слова звучали повсюду. Лозунги «Спасти экологию сегодня» появились на ветровых стеклах машин, которые принадлежали волосатым молодым людям. Эти машины, останавливаясь, пачкали землю маслом, а двигались в облаке дыма, гуще, чем из вашей трубки... Потом появился другой модный лозунг, я забыл, какой именно. Вся эта фаза — лозунг за лозунгом — миновала. Люди стали совершенно беззаботными.

— Видите ли, это логическое завершение всеобщей тенденции. Я знаю, глупо искать единственного виновника такого страшного преступления, как Война Судного Дня, со всеми ее предвестниками и последствиями. Особенно когда мне по-прежнему неясен сам ход событий. Но, док, я абсолютно уверен, что одна из главных причин катастрофы кроется в этой стране, самой могучей стране мира, стране передовой как в хорошем, так и в плохом... в стране, которая так и не поняла своей ответственности за свою силу.

— Мы сделаем нерешительные попытки остановить некоторых наших врагов в Азии, и поскольку эти попытки нерешительны, придется списывать человеческие жизни — с обеих сторон — и средства как потраченные бессмысленно. Надеюсь усмирить неусмиримое, мы оттолкнем от себя последних друзей. Люди, избранные в правительство, будут отождествлять инфляцию с ростом цен, а это все равно что

отождествить красную сыпь с вирусом кори, начнут усиливать контроль за ценами — это как заклеивать трещины в стенах, когда уходит из-под ног фундамент. Экономическая катастрофа приведет к бессилию в международных делах. Белое большинство, понимая, что меньшинства недовольны, попытается что-то дать им и вызовет восстание, оказавшись не в состоянии никому помочь. За восстанием последует реакция, которая прикончит последние остатки прогресса. А что касается жалких усилий отдать природе то, что мы у нее отбираем... что ж, я уже говорил о машинах с лозунгами.

Вначале американцы будут испытывать сознание вины. Потом они поймут, что не подготовлены для решения проблем. И наконец всех охватит апатия. Благодаря своим богатствам они смогут покупать любое противоядие и создавать себе псевдожизнь по собственному вкусу.

Мне кажется, в конце, в своих подземных убежищах, они будут приветствовать собственную многомиллионную смерть.

* * *

И вот в феврале 1964 года Хейвиг вступил в обладание наследством, которое сам и создал. Вскоре после этого он начал погружаться в собственное прошлое и провел месяцы в качестве «дяди Джека». Я спросил его, почему такая спешка, и он ответил:

— Помимо всего прочего, я хочу как можно больше узнать о своем будущем.

Я обдумал его слова и подавил последний импульс спросить его о своем завтра и о будущем близких. И не понимал, как много это бы мне дало, до того дня, когда похоронили Кейт.

Я никогда не спрашивал Хейвига, видел ли он ее могилу раньше. Должно быть, видел, но молчал. Как врач, я знаю, что можно знать такое и все же улыбаться.

Он не переходил непосредственно от одного эпизода своего детства к другому. Свои визиты в прошлое он делал в перерывах между занятиями в нашем университете. Ему не хотелось снова испытывать затруднения, оказываясь в не говорящем по-английски обществе. К тому же, ему нужна была основа, от которой экстраполировать изменения

языка в будущем: там он тоже часто оказывался буквально глухонемым.

Он сосредоточился на изучении латинского и древнегреческого; в форме того своеобразного койне, которое в разные времена и в разных местностях оказывалось более распространенным, чем классический аттический вариант; изучал он также французский, немецкий, итальянский, испанский, португальский (и английский) — с упором на их эволюцию; плюс древнееврейский, арамейский, арабский; плюс многочисленные полинезийские языки.

— Там, после темных столетий, вновь возникнет цивилизация, — рассказывал он мне. — Я видел ее лишь мельком и не смог разобраться в происходящем. Но похоже, жители Тихого океана господствуют в мире и говорят на таком невероятном *lingua franca* (Распространенный в Средиземноморье жаргон, состоящий из смеси романских, восточных и греческого языков, *итал.* — *Прим. перев.*), что вы и представить себе не можете.

— Значит надежда есть! — вырвалось у меня.

— Мне еще нужно убедиться в этом. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Представьте себе, что вы путешественник во времени из Египта эпохи фараонов. Допустим, вы появились в современном мире и путешествуете, пытаясь оставаться анонимным. Многое ли вы поймете? Будет ли иметь для вас смысл вопрос: «Это новшество ведет к добру или злу?» Я не пытался проникнуть дальше ранних стадий Федерации маури. Чтобы разобраться хотя бы в этом, потребуются годы работы.

Его гораздо больше интересовали прошедшие эпохи, которые для него оставались такими же живыми, как сегодня или завтра. Их он мог изучать заранее — и гораздо детальней, чем можно себе представить, конечно, если вы не профессиональный историк, — и потом действовать со значительной свободой. К тому же, хоть и в прошлом немало ужасов, ничто: ни черная смерть, ни сожжение еретиков, ни работорговля, ни крестовый поход против альбигойцев — ничто, по его мнению, не могло сравниться с Судным Днем.

— Это когда гибнет вся планета, — говорил он. — Я думаю, что другие путешественники во времени избегают этого периода. Вероятней, я найду их в более счастливые, вернее, в менее несчастливые времена.

Ему было около тридцати лет в биологическом смысле, когда он наконец добился успеха. Произошло это в Иерусалиме, в день распятия.

6

О своем плане он рассказал мне в 1964 году. Его политика заключалась в следующем: пропускать промежутки двадцатого века, равные тем, что он проводил в других эпохах, чтобы его календарный возраст не слишком расходился с биологическим. Я довольно долго с ним не виделся. Он больше не жил в Сенлаке, переехал в Нью-Йорк, в настоящем у него был абонементный ящик, а в девяностых годах прошлого века — роскошная квартира, купленная на средства от продажи золота, когда это снова стало законно. Но он навещал нас. Кейт находила это трогательным. Я тоже, но я знал, что он нуждается во мне, единственном человеке, которому он смог довериться.

— Ты прав! — воскликнул я. — Именно в такой момент любой путешественник во времени, по крайней мере христианин, захочет отправиться. Почему ты не сделал этого раньше?

— Это не так просто, как вам кажется, док, — ответил он. — Путь долгий, а местность исключительно враждебная. И насколько мы уверены в дате? Или даже в самом факте?

Я мигнул.

— Ты хочешь сказать, что и не думал о поисках исторического Христа? Я знаю, ты не религиозен, но ведь эта загадка...

— Док, кем он был и был ли вообще — различие этих вопросов представляет только академический интерес. Важно то, во что верили люди все эти века. Длительность всей жизни не такова, чтобы я предпринимал подобные исследования. В сущности, мне пора отказаться от забав и труда. Слишком много человеческого горя я видел. Путешествия во времени должны иметь какую-то цель, они долж-

ны помочь. — Он чуть улыбнулся. — Вы знаете, я не святой. Но я хочу иметь цель.

В 1969 году он вылетел из Нью-Йорка в Израиль; в это время Иерусалим находился под полным контролем евреев, и туристы могли в нем свободно передвигаться. Из своего отеля он пошел по иерихонской дороге, неся в руках сумку. Шел он, пока не увидел апельсиновую рощу, которая давала укрытие. Отсюда он перенесся в прошедшую полночь и завершил подготовку.

Арабский костюм, который он купил в магазине для туристов, сойдет и в библейские времена. На бедре нож в ножнах, скорее приспособление для еды, чем оружие; будучи способным мгновенно ускользнуть от любой опасности, он редко брал с собой огнестрельное оружие. В кожаной сумке разговорник (специально составленный — за плату — американским специалистом), еда, чашка для питья, таблетки галазона, мыло, репеллент от насекомых, антибиотики и деньги. Несколько монет римского периода плюс небольшой слиток, который в случае необходимости можно обменять.

Сняв современную одежду и уложив ее в сумку, Хейвиг извлек последний предмет своего оборудования. Он назвал его хронологом. Прибор был сконструирован и собран по его указаниям в 1980 году, с использованием новейших достижений электроники. Инженерам, которые его создали, потребовалось меньше изобретательности, чем Хейвигу, когда он выдумывал объяснения своего заказа.

Я видел этот аппарат. Зеленый ящик по своей полезности даже отдаленно не приближается к хронологу.

Представьте себе. Он отправляет себя вперед или назад в определенный момент. Откуда он знает, «когда» прибыл? В коротких перемещениях он может считать дни, оценить час по высоте солнца или расположению звезд, если под рукой нет часов. Но в тысяче лет содержится треть миллиона рассветов; и очень вероятно, что многие из них он даже не заметит из-за облачной погоды, временно возникающих зданий или других случайностей.

Хейвиг провел необходимые измерения. Ночь была ясная, настолько холодная, что дыхание превращалось в пар; на севере виднелись огни Иерусалима, но вокруг было тихо и темно; видны были очертания окружающих домов, изредка проезжали машины; над головой ярко горели созвездия. Хейвиг отметил положение Луны и двух планет

относительно нее, установил точное гринвичское время и географические координаты на светящейся шкале и начал поворачивать верньеры, пока не получил числа, соответствующие пасхальной неделе 33 года от Рождества Христа.

(— Дата кажется надежно установленной, — заметил он. — Во всяком случае все нацеливались бы на нее. — Он рассмеялся. — Рождество Христово. Единственное, что о нем можно определенно сказать, так это то, что оно произошло не в середине зимы. Иначе как мог пастух уйти из дома, чтобы стеречь свое стадо?)

Он начал глубоко дышать, насыщая свою кровь кислородом. Потом еще раз глубоко вдохнул — не напрягаясь, чтобы не тратить энергию, просто набрал полные легкие воздуха — и устремился по мировым линиям.

Ощущение неописуемое. Хейвиг говорил мне, что оно немного похоже на плавание против течения. Солнце взошло на западе и прокатилось на восток. По мере того как он «ускорялся», свет превратился в слабую пульсирующую серость, и все вокруг него покрылось тенью. Стояла абсолютная тишина.

Он увидел взрыв — беззвучный, туманный, — но уже миновал Шестидневную войну. Или это была война за независимость? Или первая мировая? Мимо проносились туманные неопределенные формы. В облачную ночь конца девятнадцатого столетия ему пришлось вернуться в нормальное время, чтобы глотнуть воздуха. Хронолог мог бы дать ему точную дату, если бы он захотел направить его на звезды: детекторы хронолога чувствительны к радиации, которая пробивает облака. Но нет смысла. Поблизости видны были несколько всадников. Вероятно, турецкие солдаты. Они здесь слишком недолго, чтобы он мог увидеть их во время перемещения, даже при дневном свете. Они не заметили его в темноте. Мимо простучали копыта.

Хейвиг продолжил путешествие.

Хоть и неясная, местность начала заметно изменяться. Общие очертания оставались прежними, но то вырастало много деревьев, то их становилось мало, то вокруг лес, то распаханное поле. Ему показалось, что он мельком увидел большой деревянный стадион, на котором проводили свои турниры крестоносцы, до того как Саладин изгнал их из залитого кровью царства. Хейвигу захотелось остановиться, но он преодолел искушение. Остановки для дыхания по

мере приближения к цели становились все более частыми. Перемещение отнимало силы; мысль о том, что вскоре он достигнет цели, заставляла усиленно биться сердце.

На хронологе загорелся предупреждающий огонек.

Хронолог следит за движением солнца, луны, планет и звезд с точностью, недоступной органам чувств человека. Он учитывает прецессию, возмущения, магнитные бури, даже перемещение континентов; и когда прибор установил точное соответствие расположения светил, значит Хейвиг прибыл точно в нужный час.

Загорелся красный огонек, и Хейвиг остановился.

* * *

Кончалась ночь с четверга на пятницу. Если верить Евангелию, то Тайная Вечеря уже состоялась, позади душевные муки в Гефсиманском саду, Иисус в цепях, скоро его приведут к Пилату, осудят, будут бичевать, а потом распнут, пронзят копьем, объявят мертвым и погребут.

(— Их привязывали, — рассказывал мне Хейвиг. — Гвозди не выдерживают вес, они просто разорвали бы руки. Иногда из особой мстительности забивали и гвозди, так что, возможно, традиционный рассказ соответствует действительности. — Он закрыл лицо. — Док, я видел, как они висят, высунув почерневшие от жажды языки, с вздутыми животами; спустя какое-то время они перестают кричать, только хрипят, и в глазах их нет разума. А вонь, какая вонь! Часто чтобы умереть, им требуются дни. Наверно, если бы Иисус не был так хрупок физически, он бы не умер так скоро... Несколько друзей и родственников стоят на краю толпы, не осмеливаясь говорить и даже плакать. А остальные выкрикивают шутки, бьются об заклад, пьют, едят, как на пикнике, поднимают детей, чтобы лучше видели. Что за существо человек?)

(Но оставьте гордыню. Наше столетие — век Бухенвальда и Воркуты, и Хейвиг напоминал мне, что происходило в Эдвардианском прошлом, которое мы вспоминаем с ностальгией, в таких местах, как Бельгийское Конго и в южной части Соединенных Штатов. И говорил о том, что еще произойдет. Может, совсем не стоит завидовать его способности путешествовать во времени.)

Утро выбелило восток. Теперь за спиной Хейвига находилась оливковая роща, за которой он видел группу домов.

Дорога представляла собой грязную колею. Вдали, едва видимый в предрассветном сумерке, расстился на холмах Иерусалим времен царей из рода Иродов и римских проконсулов. Он меньше и компактнее города, который Хейвиг видел две тысячи лет спустя, и окружен стеной, хотя и за ней разбросаны дома. У ворот будочки и войлочные палатки, воздвигнутые провинциалами, которые пришли в святое место в эти святые дни. Воздух холодный и пахнет землей. Поют птицы.

— На одно-два столетия в прошлом дневное небо всегда полно птицами, — сказал мне как-то Хейвиг.

Он сидел, тяжело дыша, пока не стало светлее и к нему не вернулись силы. Проголодавшись, он отламывал куски козьего сыра и хлебной лепешки. С удивлением он понял, что завтракает, как самый обычный человек во время самой первой Великой Пятницы в мире.

Если сегодня Великая Пятница. Ученые могли ошибиться в дате, или Иисус мог оказаться всего лишь осирисо-ессеистско-митраистским мифом. (Осирис — умирающий и воскресающий бог Древнего Египта; ессеи — религиозное течение в ранней Иудее, считающееся одним из предшественников христианства; Митра — божество древнеиранской мифологии. — *Прим. перев.*). Но, допустим, он существовал в действительности. Допустим, он был, может быть, не буквальным воплощением создателя всех этих акров, всей этой удивительной и дикой вселенной... он был пророком, в видениях которого оживало все хорошее, что может произойти в будущем. Можно ли провести жизнь лучше, чем следуя его учению?

В таком случае Хейвигу пришлось бы в совершенстве овладеть арамейским, изучить миллионы деталей жизни и забыть о своем поиске... Он вздохнул и встал. Солнце вошло над горизонтом.

Скоро он увидел других людей. Однако продолжал держаться как чужак.

(«— Если что-то и меняет жизнь человека, — говорил он, — так это наука и технология. Только подумайте над следующим фактом — пока это еще факт: родителям не нужно считать, что некоторые их дети обязательно умрут. И получите абсолютно иное представление о ребенке. — Должно быть, он заметил по моему выражению, что я вспомнил о Норе, потому что положил мне руку на плечо

и сказал: — Простите, док. Мне не следовало об этом говорить. И не просите, чтобы я отправился в прошлое с фотоаппаратом и сфотографировал ее или отнёс бы шприц с пенициллином. Я пытался изменить прошлое, и всякий раз что-нибудь меня останавливало... Подумайте об электрических лампах или даже о свечах. Если у вас есть только мигающий фитиль в чашке с маслом, вы привязаны к дневному свету. Простая возможность не ложиться рано спать не так уж и проста. Она имеет множество тонких, но далеко заходящих последствий для психики»).

Люди вставали на рассвете, гнали скот, пололи всходы, разжигали костры, варили и прибирались, готовились к субботе. Бородатые мужчины в рваной одежде гнали в город тощих ослов, перегруженных товарами. Дети, едва научившиеся ходить, собирали просыпанное зерно: дети чуть постарше отгоняли бродячих собак от овец. Добравшись до мостовой, Хейвиг попал в толпу: караванщики издалека, шейхи, священники, отвратительные нищие, крестьяне, ремесленники, запоздавшая и совершенно пьяная проститутка, двое азиатских купцов в цилиндрических шапках, в сопровождении человека в греческой тунике; слышался хриплый крик — требование дать дорогу, и с топотом и звоном металла мимо проехал возвращающийся с ночного дежурства отряд римских солдат.

Я видел фотографии, которые Хейвиг делал в разных обстоятельствах, и хорошо представляю себе эту сцену. Она не такая яркая, как может вообразить человек, живущий в эпоху анилиновых красок и флуоресценции. Одежда обычно коричневая, серая, синяя, цвета киновари и пыльная. Но шум оглушительный — резкие голоса, смех, клятвы, преувеличенная ложь и хвастовство, звуки арфы, обрывки песен; шорох ног, топот неподкованных копыт, скрип деревянных колес, лай собак, блеяние овец, рев верблюдов — и все время весеннее пение птиц. А люди эти — не сдержанные англичане или американцы; нет, они машут руками, разрезают воздух ладонями, хлопают друг друга по спине, приплясывают, хватаются за кинжал при оскорблениях и почти сразу же в человеческую плоть вбивали гвозди; но то, что он вдыхал, его не душило, не жгло глаза, не вызывало у него эмфизему или рак.

Ворота Иерусалима были открыты. Сердце Хейвига забилося чаще.

И тут он нашел.

Произошло это сразу. К его спине прикоснулись пальцы. Он повернулся и увидел мужчину, крепкого, коренастого, с широким лицом, невысокого роста, одетого так же, как и он, и тоже безбородого, с коротко остриженными волосами и светлой кожей.

Лицо незнакомца было покрыто потом. Тот старался устоять на месте в этой со всех сторон толкающейся толпе и произнес, перекрикивая шум:

— *Es tu peregrinator temporis?*

Акцент очень заметный — как будто Польша восемнадцатого века, — но Хейвиг хорошо владел классической и поздней латынью и потому понял:

— Ты путешественник во времени?

В первое мгновение он не смог ответить. Утратил чувство реальности. Его поиск подошел к концу.

Или их поиск.

Его рост необычен в этом месте, и он оставил голову обнаженной, так что видна прическа и черты лица северянина. В отличие от большинства общин в истории, Иерусалим времен Иродов отличался космополитизмом и легко допускал чужаков; Хейвиг надеялся, что подобные ему догадываются по его внешности, что он не из этого времени, или он сам увидит их. И вот его надежда осуществилась.

Первой его мыслью, прежде чем он ощутил радость, было то, что человек этот кажется необычайно выносливым и крепким.

* * *

Они сидели в таверне, избранной местом встреч, и разговаривали: Вацлав Красицкий, покинувший Варшаву в 1738 году, Хуан Мендоза, живший в Тихуане (Город в Мексике. — *Прим. перев.*) в 1924, и пилигримы, которых они разыскивали.

Этими пилигримами были Джек Хейвиг и Конрад фон Левен, наемник из Брабанта тринадцатого столетия, который обнажил меч и попытался спасти Спасителя, когда тот нес крест на Голгофу; Красицкий выхватил его за секунду до того, как римский солдат мечом собирался выпустить

ему кишки; теперь он сидел, ошеломленный вопросом: «Откуда ты знаешь, что этот человек действительно твой Господь?» И седобородый ортодоксальный монах, говорящий только на хорватском; его как будто зовут Борис, и он из семнадцатого столетия. И худая, с прямыми волосами, с лицом в оспинках женщина, которая сидела с остекленевшим взглядом и бормотала что-то на языке, который никто не смог узнать.

— И это все? — недоверчиво спросил Хейвиг.

— Ну, у нас в городе еще несколько агентов, — ответил Красицкий. После того как стало известно американское происхождение Хейвига, разговор велся на английском. — Мы должны встретиться вечером в понедельник, а потом еще раз после ... гм... Троицына дня. Вероятно, они отыщут еще нескольких путешественников. Но в целом... да, похоже, улов у нас меньше, чем мы рассчитывали.

Хейвиг огляделся. Таверна без передней стены. Посетители сидят, скрестив ноги, на рваных коврах, прямо перед ними улица с ее движением, они пьют из глиняных чашек, которые мальчишка наполняет вином из мехов. Иерусалим живет своей жизнью. В Великую Пятницу!

Но Красицкого это не беспокоило. Он рассказал, что покинул свой отсталый город, свою страну и время ради французского Просвещения; шепотом назвал своего партнера Мендозу гангстером (На самом деле он назвал его «наемником», но смысл был ясен).

— Меня не касается, если сегодня казнят еврейского столяра, страдающего бредовыми идеями, — сказал он Хейвигу. Потом подтолкнул его локтем. — Тебя ведь тоже? Кажется, мы наконец нашли разумного рекрута.

В сущности это не американское отношение. Хейвиг избежал спора, спросив:

— Неужели путешественников во времени так мало?

Красицкий пожал плечами.

— Кто знает? Но они не могут легко попасть сюда. Это понятно. Ты нанял летающую машину и добрался за несколько часов. Но подумай о трудностях, о почти невозможности такого путешествия почти в любую эпоху. Мы читали о средневековых пилигримах. Но каково их истинное соотношение с остальным населением? Сколько их погибло в пути? К тому же, я считаю, некоторых путешественников во времени мы не нашли, потому что они не хотят быть найденными — а может, им никогда не прихо-

дило в голову, что их ищут такие же, как они, — и их маскировка оказалась слишком хорошей для нас.

Хейвиг посмотрел на него, потом на невозмутимого Мендозу, на полупьяного Конрада, на грязного, щелкающего четками Бориса, на неведомую безумную женщину и подумал: «Конечно. Почему дар должен выпадать только на долю людей моего типа? Почему он не может выпадать случайно, в самых разных группах людей? А я видел, каково человечество. И почему я должен считать себя каким-то исключением?»

— К тому же мы не можем тратить слишком много человеко-часов на поиски, — говорил Красицкий. — Нас в Убежище слишком мало. — Он потрепал Хейвига по колену. — Мать Божья, как обрадуется Сахем, что мы нашли, по крайней мере, тебя!

* * *

Две остальные группы отыскивали отшельника из Сирии третьего века и ионийского авантюриста второго века до Рождества Христова. Сообщили об еще одной женщине — похожа на христианку из коптов, — которая исчезла при появлении агентов.

— Плохой урожай, — проворчал Красицкий. — Впрочем... — И он повел свою группу, вначале на остановку после Троицына дня — тут никто не был найден, — а потом в двадцать первый век.

Пустыня была затянута пылью. В Иерусалиме не осталось никаких следов человека, кроме костей и обработанных камней. Но здесь ждал самолет, остроносый, с тупыми крыльями, на атомной энергии. Люди Убежища взяли его в ангаре, охранники которого не успели пустить эту военную машину в действие, когда их скосила смерть.

— Мы перелетели через Атлантику, — рассказывал мне Хейвиг. — Штаб-квартира была расположена... будет расположена в Висконсине. Да, мне разрешили взять хронолог из потайного места, хотя я, отговорившись языковыми трудностями, не стал объяснять, что это такое. Сами они достигали цели методом пристрелки, с перелетами и недолетами, этот процесс занимает много времени и, вероятно, объясняет, почему они находили так мало путешественников во времени. Объясняет он и их явное нежелание предпринимать длительные путешествия. Возвращаться

легче, потому что они установили в развалинах нечто вроде большой афиши, на которой отмечались дни.

— В конце двадцать первого века жизнь в Америке только еще начинала укладываться в рамки. Лагерь располагался за оградой и не раз подвергался нападениям туземцев и мародеров. Оттуда мы переместились в будущее, в то время, из которого Сахем отправил свою экспедицию в ту Пасху.

Я так и не знаю, видел ли мой друг Иисуса.

7

Прошло свыше ста лет, и изменения оказались значительными. К ранее истощенной почве возвращалось плодородие, и потому начало расти население. На низких холмах зрели зерновые под спокойным небом, по которому плыли летние облака. Восстанавливались леса, появились деревья, в темной зелени которых гнездились птицы и шуршал ветер. Дороги грязные, но обнесенные изгородями. Всюду видны работающие. У них только ручные инструменты и машины, приводимые в движение животными; но это машины хорошо сделаны. Люди все кажутся похожими в своих домотканых синих брюках и куртках — оба пола, — в широкополых соломенных шляпах и неуклюжих башмаках: обветренные и изуродованные тяжелым трудом, подобно любому крестьянину из доиндустриальных времен; волосы подстрижены у ушей, мужчины все бородатые; по нормам нашего времени они низкорослые, и многие с гнилыми зубами или вообще беззубые. И все же они были гораздо более счастливы, чем их предки в эпоху Судного Дня.

Люди выпрямились, чтобы приветствовать путешественников, ехавших верхом с аэродрома, и затем сразу же возобновили свою работу. Иногда встречались солдаты верхом на лошадях. Они были одеты в голубую форму, стальные шлемы. Металлические кирасы защищали их грудь. Вооружены они были кинжалами, луками и стрелами, мечами, топорами и пиками. Они почтительно салютовали путешественникам.

— Видимо, вам приходится быть готовым ко всему,— беспокойно заметил Хэйвиг.

— А что нам остается? — ответил Красицкий. — Большая часть мира, включая основную территорию этого континента, по-прежнему в состоянии варварства или дикости — там, где люди вообще выжили. Без материалов и механизмов мы не можем снабжать всех. Монголы на равнинах к западу и югу от нас. Если мы утратим бдительность, они пронесутся, как ураган. Наши солдаты не надзирают за работающими, они охраняют их от бандитов. За все, что они имеют, эти люди должны благодарить Убежище.

В городе повторился средневековый рисунок. Семьи не занимали отдельные дома, они жили вместе вблизи крепости и совместно обрабатывали землю. Но хотя город выглядел чистым, в отличие от средневековых городов, он не обладал их очарованием. Ряды кирпичных домов вдоль улиц выглядели монотонными, как в викторианских Мидлендс (Графства центральной Англии. — *Прим. перев.*). Хэйвиг решил, что вначале необходимость быстроты в строительстве взяла верх над индивидуальными вкусами, а экономика не позволяет снести эти красные казармы и заменить их настоящими домами. Это не... Впрочем, не нужно давать оценки, пока он не узнает больше... Он увидел живописное здание, деревянное сооружение в стиле, напоминающем восточный, ярко раскрашенное. Красицкий сказал, что это храм, где возносятся молитвы Ясу и приносятся жертвы Октаи, веру в которого принесли монголы.

— Дайте им религию, добейтесь того, чтобы жрецы вас поддерживали, и беспокоиться не о чем, — добавил Красицкий.

Хэйвиг поморщился.

— А где виселицы?

Красицкий удивленно взглянул на него.

— У нас нет публичных казней. Кем ты нас считаешь? — И немного погодя: — А по-твоему, какие мягкие меры могут провести человечество через такие годы?

Впереди показалась крепость. Высокие кирпичные стены с башенками окружали несколько акров; стены в свою очередь окружал ров, в который отвели воду из местной реки. Архитектура отличалась той же строгой функцио-

нальностью, что и в городе. По сторонам от ворот и на стенах были установлены тяжелые пулеметы, несомненно, восстановленные после войны или принесенные по частям из прошлого. Треск подсказал Хейвигу, что внутри работает несколько моторов на генераторах.

Часовые приветствовали подъезжающих. Загремели трубы. Заскрипели доски подъемного моста, под копытами лошадей застучали камни двора.

Красицкий натянул повод. Навстречу со всех направлений торопились возбужденные люди. Большинство в ливреях, должно быть, слуги замка. Их Хейвиг почти не заметил. Все его внимание было обращено на женщину, которая расталкивала собравшихся, пока не остановилась прямо перед ним.

Она вся светилась энтузиазмом. Он с трудом понимал ее слова, произнесенные хрипловатым голосом, с акцентом:

— Клянусь хвостом Октаи! Ты их действительно нашел!

Женщина была почти одного роста с Хейвигом, крепкая, с широкими плечами и бедрами, сравнительно небольшой грудью и длинными стройными конечностями. Лицо у нее широкоскулое, с курносом носом и широким ртом; зубы прекрасные, только двух не хватает. (Позже он узнает, что ей их выбили в драке). Волосы, густые, каштановые, не убраны в современную прическу, они доходят ей до пояса, хотя теперь собраны в пряди поверх варварски огромных медных серег. Глаза у нее карие и слегка раскосые — индейская или азиатская кровь — под густыми бровями; на коже, загорелой, в нескольких местах видны старые шрамы. На ней свободная красная куртка и юбка, ботинки со шнуровкой, вооружена она финкой, револьвером, вокруг талии патронташ, на шее цепь, к которой подвешен искусно вырезанный череп ласки.

— Откуда они? Ты, ты? — Она ткнула пальцем в Хейвига. — Из Высоких Годов, да? — Взрыв смеха. — Друг, ты многое должен рассказать мне!

— Сахем ждет, — напомнил ей Красицкий.

— Ладно, подожду, но не весь этот проклятый день, ты слышал? — И когда Хейвиг спешился, она обняла его и поцеловала в губы. Пахла она солнцем, кожей, потом, дымом и женщиной. Так он встретился с Леонсией из народа Ледников, Скулой Вахорна.

Кабинет располагался в начале длинной вереницы помещений, размеры и роскошь убранства которых поражали. Полы покрыты серыми коврами с толстым ворсом, стены в дубовых панелях. Занавеси на окнах меховые и осязаемые — норка. Массивные стол, кресла и диван должны быть изготовлены в это время; их роскошь резко контрастирует с тем аскетизмом, который Хейвиг видел в других комнатах, через которые проходил по пути сюда. Фотографии в серебряных рамках. Одна старинная, поблекший дагерротип, на нем усталого вида женщина в платье середины девятнадцатого века. Остальные снимки сделаны современными камерами, несомненно, с телескопическими линзами, как его собственная. Он узнал Сесилия Родса, Бисмарка и молодого Наполеона; рыжебородого человека в мантии он не узнал.

С пятого этажа главной башни крепости открывался вид на комплекс меньших зданий, на всю ту оживленную деятельность, которой охвачено Убежище; видны и земли, которыми Убежище правит. Послеполуденное солнце яркими горячими столбами освещало кабинет. Звук генераторов слышался приглушенно.

— Послушаем музыку? — Калев Уоллис повернул ручку молекулярного проигрывателя, созданного незадолго до Судного Дня. Послышались громкие звуки. Уоллис уменьшил громкость, но сказал: — То, что нужно: триумфальный марш. Боже, как я рад, что вы с нами, Хейвиг! — Новичок узнал «Приход богов» из «Золота Рейна» (Опера Р.Вагнера. — *Прим. перев.*).

Остальные члены группы после короткого знакомства были отосланы.

— Вы другое дело, — сказал Сахем. — Вы один из ста. Такие нам очень нужны. Хотите сигару?

— Спасибо, я не курю.

Уоллис немного постоял молча, потом сказал подчеркнуто, хотя и негромко:

— Я создатель и хозяин этого государства. У нас должна быть дисциплина и почтительные формы обращения. Меня следует называть «сэр».

Хейвиг разглядывал его.

Уоллис — человек среднего роста, коренастый и сильный, несмотря на заметное брюшко. Красное лицо, при-

плюснутый нос, кустистые брови; серо-рыжие усы переходят в бакенбарды, обрамляющие лысину. На нем черный мундир, с серебряными пуговицами и знаками различия, золотое шитье на воротнике, эполеты, роскошный кинжал и автоматический пистолет. Но ничего нелепого в нем нет. Он излучает уверенность. Голос у него низкий, глубокий и способен действовать почти гипнотически. Маленькие светлые глаза не мигают.

— Вы понимаете, — сказал наконец Хейвиг, — что все это для меня ново и удивительно... сэр.

— Конечно, конечно! — заулыбался Уоллис и хлопнул Хейвига по спине. — Но вы быстро схватываете. И далеко пойдете, мой мальчик. Для человека, который знает, чего хочет, и обладает решительностью, тут нет пределов. К тому же вы американец. Честный перед Господом американец из того времени, когда наша страна еще оставалась собой. Таких среди нас очень мало.

Он сел за стол.

— Садитесь. Нет, погодите. Хотите увидеть мой бар? Я возьму бурбона на два пальца. А вы наливайте себе, что хотите.

Хейвиг удивился тому, что нет ни льда, ни содовой, ничего другого. Ведь все это возможно сделать. Он решил, что Уоллис не пользуется такими добавками, а о других не думает.

Сев в кресло, держа в руках стакан с ромом, он посмотрел на Сахема и сказал:

— Я могу рассказать свою биографию, сэр, но думаю, что с этим можно подождать, пока я больше не узнаю об Убежище...

— Конечно, конечно. — Уоллис кивнул большой головой и затаился. Дым от его сигары был острым и едким. — Но все же несколько основных фактов о вас. Родились в 1933 году, вы говорите? Говорили кому-нибудь, кто вы? — Хейвиг вовремя воздержался от упоминания обо мне. Вопросы, не требующие ответа, продолжались: — Вернулись в прошлое молодым человеком, чтобы руководить собой в детстве? Улучшили свое положение в жизни, а потом отправились искать других путешественников?

— Да, сэр.

— Что вы думаете о своем времени?

— Что? Ну... у нас неприятности. Я перенесся вперед и увидел, что нас ждет. Сэр.

— Из-за морального разложения, Хейвиг. Вы ведь понимаете это? — Напряжение росло, как перед грозой. — Цивилизованный человек обратился против самого себя, вначале в войнах, потом в моральном отношении. Империя белого человека рухнула быстрее Римской; дело жизни Клайва, Бисмарка, Родса, Маккинли, Лиотся (Роберт Клайв — английский генерал 18 века, один из руководителей завоевания Индии; Сесил Родс — английский капиталист и администратор в Южной Африке во второй половине 19 века; Вильям Маккинли — президент США с 1897 по 1901 год, при нем происходила война с Испанией, кончившаяся завоеванием Филиппин, Гавайских островов и установлением контроля над Кубой; Луи-Юбер Лиотей — французский генерал и губернатор Марокко в начале 20 века. — *Прим. перев.*), борцов за Индию и буров, все, что было завоевано, все это исчезло за одно поколение: гордость расы и все ее наследие исчезло; предатели: большевики и международное еврейство — захватили власть, проповедуя простому белому человеку, что будущее принадлежит черным. Я это видел, я изучал ваше столетие. А вы, который в нем жил, видели это?

Хейвиг ошетинился.

— Я видел последствия предрассудков, жестокости и глупости. Грехи отцов часто передаются детям.

Уоллис на этот раз решил не обращать внимания на отсутствие почтительного обращения. Он улыбнулся и снова заговорил:

— Знаю, знаю. Не думай, что я — расист. Многие из цветных — хорошие люди. Зулусы, например, или индейцы апачи, или японцы. Те путешественники этих рас, которых мы сможем найти, займут достаточно высокое положение среди агентов, какое займешь и ты. Черт побери, я восхищаюсь нашими израильтянами, по крайней мере, их действиями, о которых слышал. Нечистокровный народ, в расовом отношении ничего общего с библейскими евреями, но храбрые и искусные солдаты. Нет, я просто говорю о том, что каждому нужно сохранять свою национальную сущность и гордость. Меня приводят в гнев только те, кого справедливо называют ниггерами, краснокожими, чинками, кайками, вупсами (Чинк — презрительная кличка китайцев в США, китаезы; кайк — прозвище евреев, живущих в славянских странах; вупс — итальяшка, макаронник. — *Прим. перев.*); вы понимаете, что я имею в виду.

Как ни печально, но среди них множество чистокровных белых, которые либо трусили, либо продались нашим врагам.

Хейвиг заставил себя подумать, что такое отношение было общераспространенным во времена Уоллиса, оно считалось даже респектабельным. Да ведь сам Авраам Линкольн говорил о врожденной неполноценности негров... Вряд ли Уоллис приказывал распинать представителей других рас.

— Сэр, — осторожно сказал он, — я не хотел бы вступать в спор, пока мы лучше не узнаем друг друга и не определим основы своего мировоззрения. Для этого может потребоваться немало усилий. Тем временем нам лучше обсудить практические вопросы.

— Конечно, конечно, — проворчал Уоллис. — У вас есть голова, Хейвиг. К тому же вы человек действия, хотя, возможно, и с ограничениями. Но буду откровенен: на этой начальной стадии нам больше всего нужен ум, особенно люди с научной подготовкой и реалистическим взглядом на мир. — Он помахал сигарой. — Возьмем сегодняшний улов в Иерусалиме. Типично! Брабантца и грека мы, вероятно, сможем использовать как солдат, разведчиков, как вспомогательные силы в экспедициях во времени, ну, и все такое. Но остальные... — Он прищелкнул языком. — Не знаю. Может, вначале просто как перевозчиков, они будут доставлять вещи из прошлого. И могу только надеяться, что женщина сможет рожать.

— Что? — Хейвиг чуть не вывалился из кресла. Внутри у него все перевернулось. — У нас могут быть дети?

— Друг с другом — да. За сто лет мы доказали это. — Уоллис расхохотался. — Но с непутешественниками — нет, невозможно. Это мы доказывали еще чаще. Не хотите ли, чтобы вам на ночь согрела постель хорошенькая юная служанка? И у нас есть рабы, захваченные в набегах... и не читайте мне мораль. Эти бандиты сделали бы то же самое с нами, и если мы не будем приводить сюда этих подонков и укрощать их, а не просто перерезать им горло, они и их отродье будут вечно причинять нам неприятности на границах. — Он снова стал серьезен. — Но женщин, путешествующих во времени, немного, и не все они хотят становиться матерями. Но те, кто хочет... Дети у них самые обыкновенные, Хейвиг. Дар не передается по наследству.

Вспомнив гипотезу, которую он выдвинул (сколько искаженных мировых линий назад?), Хейвиг не удивился. Если два набора хромосом могут взаимодействовать, чтобы произвести жизнь, это происходит, должно быть, потому, что их резонанс (?), который в противном случае мешает возникновению новой жизни, на этот раз просто не действует.

— Итак, бесполезно пытаться произвести новую расу от нас самих, — задумчиво продолжал Уоллис. — О, мы даем нашим детям образование, поручаем руководство, когда они становятся взрослыми. Мне пришлось это разрешить, чтобы агенты сохранили верность. Но откровенно говоря — строго между нами — иногда так трудно подыскать приличную должность, на которой они не могли бы принести вред. То, что родители путешественники во времени, вовсе не означает, что они не олухи; а олухи порождают новых олухов. Не стану отрицать, что мы здесь — нечто вроде аристократии, но делать ее наследственной мы не можем. Да я и не хотел бы этого.

Хейвиг негромко спросил:

— А чего бы вы хотели, сэр?

Уоллис отложил сигару и выпивку, словно следующие его слова требовали набожно сложенных рук.

— Восстановить цивилизацию. Зачем иначе Господь создал нас?

— Но ... будущее... я видел...

— Федерация маури? — Широкое лицо вспыхнуло яростью. Кулак с грохотом обрушился на стол. — И много ли вы видели? Очень мало, верно? Я исследовал эту эпоху, Хейвиг. Вам тоже нужно будет сделать это. Говорю вам, это всего лишь помесь канаков, белых, ниггеров, китаез и япошек, пришедшая к власти, — они идут к власти, пока мы сидим здесь. И только потому, что в войне им меньше досталось. Они работают, сражаются, подкупают, потворствуют — чтобы овладеть миром, надеть узду и седло на все человечество, в особенности на белую расу, чтобы навсегда остановить прогресс. Вот увидите! Сами увидите!

Он откинулся в кресле, тяжело дыша, допил виски и провозгласил:

— У них ничего не получится. Три-четыре столетия — да, боюсь, человечеству придется нести их ярмо. Но потом... Для этого и создано Убежище, Хейвиг. Чтобы подготовить это потом.

— Я родился в Нью-Йорке в 1853 году, — рассказывал Сахем. — Отец мой был мелким лавочником и строгим баптистом. Мать — вот ее фото. — Он указал на мягкое невыразительное лицо на стене, и на мгновение в его голосе прорвалась нежность. — Я был последним из семерых выживших детей. Так что у отца на меня не хватало ни времени, ни энергии, тем более что старший сын был его любимцем. Ну, это приучило меня в самом раннем возрасте самому заботиться о себе и не болтать. Когда мне официально исполнилось семнадцать лет, я отправился в Питтсбург, зная к тому времени, что у этого города большое будущее. Мое старшее я больше занималось мной, чем, вероятно, ваше. Но я всегда знал, что меня ждет великая цель.

— Как вы создали себе состояние, сэр? — спросил Хейвиг. Ему действительно было интересно, и он спрашивал не только из дипломатических соображений.

— Мое старшее я было среди фортинайнеров в Калифорнии (Золотоискатели, участники золотой лихорадки 1849 года в Калифорнии. — *Прим. перев.*). Но он не пытался добывать золото, только немного для начала, чтобы начать торговлю. Потом перенесся во времена гражданской войны. Потом заставил меня вместе с ним путешествовать во времени, а когда я переехал в Питтсбург, было уже легче. Нельзя ведь говорить о спекуляциях земельными участками, если заранее знаешь, что будет, верно? Я все продал точно в нужный момент, перед паникой 73-го года, а после паники смог скупить обесценившиеся земли, которые станут бесценными из-за залежей угля и нефти. Покупал также железные дороги и сталелитейные заводы, несмотря на неприятности со стороны забастовщиков, анархистов и тому подобного сброда. В 1880 году — тогда мой реальный возраст подходил к тридцати пяти годам — я решил, что заработал достаточно и пора мне приниматься за дело, ради которого меня создал Господь.

Серьезно:

— Я оставил веру своего отца. Вероятно, так поступает большинство путешественников. Но я и сейчас верю в Бога и в то, что у каждого человека есть своя судьба.

Тут Уоллис расхохотался так, что у него задрожал живот, и воскликнул:

— Какие высокопарные слова для простого старого американца! Слава и романтика, Хейвиг, существуют только в книгах про историю. На самом деле успех приносит тяжелая грязная работа, терпение и самоограничение, умение учиться на ошибках. Вы видите: я уже не молод, а планы мои только еще начинают расцветать, не говоря уже о том, чтобы приносить плоды. Работа, работа — вот в чем смысл, вот что значит быть живым!

Он протянул свой пустой стакан.

— Налейте еще. Я обычно пью немного, но Боже, как мне хотелось поговорить с кем-то новым и умным! У нас есть несколько неглупых ребят, как Красицкий, но все они иностранцы. Есть и несколько американцев, но я так к ним привык, что могу заранее сказать, что они мне ответят на мои слова. Наливайте мне и себе, и немного поболтаем.

Вскоре Хейвиг смог спросить:

— А как вы установили свой первый контакт, сэр?

— Я нанял множество агентов по всему девятнадцатому столетию и дал им задание помещать объявления в газетах, журналах, альманахах и распространять слухи устно. Конечно, в объявлениях не говорилось о «путешественниках во времени» и о том, что мне действительно нужно. Сформулированы они были очень тщательно. Не я их написал. Я не писатель. Человек действияанимает себе мозги. Я поискал и нашел в 90-м году молодого англичанина, начинающего писателя, хорошего парня, хоть он и был каким-то социалистом. Мне нужен был человек из конца этого периода, чтобы избежать ... гм... «предвидения», понимаете? Его заинтересовало мое «гипотетическое предположение», и за несколько гиней он написал мне множество умных вещей. Я предложил ему больше денег, но он ответил, что предпочтет свободное использование моей идеи о путешествиях во времени.

Хейвиг кивнул, по нервам его пробежала дрожь.

— Мне приходили в голову такие же мысли, сэр. Но у меня не было вашей ... целеустремленности. И, конечно, не было у меня и вашего состояния. К тому же в мое время, когда путешествия во времени стали обычной темой фантастики, я опасался привлекать к себе внимание. И потому находил только свихнувшихся.

— Я тоже, — согласился Уоллис. — Среди них были и подлинные. Я имею в виду тех путешественников, которые более или менее тронулись от своего дара. Понимаете, болван или деревенщина, если его не напугает до смерти то, что с ним происходит, так что он больше никогда не станет пробовать, если он не хочет выходить за рамки известности таких, как я, умных и честолюбивых людей, то они затаятся, как вы и я, верно? Боюсь, что часто таятся так искусно, что нам их не найти.

— А сколько ... сколько человек вы нашли?

— Сэр.

— Простите. Сэр.

Уоллис тяжело вздохнул.

— Одиннадцать человек. Во всем цветущем столетии в этих своих первоначальных поисках — одиннадцать человек. — Он их пересчитал. — Лучший из всех Остин Колдуэлл. Явился ко мне заросшим щетиной жителем крайнего Запада. Но настоящий мужчина. Это он прозвал меня Сахемом. Мне понравилось, и прозвище закрепилось.

Далее волшебник и предсказатель будущего из передвижного цирка; профессиональный игрок; белая девушка из бедной семьи с Юга. Это все американцы. За границей мы нашли солдата-баварца; следователя инквизиции, которая все еще сохранялась в Испании, если вы не знаете; еврейку из Венгрии; студента из Эдинбурга, который надрывался, стараясь найти в книгах ответ на то, кем он является; парижскую модистку, которая отыскивала во времени идеи для своих нарядов; молодую крестьянскую пару из Австралии. Кстати, с этими последними нам повезло. Они отыскивали друг друга сами — вероятно, единственная пара путешественников, родившаяся по соседству друг от друга. У них уже был первый ребенок, и они оставили бы его, если бы он не был еще настолько мал, что его можно было нести с собой.

Что за сброд! Представляете, какие возникали проблемы: язык, перемещение, необходимость убеждать.

— И больше никого? — Хейвиг пришел в ужас.

— Да, было еще примерно столько же, но эти бесполезны. Свихнувшиеся, как я уже говорил, или слишком тупые, или калеки, или слишком испуганные, чтобы присоединиться к нам. И так далее. Была домохозяйка, отказавшаяся покинуть мужа. Я подумывал о похищении — наша цель

слишком велика, чтобы думать об удобстве отдельных личностей, — но какой толк от недобровольного помощника? Мужчине можно пригрозить и заставить работать. Женщины для этого слишком трусливы.

Хейвиг вспомнил буйное приветствие во дворе, но промолчал.

— Приобретя первых последователей, я смог расширить сферу действий, — продолжал Уоллис. — Мы начали проникать в другие времена, изучать их подробней. Мы и сами лучше поняли, что нужно делать и как. Смогли основывать фонды, организовывать базы в этом... да... в пространстве-времени. Смогли набирать новых помощников. Из других столетий, но кое-кого и из нашего. Наконец мы выбрали место для Убежища и подчинили себе местных жителей, чтобы получить рабочую силу. Голодные и запуганные, они с радостью встретили повелителей, которые принесли с собой настоящее оружие и семена для посева.

Хейвиг потянул себя за подбородок.

— Можно ли спросить, почему вы выбрали именно это место для создания своего государства, сэр?

— Конечно, спрашивайте, что хотите, — великодушно сказал Уоллис. — Возможно, я и отвечу... Я думал о прошлом. По этим снимкам вы можете видеть, что я в поисках своего назначения уходил в прошлое вплоть до Карла Великого. Но туда слишком далеко. И даже в неисследованных районах доколумбовой Америки мы рискуем оставить следы, которые могут обнаружить археологи. Помните, могут существовать и путешественники из времени маури, а единственное наше преимущество — неожиданность. Сейчас, в эти столетия, повсюду возникает феодализм, как у нас, начинается восстановление, и мы принимаем все меры, чтобы не выглядеть необычно. Наши подданные, конечно, знают, что мы обладаем особыми свойствами, но называют нас волшебниками и детьми Тех — богов и духов. Когда эта история пройдет через фильтр дикарей, она превратится в слух о существовании еще одной причудливой религии.

Хейвиг оценил эту стратегию.

— Насколько я смог узнать, сэр, а узнал я не очень много, — сказал он, — сейчас в бассейне Тихого океана формируется культура маури. Всякий, кто придет из более позднего времени, скорее заинтересуется ее происхожде-

нием, чем политикой каких-то малоизвестных нищих варваров.

— Вы несправедливы по отношению к американцам, — укорил его Уоллис. — Конечно, вы правы, с точки зрения маури. Но на самом деле нашему народу просто не повезло.

В его словах есть правда, вынужден был согласиться Хейвиг. Океания представляла собой слишком незначительную цель для ударов сверхоружия; к тому же обширные пространства океана были меньше заражены, чем внутренние моря, и скорее начали самоочищаться, когда человек превратился в редкий вид. А жители островов Тихого океана больше не были простодушными, глупо ухмыляющимися обитателями земного рая. Слишком много было напечатано книг, слишком широко распространились они повсюду, чтобы была утрачена значительная информация. В меньшей степени то же справедливо и по отношению к сложным механизмам и технологиям.

Северная Америка, Европа, части Азии и Южной Америки, в меньшей степени Африка быстро пошли на дно, потому что перенапрягли свои силы. Достаточно было на короткий срок парализовать построенные здесь индустриально-сельскохозяйственно-медицинские комплексы, и люди начали гибнуть миллионами. А борьба уцелевших за выживание превратила все в развалины.

Но даже на таких территориях сохранялось знание: тут оазис порядка, там полурелигиозная община. Это знание — по крайней мере теоретически — могло просочиться к новым варварам, а те могли передать его дальше... Теоретически. На практике этого не происходило. Слишком тяжел был удар, нанесенной миру старой цивилизацией.

Можно, например, вырубить девственный лес, построить шахты в Месаби (Возвышенность в США и Канаде, известная своими железнорудными месторождениями. — *Прим. перев.*), выкачивать нефть из нетронутого месторождения — все это примитивными методами. Используя полученное, можно создавать все более и более сложные заводы, способные на более массовое производство. Когда сократятся природные ресурсы, можно заменить древесину пластиком, извлекать железо из таконита, опустошить всю планету в поисках нефти.

Но ко времени Судного Дня все это уже было сделано. Эта комбинация машин, обученного персонала, обеспе-

ченных потребителей и налогоплательщиков исчезла, и ее не стоит возрождать.

Сведения, необходимые для возрождения промышленной цивилизации, можно найти. А вот природные ресурсы — нет.

— А не думаете ли вы, сэр, — решился спросить Хейвиг, — что маури и их союзники благодаря своему технологическому развитию выполняют эту задачу?

— До некоторой степени да. Нужно отдать должное этим ублюдкам, — проворчал Уоллис. Он разрезал сигарой воздух. — Но лишь ненадолго. Лишь настолько, чтобы сесть в седло и закрепиться в нем. Мы знаем; что они на самом деле сдерживают развитие, подавляют новшества. Вы тоже это узнаете.

Казалось, он хочет сменить тему, потому что он сказал:

— Вернемся к нашей организации здесь. Мои помощники не находятся здесь, в нормальном времени, постоянно, а я тем более. Мы переносимся вперед, с перерывами, чтобы сохранить руководство неизменным. И у нас это хорошо получается. Дела наши в прошлом, настоящем и будущем разрастаются, как снежная лавина.

Теперь у нас уже сотни агентов и тысячи преданных обычных людей. Мы правим территорией, на которой некогда размещалось несколько штатов, хотя, конечно, передвигаемся больше во времени, чем в пространстве. Правим мы обычно через своих заместителей, обычных людей. Когда можешь просмотреть всю жизнь перспективного парня, из него легко сделать хорошего верного слугу — особенно если он понимает, что у него не может быть от вас тайн и что он никогда не окажется в безопасности.

Но не поймите меня превратно. Повторяю, мы не чудовища и не паразиты. Иногда нам приходится действовать жестко. Но наша цель неизменна — вернуть мир на путь, предначертанный для него Господом.

Он наклонился вперед.

— И мы это сделаем, — произнес он почти шепотом. — Я переносился в далекое будущее. Бывал за тысячу лет от сегодня и видел... Вы с нами?

— В целом следующие несколько месяцев прошли хорошо, — рассказывал (будет рассказывать) Хейвиг мне. — Однако я оставался настороже. Например, избегал сообщать точные биографические сведения. И выдавал хронолог за индикатор радиоактивности и передатчик, созданный на случай, если он понадобится путешественникам во времени. Уоллис сказал, что не понадобится, и утратил к нему интерес. Я нашел для прибора укромное место. Если жители Убежища действительно таковы, как я надеюсь, они поймут впоследствии, почему я скрыл такое полезное устройство.

— А что заставило тебя быть осторожным? — спросил я. Он нахмурился.

— О... вначале незначительные мелочи. Например, весь стиль поведения Уоллиса. Хотя, конечно, у меня не было возможности ближе с ним познакомиться, потому что вскоре он перенесся через год. Представляете, какие это дает возможности для укрепления своего положения?

— Если, конечно, подчиненные не сговорятся против него в промежутках, — предположил я.

Он покачал головой.

— Не в этом случае. Он знает, кто ему по-настоящему предан и среди агентов, и среди обычных людей. Его всегда сопровождает тесный круг верных последователей, разбросанных во времени таким образом, что всегда один из них остается на руководстве. К тому же как организовать заговор среди послушных фермеров и рабочих, высокомерных солдат и чиновников, — все это до сих пор казалось непреодолимым. Иерусалимский поиск был проведен в качестве эксперимента, результат, если не считать меня, был разочаровывающим.

Хейвиг пожал плечами.

— Вернемся к главному вопросу, — продолжал он. — Американский английский в Убежище был признан официальным языком, и все должны были им владеть. Но даже и в этом случае я со многими не мог разговаривать свободно. Помимо акцента, слишком по-разному у нас устроено сознание. С моей точки зрения, большинство из них были просто бандитами. А с их — я неженка или слишком коварен, чтобы они себя спокойно чувствовали.

К тому же у них существовала подозрительность и ревность по отношению друг к другу. То, что они оказались вместе, не мешало им думать о других как о лайми, лягушатниках, бошах, гини и прочих наследственных врагах (Лайми — презрительное прозвище англичан; гини — так негры называют работорговцев. — *Прим. перев.*). Как их всех объединить общим делом?

И наконец, зачем им восставать? Среди них идеалистов не было; это вообще редкое качество, не забудьте. Но мы жили — они жили — как бойцовые петухи. Лучшая еда и питье, предметы роскоши, привезенные из других времен, слуги, наложницы, развлечения, частые отпуска в прошлое, если соблюдаются разумные предосторожности, и достаточное количество денег. Работа не трудная. Те, кто оказывался способен, получали соответствующую их способностям историческую и технологическую подготовку. Физически пригодные изучали боевые искусства. Остальные становились чиновниками, проводниками во времени, администраторами или исследователями, если на это хватало мозгов. Конечно, были и скучные, рутинные обязанности. Но сама работа исключительно интересная — или будет таковой, как только старшие решат, что я достаточно подготовлен. Только подумайте: разведчик во времени! — Нет, в целом мне не на что было жаловаться. Вначале.

— Но тебе, однако, не очень нравились твои новые друзья, — сказал я.

— Кое-кто понравился, — ответил он. — Сам Уоллис мог не только подавлять, но и очаровывать; его консерватизм, учитывая, что ему пришлось повидать, по-своему привлекал. Его главный помощник, Остин Колдуэлл, уже седой, но крепкий, первоклассный стрелок и всадник, эпический пьяница, обладал собственным неисчерпаемым запасом рассказов, да вдобавок своеобразным чувством юмора. К тому же, он отнесся ко мне по-дружески и нарушил некоторые свои обыкновения, чтобы облегчить мне начало. Руэл Оррик, бывший цирковой фокусник, великолепный старый мошенник. Джерри Дженнингс, едва окончивший школу мальчишка из Англии, отчаянно пытающийся найти новую мечту, после того как старая погибла в окопах 1918 года. Кое-кто еще. И Леонсия. — Он улыбнулся, хотя улыбка была странная. — Особенно Леонсия.

Вскоре после его появления они вдвоем отправились отдыхать. Хейвиг едва успел поселиться в своем двухкомнатном помещении в замке, и вещей у него не было. Она подарила ему ковер из шкуры и бутылку глинтвейна, привезенную из прошлого. Он не был уверен, просто ли это знак внимания или нечто большее. Ее манеры ставили его в тупик больше, чем диалект. Страстный поцелуй через пять минут после первой встречи — и потом небрежная веселость, и сидит она за обедом почти ежедневно с разными мужчинами... Но в эти первые дни слишком многое занимало мысли Хейвига.

Среди этого многого не было предложенной ему наложницы. Хейвигу не нравилось, что кто-то приказывает женщине лечь к нему в постель. Тем более обрадовался он приглашению Леонсии поехать на пикник, когда у них обоих оказался свободный день.

Разбойников из ближайших окрестностей потеснили, и патрули всадников убеждали, что они не смогут вернуться. Поэтому ехать без охраны совершенно безопасно. У них были с собой пистолеты, но только как знак принадлежности к господам: никому больше это не разрешалось.

Леонсия выбрала дорогу, которая несколько миль шла полями, дремлющими под утренним солнцем, но потом свернула в лес, достаточно большой, чтобы напомнить Хейвигу о лесах Моргана. Аромат свежескошенного сена уступил место запахам листвы и гумуса. Было тепло, ветерок шелестел в листве, гладил кожу, заставлял солнечные пятна танцевать в тени. Меж ветвей трещали и прыгали белки. Медленно стучали копыта, меж ног всадников под гладкой кожей двигались мышцы лошадей.

По пути Леонсия оживленно расспрашивала его. Он отвечал с радостью, избегая только некоторых тем. Что не станет нормальный мужчина рассказывать о себе привлекательной женщине? Особенно когда у него такое прошлое! Лингвистический барьер рухнул. Леонсия была здесь недолго, меньше года, даже если считать путешествия во времени. Но к этому времени она довольно неплохо владела английским, особенно когда не волновалась; а он своим натренированным слухом быстро научился понимать ее.

— Из Высоких Годов! — воскликнула она, наклонилась в стремени и схватила его за руку. На ладонях у нее мозоли.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он. — Незадолго до Судного Дня?

— Да, когда люди достигли луны, и звезд, и... всего.

Он понял, что, несмотря на свой размер и порывистость, она еще очень молода. Раскосые глаза смотрели на него из-под рыжих волос, которые сегодня она переплела лентами.

«Когда мы обрекли себя на то, чтобы стать собственными палачами», — подумал он. Но ему не хотелось говорить об этом.

— Ты как будто из благополучного периода? — спросил он.

Она состроила недовольную гримасу, но потом задумалась, обхватила рукой подбородок и смотрела на уши своей лошади, пока не ответила:

— И да и нет. У тебя то же самое, я думаю.

— Расскажи. Я слышал, что ты из будущего, но подробностей не знаю.

Она кивнула, рыжая волна пробежала по ее гриве.

— Примерно через сто пятьдесят лет. Народ Ледников.

Оказавшись в лесу, они больше не могли ехать рядом. Она поехала впереди. Он сзади восхищенно разглядывал ее фигуру, любовался грациозной посадкой в седле; разговаривая, она часто оборачивалась и улыбалась ему.

Он понял, что ее родина известна ему как область Ледникового и Вотертонского парков и хребта Биттеррут (Ледниковый парк — национальный парк в штате Монтана; Вотертонский озерный парк — национальный парк на западе Канады; Биттеррут — горный хребет на границе штатов Айдахо и Монтана. — *Прим. перев.*). Сегодня ее предки живут в восточной части этой местности, убежав от монголов, которые отвоевали равнины для собственных стад и ранчо. Ее предки и сегодня скорее охотники и трапперы, чем крестьяне. Иногда они совершают набеги на низины, иногда привозят меха, шкуры, руду, рабов в обмен на продовольствие и ремесленные товары. Они не объединены; вражда между семьями, кланами, племенами тянется поколениями.

Но по мере того как увеличивается их численность и расширяется территория проживания, возникает и некое подобие организации. Леонсия пыталась описать эту жизнь.

— Послушай, я из гнезда Раньяна, которое принадлежит к войску Вахорна. Гнездо ... это несколько семей, связанных кровным родством. Войско встречается четыре раза в

году, под руководством шерфа; в его присутствии убивают скот, приносят в жертву Гавду, Октаи и остальным, кого народ здесь называет Теми. Потом обсуждают разные вопросы, решают споры, иногда голосуют за принятие законов — голосуют взрослые, которые смогли прийти, и мужчины, и женщины одинаково. — Голос ее стал оживленным. — Ха! Но все только делают вид. А собираются, чтобы посплетничать, поторговаться, меняться, выпить, пошутить, показать себя... понимаешь?

— Кажется, да, — ответил Хейвиг. В примитивных обществах такая организация нередка.

— В более поздние времена, — продолжала она, — шерф и другие воины стали встречаться раз в год, в Конжерсе. Здесь распоряжается Джирнал — перворожденный в потомстве Инджина Самала, из гнезда Ровера, которое не принадлежит ни к одному войску. Тут пролилось бы много крови, потому что собираются враждебные гнезда, если бы не озеро Пендорея — это святое место, где всегда мир.

Хейвиг кивнул. Дикари становятся все менее дикими, начинают понимать преимущества закона и порядка — несомненно, после того как Инджина Самал сумел собрать вместе вождей.

— Когда я покидала свой народ, время было мирное, — сказала Леонсия. — Монголы ушли, а с новыми жителями равнин мы чаще торговали, чем воевали. Эти новые жители сильны и богаты. И мы все больше и больше подражаем им. — Она вздохнула. — Я знаю, что через сто лет после меня народ Ледников вступит в Северный Союз. Я не хочу возвращаться.

— Здесь как будто у тебя тоже нелегкая жизнь.

— Да. Но могло быть и хуже. Что я болтаю, у меня в жизни много интересного... Приехали.

Они привязали лошадей на маленьком лугу, по которому протекал ручей. На фоне неба отчетливо виднелись деревья вокруг луга и над журчащей водой; трава густая и мягкая, усеянная поздними полевыми цветами. Леонсия распаковала еду, которую приказала приготовить, огромное количество сэндвичей и фруктов. Хейвиг сомневался, что справится со своей долей. Ну, вначале все равно решили отдохнуть и выпить. Они сидели плечо к плечу, прислонясь спиной к стволу дерева, и разливали вино в серебряные чаши.

— Продолжай, — попросил он. — Я хочу больше узнать о тебе.

Ее ресницы дрогнули, он заметил легкие морщинки на носу.

— А, ничего интересного для тебя, Джек.

— Пожалуйста, мне интересно.

Она радостно рассмеялась. И все же история, которую она рассказала, была скорее печальной, чем веселой.

В роду Гласьер существовала традиция равенства между полами, которая никогда не умирала, либо возродилась в эту эпоху. Женщины, как и мужчины, ходили на охоту, участвовали в сражениях. Разумеется, существовала некоторая специализация. Так, мужчины выполняли работу тяжелую, требующую физической силы, а женщины делали то, что Леонсия называла «Скулой» — предсказания, разгадывания снов, чтение и письмо, лечение некоторых болезней, изгнание злых духов. И еще... напускание тумана на глаза, наведение порчи...

И никто из женщин не делал тайны из своего умения.

Отцом ее был (будет) Джем — Волчья Шкура, знаменитый воин. Он погиб во время нападения гнезда Дафи. Предлогом для нападения было стремление убить «тварь», которая у него родилась, на самом деле решили покончить с давно тянувшейся враждой. Но его жена Онда сбежала вместе с детьми и нашла убежище в войске Доннала. Последовали годы партизанской войны и интриг, прежде чем Раньяны нашли союзников и нанесли ответный сокрушительный удар. Леонсия, как разведчик, способный перемещаться во времени, сыграла в этом ключевую роль. И поэтому она неизбежно стала новой Скулой.

Друзья относились к ней вначале с уважением, а не со страхом. Она изучала обычные занятия и практиковалась в них, участвовала в развлечениях. Но ее дар выделял ее, и вместе со способностями рос и страх перед ней. К тому же, несмотря на стойкий фатализм, ей причиняло боль знание судьбы тех, кого она любила. Тем не менее, обладая такой Скулой, войско Вахорна все время усиливалось.

А Леонсия становилась все более одинокой. Ее ровесники выходили замуж и переселялись, они остались с Ондой одни в старом жилище Джема. У обеих были любовники, как принято у незамужних женщин народа Ледников, но никто из этих любовников не хотел жениться на Леонсии, хотя бы потому, что она оказалась бесплодной, и постепен-

но они вообще перестали приходить. Прежние друзья искали ее помощи и совета, но никогда не ради удовольствий. В поисках общества она настояла на участии в набегах на низины. Родичи тех, кто погиб в набегах, сторонились ее и спрашивали, почему Скула позволила им погибнуть: ведь ее силы могли их уберечь. Или она хотела их гибели? Потом умерла Онда.

Вскоре разведчики Убежища проследили происхождение странного слуха и добрались до его источника — до нее самой. Она встретила их со слезами и восторгом. Войско Вахорна больше никогда ее не видело.

— Боже мой! — Хейвиг обхватил ее за плечи. — Тебе несладко пришлось.

— Да, но когда добралась сюда, было много хорошей охоты, катания на лыжах, пиров, пения, шуток. — Она выпила много вина, и дыхание ее стало ароматным. — Я хорошо пою. Хочешь послушать?

— Конечно.

Она пошла к лошади, чтобы достать из седельной сумки музыкальный инструмент, похожий на карликовую гитару, и через минуту вернулась.

— Я еще играю на костяной флейте, но тогда не могу петь. Вот песня, которую я сочинила сама. Я часто проводила время, сочиняя песни.

К некоторому его изумлению, пела она прекрасно.

— Посдем туда, где гремят скалы.

Где солнце сияет на твоём копье...

От ее голоса и от слов песни у него по коже поползли мурашки.

— Ну и ну! — сказал он, когда она закончила. — А что еще ты умеешь?

— Ну, я умею немного читать и писать. Играю в шахматы. Правила меняются со временем, но я учусь быстро. И Остин научил меня играть в покер. Я у него часто выигрываю. И еще я умею шутить.

— Что?

Она улыбнулась и обняла его.

— Я думала, мы пошутим после еды, Джек, милый, — прошептала она. — Но можно и до и после.

И он с радостью и наслаждением обнаружил, что еще одно слово с течением времени изменило свое значение.

— Да, — говорил он мне. — Мы поселились вместе. И жили вместе до тех пор, пока... я оставался там. Несколько месяцев. В основном это было прекрасно. Мне на самом деле нравилась эта девушка.

— Но, очевидно, ты не был влюблен в нее, — заметил я.

— Н...н...нет. Думаю, нет. Хотя что такое любовь? У нее такое бесконечное количество разновидностей, и степеней, и вариантов, и квантовых переходов, что... Ну, неважно. — Он смотрел в ночь, заполнившую окна комнаты, в которой мы сидели. — У нас бывали ссоры, ужасные скандалы, и кончались они тем, что она ударяла меня и смеялась надо мной, потому что я не отвечал ей тем же. Она была горяча, как капсюль-детонатор, моя Леонсия. Примирения были такими же бурными. — Он потер усталые глаза. — Не соответствует моему темпераменту, а, док? Признаю: я ревновал, и моя ревность приносила немало неприятностей. Она спала со многими агентами, с обычными людьми тоже, прежде чем я появился, не говоря уже о своем высокогорье. И продолжала это делать, хотя и не часто; однако если мужчина ей нравился, таков был ее способ проявить доброту и сблизиться с ним. Естественно, у меня была такая же свобода в отношениях с другими женщинами, но... мне... она... не была нужна.

— А почему она не забеременела от какого-нибудь агента?

Рот его дернулся.

— Когда в Убежище ей объяснили ситуацию, она настояла на том, чтобы отправиться в конец Высоких Годов, отчасти чтобы посмотреть, как я, когда переносился в Грецию Перикла или Италию Микеланджело, но также для того, чтобы пройти временную стерилизацию. Она хотела иметь детей, в свое время, когда осядет... кажется, жены народа Ледников ведут целомудренную жизнь, — но это время еще не пришло, а пока она радовалась сексу, как и всему остальному в жизни. Черт побери, какая это была любовница!

— Но если она преимущественно оставалась с тобой, вы должны были сильно привлекать друг друга, — сказал я.

— Так и было. Я пытался, насколько позволял характер, объяснить ей, что привязывает меня к ней. Со стороны Леонсии ... трудно быть уверенным. Знали ли мы на самом

деле друг друга? А знает ли вообще мужчина женщину? Да, мои знания и ум возбуждали ее. У нее у самой был острый ум, конечно, необразованный, но острый. И, если быть откровенным, я не сомневаюсь, что у меня в Убежище был самый высокий коэффициент интеллектуальности. Кроме того, вероятно, действовало притяжение противоположностей. Она называла меня нежным и мягким — не покровительственно, потому что я был очень хорош в играх и физических упражнениях, но все же я не был диким горцем или грубым наемником периода Возрождения.

Снова он слегка улыбнулся.

— В целом, с ней я провел лучшее — за одним исключением — время в жизни, и думаю, так будет уже всегда. И всегда буду благодарен ей — за это и последующее.

* * *

Подозрения возникали и усиливались постепенно. Хейвиг сопротивлялся им. Но все больше и больше убеждался, что от него что-то утаивают. Подозрение вызывало то, как уклоняются от некоторых тем, не отвечают на его вопросы; он замечал замешательство Остина Колдуэлла, или резкий ответ Конрада фон Левена «Не могу сказать, что мне было приказано», или то, как торопливо менял тему и старательно напивался Руэл Оррик, или мягкое «Когда Бог позволит, тебе все откроется, сын мой» инквизитора падре Диего, или просто совет заткнуться, который давали ему солдаты.

Он не был одинок в своей изоляции. Большинство остальных, с кем он пытался поговорить, проявляли уклончивость, то ли из благоразумия, то ли из-за равнодушия. Но юный Джерри Дженнингс воскликнул:

— Клянусь Юпитером, вы правы!

То же самое, но в более крепких выражениях, сказала и Леонсия. Немного погодя она добавила:

— Но ведь нам не могут все сказать сразу.

Он возразил:

— Мы с Конрадом появились одновременно. Позже тебя.

Любопытство ее разгорелось, и она нашла собственные методы расследования. Не то, что вы думаете. Она вполне могла соперничать с суровым презирающим женщин наемником и пить кубок за кубком, пока он не становился мягким и податливым, а она сохраняла трезвую голову.

Могла поймать и трезвого на искусный вопрос; ей помогало то, что она долго была шаманом. И еще она по ночам приводила Хейвига в ужас, со смехом рассказывая, как нарушала строжайший запрет, без разрешения отправляясь в разные периоды существования Убежища, чтобы подглядывать, высматривать и подслушивать.

Она заключила:

— Насколько я смогла узнать, старик Уоллис опасается, что тебя разозлит то, что некоторые агенты проделывают во времени. Тебя хотят приучить постепенно.

— Я и сам пришел к такому же заключению, — мрачно сказал Хейвиг. — Я видел прошлые века и знаю, каких типов они порождают. Путешественники, которые проявляют себя настолько, что их обнаруживают агенты Уоллиса, должны быть смелыми — а во многих случаях это означает и жестокими. И то, что они появляются здесь, их не меняет.

— Кажется, отдан приказ, чтобы тебе открывали правду не сразу. А на меня он распространился только потому, что я, с тобой. — Леонсия поцеловала его. — Все в порядке, милый.

— Ты хочешь сказать, что готова простить грабежи и...

— Не кипятись. Ко всему можно привыкнуть. Может, им приходится быть жестокими. А твой народ не был жесток?

И он с болью вспомнил время, бесчеловечные деяния; жестокую эксплуатацию коренных жителей в колониях, изгнание индейских племен с их исконных земель и многое другое.

— К тому же, — откровенно сказала Леонсия, — слабые погибают, если только им не повезло и их не охраняет кто-нибудь сильный. Ведь до прихода Старика мы все были слабыми. — Она немного подумала. — Если бы я была бессмертна, я никого не убивала бы, разве только для еды. Но я умру. Я тоже участвую в игре. И ты тоже, дорогой. Так что давай попытаемся выиграть.

Он долго обдумывал ее слова.

* * *

— Все равно, — говорил он, и я слышал боль в его голосе, — мне нужно было убедиться, что золото стоит больше, чем его добыча и отходы.

— Оправдывает ли цель средства? — ответил я. — Я тебя

понимаю. Сказать, что никогда не оправдывает, было бы идеально. Но в реальном мире всегда приходится выбирать меньшее зло. Говоря как старый врач... да, мне тоже приходилось делать уколы, чтобы снять невыносимую боль. А иногда сделать выбор было еще труднее. Продолжай, пожалуйста.

— Мне пообещали, что я смогу осмотреть эпоху маури, — сказал он, — чтобы я смог убедиться, что это в лучшем случае переходный период, что предводители маури превратились в тиранов и пытались остановить развитие мира. Чтобы я согласился: когда гегемония маури начнет разрушаться — может, отчасти подорванная нашей деятельностью, — мы сможем вмешаться, захватить власть, помочь вернуть человечество на путь развития и совершенствования.

— Конечно, не открыто, — заметил я. — Неожиданное появление множества путешественников во времени не может остаться незамеченным.

— Конечно, конечно. Мы должны были столетиями тайно сосредоточивать силы, пока не будем готовы действовать неявно. Какое будет использовано прикрытие, оставалось неясным; но признавалось, что из-за обычных трудностей у нас еще очень мало информации. К тому же я слышал долгие философские споры таких парней, как падре Диего, относительно свободной воли и прочего. Мне казалось, что логика здесь неверная, но я молчал.

— Леонсии действительно разрешили уходить в будущее?

— Да. Поэтому она обычно оправдывала Уоллиса, несмотря на отдельные капризы. Она рассказывала мне о мире, в котором был достигнут прогресс, о все более и более долгих мирных промежутках. Но она не соглашалась с тем, что прогресс должен быть именно таким. Конечно, этот мир располагал флотами отличных парусников, дирижаблями, приводимыми в движение электричеством, океанскими фермами, аккумуляторами, накапливающими солнечную энергию, широким использованием бактериальных клеток, которые уничтожают отходы живых организмов, новыми достижениями теоретической и прикладной науки, особенно биологии...

Он остановился, чтобы перевести дыхание, и я тут же вставил:

— Не говори, что эта твоя любимая валькирия пользовалась такими терминами!

— Нет, нет. — Он оставался серьезен. — Я забегаю вперед: все это я видел сам или мне объяснили. Ее впечатления были более общими. Но у нее была наблюдательность охотницы и колдуньи. И ход основного развития она отмечала совершенно правильно.

— Какой именно ход?

— Люди не поднимались непрерывно вверх. Они достигли плато, на котором и остановились. Биотехнологическая культура перестала развиваться, она только расширялась.

— Да, не похоже на ее идеал возрожденных Высоких Годов или на представление Уоллиса о непрерывном росте и достижениях.

— Я быстро просмотрел и последний период, который как будто заканчивался регрессом и всеобщим насилием. Агенты Убежища не решались исследовать его подробнее, пока у нас не будет более сильной организации. И не вполне понимали, что таится под поверхностью. Потом все снова становилось мирным, но совершенно непонятым. И то, что я смог увидеть, подтверждало эти наблюдения.

— На что похожа эта жизнь? — спросил я. — Можешь рассказать мне?

— Очень немного. — Ответ его прозвучал резко. — У меня нет времени. Непривычно такое слышать от меня, верно? Но это правда. Не забывайте, я беженец.

— Я так понял, что путешествие в будущее не уменьшило твоих подозрений по отношению к намерениям Уоллиса, — сказал я с большим спокойствием, чем испытывал. — А почему?

Он провел пальцем по своим светлым, промокшим от пота волосам.

— Я новичок в том времени, — ответил он. — Подумайте, док. Вспомните, как очень умные люди, вроде Бертрانا Рассела или Генри Уоллеса, бывали в России Сталина и возвращались, говоря, что у этой страны есть свои проблемы, но они преувеличены и возникают главным образом из-за внешних факторов и что доброжелательное правительство успешно с ними справляется. Не забудьте, что большинство их проводников так действительно думали и совершенно искренне утаивали от иностранных гостей то,

что те могли неверно понять. — Улыбка его стала неприятной. — Может, проклятие моей жизни в том, что я утратил способность верить.

— Ты хочешь сказать, что начал сомневаться в благотворной роли Убежища? И что, может быть, цивилизацию маури оклеветали, а тебе показывали только нечто нетипичное?

— Не совсем так. Все зависит от истолкования... вот вам пример.

* * *

Не каждому новичку позволяли такие длительные экскурсии, как Хейвигу. Очевидно, Уоллис очень высоко оценивал его потенциальные возможности и особенно старался убедить его.

В своих путешествиях вперед и назад по хронологии Хейвиг видел документ в совершенно секретном хранилище. (Он смог его прочесть, потому что вторым государственным языком федерации был «иглис», а написание изменилось меньше, чем произношение). В документе сообщалось о том, что ученые в Хиндурадже тайно создали атомный генератор, который мог покончить с недостатком энергии на Земле. Маури также тайно узнали об этом, уничтожили проект и сделали так, чтобы о нем не стало никогда известно.

Сообщалось, что причиной таких действий было опасение, что революционное новшество нарушит Мир. И хуже того, приведет к восстановлению ненасытной машинной культуры, которую планета больше не выдержит.

И все же... в еще более далеком будущем, после маури, Хейвиг видел огромные беззвучные установки... видел людей, животных, траву, деревья, звезды, ярко светившие в прозрачном воздухе...

* * *

— Искренни ли были социологи и адмиралы Тихого океана в своих верованиях? — хриплым шепотом спрашивал он. — Или они только пытались сохранить свое положение? Или и то и другое, или ни то, ни другое? Но что именно? И хорошо ли это далекое будущее? Может,

это чудовище, которое не разглядишь извне; может, оно подрывает само существование жизни... Откуда мне знать?

— Ты не пытался расспрашивать своих проводников?

— Они сами не знали. Кстати, руководителем был Остин Колдуэлл, честный человек, жилистый, как индейцы, которые когда-то охотились за его скальпом. Но честный.

— И что он сказал тебе?

— Чтобы я перестал нести вздор и верил бы в Сахема. Сахем многого добился, верно? Сахем изучал эти проблемы, он все продумал; он не делает вид, что все знает, но делится с нами своей мудростью и поведет нас по верному пути.

А что касается меня, сказал Остин, то мне стоит помнить, как это все трудно, как нужно переноситься через столетия, чтобы использовать быстрый транспорт и попасть в другое место. Что на меня и так уже затрачено много драгоценного времени жизни. Если я не могу признать необходимую дисциплину — а без нее возможны самые разрушительные последствия, — что ж, я волен уйти в отставку, но не должен буду никогда показываться вблизи Убежища.

Что мне оставалось делать? Я извинился и вернулся вместе с ними назад.

9

Ему дали несколько свободных дней, и он провел их с Леонсией, восстанавливая душевное равновесие. Период знакомства и обучения у него затянулся, появилась возможность заниматься старинными зимними видами спорта. Он читал историю будущего, написанную Уоллисом, обдумывал прочитанное в свете увиденного и обсуждал с Вацлавом Красицким, самым образованным из оставшихся руководителей гарнизона.

Сахем признавал, что далек от всеведения. Но он видел больше других и повторял свои экспедиции в различном

окружении. Он много путешествовал не только во времени, но и по поверхности Земли, гораздо больше, чем его подчиненные: транспортные ограничения его не сдерживали. Он много разговаривал с людьми разных эпох, расспрашивал их, что другим не разрешалось во избежание подозрений.

Он знал, что Убежище будет находиться на своем месте и под его контролем в течение следующих двух столетий. Он встречал самого себя, и это его будущее «я» сообщило, что первая фаза плана завершена удовлетворительно. К тому времени крупные силы, сосредоточенные в Убежище, должны были быть эвакуированы. Очаги возрождающейся цивилизации возникали по всей Америке, маури проникали повсюду, и уже невозможно было оставаться изолированными или делать вид, что предводители Убежища не выделяются ничем необычным.

Была сооружена (будет сооружена) новая база. Уоллис побывал в ней и обнаружил, что она совершенно не похожа на старую. Повсюду современные материалы, изящные сооружения — главным образом подземные, в них сложные механизмы, автоматы, термоядерная установка.

Эта была эра восстаний против Маури. Их попытка навязать свою философию всему человечеству, вызвала недовольство, мятежи вспыхивали в разных уголках Земли. В одной из стран был разработан водородный реактор, и она не делала из этого секрета. Разваливались старые союзы и блоки, на их обломках возникали новые.

«Нам постоянно нужны терпение и жестокость,— писал Уоллис.— Теперь у нас гораздо больше материальных ресурсов, чем в эру Первой Фазы, и гораздо больше опыта и умения, чтобы использовать их. Главное, что нужно нам сделать — это увеличить наши военные силы за счет пересылки в эту эпоху путешественников. Я прекрасно понимаю, что это связано с большими трудностями. У нас нет надежды победить весь мир. Наша империя должна воздвигаться медленно и постепенно.»

Таким ли будет завершение второй фазы плана? Земля снова почти исключительно занимается сельским хозяйством, всем правят повелители из Убежища, в своих загадочных таинственных машинах. Никто не смеет бросить им вызов. Уоллис верил в это. Он верил в то, что во время третьей фазы общество будет переделываться его хозяевами, будет создаваться совершенно новый тип человека.

Бывая в далеком будущем, он видел чудеса, которые даже не пытался описать.

Но эта часть его книги была самой неясной. Все труднее становилось добывать точную информацию. Он собирался продолжать это делать, но не сам, а через других. Он признавал, что основная часть его жизни пройдет в первой фазе. Его второе «я», которое он встретил в конце этой фазы, было уже очень пожилым человеком.

«Будем довольны своей ролью Божьих помощников в искуплении, — писал он. — Но те, кто хочет, могут питать особые надежды. Разве для науки невозможно в конце концов научиться возвращать молодость старикам, делать человеческое тело бессмертным? Я уверен, что к тому времени путешествия во времени будут поняты и станут общераспространенными. Разве это удивительное будущее не может обратить внимания на нас, тех, кто его породил, и вознаградить своих создателей?».

Хейвиг поджал губы. Он думал: «Я видел, что бывает, когда насильно загоняют людей в идеологические рамки».

Потом он подумал: «Впрочем, возможны варианты. Вероятно, в конце мы можем быть не хозяевами, а учителями».

И наконец: «Побуду здесь еще какое-то время. Ведь альтернатива — зря потратить свой дар, прожить жизнь бесполезно».

* * *

Его вызвал Красицкий. Холодный день. Солнце сверкало в сосульках, висящих на башенках. Проходя по двору, Хейвиг дрожал.

Красицкий, в мундире, сидел в кабинете, аккуратном и обставленном, как монастырская келья.

— Садись, — приказал он. Стул твердый и скрипучий.

— Готов ли ты к работе? — спросил Красицкий.

Хейвиг почувствовал, что волнуется. Пульс его ускорился.

— Д...да. Жду с нетерпением. Я... — Он выпрямился. — Да.

Красицкий просмотрел несколько бумаг на столе.

— Я следил за твоим продвижением, — сказал он, — и думал о том, как тебя получше использовать. Так, чтобы не подвергать тебя риску. Я знаю, у тебя большой собствен-

ный опыт перемещений во времени, это делает тебя особенно ценным. Но до сих пор ты не выполнял наших поручений. — Он сдержанно улыбнулся. — Мысль, которая пришла мне в голову, связана с твоим прошлым опытом.

Хейвиг сохранял внешнее спокойствие.

— Мы должны развивать свои возможности, особенно в наборе рекрутов, — продолжал Красицкий. — Ты сказал, что бегло владеешь греческим койне. И описывал свое посещение Константинополя в Византии. Похоже, это стратегический пункт, с которого можно начинать поиски по всему периоду средневековья.

— Великолепно! — в неожиданном приливе радости и возбуждения воскликнул Хейвиг. — Центр цивилизации, все проходят через Золотой Рог, и... и мы вполне можем выдать себя за купцов...

Красицкий поднял руку.

— Подожди. Может, позже, когда у нас будет достаточно сил, когда создадим разветвленную сеть, над этим можно будет подумать. Сейчас количество наших человеколет строго ограничено. Мы не можем зря тратить их. Не забывай, первая фаза должна быть завершена к определенной дате. Нет, Хейвиг, нам нужен более быстрый и прямой способ.

— Какой именно?

— Имея достаточные запасы денег и сокровищ, мы легко можем устраиваться в нужное время. Но ты сам знаешь, как трудно перемещать что-то во времени. Поэтому капитал мы должны собирать ... на месте?... да, на месте. И, как я сказал, быстро.

Подозрения Хейвига сменились отчаянием.

— Неужели ты говоришь о грабеже?

— Нет, нет, нет. — Красицкий покачал головой. — Подумай. Слушай. Нападение на мирный город, достаточно большой, чтобы дать нужную добычу, было бы опасно и подозрительно. Могло попасть в книги по истории и тем самым уничтожить нашу маскировку. К тому же, само по себе это опасно. Наших людей мало, мы не можем открыто снабжать их огнестрельным оружием. И машин у них не будет. Византийская армия и полиция многочисленны и хорошо организованы. Нет, я не предлагаю безумных планов.

— Что же тогда?

— Нужно воспользоваться хаосом, чтобы изъять то, что

и так будет похищено наемниками, вторгнувшимися в город. Мы, по крайней мере, используем это с добрыми целями.

Хейвиг молча смотрел на него.

— В 1204 году, — продолжал его начальник, — Константинополь был захвачен крестоносцами. Четвертый крестовый поход. Они разграбили город. Осталась пустая шелуха. — Он махнул рукой. — Почему бы нам не получить свою часть? Законные владельцы все равно потеряют свое добро. — Он всмотрелся в лицо собеседника и добавил: — И, конечно, мы подумаем о компенсации, защитим этих людей от убийства и насилия, поможем вернуться к жизни.

— Черт возьми! — Хейвиг едва не подавился. — Похищение!

* * *

Хейвиг поработал в большой библиотеке микрофильмов, имевшейся в Убежище, для него приготовили соответствующий костюм и другие вещи, и он отправился.

Самолет высадил его вблизи развалин Стамбула 21 века и улетел так же быстро, как переместился в прошлое Хейвиг. Пепел города очень радиоактивен. Хейвиг не рассказывал о своем хронологе, и теперь ему приходилось искать цель, подсчитывая количество появлений солнца, примерно прикидывая, сколько дней он пропустил. Появившись в обычном времени, он дальше действовал методом проб и ошибок.

Леонсия пришла в ярость, когда он отказался взять ее с собой. Но чтобы быть полезной, ей не хватало знаний. Она могла быть только спутником и утешительницей. Больше того, она стала бы помехой: ее явная чуждость привлекла бы внимание. Хейвиг собирался выдать себя за паломника из Скандинавии — конечно, католика, но не такого нетерпимого, как французы, венецианцы, арагонцы, представители народов Запада, которые, как волки, накинулись на умирающую империю. Конечно, лучше было бы выдать себя за русского. Но русские здесь встречаются повсеместно, и их православная ортодоксальная вера хорошо известна. Он боялся допустить промах и выдать себя.

Хейвиг начал не с года завоевания. Время будет слишком тревожное, каждый чужак подозрителен, и он не сможет изучить обстановку тщательно, как ему нужно.

Крестоносцы вошли в Константинополь в 1203 году, после осады со стороны моря, и посадили на трон своего ставленника. Они задержались, собирая добычу, прежде чем продолжить путь в Святую Землю. Марионеточный император обнаружил сокровищницу пустой и начал тянуть время. Противоречия между восточными римлянами и «франками» чрезвычайно усилились. В январе 1204 года Алексий, зять свергнутого императора, собрал достаточно сил, чтобы захватить дворец и корону. Три месяца он со своими сторонниками пытался изгнать крестоносцев. Их надежда на Божью помощь рухнула, когда Алексий, не такой отважный, как они, отчаялся и бежал. Крестоносцы через открытые ворота ворвались во дворец. Они привели себя в самоубийственный праведный гнев по поводу «жестокости греков», и тут же началась резня.

Хейвиг выбрал весну — это прекрасное время года ему всегда нравилось — 1195 года в качестве базы для вставания в обстановку, хотя до завоевания было еще далеко. Он имел хорошо сделанные документы, которые позволили ему миновать стражу у ворот, а также золото, которое можно было обменять на монеты. Сняв комнату в хорошей гостинице — ничего похожего на свинарники, в которых приходилось жить на западе, — он начал свое исследование.

Прежде он бывал в этом городе в спокойном 1050 году. Великолепие, которое он теперь увидел, живость и космополитическое многообразие оказались не меньшими. Хоть и утративший свое могущество, Новый Рим оставался центром Европы.

Но Хейвиг увидел его с теневой стороны.

* * *

Дом и мастерская ювелира Лукаса Манассеиса находились на холме в самом центре города. Рядом квадратные и прочные соседние дома, обращенные к улице слепыми стенами, а сама улица широкая, хорошо вымощенная и выметенная. С плоской крыши дома открывался отличный вид на стены, окружающие огромный город, и за них; на лабиринт улиц, на бесчисленные дома и высокие купола церквей; на центральную улицу, которая называлась Месе; за воротами Чарисиуса видна была цветущая сельская местность; на колонны со статуями славнейших времен Эллады, на монастыри, музеи и библиотеки, в которых

хранились труды таких мужчин, как Эсхил, и таких женщин, как Сафо, — эти труды люди будущих столетий так и не прочтут; на широкий форум, пульсирующий жизнью, вплоть до ипподрома и великолепного огромного комплекса, который служил императорским дворцом. Если посмотреть в другую сторону, то можно видеть сверкающую гладь Мраморного моря, бухту Золотой Рог, где теснились торговые парусники.

На улицах города было большое движение. Шум колес, цоканье копыт, крики, ругательства, песни, смех, всхлипывания, молитвы — все смешалось в одном биении сердца большого города. Ветер приносил запахи моря, которые смешивались с запахом дыма, жареного мяса, конского навоза, запахом человека. Хэйвиг с наслаждением вдыхал этот воздух.

— Благодарю тебя, кириос Хаук, — сказал Лукас Манассис, — я очень рад, что тебе тут нравится. По всему было видно, что он удивлен, что франк не охаивает все греческое. Впрочем Хаук Томассон не был франком, или кем-либо из союзников англичан. Он приехал сюда из какого-то северного королевства.

— Это я должен благодарить тебя, кириос Маннассис за то, что ты показал мне все это, — ответил Хэйвиг.

Они обменялись поклонами. Византийцы никогда не отличались сдержанностью; помимо страстной религиозности и страстной любви к красоте, они всегда обладали живостью и умением наслаждаться жизнью, как левантинцы любого времени, но отношения их высших классов отличались утонченной церемониальной вежливостью.

— Ты выразил заинтересованность, — сказал Лукас. Это был седобородый мужчина с красивым лицом и близорукими глазами. Худое тело, казалось, теряется в обычной просторной далматинской одежде.

— Я просто заметил, кириос, что мастерская, в которой создаются такие прекрасные вещи, должна быть окружена вызывающими вдохновение видами. — Общественные здания изучить легко. Но главные богатства находятся в частных руках, и чтобы познакомиться с ними, лучше всего сделать вид, что ищешь, скажем, подарок, чтобы отвезти его домой, и при этом пересмотреть как можно больше образцов.

Действительно, черт возьми, Лукас со своими подмастерьями создавал поразительно прекрасные вещи.

— Ты очень добр, — сказал ювелир. — Хотя я считаю — ведь все добро исходит от Господа, — что мы должны больше любоваться его творением, чем заботиться о собственных удобствах.

— Вроде этого? — Хейвиг указал на цветущую дикуую яблоню в большой кадке.

Лукас улыбнулся.

— Это для моей дочери. Она любит цветы, а мы не можем ежедневно отвозить ее за город.

Женщины здесь обладают почетным статусом, многими законными правами и защитой. Но, по-видимому, Лукас решил, что гость нуждается в дополнительных разъяснениях:

— Возможно, мы с Анной ее балуем. Однако она наш единственный ребенок. Да, я был женат раньше, но сыновья покойной Евдоксии теперь взрослые. Ксения — первый ребенок Анны и моя единственная дочь.

Повинуясь порыву, он добавил:

— Кириос Хаук, не сочти меня слишком дерзким. Но я поражен встречей с таким ... дружественно настроенным ... чужеземцем из такой далекой страны. Много лет прошло с тех пор, как люди из твоей страны были у нас в варяжской страже. Мне хотелось бы подольше поговорить с тобой. Не окажешь ли честь нашему дому во время вечерней еды?

— Спасибо. — Хейвиг решил, что это редкая возможность поближе познакомиться с обстановкой. Византийские купцы и ремесленники объединялись в закрытые гильдии под присмотром префектов. Этот человек, известный мастер своего ремесла, вероятно, знает всех коллег и их дело. — С радостью.

— Не возражаешь ли, гость мой, если еду разделят с нами жена и дочь? — застенчиво спросил Лукас. — Они не будут вмешиваться. Но с радостью послушают тебя. Ксения — прости мою гордость, но ей только пять лет, а она уже умеет читать.

Ксения действительно оказалась прекрасным ребенком.

* * *

Хаук Томассон вернулся через год и рассказал, что служит в афинской фирме. Греция принадлежала империи и будет принадлежать до самой катастрофы; но торговля с другими странами настолько попала под контроль чужеземцев, что его рассказ был правдоподобным. Служба теперь часто будет приводить его в Константинополь. Он счастлив возобновить знакомство и надеется, что дочь

кириоса Манассиса согласится принять небольшой подарок...

— Афины! — прошептал ювелир. — Ты живешь в сердце Эллады? — Он положил руки на плечи гостя. В глазах его стояли слезы. — Как замечательно! Увидеть эти храмы было мечтой всей моей жизни... Да простит меня Господь, я хотел этого больше, чем увидеть Святую Землю.

Ксения с благодарностью приняла игрушку. За обедом и после него она восторженно слушала, пока нянька не увела ее в постель. Замечательный ребенок, подумал Хейвиг. Девочка необыкновенно умна и не избалована, хотя, по-видимому, у Анны больше детей не будет.

Хейвиг был доволен. Культурный, чувствительный, наблюдательный человек может найти радость в любом времени. На какой-то срок исполняемое им поручение утратило свои кошмарные свойства.

На самом деле он просто переносился ненадолго в будущее. Ему нужны постоянные появления, чтобы не устарили первоначальные данные наблюдений. Одновременно он может заводить больше связей, задавать больше вопросов, чем это возможно при единственном посещении.

Но, подумал он через несколько календарных лет, не больше ли он проводит здесь времени, чем необходимо? Неужели действительно нужно так часто навещать семью Манассеса, стать своим в ней человеком, проводить с ними праздники, бывать на пикниках, приглашать на обед или на день на специально нанятую баржу? Он явно превышает намеченные расходы.. К дьяволу все это! Он может и сам снабжать себя, например, играя на ипподроме. Ведь результат известен ему заранее. У агента, работающего в одиночестве, большие возможности.

Он чувствовал себя виноватым, когда лгал друзьям. Но тут ничего не поделаешь. В конце концов его цель — спасти их.

* * *

Голос у Ксении высокий и звонкий; слыша его или вспоминая, Хейвиг всегда думал о певчих птицах. Так было с того времени, когда она преодолела робость и впервые рассмеялась в его присутствии. С тех пор она болтала с ним, сколько позволяли родители, и даже больше, когда они этого не видели.

Она была стройна, как тростинка. Он не видел, чтобы двигались с такой грацией; и когда не требовалась сдержанность, ноги ее танцевали. Волосы ее цвета полуночи массой громоздились на голове и, казалось, сгибали своей тяжестью стройную шею. Кожа чистая и бледная, лицо овальное, губы всегда чуть раскрыты. На лице господствовали глаза, огромные, с густыми ресницами, светящиеся и черные. Такие глаза постоянно видны в мозаике Равенны, у императрицы Феодоры Великой; их невозможно забыть.

Странно было встречать ее с интервалами в месяцы, которые для Хейвига были только днями и часами. Каждый раз она казалась поразительно выросшей. Он испытывал ощущение безмерности реки, которую он может переплыть, но которая несет ее из тьмы во тьму.

* * *

Дом окружал двор, в котором росли цветы и апельсины и играли фонтаны. Лукас с гордостью показывал Хейвигу свое последнее приобретение: в углу на пьедестале бюст Константина, который крестил римлян и в честь которого был назван Новый Рим.

— Я уверен, бюст сделан с натуры, — сказал он. — Сейчас скульпторы потеряли прежнее мастерство. Посмотри на его величественно сжатый рот...

Девятилетняя Ксения хихикнула.

— В чем дело, дорогая? — спросил ее отец.

— Ничего, — ответила она, не переставая смеяться.

— Скажи нам. Я не рассержусь.

— Он... он... он произносит очень важную речь, но ему хочется пукнуть...

— Клянусь Вакхом, она права! — воскликнул Хейвиг.

Лукас некоторое время боролся с собой, потом сдался и присоединился к их смеху.

* * *

— О, пожалуйста, пойдем с нами в церковь, Хаук! — просила она. — Ты не знаешь, как это прекрасно, когда молитва, и аромат, и огонь свечей устремляются вверх, к Христу Пантократору (Властитель, *греч.* Икона с поясным изображением Христа. — *Прим. перев.*) — Ей одиннадцать лет, и она полна любви к Богу.

— Прости, — ответил Хейвиг. — Ты ведь знаешь, я католик.

— Святые не рассердятся. Я спрашивала папу и маму, они тоже согласны. Мы скажем, что ты русский, если потребуется. Я тебе покажу службу. — Она потянула его за руку. — Идем!

Он уступил, не зная, то ли она надеется обратить его, то ли просто хочет показать своему почетному дядюшке замечательное зрелище.

* * *

— Как это прекрасно! — Она прижала к груди подарок на свой тринадцатый день рождения, прежде чем показать его. — Папа, мама, посмотрите, что подарил мне Хаук! Это книга, все п...п...пьесы Эврипида, все, и это мне!

Когда она пошла переодеваться для праздничного обеда, Лукас сказал:

— Королевский подарок. Не только из-за цены книги и переплета. Это подарок от души.

— Я знаю, что она, как и ты, любит древних авторов, — ответил путешественник.

— Простите меня, — сказала Анна, мать, — но в ее возрасте ... может, Эврипид слишком труден?

— Времена у нас трудные, — ответил Хейвиг и больше не смог изображать веселье. — Трагедии могут облегчить ей встречу с судьбой. — Он повернулся к ювелиру. — Лукас, я опять тебе говорю. Клянусь тебе, через свои связи я знаю, что венецианцы именно сейчас договариваются с другими франкскими лордами...

— Ты уже говорил об этом. — Ювелир кивнул. Волосы его и борода стали почти совершенно седыми.

— Еще не поздно тебе с семьей переселиться в безопасное место. Я помогу.

— Где более безопасное место, чем за этими стенами, которые не сумел преодолеть ни один захватчик? Или где найти спасение от нищеты и голода, если я брошу свою мастерскую? Что будут делать мои подмастерья и слуги? Они не смогут переселиться. Нет, мой добрый старый друг, и благоразумие, и долг говорят мне, что я должен остаться и довериться Господу. — Лукас слегка усмехнулся. — «Старый», я сказал? Но ты не меняешься. Сейчас ты в самом расцвете сил.

Хейвиг с трудом глотнул.

— Не думаю, чтобы я скоро снова появился в Константинополе. Мои хозяева в нынешних обстоятельствах... Будь осторожен. Старайся держаться незаметно, прячь свое богатство, не выходи на улицы, когда этого можно избежать, и особенно по ночам. Я знаю франков.

— Хорошо. Я буду иметь это в виду, Хаук. Но ты чересчур опасаясь. Ведь это же Новый Рим.

Анна взяла их обоих под руки, неуверенно улыбаясь:

— Может хватит политики, мужчины? — сказала она. — Украсьте улыбками свои постные лица. Сегодня же день рождения Ксении. Разве вы забыли?

* * *

Хэйвиг вышел от Манассиса весьма озабоченный.

Он вернулся назад, в более счастливое время, снял комнату в гостинице и, плотно поужинав, лег спать. Утром он хорошо позавтракал. Это было нелишне для человека, которому скоро предстоит сражаться.

Он переместился вперед, в 12 апреля 1204 года.

* * *

Он мог быть только наблюдателем в эти дни и ночи грабежа. Приказы, полученные им, были вполне определенными и разумными: «Если возможно, избегай опасностей. Ни при каких обстоятельствах не пытайся вмешиваться и изменять ход событий. И никогда, это строжайше запрещено и нарушение приказа вызовет самое строгое наказание, — никогда не заходи в дом, в котором происходит действие. Нам нужен твой доклад, и ты нам нужен живым».

Вздыхалось и ревели пламя. Плыл горький дым. Люди, как крысы, прятались в убежищах, некоторые сумели бежать, но погибли тысячи, застреленные, зарубленные, избитые, растоптанные, умершие от пыток, ограбленные, изнасилованные орущими, выпачканными в саже потными, обрызганными кровью солдатами, с которых блохи перепрыгивали на щелка и алтарные покровы, брошенные ими на плечи. Трупы забили канавы, вода в канавах покраснела. Многие тела очень маленькие. Ползали матери, с криками разыскивая детей, дети искали матерей; большинство отцов лежало мертвыми. Ортодоксальных

священников пытали в церквях, пока они не рассказывали, где спрятаны сокровища; обычно никаких сокровищ не оказывалось, и начиналась забава: бороды священников опускали в масло и поджигали. Женщины, девочки, монахини любого возраста лежали со стонами и всхлипываниями: каждую из них изнасиловали десятки мужчин. Совершались и более страшные жестокости.

На троне патриарха в Святой Софии сидела пьяная проститутка, а на алтаре играли в кости на награбленное. Бронзовые кони с ипподрома были сняты и увезены в Венецию, на площадь святого Марка; произведения искусства, ювелирные изделия, священные предметы рассеивались по всему континенту; эти, по крайней мере, будут сохранены. Но гораздо больше было расплавлено или разбито, чтобы выломать драгоценные камни и металлы, или просто сожжено для забавы. Погибли многочисленные произведения классического искусства, почти все античные рукописи, которые до этого дня в безопасности хранились в Константинополе. Неправда, что виноваты в этом турки, взявшие Константинополь в 1453 году. До них постарались крестоносцы.

Потом наступила великая тишина, прерываемая негромким плачем, и вонь, и эпидемии, и голод.

Таким образом, в начале тринадцатого столетия, которое апологеты католичества называют апогеем цивилизации, западное христианство уничтожило свое восточное крыло. Полтора столетия спустя, поглотив Малую Азию, в Европу ворвались турки.

* * *

Хейвиг перемещался во времени.

Он возвращался к безопасной дате, отыскивал одно из своих заранее намеченных мест, потом просматривал весь период грабежа, периодически появляясь в нормальном времени, пока не устанавливал, что происходило в этом месте. Когда он видел, что в этом месте появлялась банда франков, он фокусировался точнее. В большинстве случаев они немного погодя уходили, пресыщенные смертью и пытками, пиная пленников, которые несли их добычу. Эти здания Хейвиг списывал. Невозможно изменить прошлое или будущее, можно только взять то, что нужно.

Но лишь в немногих случаях, которые пригодны для групп из Убежища; они не могут тратить на эту работу многие человекомесяцы.

Хейвиг видел, как отпугивали мародеров, а если нужно, косили пулеметным огнем. Это зрелище не заставляло его злорадствовать. Однако он испытывал холодное удовлетворение, записывая происходящее.

С таких мест люди Убежища уносили добычу. Одеты они были в обычное для завоевателей платье. Вряд ли в таком смятении кто-нибудь обратит на них внимание. В безопасной гавани ждал корабль, на который переносили найденное.

Красицкий пообещал, что позаботятся и о жильцах домов. Что с ними сделают, зависит от обстоятельств. Некоторые семьи достаточно просто оставить невредимыми, снабдив некоторым количеством денег. Другие нужно увести в безопасное место и помочь начать сначала.

Не следовало опасаться парадоксов. Рассказы о том, что истинные святые — или демоны, если рассказывал франк, — спасли таких-то и таких-то, могли жить некоторое время в фольклоре, но не попасть ни в одну хронику. Писатели в Константинополе в следующие пятьдесят — семьдесят лет будут очень осторожны, пока Михаил Палолог не покончит с латинским царством и не оживит призраком империи. Но к тому времени все такие рассказы забудутся.

Хейвиг не видел ближайших последствий действий агентов. Помимо того что это было ему строжайше запрещено, он чувствовал, что больше не выдержит. Многие виденные им зрелища заставляли его устремляться в прошлое со слезами и рвотой. Он спал, пока не возвращались силы, чтобы он смог продолжить.

Дом Манассиса был одним из первых, которые он проверил. Но не самый первый: ему хотелось набраться опыта; он знал также, что постепенно отупеет от картин уничтожения.

Он лелеял надежду, что этот дом вообще не заметят. Так было в некоторых его пунктах. Невозможно было остановить крестоносцев в самых знаменитых местах, он проверял менее знаменитые. Главное — то, что в них находились богатства. А Константинополь слишком велик, слишком

запутан, слишком богат и незнаком для грабителей, чтобы они могли вламываться в любую дверь.

Хейвиг не испытывал особого страха. В этом — особом — случае, если понадобится, что-то будет сделано, им самим, если не другими, и пусть Калек Уоллис подавится своим особым назначением. Тем не менее когда Хейвиг из переулка увидел, как к входу в дом приближается с десяток грязных солдат, сердце его упало. Из переулка устремились потоки свинца, три франка упали и затихли, еще два упали с криками, а остальные завопили и убежали. Хейвиг испытал радость.

* * *

Возвращение Хейвига само по себе было непростой операцией.

Из-за радиоактивности и неточности в определении времени он не мог появиться в мертвом Стамбуле и ждать намеченного часа, когда за ним прилетит самолет. Не мог он появиться в более раннюю эпоху — тогда не было бы возможно осуществление планов Убежища — и в более позднюю — место будет снова заселено. А он выглядит слишком необычно, к тому же все равно останется проблема достижения места условленной встречи.

«Да что ты говоришь!» — проворчал он про себя. Некоторое время он удивлялся, почему такой очевидный выход не пришел никому в голову, когда обсуждался план действий. Использовать его собственную личность из двадцатого века. Оставить в современном стамбульском отеле деньги и одежду; сказать служащим отеля, что участвует в съемке кино; и все было бы в порядке.

Ну, он был слишком поглощен, чтобы подумать об этом. А никто другой о такой возможности не подумал. Уоллис пользовался кое-какими устройствами, созданными в Высокие Годы, тем не менее и он, и его помощники были людьми девятнадцатого века и операции осуществляли в основном средствами девятнадцатого века.

План, разработанный для Хейвига, включал в себя отступление в прошлое, чтобы заработать там деньги, потом нужно было заплатить за место на корабле, приплыть на Крит, найти уединенное место и перенестись в будущее.

Но Хейвиг не обращал внимания на тесноту, грязь, шум, запахи, заплесневевшую еду, грязную воду, странных пассажиров. Ему нужно было обдумать увиденное.

* * *

— Великолепно сработано, — сказал Красицкий, проглядев письменный отчет. — Великолепно. Я уверен, Сахем публично похвалит тебя и наградит, когда в следующий раз пересекутся ваши временные линии.

— О. О, да. Спасибо. — Хейвиг мигнул.

Краицкий разглядывал его.

— Ты устал.

— Называй меня Рип ван Винкль (Герой рассказа Вашингтона Ирвинга, проспавший много лет и проснувшийся в будущем стариком. — *Прим. перев.*), — ответил Хейвиг.

Хоть Красицкий этого замечания и не понял, он видел худобу, запавшие глаза, дергающуюся щеку.

— Да. Это у всех бывает. Мы это предусматриваем. Ты заработал отпуск. Я бы предложил твое время. Больше не думай о Константинополе. Если нам еще что-нибудь от тебя понадобится, спросим, когда вернешься. — Улыбка его стала почти теплой. — Иди. Поговорим позже. Я думаю, мы можем организовать так, чтобы подруга тебя сопровождала.... Хейвиг? Хейвиг?

Хейвиг уснул.

* * *

Неприятности начались позже. Вместо того чтобы наслаждаться отпуском, он думал.

10

Он проснулся с оформившимся решением. Было рано. Над высокими крышами домов Парижа 1965 года разливался серый свет, воздух прохладный, уличное движе-

ние еще не начало беспокоить жителей. В комнате отеля темно. Рядом теплое дыхание Леонсии, у нее спутались волосы. Они засиделись в ночных клубах, слушали его любимых шансонье — теперь ее стремление к сверкающим и пышным зрелищам несколько улеглось, — потом вернулись в отель и неторопливо и нежно занялись любовью. Она даже не пошевелилась, когда несколько часов спустя стук в дверь возвестил о прибытии кофе и круассонов.

Хейвиг был удивлен своей решимостью. За прошедшие недели он все сильнее и сильнее ощущал, что только оттягивает неизбежное. Совесть, должно быть, устала подталкивать его и предъявила ультиматум.

Несмотря на грядущую опасность, он впервые за все последнее время почувствовал спокойствие.

Он поднялся, умылся, оделся, собрал свое снаряжение — оно уже было подготовлено. Два небольших блока в его багаже. Обычное снаряжение агента во времени, такое же, какое он брал с собой в Иерусалим, плюс пистолет и его хронолог. Ему пришлось выдержать борьбу с Леонсией, так как хронолог не позволял взять сюда побольше серебра, но он смог настоять на своем. Затем он взял паспорт, сертификат о прививках и толстый кошелек с деньгами.

Минуту он постоял над девушкой. Она очень хорошая, подумал Хейвиг. Ее радость от этого путешествия была и его радостью. Грязное дело — оставлять ее тайком. Оставить записку?.. Нет, для этого нет причин. Он сможет вернуться в этот же час. А если не сделает этого, что ж, она достаточно владеет современным английским, знает все необходимые процедуры, и у нее достаточно денег, чтобы справиться. (Ее американский паспорт подлинный: Убежище приготовило для нее свидетельство о рождении). Возможно, она даже обидится, если узнает, что привело его к гибели.

Возможно, его ждут упреки. В таком случае, он расскажет ей все; он будет здесь и продемонстрирует верность такими средствами, которые она понимает.

Но важно ли это? Она называет его «дорогой» и говорит о любви, когда он ее обнимает, но, вероятно, это просто ее привычка. Правда, когда они бродят, она держит его за руку, и он не раз видел, как она ему улыбается, когда считает, что он этого не замечает... Конечно, и он влюблен в нее немного. Это чувство не может быть долгим, но пока оно есть...

Он наклонился. Шепотом сказал:

— Пока, рыжая. — Коснулся ее губами. Выпрямившись, взял две свои сумки и тихо вышел из комнаты. К вечеру он был в Стамбуле.

* * *

Путь занял много часов его жизни, в основном проведенных в самолете и автобусах аэропортов. Прыжки во времени по туристическим агентствам и тому подобным заведениям превратили этот промежуток в несколько дней. Хейвиг сказал мне с сухой улыбкой:

— Знаете, где лучше всего незаметно осуществить хронокинезис в современном городе? Не в телефонной будке для суперменов. В общественном туалете. Не правда ли, как романтично?

Он съел в одиночестве плотный ужин и в своем роскошном, хотя и одиноком номере принял снотворное. Ему нужно было хорошо выспаться перед отправлением.

* * *

Константинополь, конец дня тринадцатого апреля 1204 года. Хейвиг появился в переулке, на склоне холма, немного выше своей цели. На него обрушилась тишина. Ни шороха обуви, ни стука копыт, ни скрежета и скрипа колес, ни песен, ни колоколов, ни голосов, ни споров, ни смеха, ни мечтаний вслух, ни криков детей во время их бессмертных игр. Но у этой тишины и неподвижности был фон — отдаленный глухой рев: смешанный гул пламени, крики людей и отчаянный лай собаки поблизости.

Он приготовился. Девятимиллиметровый пистолет, «Смит и Вессон», способный свалить лошадь. Хейвиг поместил его в кобуру на талии. Запасные патроны в карманах куртки. Сумка агента и хронолог в специальном алюминиевом контейнере на спине.

Выйдя на улицу, он увидел закрытые двери, окна, забранные ставнями. Большинство жителей прячутся внутри, в голоде и жажде, в непрерывных молитвах. В обычный средний дом не стоит вламываться, разве что для удовольствий насилия, убийств, пыток и поджогов. Правда, это район, в котором живут ювелиры. Но не все здания, и даже не большинство принадлежат ювелирам. Жи-

лые районы основаны не на экономическом положении жителей: бедные могут жить повсюду. Когда убраны все украшения и лавки, невозможно отличить один дом от другого, сказать, где жилище богача, а где квартиры, сдаваемые внаем...

... конечно, если не схватить местного жителя и не вырвать у него сведения.

Очевидно, те, кто врвался в дом Манассеса, опередили толпу, которая, несомненно, ринется сюда, как только будут разграблены дворец и церкви. Побывали ли они уже здесь? Хейвиг не знал точного времени, когда их увидел.

Он вышел из-за угла. Мужчина, мертвый, с рубленой раной. Его правая рука заведена за спину и вывернута из сустава. Неряшливо одетая женщина сидит рядом с ним. Увидев Хейвига, она закричала:

— Разве тебе мало, что вы заставили его выдать соседей? Во имя Христа, разве этого недостаточно?

Недостаточно, подумал он. Убийство по-особому возбуждает.

Он пошел дальше. Боль, которую он испытывал раньше, вернулась таким чудовищным потоком, что он уже забыл слезы вдовы. Он ничего не может для нее сделать: брюки, коротко подстриженные волосы, выбритый подбородок делают его в ее глазах франком. Когда он родился, и она, и ее горе были уже семьсот лет как забыты.

Теперь, он по крайней мере, знает, как крестоносцы нашли дом Лукаса. Должно быть, один из них немного говорит по-гречески, и их отряд решил обыскать этот район раньше других. Он знает, что его расчет времени приблизительно верен.

Крики, звон оружия, предсмертные хрипы отражались от стен, от булыжников, поднимались к оскверненным сажам небесам. Хейвиг стиснул зубы.

— Да, — произнес он, — я все рассчитал верно.

Он пошел быстрее. Его более ранняя сущность к этому времени уже должна уйти. Очевидно: он себя самого не увидел. Он тогда не хотел слишком надолго задерживаться у дома.

Он не подумал, какого типа люди в основном составляют персонал Убежища.

Улица — его цель — крута. Идти тяжело. Он напрягал мышцы. Каблуки его стучали, как удары сердца. Во рту пересохло. Дым забивал ноздри.

Он на месте!

Один из раненых крестоносцев увидел его, с трудом встал на колени, поднял руки. Кровь залила крест у него на груди, густым потоком лилась на булыжники мостовой.

— *Ami*, — прохрипел искаженный рот; на восковой бледности лица отчетливо выделялась синяя щетина. — *Frere par Iesu ...* (Друг. Брат, ради Иисуса, *лат.* — *Прим. перев.*). — Второй раненый мог только стонать.

Хейвиг испытал желание ударить их, и тут же — стыд. Вражда разлагает, война разлагает предельно. Он прошел мимо стоящего на коленях человека, тот упал. Хейвиг поднял обе руки и крикнул по-английски:

— Не стреляйте! Я из Убежища! Проверка! Не стреляйте и впустите меня! — Чувствуя, как все сжимается внутри, он направился к входу в дом.

Рядом с домом повозка; мул привязан к стойке, которая поддерживала раньше вывеску Дукаса; животное дергает ушами, отгоняя мух, и с ленивым интересом смотрит на умирающих крестоносцев. Повозку привели заранее, чтобы на ней перевозить золото, серебро, драгоценные камни, иконы, украшения и свадебные венки к ожидающему кораблю. Хейвиг не единственный путешественник во времени, работавший за годы до сегодня. Такая операция требует большой подготовки.

Никто не охранял вход. Агенты вооружены и справятся с любыми помехами, но здесь их не было. Хейвиг остановился. Нахмурившись, осмотрел дверь. Дверь массивная и явно была заперта. Франки, несомненно, собирались взломать ее. Но когда Хейвиг увидел их в первый раз и на мгновение взглянул на дом, дверь была распахнута. И этот факт не переставал с тех пор преследовать его.

Судя по тому, как провисла дверь на петлях, как она обожжена и частично расколота, ребята Уоллиса использовали динамит. Это было сделано так быстро, что в смутном хронокинетическом зрении Хейвига их появление смешалось с появлением франков за несколько минут до этого.

Но зачем они взламывали дверь? Такое нетерпение испугает жильцов дома и усложнит задачу обеспечения их безопасности.

И тут он услышал крик изнутри:

— Нет, нет, не нужно!

Язык греческий, и голос Ксении, а дальше проклятие и рев. Хейвиг пошатнулся, словно его ударили.

Несмотря ни на что, он все-таки опоздал. В момент его предыдущего появления агенты уже взорвали дверь и вошли в дом. Они поставили у двери часового, чтобы тот предупредил о появлении грабителей, о которых сообщал Хейвиг. Но теперь часовой тоже ушел в дом, чтобы присоединиться к развлечению.

Мгновение, у которого не было конца, Хейвиг проклинал собственную глупость. Или наивность. Он в таких делах новичок и потому пропустил самое существенное. К дьяволу все это! Теперь он на месте, и долг его — спасти то, что еще возможно.

Должно быть, его крик не услышали. Он повторил его, проходя по хорошо знакомому дому. Этот сдавленный вопль, мольба о милосердии, доносился из самой большой комнаты — одновременно мастерской и кладовой.

Сюда согнали всю семью, подмастерьев и слуг. В комнате светлее и больше воздуха, чем в обычных византийских помещениях, потому что дверь и широкие окна открыты во двор. Во дворе по-прежнему журчит фонтан, светятся среди темно-зеленой листвы апельсины, набухают почки на цветочных клумбах, в своем вечном замешательстве застыл бюст Константина. В помещении на полках и столах собрана вся красота, которую создавал Лукас Манассис.

Сам он лежал у входа. Череп его пробит. От крови потемнел ковер, стал скользким пол, кровь пачкала обувь, которая потом оставляла алые следы. Но много крови впитала его одежда и седая борода. В одной руке он еще сжимал маленькую наковальню, которой пытался защитить своих женщин.

В комнате были четыре агента, одетые как крестоносцы. Хейвиг сразу узнал их. Мендоза, бандит из Тихуаны двадцатого столетия, тот, что был вместе с ним в Иерусалиме, — старший. Он приказывает слугам собирать добро. Мориарти, гангстер из Бруклина девятнадцатого века, стоит на страже, держа наготове ручной пулемет. Ганс, ландскнехт из семнадцатого века, смотрит, как Конрад из Брабанта, тот самый, что хотел мечом защитить Спасителя, борется с Ксенией.

Девушка все кричала и кричала. Ей было только четырнадцать лет. Волосы ее растрепались, слезы текли по лицу, оставляя следы на щеках. Конрад обхватил ее за талию одной рукой, а другой срывал с нее одежду. Тяжелая палица висела на его поясе. На ней запеклась кровь и мозги убитых людей.

— Я за тобой,— ухмыляясь, повторил Ганс,— я за тобой...

Конрад повалил Ксению на влажный пол и стал растегивать брюки. Анна стояла, словно слепая и глухая ко всему, над телом мужа. Затем она бросилась к дочери. Ганс свалил ее на землю одним ударом.

— А тебя потом, быть может,— сказал он.

Мориарти смотрел на них и смеялся.

Окрик Хейвига не был услышан ими, настолько они были заняты тем, что происходит. Мендоза первым увидел Хейвига и воскликнул. Остальные застыли на месте. Конрад отпустил Ксению и встал.

Ксения подняла голову. Никогда не видел Хейvig такого света, который вспыхнул в ее глазах.

— Хаук! — закричала она. — О, Хаук!

Мендоза направил на него пистолет.

— В чем дело? — спросил он.

Хейvig понял, что его рука далеко от оружия. Но он не испытывал страха — вообще не испытывал никаких чувств, только настороженность кугуара. Где-то под поверхностью оставались ярость, печаль, ужас, отвращение. Но на все это сейчас у него нет права.

— Я должен тебя спросить об этом, — медленно ответил он.

— Ты забыл о приказе? Я его знаю. Твоя работа — добывать сведения. Ты не должен рисковать и участвовать в таких операциях.

— Я свою работу кончил, Мендоза. И пришел по личному делу.

— Запрещено! Убирайся, и поговорим позже. Я не стану сообщать о тебе.

— А если я не уйду? — Несмотря на попытки сохранить самоконтроль, Хейvig слышал, что голос его звучит излишне резко. — Я увидел то, что должен был увидеть не сразу, а постепенно, небольшими порциями. Чтобы можно было постепенно идти на компромиссы, пока это уже вообще не будет иметь значения. Я к тому времени уже так погрузился

бы в эту грязь, что либо должен был бы покончить с собой, либо стать одним из вас. Да, теперь я понимаю.

Мендоза пожал плечами, не отводя ствола от живота Хейвига.

— Ну и что? А чего ты ждал? Мы используем тот человеческий материал, который можем найти. Эти ребята не хуже крестоносцев. Как и все люди. Разве это не так, Джек? Будь честен.

— Хуже. Потому что у них есть возможность появляться в любом времени и месте, делать все что угодно, не опасаясь расплаты. Интересно, как они проводят отпуска? Наверно, вкус к мучениям и смерти усиливается с практикой.

— Послушай...

— И Уоллис даже не пытается их контролировать!

— Хейвиг, ты слишком много говоришь. Убирайся отсюда, пока я не арестовал тебя.

— Таких, как я, держат в неведении, пока мы не поверим в обман. В то, что миссия Убежища слишком важна, чтобы мы тратили время жизни на обычное человеческое милосердие. Верно?

Мендоза сплюнул.

— Ну, ладно, парень, ты наговорил достаточно. Ты арестован. Тебя отвезут в будущее, и там тебя будет судить Сахем. Будь благоразумен, и, возможно, легко отделаешься.

Наступила тишина, прерываемая только всхлипываниями Ксении. Девочка прижимала к себе голову почти обезумевшей матери. Глаза ее не отрывались от Хейвига. На него смотрели и все жильцы дома: подающий надежды молодой Бардас, одаренный Иоаннес, старая Марта, нянька Ксении. Смотрели на него и Ганс в животной настороженности, и Конрад — с гневом неудовлетворенной похоти.

В одно мгновение Хейвиг принял решение, составил план, отметил положение каждого человека и его оружие.

И появился, умножившись вшестеро, в комнате. Понеслась стрельба.

Он отступил в прошлое на несколько минут. Отошел в сторону, доставая пистолет, и снова возник возле Ганса. Пистолет рывкнул, ударила отдача. Голова ландскнехта раскололась на куски. Хейвиг снова переместился в прошлое и поперек комнаты.

Впоследствии он почти не помнил происходившего. Сражение было слишком коротким и яростным. Остальные могли сделать то же, что и он. Но Конраду не хватило сообразительности, и он умер. Мориарти исчез, как только вновь появился Хейвиг. Сверкнул пистолет Мендозы, и Хейвиг едва успел переместиться вперед во времени. Он заметил при этом появление тени Мориарти. Отступил еще немного, был на месте в момент его появления, застрелил и снова вовремя увернулся от Мендозы.

Но тут мексиканец исчез. Хейвиг переместился в прошлое — в ночь, когда семья спала в мире и надежде на Бога, — чтобы вдохнуть воздуха и вытереть пот. Его била дрожь. Наконец он был в состоянии вернуться и внимательней разглядеть сцену схватки. После определенного момента, незадолго после начала, он не нашел Мендозы.

Должно быть, тот ушел в будущее, может быть, по ту сторону Судного Дня, отправился за помощью.

Это значит, что нужно действовать быстро. Друзья Хейвига не могут перемещаться во времени. Но и у врага есть препятствия: он не может достичь цели в нужный момент без хронолога. Но враги все равно появятся и промахнутся ненамного.

Хейвиг вернулся в последнюю возможную секунду. Мориарти еще бился в агонии, как тот человек на улице, которого он, возможно, и застрелил. Неважно. Византийцы жались друг к другу. Бардас лежал мертвый, еще двоих ранило перекрестным огнем.

— Я пришел спасти вас, — сказал Хейвиг в облако дыма и страха, глядя в ничего не понимающие, застывшие от шока глаза. Он перекрестился — справа налево, в православном стиле. — Именем Отца, и Сына, и Святого Духа. Именем Девы Марии и всех святых. Идите со мной немедленно или умрете.

Он помог Ксении встать. Она вцепилась в него, прижалась лицом к груди, цеплялась пальцами. Хейвиг погладил ее длинные черные волосы и вспомнил, как ребенком цеплялся за отца, которому предстояло умереть. Поверх ее плеча он рывкнул:

— Иоаннес, Ницефорус, вы как будто в лучшей форме! Несите госпожу Анну. Остальные помогите раненым. — И добавил по-английски: — Быстрее, черт возьми, нужно убираться отсюда!

Они тупо повиновались. На улице Хейвиг задержался, надевая плащ мертвого крестоносца. Свою сумку он отдал одному из подмастерьев. У другого мертвеца взял меч. Не стал беспокоиться, расстегивая пояс с ножнами. Это оружие означает достаточно высокий ранг, и они могут не опасаться помех.

Через несколько кварталов он почувствовал головокружение. Пришлось посидеть, опустив голову, пока не вернулись силы. Ксения беспокойно склонилась к нему, пыталась помочь.

— Хаук, — услышал он ее шепот. — Что с тобой, дорогой Хаук?

— Мы в безопасности, — ответил он наконец.

По крайней мере, от непосредственной угрозы. Он не думал, что Убежище станет тратить человекогоды, обшаривая Константинополь в поисках его и других сбежавших, как только они растворятся в толпе. Но ему все равно нужно обезопасить их будущее и свое собственное. И это сознание придало ему холодной решимости. Он встал и повел всех дальше.

* * *

— Я оставил их в монастыре, — рассказывал он мне (много лет спустя по своей мировой линии). — Он был забит беженцами, но я заранее выяснил, что монастырь избежит вторжения. За следующие несколько дней местного времени я принял дополнительные необходимые меры. Простая задача, — он поморщился, — отвратительная, но простая. Я отбирал добычу у обычных франков. Сделал богатые подарки монастырю, а потом и женской общине, куда позже переправил женщин. Это обеспечило лучшее положение тем, кого я привел, потому что на мои деньги монахи и монашенки смогли покупать хлеб для бедняков.

— А как же остальные? — негромко спросил я.
Он закрыл лицо.

— Что я мог сделать? Их было слишком много.
Я сжал его плечо.

— Их всегда слишком много, Джек.

Он вздохнул и слегка улыбнулся.

— Спасибо, док.

Я уже употребил свою норму табака, но было поздно, и нервы мои требовали поддержки. Достав трубку, я проделал дурно пахнущую церемонию ее очистки.

— А что ты делал дальше?

— Вернулся в двадцатый век — в другой отель — и отоспался, — ответил он. — Потом... что касается моих византийцев, то в самом близком их будущем я ничего не мог для них сделать. Я предупредил, чтобы они не рассказывали, как спаслись от набега. После того как «святой» спас их от «демонов», можно было твердо рассчитывать на их молчание. Но в качестве дополнительной предосторожности я не сказал мужчинам, куда спрятал женщин.

— Перевозить их куда-то еще дальше было невозможно, я не хотел привлекать к ним внимание, и потому мне лучше всего было оставить их одних. Монастырь, где они оказались, мог позаботиться о них лучше меня.

— К тому же, мне нужно было думать и о том, чтобы уцелеть самому.

Я с ненужной силой протыкал трубку.

— Да, конечно. И что же ты сделал?

Он отхлебнул из стакана. Не решаясь отуплять мозг, он в то же время говорил, что вкус шотландского виски успокаивает его.

— Я знал, когда в последний раз появлялся в мире как Дж.Ф.Хейвиг. В начале отпуска в 1965 году, когда провел совещание со своим брокером. Правда, были и более поздние появления в нормальном времени, вроде посещения Израиля в 1969 году, но они были короткими. Тысяча девятьсот шестьдесят пятый год означал конец непрерывной последовательности моей официальной личности. Все в порядке, сказал мне брокер. Я не видел возможности проникновения в такую сложную финансовую и личностную структуру. Так что пока мое существование в безопасности.

— А почему бы людям из Убежища не подстеречь тебя раньше?

— О, конечно, они могли появиться в прошлом и подготовить какую-нибудь ловушку, несомненно. Но ее нельзя было привести в действие в прошлом, только в будущем. В целом я сомневаюсь, чтобы они пытались это сделать. Все они плохо знакомы с двадцатым веком, особенно с его верхними эшелонами.

— Ты хочешь сказать, что событие, раз уж оно зафиксировано, не может быть изменено?

От его улыбки у меня по коже пошел мороз.

— Я знаю, что путешественник во времени не может ничего изменить. Я пытался сделать это, но безуспешно. Это было еще в юности, когда я хотел вернуться назад и предупредить отца, что его ждет.

— И..? — выдохнул я.

— Док, помните мою сломанную ногу?

— Да. Подожди... Так значит это...

— Я зацепился за проволоку на лестнице как раз в тот день, когда я хотел отправиться в путешествие... А когда выздоровел и был готов начать снова, я получил экстренный вызов от моей страховой компании и мне пришлось заняться срочными делами. А когда я вернулся в Сенлак, оказалось, что мать окончательно порвала с Биркенлундом и нуждается в моем присутствии. Я посмотрел на этих двух невинных детей, которых она принесла в этот мир, и принял ношу на себя.

— Ты думаешь, это Божье вмешательство?

— Нет, нет, нет. Вероятно, просто логическая невозможность изменить прошлое, так же точно, как невозможно однотонно окрашенному пятну быть одновременно красным и зеленым. Каждое мгновение времени есть прошлое бесконечного количества событий. Все совпадает. Даже наши попытки нарушить эту последовательность и наши неудачи — все это часть последовательности.

— Значит, мы всего лишь марионетки?

— Я этого не говорил, док. На самом деле я в это не верю. Мне кажется, что наша свободная воля — тоже часть великого замысла. Но нам лучше оставаться в пределах неизвестного, в которых и располагается наша свобода.

— Нельзя ли провести аналогию с наркотиками? — спросил я. — Человек может сознательно, свободно принять вещество, которое овладевает его мозгом. Но пока продолжается действие этого вещества, он не свободен.

— Может быть, может быть. — Хейвиг поерзал в кресле, всмотрелся в ночь и сделал еще один маленький глоток виски. — Послушайте, у нас, вероятно, нет времени на философские дискуссии. Псы Уоллиса идут за мной. И хотя след еще не взяли, но ищут. Они знают кое-что из моей биографии. Могут узнать больше, могут проверять на месте.

— Поэтому ты избегал встреч со мной все последние годы? — спросил я.

— Да. — Он положил руку мне на плечо. — Пока жила Кейт — вы понимаете?

Я тупо кивнул.

— Я вернулся к той же самой дате, в 1965 год, — торопливо продолжил он, — в Нью-Йорк, в последний момент, в котором я был относительно уверен. Оттуда я отступил в прошлое, готовя свои укрепления. Это заняло немало времени. Мне пришлось заботиться, чтобы мои действия трудно было бы проследить, чтобы Уоллис не захотел тратить на это многие человекогоды. Действовал я через швейцарские банки, через нескольких посредников и так далее. В результате состояние Джона Хейвига было распределено среди множества людей и корпораций, которые все в сущности были мною. Сам Джон Хейвиг, сторонящийся известности плеейбой, объяснил нанятым им финансистам, что это делается из-за... но это неважно. Похоже было на план уклонения от налогов, хотя на самом деле этого не было; но финансисты были рады умыть руки и не знать обо мне ничего, кроме необходимого.

Как вы помните, Джон Хейвиг незаметно исчез. В двадцатом веке у него родственников и друзей не было, кроме матери и старого домашнего врача, только они и могли беспокоиться. Но им легко было время от времени сообщать подбадривающие известия.

— Ко мне приходили в основном открытки, — сказал я. — Да, конечно, я удивлялся. — После паузы: — А где же ты был?

— Запутав, как мог, след, — ответил он, — я вернулся в Константинополь.

* * *

В выгоревшей шелухе Нового Рима постепенно восстанавливался порядок. Вначале потому, что войскам потребовались пища и вода, а для того чтобы получить их, нужна рабочая сила и некое подобие гражданской администрации. А это означало, в свою очередь, что гражданское население больше нельзя было давить, как паразитов. Позже Болдуин Фландрский, к которому отошла эта часть империи, включая город, пожелал получить от нее больше пользы. Вскоре он был захвачен в плен в войне с болгарами

и умер в заточении, но политика его брата и наследника Анри Первого была такой же. Латинский король мог угнетать греков, выжимать их, унижать, доводить налогами до бедности, силой загонять в свою армию. Но для этого нужно было в какой-то степени обезопасить их работу и жизнь.

Хотя Ксения была гостьей, на нее распространялись строгие правила монастыря. Она встретилась с Хейвигом в холодной комнате со стенами из кирпича под неодобрительными взглядами монахини. Одета она была в грубое шерстяное платье коричневого цвета, гладко причесана, лицо закрыто вуалью. Ей запрещалось прикасаться к посетителю-мужчине, тем более обнимать его, какими бы щедрыми ни были его дары. Но он увидел ее глаза — глаза с ровенских мозаик; а платье не могло скрыть того, как она выросла и изменилась; не могла она и изменить свой голос, который снова напомнил ему о певчих птицах, как когда он с ее отцом...

— О, Хаук, дорогой Хаук! — Отшатнувшись, она перекрестилась, преклонила колена и с дрожью прошептала: — Прости меня, благословенный.

Старая монахиня нахмурилась и сделала к ним шаг. Хейвиг замахал руками.

— Нет, нет, Ксения! — воскликнул он. — Я такой же смертный, как и ты. Клянусь тебе. Странные события происходили в этот день в прошлом году. Может, я сумею объяснить их тебе позже. Поверь мне, моя дорогая. Я всегда был только человеком.

Она немного поплакала, но не в разочаровании.

— Я... я так рада. Я понимаю... ты попадешь на небо после смерти, но... — Но сегодня он с ней, а не среди строгих византийских святых.

— Как твоя мама? — спросил Хейвиг.

И едва услышал:

— Она... она приняла постриг. И просит меня поступить так же. — Девушка сжала пальцы, так что они побелели. Ее взгляд привел его в ужас. — Как мне быть? Я ждала тебя. Скажи мне...

* * *

— Не поймите меня превратно, док, — сказал Хейвиг. — Сестры желали ей добра. Правила у них были строгие,

особенно во времена неуверенности, когда власть принадлежит католикам. Можете себе представить? Она любила Бога, и книги всегда играли важную роль в ее жизни. Но у нее была душа из классической античности, она видела это время во сне, и у меня не хватало духа разочаровывать ее. И воспитание — мое вмешательство тоже сыграло в этом свою роль — рано обратило ее к живому миру. Даже не учитывая ее прошлого, эта жизнь, вечно с молитвой, вечно за закрытыми дверями, была не для нее. То ужасное, что с ней произошло, не отняло у нее врожденных качеств. Она всегда была солнечным ребенком.

— Что же ты сделал? — спросил я.

— Я отыскал пожилую пару, которая приняла ее. Они были бедны, но я смог помогать им деньгами. У них не было своих детей, и потому они ей обрадовались и были к ней добры. К тому же он был писцом, своего рода ученым. Все получилось очень хорошо.

— Ты, конечно, время от времени проверял.

Хейвиг кивнул. Выражение его лица стало мягким.

— Я занимался собственными проектами, — сказал он. — Но все же в следующий свой биологический год — в три последующих года жизни Ксении — я время от времени навещал ее. И постепенно мои посещения становились все более частыми.

11

Корабль представлял собой огромный тримаран. С легкого мостика Хейвиг смотрел на просторную палубу из полированной твердой древесины. Люки, грузовые стрелы, вспомогательные двигатели, солнечные батареи, надстройки — все гармонировало друг с другом. Металлической отделки нет. Цивилизация маури испытывала недостаток в металлах, и потому их использовали только в самых необходимых случаях. Каюты из дерева. По их стенам вьются бугенвиллея и цветущая текома. На каждом носу деревянная резная фигура, представляющая один из символов Троицы: в середине Создатель Танароа — колонна с аб-

страктными символами; справа Лесу Харисти со своим крестом; слева Нан, с зубами акулы, представляет смерть и темную сторону жизни.

Но не варвары построили этот огромный корабль. Тройной корпус придавал ему великолепные гидродинамические свойства. Три большие мачты в форме буквы А, конечно, были оснащены парусами, но необычной формы и соединены вантами, которые использовались не для ловли ветра: все это огромное сооружение непрерывно управлялось небольшими двигателями на топливных биологических клетках и компьютером. Экипаж составляли четыре канака и две женщин-вахини; все они не были перегружены работой.

Капитан Реви Лоханносо получил инженерный диплом в университете Велланта в Н'Зилан. Он говорил на нескольких языках, и его инглис не был примитивным диалектом какого-нибудь племени мериканцев; это был язык, не менее богатый и точный, чем родная речь Хей-вига.

Коренастый коричневый мужчина в саронге, с босыми ногами, он говорил медленно ради удобства своего пассажира, который пытался овладеть современной речью:

— Мы сохранили науку после того, как всемирная машинная цивилизация рухнула. Наша задача заключалась в том, чтобы найти новые пути применения этой науки на опустошенной и отравленной планете. Мы не вполне решили еще эту задачу. Но далеко продвинулись и, я верю, пройдем еще дальше.

Океан медленно перекачивал свои волны. Они накатывались на тримаран, обдавая тело могучего корабля веселыми брызгами. Солнце светило где-то в парусах и на крыльях альбатросов. Где-то вдаль вверх взметнулся фонтан выпущенный китом. Ветер не свистел в ушах, так как тримаран несясь почти с такой же скоростью, но освежал кожу, приносил соленый аромат моря и далеких цветущих островов. На палубе полуголый юноша извлекал из деревянной флейты чарующие звуки, а девушка танцевала перед ним, изгибаясь стройным телом. Оба были почти обнажены и смотреть на них было очень приятно.

— Ты сделал большое дело, брат Томас, — сказал Лоханносо. — Тебя будут приветствовать, когда ты прибудешь. — Он поколебался. — Я не стал сообщать по радио, чтобы за тобой из Федерации послали воздушное судно,

потому что Адмиралтейство было бы недовольно. И, откровенно говоря, дирижабли быстрее, но не так надежны, как корабли. У них слабые двигатели; противопожарный антикатализатор еще только в экспериментальной стадии.

(— Я думаю, это и многое другое дало мне возможность узнать правду об обществе маури в его лучшие дни, — говорил мне Хейвиг. — Они были... совсем не чокнутые, призывающие назад, к природе. Напротив, под внешней приветливостью и спокойствием скрывалась сложность, не меньшая, чем в сегодняшних США. Но у них не было топлива для кораблей тяжелее воздуха, по крайней мере на начальных стадиях; и не было гелия для создания дирижаблей-автоматов. Мы уничтожили все, что могли).

— Твое открытие ждало несколько столетий, — продолжал Лоханнасo. — Подождет еще несколько недель до прибытия в Веллантаo.

(— Я хотел изучить маури, узнать, что в рассказах Уоллиса о них правда, а что ложь и предрассудки, но для этого мне нужно было проникнуть в это общество. Начиная с того времени, когда они превратились в значительный фактор в мире, я мог проследить их историю в будущем. Но нужно было с чего-то начинать. Я легко мог выдать себя за американца — мою речь легко принять за один из многочисленных диалектов, на которые раскололся английский, но к чему им еще один варвар? А выдать себя за представителя одной из тех полудивилизованных общин, с которыми они имели дело, я не мог... Но я нашел ответ. — Хейвиг улыбнулся. — Можете догадаться, док? Нет? Ну, ладно. Через подставное лицо я приобрел в двадцатом веке партию радиоактивных изотопов, типа углерода-14. Спрятал их так, чтобы они сохранились нетронутыми — радиоактивный распад должен быть подлинным, — и переместился в будущее. И стал братом Томасом с островной крепости, сохранившей некоторое количество знаний. Я нашел сокровище и решил, что оно заинтересует маури. И повез его к берегу... Понимаете? Их исследования проводились главным образом в биологии. Это было вынужденное решение, и потому что земная экология срочно нуждалась в помощи, и потому что жизнь — это преобразователь солнечной энергии. Но у них не было реакторов, чтобы производить меченые атомы для исследований. Для них моя «находка» оказалась Божьим даром»).

— Ты думаешь, мне позволят учиться? — с беспокойством спросил Хейвиг. — Это многое бы значило для моего народа и для меня самого. Но я ведь чужак...

Лоханносо по обычаю маури положил ему руку на плечо.

— Не бойся, друг. Во-первых, мы торговый народ. Мы платим за купленные товары, а какой будет плата на этот раз, не могу себе представить. Во-вторых, мы хотим как можно шире распространить знания и цивилизацию. Нам нужны союзники, нужны умелые руки и мозги.

— Вы надеетесь переделать все человечество?

— Отставить! Ты думаешь, мы хотим превратить всех в своих двойников? Ответ — нет. Конечно, я не член парламента или Адмиралтейства, но я слежу за политикой и читаю философов. Одна из бед старой машинной цивилизации была в том, что она по своей природе заставляла людей становиться все более и более одинаковыми. Это было одной из причин катастрофы... но в чем-то эта цивилизация преуспела, с еще более катастрофическими результатами. — Лоханносо могучим кулаком ударил по ограждению. — Черт побери, Томас! Нам нужно все разнообразие, все различные способы жизни, все взгляды и мысли!

Он рассмеялся и закончил:

— Конечно, внутри определенных рамок. Пиратов необходимо уничтожить. И тому подобное. Но во всех остальных отношениях... Ну, мы с тобой стали слишком серьезны. Скоро полдень. Сейчас я отмерю высоту солнца и произведу свои расчеты, а потом меня сменит Тераи, и мы поедем. Ты не знаешь жизни, пока не попробовал моего пива.

(— Я провел больше года у ранних маури, — рассказывал мне Хейвиг. — Стремясь распространить свое учение, они дали мне именно то образование, которое мне было необходимо для моих целей. Это веселые сердечные люди — о, конечно, и у них была своя доля плохих людей, были и неудачи, и несчастья, но в целом жить в Федерации того столетия было хорошо.

Разумеется, к остальной части мира это не относилось. И к прошлому тоже. Я иногда возвращался в Веллингтон и Гонолулу двадцатого столетия и летел на самолете в Стамбул, чтобы повидаться с Ксенией.

Когда наконец промежутки между моими возвращениями стали совсем короткими, я окончательно вернулся в латинский Константинополь. Ксении исполнилось восемнадцать лет. Вскоре после этого мы поженились).

* * *

Он мало мне рассказывал об их совместной жизни за те пять лет, что были им отпущены. Я ведь и сам не хотел бы рассказывать о том, что действительно имело значение для нас с Кейт.

Некоторые проблемы он, впрочем, упоминал. Их было три: необходимость достойно содержать Ксению, жить в окружении, к которому она привязана, и скрываться от Убежища.

Что касается первого, то это было совсем не просто. Он не мог начать свое дело в мире гильдий, монополий, сложных правил и среди народа, который даже в метрополисе — до появления печатных станков, регулярной почтовой службы и электронной связи — сплетничал, как в деревне. Потребовались значительные усилия, чтобы поддерживать личину агента вновь созданной голландской торговой компании, скорее наблюдателя, завязывающего связи, чем купца, чтобы не вступать в соперничество с франками. Финансы беспокоили его меньше всего: золота, которое он приносил с собой, хватало надолго. Но нужно было иметь правдоподобное объяснение происхождения этих денег.

Что касается второго, то он подумывал о том, чтобы уехать куда-нибудь подальше, может быть, в Россию или в Западную Европу. Или в Никею, где сохранилась византийская монархия, которая со временем вернет себе Константинополь. Но нет, там тоже небезопасно. С одной стороны надвигаются татары, с другой — святая инквизиция. Разграбленный и покоренный, великий город тем не менее был предпочтительнее безнадежно чуждого Востока; и тут Ксения была в знакомой обстановке, могла видаться с подругами и матерью. К тому же на них везде бы обращали внимание: она левантинка, называющая себя римлянкой, он — нечто совершенно другое. Из-за его легенды им пришлось купить себе дом в Пере, где обычно жили иностранцы. Но этот пригород на противоположном берегу Золотого Рога, а паромы ходят часто.

А что до третьего, он старался держаться незаметно, не быть ни подозрительно активным, ни подозрительно скрытным. Он принял новый псевдоним — Джон Андерсон, приучил Ксению пользоваться им и не распространяться о своем происхождении. К счастью, знакомые католики ею не интересовались, только слегка удивлялись тому, что сэр Джон так повредил себе, женившись на еретичке гречанке. Если она ему нужна, мог бы взять в наложницы.

* * *

— Рассказал ли ты Ксении правду? — спросил я.

— Нет. — Он свел брови. — Конечно, мне было больно иметь от нее тайны и лгать ей. Но даже если бы она могла понять, для нее было бы опасно знать... Она всегда была такой открытой. Ей и так трудно было придерживаться обмана, который я ей навязал. Я ей говорил, что новая личина нужна мне для работы. Она приняла это и никогда не расспрашивала меня о моих делах, как только поняла, что когда я с ней, я не хочу о них говорить. И это было правдой.

— Но как ты объяснил ей ее спасение?

— Я сказал, что молился своему покровителю святому, который, очевидно, и ответил таким поразительным образом. Ее воспоминания об этом эпизоде были туманными из-за ужаса и изумления; она без усилий поверила мне. — Он сморщился. — Мне было больно видеть, как она зажигает свечи и молится, чтобы бог послал ей ребенка. Я знал, что у нас не может быть детей.

— Гм, кстати о религии. Перешла ли она в католичество, или ты сделал вид, что переходишь в православие?

— Нет. Я не просил ее менять веру. Не было души, менее лицемерной, чем Ксения. Для меня, конечно, все это не имело значения, но мне нужно было выглядеть респектабельным в глазах итальянцев, норманнов и французов; иначе мы просто не смогли бы здесь жить. Нет, мы нашли православного священника, который совершил обряд венчания, и католического епископа, который за... гм... некую мзду отпустил мне грехи. Ксении было все равно. У нее были свои принципы, но она была терпима и не думала, что мне предначертано гореть в аду, тем более что святой уже однажды помог мне. К тому же она была безумно счастлива. — Он улыбнулся. — Я тоже — вначале и большую часть времени потом.

Дом у них был скромный, но постепенно она обставила его и украсила со вкусом, который унаследовала от отца. С крыши открывался вид на многолюдную Перу и на корабли в Золотом Роге, а дальше вставали стены, башни и купола Константинополя, казавшиеся на таком расстоянии почти нетронутыми. В другую сторону виднелась местность, куда Ксения любила отправляться на прогулки.

У них в доме было три слуги. Совсем не много для того времени, когда работы было очень много, а нанять людей было очень просто. У Хейвига в услужении был герум — каппадокийец с лицом мошенника. Он был женат на кухарке, которая работала у них на кухне. Ксения с удовольствием возилась с их детьми, баловала их. Она ухаживала за садом, который вскоре стал настоящим уголком рая. Остальное время она занималась шитьем, проявляя при этом настоящий талант, читала книги, которые ей приносил Хейвиг.

— Византийцы, — рассказывал Хейвиг, — были полны суеверий. Магия, гадания, амулеты от дурного глаза, предзнаменования, приворотные зелья... Ксения же увлекалась астрологией. Естественно, ее увлечение было безвредным. Она составляла гороскопы, интерпретируя их так, как ей казалось интересным. Часто мы ночью ходили наблюдать звезды. О, Боже, как она была прекрасна при лунном свете! Я постоянно боролся с искушением принести ей телескоп. Но это было слишком рискованно.

— Но тебе ведь пришлось проделать большую работу, чтобы уменьшить интеллектуальную пропасть между вами, — сказал я.

— Ничего особенного, док, — ответил он. Воспоминания смягчили его голос. — Она была моложе меня, я думаю, лет на пятнадцать. Конечно, большая часть того, что я знаю, ей незнакома. Но ведь справедливо и обратное, не забывайте об этом. Она хорошо знала все входы и выходы одного из самых блистательных космополисов в истории. Население, фольклор, законы, здания, искусство, песни, книги — да она читала греческих классиков, которые не дошли до моего века, погибли в катастрофе. Она рассказывала мне о них, читала грандиозные строки Эсхила или Софокла, и у меня по спине пробегала дрожь; она заставляла нас обоих упиваться Сафо или хохотать над Аристофаном. Зная, куда смотреть, я часто «случайно» находил книги на базаре ... на самом деле в прошлом.

Он замолчал, переводя дыхание. Я ждал.

— А повседневная жизнь? — заключил он. — Когда вы заканчивали прием, разве вам не было интересно, что делает Кейт? И еще... — он отвел взгляд ... — были мы с ней. Мы любили друг друга.

Она пела, занимаясь работой по дому. Проезжая мимо стены к конюшне, он слышал ее пение, доносящееся из окна; она была счастлива.

В целом они жили очень уединенно. Время от времени, чтобы сохранить маскировку, необходимо было развлекать купца с Запада, или Хейвиг отправлялся один на приемы, которые давали другие купцы. Ему это было нетрудно. Большинство купцов для своего времени были неплохими людьми и рассказывали немало интересного. Но Ксения с трудом сдерживала при этом отвращение. К счастью, никто не ожидал от нее поведения радушной хозяйки двадцатого века.

Но когда на обед приходили друзья с Востока, она выступала на первый план, полная жизни и веселья. Хейвиг шел на это, потому что Джон Андерсон, работник очень далекой торговой фирмы, должен был по крохам собирать информацию для Венеции и Генуи. Но ему самому нравились эти люди: ученые, торговцы, художники, ремесленники, духовник Ксении, отставной морской капитан и более экзотические типы, приезжавшие по дипломатическим или торговым делам. Их он специально разыскивал: русские, евреи из разных восточных местностей, иногда арабы и турки.

Когда приходилось уходить, он одновременно приветствовал перемену и негодовал по поводу потери времени, которое мог бы провести с Ксенией. Частые отлучки нужны были ему, чтобы сохранять маскировку. Конечно, рабочий кабинет был у него дома, но Джон Андерсон должен был не только встречаться с людьми в городе, но и совершать поездки по суше и по морю в разные районы.

— Иногда избежать поездки было невозможно. Например, когда приглашали, — говорил он мне. — К тому же временами, как всякому женатому мужчине, мне хотелось побыть одному хоть часть дня. Но в основном, понимаете, я уходил в будущее. Я не знал ... не знаю, что мне это может дать, но у меня было чувство, что я обязан установить правду. Поэтому я прежде всего перемещался в современ-

ный Стамбул, где у меня были поддельные документы и хороший банковский счет. Потом летел в нужную часть света, перемещался еще дальше в будущее и изучал этот район Федерации маури и их цивилизации, видел подъем, славу, упадок, падение и последствия их мира.

* * *

Сумерки медленно наползали на остров. Внизу, под высокими холмами, земля была уже покрыта тьмой; в домах моряков горели огни; но вода все еще блестела. Белая на фоне царственной синевы, которая изогнулась аркой в сторону Азии, видная сквозь ветви карликовой сосны, пережившей уже сотни лет, сверкала Венера. Из курительницы на веранде дома Карело Кеаджиму поднимался ароматный дым. На насесте сидела птица и исполняла свой репертуар затейливых мелодий, ради которых люди ее и вывели; однако птица не в клетке, у нее есть свое гнездо в лесу.

Старик сказал:

— Да, мы клонимся к концу. Умирание приносит боль. Но наши предки были мудры, когда сделали в своих мифах Нан равной Лесу. То, что длится вечно, становится переносимым. Смерть открывает дорогу — как для народов, так и для отдельных людей.

Он помолчал, сидя рядом с другом, потом добавил:

— То, что ты рассказал, заставляет меня подумать, не слишком ли сильно оказалось наше воздействие.

(— Я проследил за его жизнью, — говорил мне Хейвиг. — Начинал он как выдающийся молодой философ, занявшийся политикой. А закончил как опытный государственный деятель, уединившийся, чтобы стать философом. И тогда я решил, что он присоединится к вам, станет одним из двоих людей нормального времени, кому я могу доверить свою тайну.

— Видите ли, мне не хватает мудрости. Я могу касаться поверхности, добывать информацию; но могу ли я интерпретировать, могу ли понять? Кто я такой, чтобы решать, что нужно сделать, что можно сделать? Я проскользил через много лет — Карело Кеаджиму жил, работал, мыслил непрерывно девяносто лет. Мне нужна была его помощь).

— Ты думаешь, — сказал Хейвиг, — что один из элементов вашей культуры слишком силен и окажет слишком большое воздействие на следующее общество?

— Да, судя по твоим словам. — Старик на несколько минут задумался. Хейвигу они не показались долгими.

— Вернее... разве у тебя нет ощущения, что в будущем возникнет конфликт... противоречие между двумя концепциями, которые в нашем маурианском идеале должны находиться в равновесии?

Наука, рациональность, планирование, контроль. И мифы, раскрепощенная психика, человек един с природой, из которой черпает знания и мудрость.

— Мне кажется, судя по твоим словам, что наша нынешняя переоценка машинной цивилизации неверна, — сказал Кeadжиму. — Это вполне объяснимая реакция. Мы, маури, становимся слишком властными. Хуже того, мы стали самодовольны. То, что однажды было хорошо, мы превратили в идола и потому позволили этому хорошему разложить нас. Во имя сохранения культурного разнообразия мы старались остановить развитие целых культур, которые в лучшем случае причудливы, а в худшем — гротескные и опасные анахронизмы. Во имя сбережения экологии мы запретили работы, которые могли бы подарить нам дорогу к звездам. Неудивительно, что в Рувензори открыто ведутся работы по созданию термоядерных установок. Неудивительно, что внутренние разногласия делают нас бессильными и не дают остановить эти работы!

Снова недолгое молчание. Потом он продолжил:

— Но, согласно твоему рассказу, друг мой Джек, это только временный спазм. В будущем человечество отвергнет преклонение перед наукой, отвергнет саму науку, сохранив только застывшую технологию, которая нужна для поддержания жизни. Люди еще больше обратятся внутрь самих себя, станут мыслителями и мистиками. Обычные люди будут обращаться за советами к мудрецам, которые углубятся в свой внутренний мир. Я прав?

— Не знаю, — ответил Хейвиг. — У меня сложилось такое впечатление, но это только впечатление. Я многого не понимаю, и не только языки того периода. У меня не было времени овладеть ими бегло. Даже то небольшое, что

я узнал о маури, потребовало годы моей жизни. А годы в далеком будущем еще более чужды мне.

— И парадокс еще углубляется контрастами, которые ты увидел, — сказал Кеаджиму. — Посреди сельской местности шпили, которые гудят и мерцают, производя загадочную энергию. По пустому небу скользят огромные бесшумные корабли, которые кажутся сделанными не из металла, а из каких-то полей. И... символы на статуе, в книгах, вырезанные на каминной доске, возникающие при приближении руки... ты не смог их понять. И не понимаешь, откуда они взялись. Я прав?

— Да, — с несчастным видом согласился Хейвиг. — Карело, что мне делать?

— Мне кажется, ты на такой стадии, когда вопрос можно сформулировать так: что мне нужно узнать?

— Карело, я всего лишь один человек, пытающийся увидеть тысячи лет. Я не могу! Я чувствую все усиливающееся сомнение... что Убежище смогло все-таки восстановить машинную цивилизацию... Что же тогда?

Кеаджиму коснулся его — жестом, легким, как прикосновение крыла мотылька.

— Успокойся. Человек немного может. Но достаточно, чтобы это немного было правильным.

— Но что правильно? Неужели в будущем нас ждет тирания нескольких владеющих техникой повелителей? Их господство над человечеством, которое стало высокомерным и пассивным? Если это так, то что можно сделать?

— Как практический политик, хотя и в отставке, — сказал Кеаджиму с неожиданной сухостью, которая всегда поражала Хейвига, — я полагаю, что ты не заметил наиболее отвратительных последствий. Простой деспотизм можно пережить. Но мы, маури, в нашей сосредоточенности на биологии, могли оставить миру еще худшее наследство.

— Что?! — Хейвиг даже привстал.

— Отточенный метал может рубить дерево и человеческую плоть, — сказал Кеаджиму. — Взрывчатка делает котлованы, но может уничтожить и людей. Наркотики... да, да, уверяю тебя, что это самая главная проблема, которая беспокоит наше правительство. И это необычные наркотики, которые стимулируют воображение. Нет, мы уже имеем химические вещества, которые могут заставить поверить человека во все, что ему скажут.

— Я почти рад услышать, что гегемония Федерации кончится до того, как эта проблема станет критической. Таким образом, вина не может быть нашей. — Кеаджиму склонился к Хейвигу. — Но ты, бедный путешественник во времени, ты должен думать не только о следующем столетии. Сегодня мирный вечер. Взгляни на звезды над головой, вдохни аромат, послушай песни птиц, ощути ветерок, будь един с Землей.

* * *

В ноябре 1969 года я в одиночестве читал книгу в своем доме в Сенлаке. Ночь была удивительно ясной и холодной. Окна затянуло узорными цветами мороза.

Звучала симфония Моцарта с проигрывателя, на коленях у меня лежала книга Йитса (Вильям Йитс — ирландский поэт и драматург 20 века. — *Прим. перев.*), на столике рядом с креслом стоял стакан со скотчем, и иногда мне в голову приходили воспоминания и вызывали улыбку. Хороший час для старого человека.

В дверь постучали. Я произнес непечатное слово, встал и начал придумывать предлоги, идя по ковру. Настроение мое не улучшилось, когда под ногами у меня проскочил Фиддлстикс (Эта кличка означает по-английски «вздор, чепуха». — *Прим. перев.*), едва не опрокинув меня. Проклятого кота я держал только потому, что он принадлежал Кейт. Когда она умерла, он был котенком, а теперь и сам близок к концу...

Когда я открыл дверь, в нее ворвалась зима. Земля снаружи не покрыта снегом, но застыла. На ней стоял мужчина, дрожавший в плаще не по сезону. Среднего роста, худой, светловолосый, с резкими чертами лица. Возраст его трудно было определить, хотя на лице видны были глубокие морщины.

Я не видел его пять лет, но сразу узнал.

— Джек! — воскликнул я. Меня охватила слабость.

Он вошел, закрыл дверь и сказал низким неровным голосом:

— Док, вы должны мне помочь. Моя жена умирает.

— Озноб и лихорадка, боль в груди, кашель, болезненная красноватая мокрота... да, похоже на крупозное воспаление легких, — кивнул я. — Гораздо хуже то, что у нее сильная головная боль, боль в спине и в шее. Возможно, еще и менингит.

Сидя на краешке стула, с дергающимся ртом, Хейвиг спросил:

— Что же делать? Антибиотик...

— Да, да. Я не очень хочу давать предписания пациенту, которого никогда не видел, и позволить неспециалисту применять лечение. Я предпочел бы поместить ее в кислородную палатку.

— Я мог бы перенести... — начал он, и тут же оживание покинуло его. — Нет. Контейнер с кислородом слишком тяжел.

— Ну, она молода, — успокаивал я его. — Возможно, стрептомицин ей поможет. — Я встал и потрепал его по спине. — Расслабься, сынок. У тебя есть время: ты ведь можешь вернуться в то же мгновение, когда оставил ее.

— Не уверен, следует ли мне это делать, — прошептал он; и тогда-то он и рассказал мне обо всем происшедшем.

Во время его рассказа меня охватил страх, и я признался. Больше десяти лет назад в беседе с писателем из Калифорнии я не смог удержаться и рассказал о том, что узнал от Хейвига о Федерации маури. То небольшое, что я знал об этой культуре, заинтересовало меня; я подумал, что этот писатель, привыкший к рассуждениям, сможет разгадать некоторые ее головоломки и парадоксы. Нет необходимости говорить, что я представил всю информацию как чистую игру воображения. Но тем не менее я ему ее сообщил, а когда он попросил позволения использовать ее в своих рассказах, я не видел причины для отказа.

— Они были опубликованы, — с несчастным видом сказал я. — В сущности, в одном из них он даже предсказал то, что ты обнаружил потом: что маури проведут тайную операцию против тайных попыток создать атомный двигатель. Что если эти рассказы вывели на след агентов Убежища?

— У вас есть эти рассказы? — спросил Хейвиг.

Рассказы нашлись. Хейвиг просмотрел их. На лице его появилось выражение облегчения.

— Думаю, беспокоиться не о чем, — сказал он. — Он изменил имена и другие подробности. А что касается его догадок, то по большей части они ошибочны. Если кто-то знающий будущее прочтет эти рассказы, они покажутся одним из обычных для фантастики попаданий почти в цель. — Смех его прозвучал резко. — Не забывайте, эти рассказы строятся на том же принципе, что и стрельба из пулемета... Но сомневаюсь, чтобы это было прочитано. Рассказы никогда не были очень распространены. Вскоре их совершенно забудут. Агенты времени не станут просматривать все напечатанное. Особенно такие агенты, как у Уоллиса.

Немного погодя:

— В чем-то это меня успокаивает. Я начинаю думать, что излишне встревожился сегодня. Так как до сих пор ни с вами, ни с теми, кто с вами связан, ничего не случилось, вряд ли случится и в будущем. Вас, несомненно, проверили и решили, что вы не представляете интереса для меня взрослого. Именно поэтому я так давно с вами не виделся, док. Ради вашей безопасности. Этот другой Андерсон, писатель... я никогда с ним не встречался. Всего лишь знакомый знакомого...

Снова молчание. Наконец он мрачно сказал:

— Они даже не попытались устроить мне ловушку у матери или ударить через нее. Вероятно, решили, что это слишком очевидно и рискованно для них, не знающих эпоху... Держитесь незаметно, и вы будете в безопасности. Но вы должны помочь мне!

Ночь уже сменялась рассветом, когда я наконец спросил:

— А почему ты пришел ко мне? Твои маури должны иметь более передовую медицину.

— Да. Слишком передовую. Почти вся она профилактическая. Они считают лучшими лекарствами наркотики. Так что, насколько мне известно, в болезни Ксении их средства не лучше ваших.

Я потер подбородок. Щетина жесткая, она закрипела под пальцами.

— Я всегда считал, что у хемотерапии есть свои пределы, — заметил я. — Черт побери, хотел бы я знать, как они будут лечить вирусные заболевания!

Хейвиг неловко шевельнулся.

— Ну, дайте мне ампулы и шприц, и я отправлюсь, — сказал он.

— Полегче, — ответил я. — Не забудь, я больше не практикую. У меня здесь нет сильнодействующих средств. Придется подождать, пока откроют аптеку. Нет, ты не перепрыгнешь вперед ни на минуту! Я хочу немного подумать и поработать. Возможно, понадобится другой антибиотик; у стрептомицина могут быть побочные эффекты, с которыми ты не сможешь справиться. Потом тебя нужно немного обучить. Ручаюсь, ты никогда не делал инъекции, тем более не заботился о выздоравливающих. И прежде всего нам обоим нужна еще одна порция скотча и немного сна.

— Убежище...

— Успокойся, — снова сказал я этому издерганному человеку, в котором смог увидеть отчаявшегося мальчишку. — Ты только что решил, что эти разбойники утратили интерес ко мне. Если бы они следили за тобой и заметили твоё появление, они были бы уже здесь. Верно?

Он тяжело качнул головой вверх и вниз.

— Да. Вероятно.

— Я понимаю твою осторожность, но мне бы хотелось, чтобы ты посоветовался со мной на ранней стадии болезни жены.

— Да?.. Вначале мне показалось, что она просто сильно простужена. Люди того времени крепче нас, сегодняшних. Дети мрут, как мухи. Родители не вкладывают столько любви в ребенка, как мы, по крайней мере, пока ему не исполнится год или два. Но если вы преодолели ранние болезни, то преодолеете и более поздние. Ксения чувствовала себя плохо, но до сегодняшнего вечера не ложилась в постель... — Он не смог закончить.

— Ты проверил ее личное будущее? — спросил я.

Ввалившиеся глаза, сопротивляющиеся сну, смотрели на меня. Усталый голос произнес:

— Нет. Не посмел.

Я так никогда и не узнаю, насколько обоснованным был его страх заглянуть в будущее Ксении, узнать, когда она умрет. Спасало ли незнание его свободу или только иллюзию свободы? Я не знаю этого, знаю только, что он остался у меня на двое суток, послушно отдыхал и тренировался, пока не научился помогать жене. В конце он попрощался, и мы не были уверены, что увидимся снова; он уехал на

взятой напрокат машине в городской аэропорт, сел в самолет до Стамбула, отправился в прошлое с тем, что я ему дал, и был захвачен людьми Убежища.

* * *

В 1213 году тоже был ноябрь. В 1969 году Хейвиг выбрал этот месяц, потому что знал, что тогда будет холодно и его враги вряд ли будут караулить возле моего дома. У Золотого Рога климат менее резкий. Однако из России дул холодный ветер, гнал дождевые тучи над Черным морем. Для защиты от холода в домах тогда были только жаровни с углем; гипокауст (Древнеримская система отопления, располагавшаяся в полу или в стенах. — *Прим. перев.*) в таком мягком климате и в такие беспокойные времена казался слишком дорогим. Худое тело Ксении дрожало, день за днем бактерии действовали в ее легких.

Хейвиг прибыл в Стамбул в район доков и пошел окружной дорогой, чтобы не навести шпионов. Дорога была почти пустой. В одной руке он нес хронолог, в другой — плоский чемоданчик, где заключалась жизнь Ксении. Дождь сыпал с серого неба и вскоре его одежда промокла до нитки, холод подступал к его телу. Звуки его шагов по скользким камням гулко разносились по пустынным улицам. Он торопился, ведь прошло уже больше пятнадцати минут с тех пор, как он покинул Ксению. Было уже три часа дня, а сумерки повисли над городом.

Дверь его дома была заперта, ставни опущены и сквозь щели пробивался свет. Он постучал, ожидая, что новая служанка, Зулалия, так, кажется, звали ее, откроет дверь и впустит его. Она, конечно, удивится, увидев, как быстро он вернулся, ну да черт с ней.

Заскрипели петли, дверь отворилась. В дверном проеме стоял человек в византийской одежде, дуло пистолета в его руке показалось Хейвигу огромным.

— Не двигайся, Хейвиг, — сказал он по-английски. — Не пытайся сбежать. Не забудь, у нас твоя женщина.

* * *

Если не считать иконы Девы, их спальня была лишена византийской строгости. В тусклом свете видны были нарисованные цветы и играющие животные. Неправильно,

что овца прыгает рядом с лежащей Ксенией. Ксения кажется такой маленькой и худой в ночной рубашке. Кожа, плотно обтягивающая хрупкие кости, словно свежевыпавший снег, обгаренный кровью. Рот у нее пересох, губы потрескались. Только волосы, свободно прикрывающие грудь, и огромные испуганные глаза сохранили блеск.

Человек в восточноримской одежде, которого Хейвиг не знал, профессионально держал его левую руку. Правую держал Хуан Мендоза. Каждый раз он ухмылялся, выворачивая руку в локтевом суставе. Он был одет в западном стиле, как и Вацлав Красицкий, стоявший у кровати.

— Где слуги? — автоматически спросил Хейвиг.

— Мы их пристрелили, — ответил Мендоза.

— Что...

— Они не знали, что такое пистолет, поэтому не испугались. Мы не могли позволить, чтобы их крики предупредили тебя. Заткнись.

Хейвиг ощутил шок от сознания, что они мертвы. Он надеялся, что детей пощадили и что о сиротах позаботятся. Шок был подобен удару по плоти, пропитанной болеутоляющим. Кашель Ксении привел его в себя.

— Хаук, — прохрипела она. — Нет, Джон, Джон... — она протянула к нему бессильные руки, а он не мог пошевелить своими.

Широкое лицо Красицкого заметно постарело. Должно быть, прошли годы его жизни — в прошлом, в будущем, везде, где нужно было применять насилие. Он с холодным удовлетворением сказал:

— Тебе будет интересно узнать, сколько потребовалось работы, чтобы тебя выследить. Ты нам дорого обошелся, Хейвиг.

— Зачем... я... вам? — прохрипел пленник.

— Ты ведь не думал, что мы оставим тебя в покое? Не только потому, что ты убил наших людей. Ты не невежественный деревенщина, ты умен и потому опасен. Я лично руководил этой работой.

Хейвиг с ужасом подумал: «Как они меня переоценивают».

— Мы должны знать, что ты делал, — продолжал Красицкий. — Послушайся моего совета и пойди нам навстречу.

— Как вы?...

— Много детективной работы. Мы решили, что если греческая семья настолько тебе дорога, что ты пошел на то, что сделал, значит ты будешь в контакте с ней. Признаю, ты хорошо замел свой след. Но не будь слишком доволен своим пятилетним укрытием. Нужно учитывать ограниченность нашего персонала, трудности работы здесь. К тому же, у нас много дел в других эпохах. Естественно, обнаружив тебя, мы выбрали именно этот момент для захвата. Все соседи знают, что твоя жена серьезно больна. Мы подождали, пока ты выйдешь, рассчитывая на скорое возвращение. — Красицкий взглянул на Ксению. — И на уступчивость тоже.

Ксения вздрогнула и раскашлялась. Кашель ее напомнил Хейвигу лай собаки, когда был убит его отец. Она сплюнула, и мокрота была окрашена кровью.

— Боже! — закричал Хейвиг. — Выпустите меня! Дайте полечить ее!

— Кто они такие, Джон? — взмолилась она. — Что им нужно? И где твой святой?

— К тому же, — сказал Мендоза, — Пэт Мориарти был моим другом. — И он сильнее сжал руку Хейвигу, едва не сломав ее.

Сквозь боль Хейвиг услышал слова Красицкого:

— Если будешь вести себя разумно, отправишься с нами и не станешь причинять неприятностей, мы оставим ее в мире. Я даже сделаю ей укол. Как я догадываюсь, у тебя в сумке шприц.

— Этого... недостаточно... Пожалуйста...

— Больше она не получит. Говорю тебе, мы и так затратили на тебя много человеколет. Не заставляй нас тратить больше и подвергаться дополнительному риску. Хочешь, чтобы мы сломали ей руки?

Хейвиг обвис и заплакал.

Красицкий сдержал свое слово, но укол сделал неловко, и Ксения закричала.

— Все хорошо, все хорошо, дорогая, все в порядке, святые позаботятся о тебе, — крикнул Хейвиг с противоположного конца углубляющейся пропасти. Красицкому он сказал: — Послушай, позволь мне попрощаться с ней. Я все сделаю, только позволь попрощаться с ней.

Красицкий пожал плечами.

— Ладно. Только побыстреей.

Мендоза и второй человек держали Хейвига, когда он склонился к девушке.

— Я люблю тебя, — сказал он, не зная, слышит ли она его в ужасе и лихорадке. Губы его коснулись губ мумии. Не такими он их помнил.

— Ну, хорошо, — сказал Красицкий, — двинулись.

Двигаясь в будущее, Хейвиг перестал замечать людей рядом с собой. Они, как и его собственное тело, сохранили материальность, но для него реальной была только ускользающая комната. Он видел Ксению, оставшуюся в одиночестве, протягивающую руки; видел, как она затихла; видел, как несколько дней спустя кто-то, должно быть, встревожился и взломал дверь дома; видел смятение, опустевшую комнату, а потом незнакомых людей в ней.

Он может сопротивляться, остаться при первой же остановке в нормальном времени. Но есть способы сломить волю любого человека. Лучше не появляться в Убежище искалеченным душой и телом. Нужно быть готовым к тому, что скажет ему Калев Уоллис. Нужно сохранить способность к отмщению.

Мысль эта была неясной. Он еще был весь погружен в смерть Ксении. Едва замечал, как перемещаются тени: дом, в котором они жили, сменился другим, большего размера, тот в свою очередь сгорел в пожаре, когда Перу захватили турки, его сменили здание за зданием, полные лиц, и лиц, и лиц, до последней ослепительной вспышки и затянувшегося все радиоактивного пепла. Почти не заметил он и остановки в развалинах, перелета через океан и дальнейшего пути в будущее, где его ждал Сахем. Ничего в нем не оставалось, кроме Ксении, которая видела, как он исчезает, и осталась лежать одна, умирающая, неисповедавшаяся.

* * *

Лето окутало Убежище жарой и ярким светом, но в башне, где содержали Хейвига, было прохладно и полутемно. Комната голая, если не считать умывальника, туалета, матраца и двух стульев с прямыми спинками. Единственное окно позволяло увидеть сельскую местность. На ней крестьяне работали на своих хозяев. А если некоторое время смотреть туда, на солнце, то на короткий промежуток слепнешь.

Металлический трос длиной в пять футов прикреплен одним концом к кольцу на ноге, другим — к скобе в стене. Этого вполне достаточно. Путешественник во времени уносит с собой все, с чем связан. Например, одежду. Таким образом, Хейвигу пришлось бы уносить с собой всю крепость. Он даже и не пытался.

— Садитесь, садитесь, — пригласил Калек Уоллис.

Он разместил свой широкий зад на одном из стульев, за пределами досягаемости пленника. Его черный мундир с эполетами, аккуратно причесанные рыжеватые бакенбарды, лысина — все утверждало превосходство над грязной архаичной одеждой Хейвига, его покрытым щетиной подбородком, налитыми кровью и окруженными кольцами глазами.

Уоллис взмахнул сигарой.

— Я не сержусь на вас, — сказал он. — В сущности, я даже восхищаюсь вашим умом и энергией. Поэтому я приказал дать вам отдохнуть перед этим разговором. Надеюсь, вас хорошо покормили? Садитесь.

Хейвиг послушался. Оцепенение не проходило. Всю ночь ему снилась Ксения. Они плыли куда-то в большом тримаране, паруса которого превращались в крылья и уносили их к звездам.

— Мы здесь наедине, — сказал Уоллис. За дверью ждала охрана, но двери толстые и плотно закрыты. — Можете говорить свободно.

— А если не буду? — спросил Хейвиг.

На него смотрели глаза, подобные пулям.

— Будете. Я терпеливый человек, но не позволю вам больше вмешиваться в мое предназначение. Вы живы потому, что я надеюсь: вы каким-то образом компенсируете вред, который принесли. Например, вы хорошо знаете вторую половину двадцатого века. И у вас там много денег. Это нам поможет. Для вас лучше, если поможет.

Хейвиг почесал кожу под одеждой. Он тупо подумал: «Как это недраматично, что только что овдовевший, попавший в плен человек, которому пригрозили пыткой, не мыт, кожа его зудит, и от него несет». Он вспомнил, как однажды сказал Ксении, что ее любимые классические поэты упускали такую низменную реальность; в ответ она процитировала ему Гомера, драмы, гимны — множество стихов, которые доказывали, что он ошибается. Палец ее дрожал на строках, и пчелы жужжали в розах...

— Я знаю, что у вас была женщина в Константинополе, что она заболела и вы вынуждены были оставить ее, — сказал Уоллис. — Это нехорошо. Я вам сочувствую. Но знаете ли, вы сами навлекли это на себя. И на нее. — Качнулась крупная голова. — Да, вы сами. Не стану говорить, что вас наказал Бог. Это возможно, но природа дает людям то, что они заслужили, и недостойно белого человека так привязываться к подобной женщине. Вы ведь знаете, она была левантинка. А это означает смешанную кровь. Все эти армяне, азиаты, эскимосы, евреи, вероятно, и от ниггеров что-то... — Уоллис снова взмахнул сигарой. — Понимаете, я ничего не имею против, когда вы, мои парни, развлекаетесь. — Он жизнерадостно подмигнул. — Нет, нет. Как я понимаю, это часть платы. Пробуйте почти все, что хотите, когда хотите, и никаких глупостей впоследствии — ни с ней, ни с другими. — Он нахмурился. — Но вы, Джек! Вы на ней женились!

Хейвиг старался не слушать. Но не сумел. Голос продолжал греметь.

— Это еще хуже, чем кажется на первый взгляд. Это символично. Ты спустился на низший уровень, ибо такая, как она, не могла подняться до тебя. И ты уронил достоинство целой расы. — Голос его стал жестким. — Ты не понимаешь? Это было всегда проклятием белого человека. Так как он более интеллигентен и чувствителен, он всегда открывается тем, кто ненавидит его. Он впускает в свой дом лживых лицемерных людей и проходило много времени прежде, чем он убеждался, что открылся врагам хитрым и жестоким. О, да, да, я изучал твой век. Именно тогда произошло то, что готовилось десятилетиями, пришел в действие заговор, уничтоживший мир белого человека, открывший ворота для монголов и маури. Ты знаешь, что я считаю величайшей трагедией всех времен? Это когда два величайших гения, каких когда-либо создавала раса белых людей, возможные спасители от нашествия славян и китайцев оказались в состоянии войны друг против друга. Дуглас Макартур и Адольф Гитлер.

Хейвиг понял — вначале с легким изумлением, потом с горячим удовлетворением, — что плюнул на пол, и выпалил:

— Если бы генерал услышал вас, Уоллис, я бы гроша не дал за вашу жизнь! Впрочем, она и так его не стоит.

Удивительно — а может, и нет, но он не вызвал гнева.

— Вы доказываете правоту моих слов. — В голосе Сахема звучала печаль. — Джек, я должен заставить вас увидеть правду. Я знаю, инстинкты у вас здоровые. Они только погребены под коварной и хитрой ложью. Вы ведь видели империю ниггеров в будущем, и все-таки не понимаете, что должно быть сделано, что будет сделано, чтобы вернуть человечество на верную эволюционную дорогу.

Уоллис затянулся, так что кончик сигары загорелся, как красный бакен, выдохнул ароматный дым и добавил благожелательным голосом:

— Конечно, сегодня вы не в себе. Вы потеряли девчонку, которая вам не безразлична. Я уже сказал вам, что сочувствую. — Пауза. — Однако она и так к сегодняшнему дню была бы уже давно мертва, верно?

Голос его стал жестким.

— Все умирают, — сказал он. — Кроме нас. Я считаю, что мы, путешественники во времени, не обязаны умирать. Вы можете присоединиться к нам. Можете жить вечно.

Хейвиг воздержался от ответа: «Отказываюсь, если это распространяется на вас». Он ждал.

— В том мире, который мы строим, будет достигнуто бессмертие, — сказал Уоллис. — Я убежден. Скажу вам кое-что. Это тайна, но либо я буду вам доверять, либо вы умрете. Я побывал в конце первой фазы и видел себя самого. Я писал свою инструкцию. Не забудьте, к тому времени я уже состарился. Обвисшие щеки, ревматические глаза, дрожащие руки в пятнах... неприятно видеть себя самого старым, неприятно. — Он выпрямился. — Но в том путешествии я узнал кое-что еще. В конце я исчезну. И меня больше не увидят, за исключением короткого посещения второй фазы. Никогда. И точно то же произойдет с большинством моих помощников. Я не стал узнавать их имен — нет смысла тратить на это время жизни, но не удивлюсь, если вы окажетесь среди них.

Эти слова отчасти развеяли апатию Хейвига.

— Что, по-вашему, произойдет? — спросил он.

— То, о чем я написал! — воскликнул Уоллис. — Вознаграждение. Мы выполним свою работу, и нас перенесут в далекое будущее и сделают вечно молодыми. Мы будем как боги.

Снаружи в небе закаркала ворона:

Трубное звучание в голосе Уоллиса стихло.

— Надеюсь, вы будете включены, Джек, — сказал он. — Надеюсь. Вы энергичный человек. Признаю, что именно ваши рассказы о Константинополе подсказали Красицкому идею нашего рейда. И вы проделали там очень ценную работу, прежде чем свихнулись. До сих пор это наш лучший улов. Он нам дал необходимые средства для продолжения. Поверьте мне, Калед Уоллис чужд неблагодарности.

— Конечно, — мягко продолжал он, — вы потрясены. Вы неподготовленным столкнулись с жесткими необходимостями нашей миссии. Но как же Хиросима? Как бедный гессенский парень, тоскующий по родине, проданный в чужую армию и умирающий со свинцом в животе ради независимости Америки? Как же те люди, ваши товарищи, Джек, которых вы убили?

— Поставим их против девчонки, вскружившей вам голову. Подсчитаем, что вы сделали для нас, и что против. Равный счет, верно? Хорошо. Все последние годы вы были очень заняты. И собрали немало информации. Не хотите ли поделиться ею? И передать нам ваши средства? Заслужить возвращение в наше братство?

Строго:

— Или вы предпочитаете раскаленное железо, клещи, зубные сверла, внимание профессионалов — вы знаете, они у нас есть? Пока все равно не расскажете мне все, что знаете, в надежде, что я позволю вам умереть.

* * *

Ночь заполнила вначале комнату, потом окно. Хейвиг тупо смотрел на магнитофон и ужин, которые принесли ему, пока не смог уже их видеть.

Нужно сдаться, думал он. Уоллис вряд ли лжет относительно будущего Убежища. Если нельзя победить их, присоединись к ним. Может, удастся сделать что-то из милосердия, во имя робкого призрака Ксении.

Но если, например, Уоллис узнал о психотропных средствах маури, которых они сами опасались, и послал с ними людей в будущее...

Что ж, Юлий Цезарь убивал и порабощал ради своей политической карьеры. Но в этом процессе он заложил

основы западной цивилизации, которая дала миру Шартрский собор, святого Франциска Ассизского, пенициллин, Баха, Билль о правах, Рембрандта, астрономию, Шекспира, конец рабства, Гете, генетику, Эйнштейна, борьбу за права женщин, Джейн Аддамс (Американская писательница и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии. — *Прим. перев.*), следы человека на Луне и взгляд, обращенный к звездам... Да, и еще, конечно, атомную бомбу и тоталитаризм, автомобиль и Четвертый крестовый поход, но в целом, в аспекте вечности...

Посмеет ли он, всего лишь Джек Хейвиг, встать на пути будущего во имя праха возлюбленной?

Сможет ли он? Скоро придет палач проверить, наговорил ли он что-нибудь в магнитофон.

Ему стоит помнить, что для вечности Джек Хейвиг значит не больше, чем Лукас Манассис, Ксения или любой другой человек.

И все же он не должен давать врагу свободы. Он может заставить его потратить еще немало времени жизни. Но только ради достойной цели.

* * *

Его коснулась чья-то рука. Он с трудом вырвался из беспокойного сна. Ладонь зажала его рот. В темноте Леонсия прошептала:

— Тише, дурак.

13

Вспыхнул фонарик. Его луч осветил кандалы на лодыжке Хейвига.

— Ах, — выдохнула Леонсия. — Вот как они тебя заковали? Так я и думала. Держи. — Она передала ему фонарик. Он, оглушенный ударами собственного сердца, с трудом удержал его в руке. Леонсия произнесла нецензурное слово, выхватила у него фонарик, зажала его в зубах и пригнулась. Заскрипел напильник.

— Леонсия, дорогая, ты не должна... — запинаясь он.
Она сердито хмыкнула. Он глотнул и замолчал. В окне блеснули звезды.

Когда трос лопнул, оставив у него на ноге кольцо, он выпрямился. Леонсия выключила фонарик, сунула его в карман рубашки — он заметил, что на ней также джинсы, сапоги для ходьбы, на поясе пистолет и нож — и схватила его за руку.

— Слушай, — прошептала она. — Переместись к рассвету. Пусть тебе принесут завтрак, потом вернешься в этот момент. Понял? Пусть думают, что ты сбежал позже. Сможешь выдержать это? Иначе ты погиб.

— Попытаюсь, — слабо ответил он.

— Хорошо. — Она коротко, но горячо поцеловала его. — Убирайся.

Хейвиг осторожно переместился в будущее. Он появился, когда окно посерело, приладил трос, так чтобы он выглядел, как обычно, и принялся ждать. Никогда раньше минуты не тянулись так медленно.

Обычный стражник принес ему поднос с едой и кофе.

— Привет, — без всякого смысла сказал Хейвиг.

В ответ он получил мрачный взгляд и предупреждение:

— Ешь быстрее. С тобой скоро поговорят.

На мгновение Хейвигу показалось, что солдат останется в камере и будет наблюдать за ним. Но тот вышел. После того как захлопнулась дверь, Хейвигу пришлось с минуту посидеть: ноги не держали его.

Леонсия.. Он выпил кофе. Вернулись силы и воля. Хейвиг вернулся в ночь.

Нужный момент ему подсказала вспышка фонарика. Вернувшись в нормальное время, он услышал хриплый шепот с другого конца камеры:

— ... Сможешь выдержать это? Иначе ты погиб.

— Постараюсь.

— Хорошо. — Пауза. — Убирайся.

Воздух с шумом устремился в пустоту, где только что находилось его тело. Хейвиг понял, что переместился.

— Я здесь, — негромко сказал он.

— Что? А! — Она, должно быть, хорошо видела в темноте, потому что сразу подошла к нему. — Все в порядке?

— Да. Может быть.

— Не болтай, — приказала она. — Несмотря на наш трюк, они могут проверить эти часы. Держи меня за руку. Уходим в прошлое. Не торопись. Я знаю, что у нас получится. Просто не хочу, чтобы они поняли, как мы ушли.

В Убежище специально тренировались для таких одновременных перемещений. Каждый испытывал сопротивление, когда пытался двигаться «быстрее» или «медленнее» партнера, и соответственно приспосабливал хронокинетическую скорость.

Несколькими ночами раньше камера оказалась незанятой, дверь открыта. Они прошли по темным лестницам, пересекли темный двор, прошли в ворота, которые в это спокойное время, когда никто не оспаривал власть Убежища, обычно оставались открытыми. Через промежутки им приходилось появляться в обычном времени, чтобы вдохнуть, но они проделывали это в темноте. Миновав опущенный мост, Леонсия пошла быстрее. Хейвиг подумал, почему бы просто не отправиться в то время, когда замка здесь еще не было, но потом понял, что это рискованно: можно встретиться с опасностью. В этом первобытном лесу тогда было немало охотников.

Онемев от усталости и горя, он просто шел за ней следом. Она ведь уже освободила его.

Да, освободила. Но ему потребовалось время, чтобы поверить в это.

* * *

Они сидели в лесу. Было лето. Колумб тогда еще не родился. Гигантские деревья сплелись друг с другом, образуя непроходимую чашу. Их густые запахи напоминали что-то и наполняли воздух. На земле лежала плотная тень. Где-то барабанил дятел. В очаге, сложенном из камней, горел огонь. В нем варился глухарь, которого принесла Леонсия.

— Я никогда не думала, что мир был так чудесен до того, как люди испакостили его своими машинами. Я больше не мечтаю о Высоких Горах, когда люди летали в космос. Я там побывала и с меня достаточно.

Хейвиг, прислонившись к стволу дерева, испытал странное ощущение *déjà vu* (Уже пережитое, *фр.* Ошибочное воспроизведение в памяти: кажется, что переживаемое теперь в прошлом уже когда-то было. — *Прим. перев.*). И тут

же понял причину: положение почти такое же, как через тысячелетие, когда она и он... Он внимательней присмотрелся к Леонсии. Рыжие волосы, собранные в узел, побледневший загар, крупное тело в мальчишеском наряде — если бы не знак Скулы — череп ласки, она вполне могла бы явиться прямо из его времени. Ее английский утратил большую часть акцента народа Ледников. Конечно, она по-прежнему везде ходит вооруженной, и ее кошачья грация и надменная осанка не изменились.

— Сколько времени для тебя прошло? — спросил он.

— С тех пор как ты бросил меня в Париже? Почти три года. — Она взглянула на гуся, протянула руку и повернула вертел.

— Прости. Я нехорошо обошелся с тобой. Почему ты захотела спасти меня?

Она еще сильнее нахмурилась.

— Расскажи, что случилось.

— Ты не знаешь? — удивленно воскликнул он. — Бога ради, если ты не знала, почему меня арестовали, откуда ты, знаешь, что я заслуживаю...

— Ты будешь рассказывать?

Он рассказал самое основное. Во время рассказа она не отрывала от него взгляда своих раскосых глаз, но лицо ее по-прежнему ничего не выражало. В конце она сказала:

— Похоже, я догадалась верно. Не от многого я отказалась. Чем больше присматривалась, тем все меньше мне нравилось.

Могла бы сказать хоть слово о Ксении, подумал он и потому заметил так же резко, как она:

— Не думаю, чтобы ты стала возражать против насилия и грабежа.

— Нет, если схватка честная, сила против силы, ум против ума. Но эти... шакалы... они выбирают беспомощных. И не ради добычи, а для забавы. — Со сдержанной яростью она потыкала в дичь концом ножа. Капля жира упала на уголья, зашипело желтое пламя. — К тому же к чему это все? Зачем нам пытаться вернуть в мир машины? Чтобы Калев Уоллис был провозглашен заместителем Бога?

— Когда ты узнала, что меня схватили и держат взаперти, это ускорило твое восстание? — спросил Хейвиг.

Она не ответила непосредственно.

— Я отправилась в прошлое, как ты догадываешься, обнаружила это помещение пустым, потом вернулась к тебе. Но вначале провела несколько дней в будущем, чтобы сделать вид, что не причастна к твоему побегу. Ха, все носились вокруг, как цыплята с отрубленными головами! Я распространила слух, что ты нашел себе союзника — путешественника во времени, когда находился в прошлом. — Широкие плечи приподнялись и опустились. — Но шума не поднимали. Очевидно, не стоило об этом упоминать в присутствии раннего Уоллиса, когда он явился с инспекцией. Зачем признаваться в неудаче? Его следующее появление, после твоего исчезновения, будет еще через годы, а тем временем не произошло ничего ужасного. Ты не имеешь значения. Я тоже, когда не вернусь из своего отпуска. Я думаю, они считают, что я погибла в несчастном случае. — Она усмехнулась. — Я люблю спортивные машины и утнала одну в Чикаго.

— Несмотря на то, что не хочешь восстановления машинной цивилизации? — спросил Хейвиг.

— Ну, немного-то можно ею воспользоваться. — Она пристально посмотрела на него, и лицо ее помрачнело. — Это все, что мы с тобой можем сделать. Найти подходящее укрытие, где-нибудь в пространстве и времени. Потому что Убежище нам не уничтожить.

— Я не уверен, что его победа предопределена, — сказал Хейвиг. — Может, я выдаю желаемое за действительное. Однако после увиденного... — Серьезность помогала прикрыть пустоту на том месте, где была Ксения. — Леонсия, ты неправа, отвергая науку и технологию. Ими можно воспользоваться неправильно, но то же самое можно сделать и со всем остальным. Природа никогда не находилась в полном равновесии — гораздо больше исчезнувших видов, чем выживших — и первобытный человек был таким же разрушителем, как современный. Просто он дольше мог пользоваться окружающей средой. Вероятно, охотники каменного века истребили гигантских млекопитающих плейстоцена. Несомненно, крестьяне своими серпами и мотыгами привели к концу то, что начиналось как Плодородный Полумесяц (Область в районе Среднего и Ближнего Востока, ранее плодородная, теперь почти пустынная. Родина древнейших цивилизаций. — *Прим. перев.*). И почти всегда люди умирали молодыми, и причины их смерти

вполне устранимы, если только знаешь как... Маури многое сделают для восстановления основ жизни на Земле. Они сделают первую попытку создать подлинно сбалансированную экологию. И это станет возможно только потому, что у них есть научные знания и средства.

— Кажется, у них не получилось.

— Не могу сказать. Это загадочное далекое будущее... его нужно изучить. — Хейвиг потер глаза. — Позже, позже. Сейчас я слишком устал. Возьму после еды твой нож и нарежу веток, чтобы проспать две-три недели.

Она наклонилась к нему, положила одну руку ему на шею, другой провела по волосам.

— Бедный Джек, — прошептала она. — Я была резка с тобой. Прости. Мне тоже пришлось нелегко, это бегство. И... Конечно, поспи. У нас мир. Сегодня у нас мир.

— Я еще не поблагодарил тебя за то, что ты сделала, — неловко сказал он. — И никогда не смогу как следует поблагодарить.

— Глупый! — Она обняла его. — А как ты думаешь, почему у тебя вытащила?

— Но... но... Леонсия, я видел, как умирала моя жена...

— Конечно. — Она всхлипнула. — Я хотела бы... хотела бы вернуться в прошлое ... и познакомиться с ней. Если она дала тебе счастье... Я знаю, это невозможно. Я подожду, Джек. Подожду, сколько нужно.

* * *

У них не было возможности надолго остаться в древней Америке. Конечно, можно было переместиться в будущее, купить оборудование, переправить его в прошлое. Но после того, что они пережили, мирная идиллия была не для них.

Более важно было состояние Хейвига. Его рана зарастала — медленно, но зарастала, оставив шрам — решимость выступить против Убежища.

Он не считал это просто мстью убийцам Ксении. Леонсия приняла его отношение и стала его союзницей, потому что женщина народа Ледников стоит рядом со своим мужчиной. Он признавал, что в определенной степени она права. (Всегда ли желание мести есть зло? Оно может принимать форму справедливости.) Главное — он верил: с этой бандой убийц следует покончить. Они совер-

шили много жестокостей и совершат еще; это несправедливо. Но можно ли остановить это нагромождение зла, можно ли пощадить далекое будущее?

— Удивительно вот что, — говорил он Леонсии. — Как будто ни один путешественник во времени не родился во времена маури и позже. Конечно, они могут оставаться инкогнито, как, вероятно, большинство путешественников в ранней истории. Они были слишком испуганы или слишком умны, чтобы раскрывать свою сущность. Тем не менее... ни одного? Вряд ли это возможно.

— А ты проверял? — спросила она.

Они были в отеле середины двадцатого века. Вокруг шумел и мигал Канзас-Сити, начало вечера. Хейвиг избегал своих прежних убежищ, пока не убедился, что их не обнаружили люди Уоллиса. Леонсия сидела в постели, поджав колени к подбородку, в свете лампы. На ней был прозрачный пеньюар. Но в остальном ничто не свидетельствовало о том, что она нечто большее, чем просто товарищ и сестра. Охотница учится терпению, а Скула умеет читать в человеческих душах.

— Да, — сказал он. — Я рассказывал тебе о Карело Кеаджуми. У него были связи по всему земному шару. Если он не смог найти путешественника, никто не сможет. А он никого не нашел.

— Что же это значит?

— Не знаю. Только... Леонсия, нам придется рискнуть. Придется совершить экспедицию во время после маури.

* * *

И снова практические проблемы заняли много времени жизни.

Подумайте. Одна эпоха не сменяет неожиданно и полностью другую. Граница эпох теряется в бесчисленных противоположных течениях. Так, Мартин Лютер не был первым протестантом этого мира в подлинном смысле — и в богословии, и в политике. Он просто стал первым заметным. И его успех был основан на неудачах столетий, на гуситах, лоллардах, альбигойцах и так далее — на всех сресях с начала христианства; а у этих ересей были свои, еще более древние источники. Аналогично термоядерный реактор и сопутствующие ему механизмы получили широкое распространение в то самое время, когда азиат-

ский мистицизм в сознании миллионов утверждал, что наука не в состоянии ответить на сколько-нибудь важные вопросы.

Если вы хотите изучить эпоху, с какого года вам начинать?

Вы можете перемещаться во времени, но когда достигли цели, придется пересекать пространство. Где вы найдете убежище? Что будете есть?

Потребовалось немало коротких путешествий вперед во времени, чтобы найти точку отсчета.

Подробности неважны. На западном берегу Северной Америки тридцать первого века гибридный язык инглис-маури-спаньол еще не настолько изменился, чтобы Хейвиг не мог понимать сказанное. Он прихватил с собой в прошлое грамматику, словарь и разнообразные тексты. Занимаясь поодиночке и вместе, они с Леонсией достигли требуемой беглости.

Этот город притягивал к себе посетителей разных частей света, и еще два чужака не могли привлечь к себе особого внимания. Да, Сансико был меккой пилигримов: ведь знаменитый гуру Дуаго Самито здесь делал свои открытия. Никто не верил в чудеса, но люди верили в то, что если встать на высоких холмах над городом, слиться с небом над головой и морем под ногами, то тебя может посетить особый дар внутреннего видения.

Перед пилигримами не стояла финансовая проблема. Эта эпоха была эпохой процветания. Каждый житель мог разделить пищу и кров с пилигримом, получая за это только рассказы бывалых людей, много повидавших на свете.

* * *

— Если вы ищите хозяев звезд... — сказал им смуглый доброжелательный человек, приютивший их на ночь. — Да, там вверху у них есть пост. Но, конечно, такой есть и в вашей стране.

— Нам любопытно знать: здешние хозяева звезд такие же, как у нас дома? — ответил Хейвиг. — Я слышал, они бывают разными.

— Верно, верно.

— Нам не страшно пройти несколько лишних километров.

— И не нужно идти. Можно позвонить. — Хозяин указал на голографическое устройство связи, стоявшее в углу комнаты. Пропорции устройства чужды и в то же время так же привлекают внимание, как японский храм — средневекового европейца или готический собор — японца.

— Хотя я сомневаюсь, чтобы на их станции кто-то был сейчас, — продолжал хозяин. — Вы ведь знаете, они не часто появляются.

— Ну, мы по крайней мере почувствуем... — сказал Хейвиг.

Смуглый человек кивнул.

— Да. Ощущение полное... да, вы хорошо поступаете. Идите с Богом, идите с Богом и будьте счастливы.

Утром, после часа пения и медитации, семья вернулась к ежедневным занятиям. Отец вручную обрабатывал огород: причина скорее была психологической, чем экономической. Мать продолжила работу над параматематической теоремой, слишком сложной для Хейвига. Дети подключились к электронной образовательной системе, которая распространена по всей планете и, по-видимому, отчасти использует телепатию. Однако дом их мал и скромн, с обычными безделушками и восточной крышей. Он стоял на холме в одиночестве.

Бредя по грязной дороге и поднимая каждым шагом пыль — в это время в небе над головой шептал многорукий автомат, — Леонсия вздохнула:

— Ты прав. Я не понимаю этих людей.

— На это потребовалась бы целая жизнь, — согласился Хейвиг. — Что-то новое вмешалось в историю. Не обязательно плохое, но несомненно новое.

Немного погодя он добавил:

— Так бывало и раньше. Мог ли палеолитический охотник понять неолитического крестьянина? Насколько похож человек, живший под божественной властью короля, на человека, живущего в демократическом государстве? Я сам не всегда понимаю тебя, Леонсия.

— Я тебя тоже. — Она взяла его за руку. — Давай продолжим пытаться понять друг друга.

— Кажется, — сказал Хейвиг. — Повторяю: кажется, эти хозяева звезд живут в ультрамеханизированных базах и летают в огромных кораблях. Все, что мы о них знаем, резко контрастирует с остальным на Земле. Они появляются

нерегулярно. В основном их базы пусты. Похоже на путешественников во времени?

— Но ведь они... добрые? Верно?

— И потому не могут быть из Убежища? Почему же нет? Во всяком случае, по происхождению. Внук победоносного пирата может стать просвещенным королем. — Хейвиг собрался с мыслями. — Да, хозяева звезд отличаются от того, что можно было ожидать. И насколько я могу судить — помни, я не лучше тебя владею современным языком, и за ним скрываются миллионы неведомых нам концепций, — так вот, насколько я могу судить, они приходят торговать. И не товарами, а скорее идеями и знанием. Их влияние на Землю тонкое, но постоянное и настойчивое. Мои путешествия в более далекое будущее подтверждают, что их влияние будет расти, пока не возникнет новая цивилизация — постцивилизация, которую мы постигнуть не можем.

— Разве местные не описывают их иногда как людей... а иногда как нелюдей?

— У меня тоже такое впечатление. Может, мы просто запутались в их выражениях.

— Ты разберешься, — сказала она.

Он взглянул на нее. Взгляд был долгим. Солнце осветило ее волосы и крошечные капельки пота на лице. Он уловил знакомый запах ее кожи. Одежда пилигрима не скрывала стройных конечностей. В поле свистел краснокрылый дрозд.

— Посмотрим, — ответил он.

Она улыбнулась.

Многочисленные шпили и купола оказались пустыми. Невидимый барьер не подпустил путников. Они передвинулись дальше в будущее. Увидев очертания корабля в тени, остановились.

Корабль уже сел. По казавшемуся нематериальным трапу выходил экипаж. Хейвиг увидел мужчин и женщин в облегающей одежде, которая сверкала, словно покрытая созвездиями. И увидел фигуры, которые не могла породить Земля, ни в век динозавров, ни в свой последний век, когда взбухшее солнце выжжет ее и превратит в пустыню.

Существо со спиной, покрытой раковинами, со множеством когтей и без всякой головы разговаривало с человеком музыкальными звуками. Человек смеялся.

Леонсия закричала. Хейвиг едва успел схватить ее за руку, прежде чем она убежала, переместилась в прошлое.

* * *

— Разве ты не видела? — спрашивал он ее снова и снова. — Разве не поняла, какое это чудо?

Наконец он заставил ее остановиться на ночь. Они стояли на высоком хребте. Бесчисленные звезды сверкали от горизонта до зенита и снова до горизонта. Часто вспыхивал метеор. Воздух холодный, их дыхание вырывалось паром. Леонсия съжилась в его объятиях. Тишина окружила их, «вечная тишина бесконечного пространства».

— Посмотри вверх, — сказал Хейвиг. — Каждый из этих огней — солнце. Неужели ты думала, что наша планета единственная обитаемая во вселенной?

Она вздрогнула.

— То, что мы видели...

— То, что мы видели, другое. Совершенно другое. — Он искал слова. Всю юность его преследовала мечта, которая для нее могла быть только легендой. И то, что мечта эта не погибла, заставляло кипеть кровь. — Где еще найти новизну, приключения, возрождение духа, откуда еще получить такое разнообразие? Век после маури не замкнулся в себе. Нет, он двинулся дальше, так далеко, как никогда раньше!

— Помоги мне, — попросила она.

Он обнаружил, что целует ее. Они нашли собственное уединенное место и остались одни.

* * *

Но счастливого конца не бывает. Не бывает вообще конца. В лучшем случае, у нас есть только мгновения счастья.

Настало утро, когда Хейвиг проснулся рядом с Леонсией. Она спала, теплая, гладкокожая, пахнущая мускусом, спала, положив руку ему на грудь. На этот раз его тело не отвергло ее. Но мысли — другое дело.

— Док, — говорил он мне голосом, полным отчаяния. — Я не мог оставаться там, где мы с ней были — в чем-то вроде рая, как его представляли себе в Возрождение. Не мог оставаться ни там, ни в другом месте и предоставить будущее самому себе.

Я верю, что будущее пойдет в благоприятном направлении. Но как я могу быть уверен? Да, да, меня зовут Джек, а не Иисус: моя ответственность должна где-то кончиться. Но где именно?

И даже если будущее — счастливая эпоха для человечества, как люди пришли к нему? Может, вы помните, я однажды высказывал вам свое мнение. Наполеону следовало бы объединить Европу. Но это не значит, что это должен был сделать Гитлер. Трубы Берген-Бельзена утверждают другое. Так что же Убежище?

* * *

Он разбудил Леонсию. Она приготовилась идти рядом со своим мужчиной.

Они могли бы посетить Карело Кeadжиму. Но он был по-своему слишком наивен. Хотя жил он в эпоху разъединения, правление маури всегда было мягким и никогда не вызывало организованного сопротивления. Кроме того, он занимал слишком видное положение, за ним скорее всего могли проследить.

И вот Джек Хейвиг и Леонсия из войска Вахорна пришли ко мне.

14

12 апреля 1970 года. Там, где я живу, это был день свежей весенней зелени, влажной от ночного дождя, белых облаков, подгоняемых ветром, от которого рябило лужи на моем подъездном пути; земля была холодной и вязкой у меня в пальцах, когда я сажал луковицы ирисов.

Заскрипел гравий под колесами. Подъехала машина, остановилась под большим старым каштаном, который нависал над газоном. Я не узнал машину и негромко выругался; всегда неприятно избавляться от коммивояжеров. Но тут из машины вышли двое, я узнал мужчину и догадался, кем может быть женщина.

— Док! — Хейвиг подбежал и обнял меня. — Боже, как я рад вас видеть!

Я не очень удивился. Все месяцы после его последнего посещения я ожидал, что он вернется, если останется жив. Но только в эту минуту понял, как волновался за него.

— Как твоя жена? — спросил я.

Радость на его лице погасла.

— Она умерла. Расскажу ... позже.

— О, Джек, как жалко...

— Ну, для меня это произошло полтора года назад. — И когда повернулся к длинноногой рыжеволосой женщине, подходившей к нам, смог снова улыбнуться. — Док, Леонсия, вы уже много слышали друг о друге. Теперь познакомьтесь.

Как и он, Леонсия не обратила внимания на мои грязные руки. Вначале эта встреча меня смутила. Никогда раньше не встречал я человека из другого времени; Хейвиг не в счет. И хотя он не очень много о ней рассказывал, все равно в его рассказе ясно звучала нотка ее отличности. Она думала, действовала, жила не так, как женщины, как вообще люди, рожденные в мою эпоху.

И однако охотница, советница вождя племени, шаман, любовница и убийца многих мужчин... на ней было обычное платье и... да... нейлоновые чулки, туфли на высоких каблуках, в руке она держала сумочку, улыбалась накрашенным ртом и сказала по-английски — язык ее не очень отличался от моего:

— Здравствуйте, доктор Андерсон. Я с нетерпением ждала этой встречи.

— Заходите в дом, — с трудом проговорил сказал я. — Примите душ, а я пока приготовлю чай.

* * *

Леонсия очень старалась быть невозмутимой, но ей это плохо удавалось. Хейвиг рассказывал, а она то и дело вставала со стула, подходила к окну, смотрела на тихую улицу.

— Успокойся, — сказал он ей наконец, — мы же все проверили, просканировали этот промежуток времени. Помнишь? Никаких агентов мы не обнаружили.

— Не могли же мы проверить каждое мгновение, — возразила она.

— Нет, но... док, я через неделю буду звонить тебе и спрошу, все ли у тебя в порядке, так что ты не удивляйся.

— Может они приготовили что-нибудь? — предположила Леонсия.

— Вряд ли. Мы списаны со счета. Я уверен.

— Вероятно, я еще девочкой привыкла нервничать.

Хейвиг явно колебался, потом все-таки сказал:

— Если они охотятся на нас, а док в контакте с нами, разве они не ударили бы через него? Но до сих пор не ударили. — Потом обратился ко мне: — Трудно признаться, что я сознательно подвергаю вас опасности. Именно поэтому я избегал встреч с матерью.

— Все в порядке, Джек. — Я попытался рассмеяться. — У меня появилось интересное хобби на пенсии.

— С вами все будет благополучно, — настаивал он. — Я проверил.

Леонсия шумно вздохнула. Некоторое время все молчали, слышен был скрип ветвей снаружи. Набежало и ушло облако.

— Ты хочешь сказать, — выговорил я наконец, — что проверил: я буду спокойно жить до смерти.

Он кивнул.

— И ты знаешь дату моей смерти?

Он сидел неподвижно.

— Не говори мне, — закончил я. — Я не боюсь. Но все же хотел бы прожить спокойно в старом стиле обычных смертных. Я тебе не завидую — ты теряешь друзей дважды. Засвистел мой чайник.

* * *

— Итак, — сказал я через несколько часов, — вы не собираетесь оставаться пассивными? Хотите как-то выступить против Убежища?

— Если сумеем, — негромко ответил Хейвиг.

Леонсия, сидевшая рядом, взяла его за руку.

— Но что именно? — воскликнула она. — Я сама была в будущем — ненадолго. Убежище стало еще больше, и я видела, как Калев Уоллис вышел из самолета — к тому времени уже будут работать автоматические фабрики. Уоллис состарился, но он там был. — Она вцепилась пальцами, как когтями. — Никто не убил этого ублюдка и не уничтожил все Убежище.

Я набил трубку. Мы поели и теперь сидели среди моих книг и картин; я объявил, что солнце уже вблизи несуществующей реи и потому можно налить виски. Но эти двое явно не наслаждались посещением старого друга, а для нее — нового знакомого: радость встречи ушла и выступили, как камни из-под воды, горе и гнев.

— Вы не знаете всего будущего Убежища, — сказал я.

— Ну, мы читали книгу Уоллиса и слышали его рассказы, — ответил Хейвиг. — Мы не считаем, что он лжет. Такой эгоист, как он, не станет лгать, особенно на такую тему.

— Ты меня не понял. — Я указал на него черенком трубки. — Вопрос в том, проверяли ли вы лично, год за годом, каково будущее Убежища?

— Нет, — ответила Леонсия. — Вначале не было причин, а сейчас это слишком опасно. — Она пристально посмотрела на меня. Умная женщина. — Вы куда-то клоните, доктор?

— Может быть. — Я чиркнул спичкой и раскурил трубку. Небольшой огонек успокоительно загорелся у меня в руке. — Джек, я немало думал над тем, что ты рассказал в прошлое посещение. Это естественно. У меня есть время думать и изучать и... ты пришел в надежде, что у меня возникнет идея. Верно?

Он кивнул. Видно было, как он дрожит.

— У меня нет полного решения вашей проблемы, — предупредил я. — Я просто обдумал твои слова; свобода расположена в области неизвестного.

— Продолжайте! — попросила Леонсия. Она сидела, сжав кулаки.

— Что ж, — сказал я, попыхивая трубкой, — ваши рассказы подтверждают мою точку зрения. А именно: Уоллис верит, что его организация, видоизмененная, но в основе своей прежняя, та самая, что основана им, будет существенной особенностью мира постмаури. То, что вы установили, делает это мнение не очень правдоподобным. Следовательно, где-то существует несоответствие. И... о том, что происходило между этими двумя точками, вы знаете только со слов Уоллиса, а он тщеславен, самовлюблен и родился свыше ста лет назад.

— А какое отношение к этому имеет время его рождения? — спросил Хейвиг.

— Большое, — ответил я. — Мы живем в сложное время. Наше поколение получило тяжелые уроки, в которых не нуждалось поколение Уоллиса. Оно их и представить себе не могло. Он, возможно, слышал о таких концепциях, как операционный анализ, но он их не использует. Они не вошли в его плоть и кровь.

Хейвиг напрягся.

— Твой хронолог — образчик мышления двадцатого века, — продолжал я. — Кстати, что с ним стало?

— Самый первый я оставил в Пере, когда... когда меня схватили, — ответил он. — Наверно, те, кто поселился в доме, выбросили его или разобрали на части. А может, испугались, что это колдовство, и бросили в Рог. Я потом сделал новый.

Дрожь прошла по моему телу, и я немного понял охотницу Леонсию.

— Люди, которые захватили тебя, даже сравнительно образованный Красицкий, и не подумали прихватить его с собой для изучения, — сказал я. — Это очень хорошо иллюстрирует мою точку зрения. Послушай, Джек, каждый путешественник во времени испытывает большие трудности, когда нужно попасть в строго определенный момент. Ты обдумываешь проблему, находишь ее решение — инструмент, — находишь компанию, которая в состоянии выполнить твоё поручение и создать для тебя этот инструмент.

Я выдохнул голубое облако.

— Но Уоллису это не пришло в голову, — закончил я. — И никому из его банды. Такой подход для них неестествен.

Наступило молчание.

— Ну что ж, — сказал наконец Хейвиг, — я самый поздний путешественник во времени, которого они обнаружили до самого Судного Дня.

— Угу, — хмыкнул я. — Воспользуйся этим преимуществом. Ты уже начал. Я имею в виду твои исследования периода постмаури. Тебе может показаться невероятным, что люди Уоллиса не проделали такого глубокого изучения. Но вспомни, что он из времени, когда предвидение было ограничено, когда все считали, что вырубка леса и добыча нефти будут происходить вечно. Это был век Кларка Максвелла, да — я имею в виду главным образом его работы в той области, которую мы называем кибернетикой, — и

Бэббиджа, и Пирса, и Рикардо, и Клаузевица, и множества других мыслителей, плодами работы которых мы до сих пор пользуемся (Кларк Максвелл — шотландский физик 19 века. Бэббидж — английский математик. Чарльз Пирс — американский математик и философ 19 века. Давид Рикардо — английский экономист начала 19 века. Карл фон Клаузевиц — немецкий генерал и автор книг по теории военных действий. — *Прим. перев.*). Но в их время семена, которые посеяли эти мыслители, еще не проросли и не дали плодов. И вообще, подобно многим другим путешественникам во времени, Уоллис как будто не стал оставаться в своем времени и изучать его. Нет, ему захотелось бахвалиться, устремиться в будущее и стать всемогущим суперменом.

— Джек, ты можешь воспользоваться своим так дорого доставшимся тебе опытом по изучению человеческой расы.

Леонсия казалась удивленной. Что ж, и для нее моя философия была новой. Хейвиг задумался.

— Что вы предлагаете? — негромко спросил он.

— Ничего определенного, — ответил я. — Все в общих чертах. Сконцентрируйся больше на стратегии, чем на тактике. Не пытайся в одиночку выступить против целой организации. Нет, поищи союзников.

— Где?

— Везде и во всех временах. Уоллис проявил определенное воображение в наборе рекрутов, но у него грубые методы, а взгляды ограниченные. Например, несомненно, в Иерусалиме в тот день было гораздо больше путешественников во времени. Его агенты отметили явных и на этом успокоились. Но должна существовать возможность привлечь внимание остальных.

— Гм... Я и сам об этом думал. — Хейвиг обхватил рукой подбородок. — Вроде того чтобы пройти по улицам, распевая по-гречески строки мессы...

— И по-латыни. Не нужно вызывать недовольство. — Я крепче сжал трубку. — Еще одно. Почему тебе нужно так строго хранить тайну? О, да, твой «дядя» был прав. Ребенок, о котором станет известно, что он путешествует во времени, оказывается в страшной опасности. Но ты больше не ребенок.

— Больше того. Как я понял, Уоллис считает обычных людей более примитивным видом. Он их называет «обык-

новенными». И дает им только незначительные должности. Все, что он до сих пор делал, ограждает его от умов других людей.

— Я проделал незаметно некоторую работу в таких местах, как колледж Холберга и Беркли. В Беркли немало хороших ученых и ответственных людей. Могу назвать немало таких, кто примет факт твоего существования, будет уважать твою тайну и поможет, как помогли бы мне.

— Но зачем? — спросила Леонсия.

Хейвиг вскочил со стула и забежал взад и вперед по комнате. Он ответил так, словно ответ только что пришел ему в голову:

— Чтобы открыть мир, дорогая! Такие, как мы, не могут рождаться только на Западе. Это не имеет смысла. Китай, Япония, Индия, Африка, Америка до появления белого человека — перед нами все человечество, мы можем черпать из него! И мы... — от волнения он заикался... — мы можем оставлять плохих и брать хороших, находить молодых и, черт возьми, прихватывать их сюда! Боже мой! Какое нам дело до несчастной банды головорезов в будущем? Мы сами построим свое будущее!

* * *

Конечно, все было не так просто. На самом деле они потратили больше десяти лет жизни на подготовку. Правда, в эти годы входило и улаживание их личных проблем. Когда я увидел их в следующий раз (после того телефонного звонка), они относились друг к другу, как счастливая пара, давно живущая в браке. Тем не менее десятилетие было тяжелым и опасным.

Этот период потребовал напряженных размышлений и трезвого реализма. Создание собственных коллег. С промежутками я получал сообщения об их прогрессе. Описание методов, которые они разработали, чтобы отыскивать путешественников во времени по всему миру и по всей истории, заняло бы целую книгу. Многие методы потерпели неудачу: но было достаточно таких, которые приводили к успеху.

Например, искатель осматривался, незаметно расспрашивал окружающих, искал людей, проявляющих какие-нибудь необычные черты, которые были бы естественны

для путешественника, живущего в этом времени. Шаман, деревенская ведьма, местный священник, который помогает всем, кто к нему обращается, совершая небольшие чудеса. Крестьянин, хозяйство которого процветает: почему-то он никогда не страдает от дурной погоды. Купец, поразительно удачно вкладывающий деньги в корабли, в тот период, когда бури и пираты наносят тяжелый урон торговле. Воин, ставший неуловимым шпионом или разведчиком. Мальчик, который, по слухам, дает советы отцу. Время от времени такие люди оказывались действительно путешественниками... Тогда использовались способы привлечения их внимания. Допустим, появлялся необыкновенный предсказатель будущего...

Насколько это возможно, первых найденных обучали и самих превращали в искателей. Им не приходилось тратить время на превращение в повелителей из будущего. Таким образом, количество найденных увеличивалось, как снежный ком. Использовались методы, которые недоступны американцу 19 века, считающему двадцатый периодом разложения, а все предыдущие культуры — отсталыми и недостойными внимания. Существуют современные способы быстрого овладения языками. Есть древние способы, на которые не обратил внимания Запад, способы совершенствования тела и чувств. Под плетью войн, революций, вторжений, оккупаций они учились систематически создавать, учить и использовать своих братьев.

Но, вероятно, больше всего они старались научиться действовать вместе. Я не имею в виду тоталитарную версию, к которой Джек Хейвиг питал отвращение, и не ту «общность», которая бывает в корпорации или коммуне — это он презирал. Я имею в виду просвещенный прагматизм, который отвергает людей, производших себя в аристократию, не верит в то, что унаследованная доктрина есть обязательно истина, готов выслушать и оценить любое предложение и поддерживает развитые средства сообщения, по которым все новые идеи доходят до руководства и обратно.

Наш век погибнет в огне. Но он оставит дары, за которые будет благодарно будущее человечество.

Нахождение путешественников во времени было только началом. Их нужно было организовать. Как? Зачем им оставлять дома, соглашаться на лишения, подвергать опасности жизнь? Что удержит их, когда они устанут, соскучат-

ся или почувствуют себя одинокими, потерявшими близких?

Конечно, многих привлечет надежда на дружбу себе подобных. Этим воспользовался Уоллис, может воспользоваться и Хейвиг. Но этого недостаточно. У Уоллиса нашлось еще несколько побудительных мотивов. Используя ресурсы всей группы, человек получал у него возможность увидеть мир во всем многообразии и потворствовать своим атавистическим желаниям. Умным Уоллис предлагал власть, величие, возможность — долг, если вы дадите себя убедить, что обычно очень легко сделать, — долг перед будущим предназначением.

Есть и такие, кто хочет учиться, быть свидетелем высочайших достижений человечества или просто наслаждаться приключениями и путешествиями. Им Хейвиг мог пообещать выполнение их желаний.

Но все это не дает еще повода для войны с Убежищем. Большинство путешественников согласились бы, что Убежище чудовищно. Но не менее чудовищны многие правительства и общественные институты. Какую угрозу представляет Сахем?

— Организация вступительного обучения, — со вздохом сказал мне Хейвиг. — Какое отвратительное слово. Предполагает промывку мозгов и неприкрытую пропаганду. Но по правде говоря, мы просто хотим объясниться. Мы стараемся ясно изложить факты, так чтобы наши новобранцы поняли, насколько несовместимо Убежище с нашим образом жизни. Что его нельзя оставить в покое. Это нелегко. Трудно доказать самураю из эпохи Камакура (Период японского средневековья, с 12 по 14 век. — *Прим. перев.*), что стремление править миром — стремление любого человека — является личной угрозой для него самого. Я здесь главным образом для того, чтобы познакомиться с тем, что предлагают наши антропологи и семантики. У нас есть, конечно, и свои находки, вроде верности вождю и товарищам, забавы от доброй потасовки или... конечно, и возможности разбогатеть — допустимыми способами. А для немногих — исполнение особой мечты...

Я завидовал огромности его задачи. Представьте себе: отыскать общее между учителем веры конфуцианцем, охотником на кенгуру, вооруженным бумерангом, польским

школьником, средневековым месопотамским крестьянином, западноафриканским кузнецом, мексиканским ковбоем, эскимосской девушкой... И не просто отыскать, связать этих людей друг с другом. Само собирание такого калейдоскопа потребовало величайших усилий. Таким людям не требовалось много узнавать об Убежище. Вначале они убеждались, что для них Хейвиг предлагает единственный выход.

Они проходили предварительную подготовку в самых разных местностях и эпохах. Потом их проверяли на надежность и отсеивали забракованных. Средства для этого использовались самые необычные и разнообразные. Сомнительные случаи — небольшой процент — отправляли в их время, этим людям помогали добраться до дома, хорошо платили и говорили «прощайте». Они не получили еще достаточно информации о враге, чтобы связаться с ним. К тому же почти всегда они жили на удалении в тысячи миль.

Большинство направлялось на главную базу для дальнейшего обучения и для сооружения и расширения самой базы.

База располагалась примерно там же, где возникнет Убежище, но в гораздо более далеком прошлом, в середине плейстоцена. Эта предосторожность тоже была связана с проблемами. Длительность перемещения была трудна для путешественников, требовала особого оборудования и специально подготовленных мест отдыха. По пути создавались склады, туда приходилось переносить все постепенно, небольшими частями. Работа медленная и трудоемкая. Но безопасность того стоила, как и сама крепость. Она стояла на лесистом холме, а в долине под холмом протекала могучая река. Леонсия рассказывала мне, что камни в этой реке на солнце блестят, как бронзовые.

В результате поисков было найдено примерно равное количество представителей обоих полов. Создалась община — она оставалась бездетной, если не считать самых молодых членов, тем не менее это была община, у которой за несколько лет появились своя история, свои законы, церемонии и обычаи, рассказы и тайны. Община была связана как ссорами, так и любовью. И это и стало подлинным триумфом Хейвига. Сахем создал армию, Хейвиг сумел соединить своих людей в племя.

Все это я узнал от Хейвига и Леонсии, когда они посетили меня в марте. Они были в самой гуще подготовки. И до Кануна всех святых (Церковный праздник, отмечаемый первого ноября. — *Прим. перев.*) я не знал продолжения их истории.

15

Тени, из которых состоит время, пронеслись мимо. У них были цвет и форма, вес и протяженность, но только тогда, когда необходимо было остановиться для еды, сна или просто для того, чтобы глотнуть воздух. Времена года менялись над холмами; ледники с севера сглаживали холмы, превращая их в равнины, а потом отступали в ярости снежных бурь, оставив озера, из которых пили мастодонты: озера сгущались в болота и постепенно — в почву, на которой вырастала трава, ею питались лошади и верблюды; верхушки деревьев обглаживали гигантские ленивцы; потом возвращались ледники; когда снова воцарился мягкий климат, прежних животных уже не было, вместо них прерии темнели от бесчисленных стад бизонов, топот их копыт напоминал землетрясение; появились первые люди, бронзовокожие, вооруженные копьями с кремневыми наконечниками; снова наступила Великая Зима, потом снова Великая Весна, и теперь у охотников появились луки, и в этом цикле морены заросли лесом, вначале ивой, лиственницей и кустарниковым дубом, потом лес стал напоминать величественные колонны кафедральных соборов — и неожиданно исчез, в мгновение ока, на его месте поселились завоеватели, оставив миллионы пней, распахали землю, засеяли ее, они убивали урожай и молотили зерно, прокладывали железные нити, с которых слышался странный гул и вопль, словно мимо проносился мастодонт.

Группа Хейвига остановилась на последний отдых в доме молодого фермера. Он сам не был путешественником

во времени, но ему можно было доверять. Этот дом использовался и в качестве склада. Невозможно так далеко уходить в прошлое, не пользуясь миниатюрными кислородными аппаратами. Иначе приходилось бы останавливаться для дыхания в местности, затопленной морем, или на километр в толще льда. Серьезные препятствия охраняли тайну их главной базы от Убежища.

Оборудование занимало почти весь объем, который они могли переносить. А здесь можно было получить оружие.

Свет фонаря отражался от гладкой поверхности кухонного стола. В печи горели поленья. На печи стоял громадный кофейник. Хотя до ближайших соседей было полдня езды на лошади, и дом стоял среди деревьев, Олаф Торстад всегда принимал гостей после наступления темноты. То, что кто-нибудь увидит свет в окнах не смущало его: подумают, что он страдает бессонницей.

— Вы уже собрались? — спросил он.

— Да, — ответил Хейвиг, — мы уйдем перед рассветом. Торстад взглянул на Леонсию.

— О, леди как будто собралась на войну.

— Женщина должна идти за своим мужчиной. Джеку не удалось от меня отделаться.

— Ну, что ж, другие времена, другие обычаи, — сказал Торстад. — Но я рад, что родился в 1850 году. — И торопливо: — Конечно, я высоко ценю все, что вы для меня сделали.

— Ты для нас сделал гораздо больше, — ответил Хейвиг. — Мы поселили тебя здесь главным образом потому, что нам нужно что-то в этом роде вблизи того места, где возникнет Убежище. Ты согласился на неизбежный риск и на то, чтобы держать все в тайне, и... Ну, неважно. Сегодня все заканчивается. — Он с трудом улыбнулся. — Ты сможешь избавиться от оборудования, которое останется после нас, жениться на девушке, с которой обручен, и прожить остальную жизнь в мире.

На несколько секунд Торстаду отказала выдержка.

— В мире? — переспросил он. И резко добавил: — Но вы вернетесь? Расскажите мне, что произошло? Пожалуйста!

— Если победим, — ответил Хейвиг и подумал, сколько раз он давал такие обещания, сколько товарищей вынужден

оставить на протяжении всего времени, которое они преодолели. Он вскочил с места. — Давай разберем оружие для наших людей. Если сможешь выделить упряжку, мы бы хотели все перевезти к месту в фургоне. Быстреей!

* * *

Действовали и другие. Действуют. Будут действовать.

Это была небольшая армия; всего в ней не более трех тысяч человек. Примерно две трети составляют женщины, подростки, калеки и старики: они дежурные, перевозчики, медицинские сестры — делают все, что нужно для поддержания солдат. Но и оставшихся слишком много, чтобы собрать их на одной станции. Неизбежно возникнут слухи, которые могут дойти до врага. Простая задача — доставить их всех в Америку — потребовала решения сложнейших проблем логики и безопасности.

Под огромными деревьями, в доколумбовы времена, несколько человек шли по оленьей тропе. Индеец дакота, который вел их, стал бы шаманом, если бы его не нашел терпеливый путешественник. Хронолог, который он держал в руках, указывал точное место и время назначения.

В восемнадцатом веке встретилось несколько *couriers de bois* (Охотники, трапперы, *фр.* — *Прим. перев.*) и углубились в дикую местность.

Примерно сто лет спустя предводитель группы объяснял немногим встреченным белым, что правительство в Вашингтоне организовало подробное картографирование этой местности.

Еще позже появление по соседству негров объясняли тем, что тут проходит подземная железная дорога (Так в американской истории называли маршруты, по которым негры уходили от рабства в Канаду и в другие безопасные места. — *Прим. перев.*).

В двадцатые годы двадцатого века не нужно было спрашивать, чем вызваны неожиданные сборы и встречи. Все знали, что тут пролегает любимый маршрут поставщиков виски из Канады.

Еще позже по этой местности проезжал автобус с табличкой «Заказной рейс», высаживал среди ночи пассажиров и продолжал путь, сменив табличку на другую — «Посадки нет».

К концу столетия высоко в небе пролетал гигантский лайнер. Разнообразие пассажиров на его борту не привлекло внимания. «Международные туры дружбы» проводились чуть ли не ежедневно: общественные организации и почти все правительства пытались ухватиться за любое средство, которое помогло бы предотвратить катастрофу.

Еще позже большая группа всадников проезжала по этому району. Лица и одежда свидетельствовали, что это монголы. Захватчики не осели в этих местностях, и на этих ранних разведчиков никто не обратил внимания.

* * *

Хейвиг со своей полудюжиной вернулся в нормальное время.

Его хронолог вспыхнул красным огнем за час до рассвета, накануне нового года, на сто семьдесят седьмом году непрерывного существования Убежища. На западе небо темное, на нем видны звезды и планеты, но на востоке оно уже посерело. Свет без теней позволял увидеть каждый камень стен и башен; он отражался в оконных стеклах и делал белым иней на булыжниках двора. Огромная тишина окутала мир, как будто все звуки замерзли на холоде, который жег легкие и паром вырывался из ноздрей.

Группа много раз репетировала то, что предстояло сделать. Тем не менее Хейвиг придирчиво осмотрел своих людей, избранных для совершения самого главного в операции.

Все одеты одинаково, в темно-зеленые парки, подшитые брюки заправлены в кожаные сапоги, у всех шлемы, оружие и пояса с инструментами. Хейвиг хорошо изучил их лица и характеры за время совместной жизни и дружбы; Леонсия, энергичная, нетерпеливая, с рыжим локоном, упавшим на лоб, который он целовал; Чао, Индлову, Гуттиерес, Белявский, Маатук ибн Наал. На мгновение они соединили руки. И разжали их. Хейвиг опустил хронолог. Все приготовили оружие на случай, если часовые на стенах заметят их и поднимут тревогу.

Все за то, что нападение будет неожиданным. Местность вокруг тщательно контролируется, контролирова-

лась в течение многих лет и будет контролироваться и в дальнейшем. Разве сам Сахем не подтвердил это во время своих путешествий к собственной будущей личности? Убежище процветает, растет его богатство, увеличивается число рекрутов, которые служат великой цели. Так что во время отпусков все расслаблялись. Агенты предпочитали брать отпуска зимой, чтобы сбежать от холода и мрака крепости. Но Сахем всегда присутствует в новый год, который начинается торжественной церемонией и речами, а заканчивается попойкой. И кто обвинит стражника, если в предраассветный час у него смыкаются глаза и притупляется внимание?

— Ну, хорошо, — сказал Хейвиг. — Я люблю тебя, Леонсия, — прошептал он. Губы его скользнули по ее губам. Группа устремилась к башне, где живет Калев Уоллис.

Дверь не поддавалась. Женщина выругалась:

— Клянусь хвостом Октаи!

Маатук выстрелил в замок. Грохот ударил по барабанным перепонкам, пробежал между спящими стенами. В голове Хейвига мелькнула мысль: «Ни одна боевая операция не проходит, как запланировано. Всегда нужно допускать отклонения...»

Но именно в этой части ошибка может погубить все.

Он пошел первым. Сзади слышались крики. Слышится ли в них изумление, а не тревога? Или он просто обманывает себя? Неважно. В прихожую и вверх по лестнице!

Подошвы стучат по камню. Толчки передаются через тело, до самых зубов. У него за спиной четверо, поднимаются по темной спиральной лестнице. Гуттиерес и Белявский остались внизу — охранять вход. Индлову и Чао отстали на втором и третьем этажах — захватить помещения секретаря — Хейвиг не знал, кто теперь выполняет его обязанности, — и Остина Колдуэлла. А на следующей площадке, отделанный медью, вход к Уоллису.

Он не охраняется. Никто не смеет входить без приглашения, если только не рухнет весь мир. Хейвиг широко распахнул дверь.

Он снова увидел панели стен, меха, тяжелую мебель, фотографии великих людей и матери Уоллиса. В помеще-

нии жарко и влажно. Окна затянуты морозом, создавая внутри полутьму. Маатук повернулся и остановился у входа. Хейвиг и Леонсия прошли дальше.

Уоллис вскочил с большой двухспальной кровати под пологом. Хейвиг поразился тому, как он постарел. Теперь он совсем седой. Лицо не красное, а покрытое паутиной жилок, щеки обвисли. Почему-то особенно ужасно и нелепо было видеть его ночную рубашку. Уоллес ошупью поискал пистолет на столе.

— А-а-а-а! — крикнула Леонсия и прыгнула.

Уоллис исчез. Она тоже, успев вцепиться в него пальцами. Потом они снова появились и покатались по полу, вцепившись друг в друга. Уоллис не мог уйти во времени, пока она его держит. Сквозь их тяжелое дыхание слышались крики какой-то обычной девушки за пологом кровати. Хейвиг кружил, пытаясь найти способ помочь. Борющиеся были равны по силе и решимости. И он не видел возможности вмешаться.

В прихожей послышались выстрелы.

Хейвиг подбежал к двери, прижался к ней и выглянул. Маатук лежал неподвижно. Над ним качался Остин Колдуэлл, он истекал кровью, хрипел пробитыми легкими; пистолет его дергался в поисках врагов. Старый боец с индейцами, должно быть, схватился с Чао и убил его, как убил и Маатука. Но и сам получил несколько пуль.

— Ты окружен! Сдавайся! — крикнул Хейвиг.

— Иди... к ... дьяволу ... предатель... — Рывкнул кольт.

Хейвиг вспомнил, сколько боли и ужаса испытал на службе у Сахема. Вспомнил своих последователей и Ксению. Скользнул на минуту в будущее, прошел в дверь, появился в обычном времени и выстрелил. Пуля пробуровила воздух и разбила стекло на фотографии Карла Великого. Колдуэлл был мертв.

Во дворе прозвучали взрывы, они слышались по всей крепости и во вспомогательных постройках. Хейвиг заторопился назад к Леонсии. Она сжимала нижнюю часть тела Уоллиса ногами, а пальцами рук сдавливала ему сонную артерию. Он бил ее по плечам, но она нагнула голову и продолжала давить. Удары его становились все слабее. Потом прекратились.

— Свяжи его, — выдохнула она. — Быстрее!

Из кармана Хейвиг достал пару наручников и цепь — обязательное оборудование всех его людей. Присев, он приковал Уоллиса к ножке кровати.

— Теперь никуда не денется, — сказал он. — Если только его никто не освободит. Ты останешься охранять его.

Она ошетибилась.

— И пропущу все самое интересное?

— Это приказ! — рявкнул он. Она бросила на него испепеляющий взгляд, но повиновалась. Этот пленник был сердцевинкой плана. — Я пришлю кого-нибудь сменить тебя, — сказал он, и добавил про себя: «После боя».

Он ушел и наложница тоже исчезла. «Интересно, — подумал Хейвиг, — обрадовалась она неожиданному освобождению или огорчилась?»

На следующем этаже был балкон, с которого обозревался весь двор. Отсюда Сахем произносил свои проповеди. Хейвиг вышел на балкон и посмотрел вниз. Там царил хаос боя, слышались крики, стоны и выстрелы. Тут и там валялись мертвые и раненые. Шум боя оскорблял мирные небеса.

Хейвиг не мог понять общей картины боя и достал бинокль. С его помощью он мог узнавать людей. Или трупы... да, Хуан Мендоза... и, о Боже! Джерри Дженнингс, которого он надеялся спасти!

Новый отряд его бойцов появился в нормальном времени и развернулся. Неожиданно над головой раскрылись парашюты: это те, кто пролетал в самолете двадцатого века, каждый вооруженный хронологом, возникли в этом дне.

Хаос оказался кажущимся. С самого начала солдаты Уоллиса, свободные от дежурства, в основном обычные люди, почти равнялись по численности путешественникам, которые провели здесь много времени и постарались избежать участия в попойке накануне вечером. Пятая колонна была изобретена задолго до рождения Хейвига, но именно в его поколении она достигла расцвета и получила самое различное применение.

Учитывая это, учитывая информацию, которую постоянно получал Хейвиг, учитывая точный расчет времени, который возможен только с помощью хронологов, учитывая то, что среди нападающих были профессиональные военные, неоднократно тренировавшиеся в проведении этой операции на макете Убежища... учитывая все это, следует признать, что победа Хейвига была неизбежной.

Нужно было только сократить число агентов Убежища, которые, видя неизбежность поражения, сбежали бы, до того как их убьют или захватят. Вторая цель — теоретически вторая, но для Хейвига не менее важная, чем первая, — уменьшить число жертв. С обеих сторон.

Он опустил бинокль, снял с плеча радиопередатчик и начал вызывать командиров своих отрядов.

* * *

— Благодаря неожиданности и эффективности наших действий, — рассказывал он мне, — мы немногих упустили во времени. Некоторых мы отыскивали позже. Зная по документам, откуда они, мы могли обоснованно предполагать, куда они направятся. Наш поиск не был случайным. Человеку нужно подыскать такое окружение, где он мог бы жить. А выбор не слишком велик.

— Но вы взяли не всех? — с тревогой спросил я.

— Не всех. На это мы и не рассчитывали.

— Я считаю, что даже один из них, оставшийся на свободе, — это слишком много. Он может проскользнуть в будущее, появиться перед самым вашим нападением и предупредить о нем.

— Меня это никогда не тревожило, док. Я знал, что никто этого не сделал, следовательно, и не сделает. И это можно объяснить обычными человеческими словами, не прибегая к физике и метафизике.

Видите ли, среди них не было суперменов. В сущности это были либо слабаки, которым предоставили незначительные гражданские должности, либо невежественные и суеверные, хотя и жестокие солдаты. Уоллис не пытался дать им образование, он учил их только тому, что нужно было для осуществления его целей. Может быть, и потому, что они могли усомниться в его праведности и непогрешимости.

Поэтому сбежавшие находились в подавленном состоянии. Их главная забота заключалась в том, чтобы скрыться от нас. А если бы они решили вернуться, то догадались бы, что у нас были свои агенты во все времена правления Уоллиса, конечно, немного, но достаточно, чтобы обнаружить вернувшихся и заставить их умолкнуть, прежде чем они смогут предупредить. — Хейвиг усмехнулся. — Я сам

был удивлен, когда позже узнал, кто эти люди. Руэл Оррик, старый ярмарочный фокусник... Борис, монах, который был в Иерусалиме...

Он помолчал и отхлебнул скотча.

— Нет, — закончил он, — мы просто не хотели, чтобы эти бандиты остались безнаказанными за свои преступления. И думаю — надеюсь, — этого не произошло. Как может, допустим, кондотьер, необразованный, без единого пенни, совершенно один, как может он продержаться в белой Америке и найти возможность вернуться в Европу? Нет, конечно, ему лучше поискать индейцев. А среди них он лучше будет жить как шаман и знахарь, чем как грабитель. Он может даже закончить свои дни полезным членом племени! Это, конечно, простой пример, но я думаю: общую идею вы поняли.

— Учитывая будущее, — сказала Леонсия голосом потигриному мягким, — мы на этом остановились. Оставили Убежище на будущие годы; вторая фаза будет продолжаться, и мы завершим ее. Мы многому научились. Теперь нас никто не собьет с пути.

— В военном смысле, — тут же вмешался ее супруг. — Конечно, все не сделаешь за одну ночь, но мы намерены избавить подданных Убежища от рабства, превратить их в свободных крестьян. Во второй фазе не будет подчиненных, они превратятся в равноправных, хоть и не путешествующих во времени членов нашего общества. И — это понятно само собой — наши агенты будут вести себя по-другому. Навещать прошлое они будут только для исследований и набора новобранцев. А когда понадобится база для операций, деньги для нее будут зарабатывать торговлей, причем равной.

Леонсия погладила пальцами его по щеке.

— Джек происходит из сентиментальной эпохи, — сказала она.

Я нахмурился, пытаюсь понять.

— Подождите, — возразил я. — У вас появилась серьезная проблема, с клыками и когтями, сразу после захвата Убежища. Ваши пленники. Что с ними?

Прежняя тревога отразилась на лице Хейвига.

— Хорошего решения нет, — невыразительно сказал он. — Мы не могли освободить их, а также тех, кто возвращался из отпусков или был захвачен врасплох в своих

поместях. Мы не могли расстрелять их. Я говорю в буквальном смысле: вся наша армия состояла из людей с совестью, они были в состоянии понять гуманность, даже если не были в ней воспитаны. И не хотели никого содержать всю жизнь в подземных темницах на цепи.

Леонсия поморщилась.

— Это хуже расстрела, — сказала она.

— Вы помните, — продолжал Хейвиг, — мне кажется, я вам рассказывал, и вы должны помнить, потому что этот мой рассказ в личном времени ближе к вам, чем ко мне, — о психотропных средствах, которые были созданы в эру поздних маури. Вспомнили? Мой друг Карело Кеаджиму опасался их, они дают такую власть. Сделай человеку инъекцию, говори с ним, пока он под действием препарата, и он поверит во все, во что ты прикажешь ему верить. Абсолютно во все. Не как фанатик, а в том стиле «конечно», который заложен глубоко в основании личности. Собственный мозг подыщет объяснения и рационализацию, снабдит ложными воспоминаниями и объяснит противоречия. Абсолютная промывка мозгов! Такая полная, что жертва даже не заподозрит, что может быть по-другому.

Я присвистнул.

— Добрый Боже! Ты хочешь сказать, что обратил этих мясников и негодяев на свою сторону?

Хейвиг пожал плечами.

— Нет. Помимо всего прочего, я не выдержал бы общества таких зомби. Потребовалось бы стереть всю их прошлую жизнь и... Вообще это непрактично. Кеаджиму помог устроить нескольких моих умных ребят на курсы психотехнологии, и работа им предстояла немаленькая.

Он перевёл дыхание, собрался с силами, прежде чем продолжить.

— Мы совершенно уничтожили их веру в путешествия во времени. Вернули их домой — само по себе это потребовало больших усилий, вы понимаете, конечно, — и поработали с ними. Им сказали, что у них была лихорадка, или ими овладели демоны — то, что соответствовало времени. Они воображали себе совершенно невозможное, об этом никогда нельзя упоминать и вообще лучше не думать. Они теперь здоровы и вернулись к обычной жизни.

Наши люди освободили их и вернулись за новыми.

Я задумался.

— Что ж, — сказал я наконец, — признаю, что нахожу эту мысль слегка отталкивающей. Но не очень. Мне самому приходилось делать некоторые вещи, лгать пациентам и...

Леонсия сказала:

— Были два исключения, Док.

* * *

— Пойдем со мной, — сказал формовщик разума. Голос его звучал мягко. Накачанный наркотиками, Калед Уоллис пошел, держа его за руку.

Хейвиг остался. Ему часто приходилось дважды проживать одни и те же часы, чтобы справиться с огромным количеством дел. Но время идет, время идет. И наступил момент, когда психотехник сказал ему, что он может войти в тщательно охраняемую башню.

Может, самое ужасное было то, как прекрасно выглядел Сахем, как оживленно восседал в своем кабинете, из которого были убраны все следы схватки, все кровавые пятна, словно их и не было.

— Добрый день, мой мальчик, добрый день! — воскликнул он. — Садитесь! Нет, сначала налейте нам обоим. Вы знаете, что я люблю.

Хейвиг послушался. Маленькие глаза пронизательно следили за ним.

— У вас было сложное поручение, и вы долго над ним работали, — сказал Уоллис. — И постарели. Этого не избежать. Но я рад, что вы с ним справились. Еще не читал ваш отчет, но собираюсь прочесть. А пока давайте немного поболтаем. — Он поднял свой стакан. — За здоровье нас обоих.

Хейвиг заставил себя сделать глоток и опустил в кресло.

— Вы, несомненно, слышали, мое здоровье было не в лучшем состоянии, — продолжал Уоллис. — Я довольно долго болел. Настоящая мозговая лихорадка. Какой-то проклятый микроб из прошлого или будущего, вероятно. Я решил сократить наши операции в прошлом, отчасти из-за этого, отчасти для того, чтобы сосредоточить свои усилия в нормальном времени. Что вы об этом думаете?

— Я думаю, это разумно, сэр, — прошептал Хейвиг.

— Еще одна причина в том, что мы потеряли наших лучших людей, пока вы отсутствовали. Неудачный период для нас. Вы слышали об Остине Колдуэлле? И о Вацлаве Красицком... Эй, вы бледны, как призрак! Что случилось? Вы здоровы?

— Да, сэр. Просто устал. Я провел столько лет в прошлом...

Это Леонсия нашла Красицкого, прикованного цепью, вытащила свой пистолет, сказала «Ксения» и пристрелила его. И он, Хейвиг, даже не испытал никакого сожаления по этому поводу.

— Я скоро приду в себя, сэр.

— Прекрасно. Но нам нужны такие люди, как ты.— Уоллис потер лоб и снова заговорил пронзительным голосом, в котором слышалось недоумение.— Здесь так много людей, а все старые ушли... Куда? Я не знаю. Я смотрю с балкона и вижу столько незнакомых. Я знаю, что должен увидеть кого-то, кого зовут Хуан... Ганс... других... Но я не вижу их. Может, они приснились мне, пока я болел?

Он поехал, как будто зимний ветер проник в комнату, заполненную тропическим теплом :

— Теперь я чувствую себя одиноким, совсем одиноким в пространстве и времени... — Хейвиг набрался смелости.

— Если я могу предложить, вам необходим длительный отдых, сэр. Я могу рекомендовать места.

— Да, я думаю, вы правы. Я так и поступлю. — Уоллис допил виски и поискал сигару.

— Когда вы вернетесь, сэр, — сказал Хейвиг, — вам нужно будет работать не так много. Фундамент заложен. Мы действуем без помех.

— Знаю, знаю. — Уоллис уронил спичку.

— Больше нам не нужны ваши ежедневные инструкции, сэр. Чтобы справиться с мелочами, у нас множество хорошо подготовленных людей. Нам нужен ваш широкий кругозор, основные направления, которые вы предвидели, нужен ваш гений.

Уоллис глупо ухмыльнулся под своими седыми усами. На этот раз ему удалось зажечь сигару.

— Я разговаривал об этом со многими вашими помощниками и много думал, — продолжал Хейвиг. — Они сказали, что обсуждали этот вопрос с вами. Сэр, позвольте

мне добавить свой голос к их. Мы считаем, что цель будет достигнута, если вы будете по расписанию появляться в грядущем. Конечно, включая те периоды, которые вы уже посетили, проверяя, все ли идет нормально. Но мы считаем, что вы не должны проводить много вашей жизни в отдельных периодах. Вы слишком ценны для великого проекта.

— Да. Я уже сам принял такое решение. — Уоллис кивал и кивал. — Вначале, как вы сказали, хороший отпуск, чтобы все обдумать и избавиться от этого тумана в голове. Потом... продвижение сквозь завтра, наблюдение, отдача приказов, всегда стремление дальше, в будущее... до конца, пока моя работа не будет завершена... Да. Да. Да.

* * *

— Боже! — воскликнул я, и это слово было ближе к молитве, чем за все мои пятьдесят лет скепсиса. — Если когда-нибудь существовала месть...

— Это не месть, — произнес Хейвиг сквозь плотно сжатые губы.

— Но какое чувство ты испытываешь, когда он появляется?

— Я по больше части избегаю этого. А когда приходится, обычно это праздник, и никто не возражает, если я напиваюсь. Люди, которые часто имеют с ним дело, рассказывают мне ... расскажут...что привыкают водить бедное привидение по Потемкинским деревням или увозить в прошлое, где оргиастическая сибаритская жизнь сокращает его годы... Они почти полюбили его. И очень стараются, чтобы шоу получилось хорошим. Это облегчает им мысли о конце.

— Да? А разве он не должен исчезнуть в старости?

Хейвиг сжал ручку кресла.

— Он исчез. Исчезнет. Крикнет ночью, и его комната окажется пустой. Должно быть, отправит себя далеко во времени, и поиски ни к чему не приведут. — Хейвиг допил виски. Я решил, что ему нужна новая порция, и налил ему.

Леонсия погладила его.

— Не грызи себя, дорогой, — сказала она. — дело того не стоит.

— Я обычно и не грызу, — хрипло ответил он. — Лучше не будем об этом говорить.

— Но я не понимаю... — запинаясь, начал я.

Рослая женщина повернулась ко мне. Нежно улыбнулась уязвимости своего мужчины. И сказала то, что, по ее мнению, не имело особого значения.

— Нам сказали, что перед смертью мозг освобождается от действия наркотика. Уоллис понял, что произошло на самом деле.

16

31 октября 1971 года пришлось на воскресенье. Это означало, что на следующий день нужно идти в школу. Маленькие привидения, которым рано ложиться в кровать, придут ко мне толпой. Я подготовился. Когда я был мальчишкой, Хэллоуин давал право на настоящий ад, и я рад, что с тех пор праздничные обычаи смягчились. Глядя на костюмы детей, я вспомнил собственных детей, когда они были в таком возрасте, и Кейт. Когда дверной колокольчик прозвонит в последний раз, я обычно разжигаю огонь, беру свою любимую трубку и кружку горячего сидра, может, ставлю на проигрыватель пластинку, которую любила Кейт, смотрю на огонь и вспоминаю. И по-своему бываю счастлив.

Но этот день почему-то не давал мне покоя. Прохладный, с шумом ветра, с солнечным светом, пронизывающим по-осеннему прозрачный воздух, с ярко окрашенными алыми, желтыми, бронзовыми деревьями, с белыми массами облаков на фоне небесной голубизны, и с пролетающими над головой с трубным криком птицами в строе, напоминающем букву V. Я отправился на прогулку.

На тротуарах Сенлака передо мной перелетали опавшие листья, издавая звуки, похожие на смех. Листья словно смеялись над хозяевами домов, которые старались собрать их аккуратными грудками. Поля за городом тянулись голые, темные, ждущие. Их по-прежнему усеивали стаи ворон, время от времени они взлетали с хриплым карканьем в

вихре крыльев. Я сменил мощеную дорогу на старую проселочную, по которой не часто проходят машины, благодаря какому-то божеству, которое так любит нас, что все еще ведет арьергардные бои с автомобильным прогрессом. Круглым путем дорога привела меня в леса Моргана.

Я шел безумием красок, пока не добрался до ручья. Тут я немного постоял на мостике, глядя, как журчит вода на камнях, как белка осматривает свои владения на столетнем дубе с голыми ветвями; слушал шум, бульканье, скрип, щебет; ощущал, как воздух скользит мимо, словно холодная жидкость; впивал запахи влаги и осуществления; не думал ни о чем особенном, не рассуждал, просто был там.

Наконец кости и худая плоть напомнили мне о своем существовании, и я направился домой. Чай с булочками показался мне отличной мыслью. Потом я напишу письмо Биллу и Джуди, предложу приехать к ним следующей зимой в Калифорнию...

Я не замечал машины, стоявшей под каштаном, пока не оказался рядом с ней. И тут сердце мое заколотилось. Неужели?.. Не та машина, что раньше, но, конечно, он всегда берет их напрокат... Я забыл о боли в ногах и заторопился к дому.

Мне навстречу шли Джек и Леонсия Хейвиг. Мы обнялись, втроем образовали кольцо.

— Добро пожаловать! — лепетал я. — Почему вы не предупредили? Я не заставил бы вас ждать.

— Все в порядке, док, — ответил он. — Мы сидели и наслаждались картиной. — На секунду-две он замолк. — Мы хотим захватить с собой как можно больше Земли.

Я сделал шаг назад и посмотрел на него. Он похудел, морщины у рта и под глазами углубились, загорелая кожа подсохла, светлые волосы начинали седеть. Сорок с небольшим, решил я. Примерно десять лет прошли с тех пор, как мы встречались в последний раз — за несколько недель моего времени... Я повернулся к его жене. Прямая, гибкая, немного полнее, чем раньше, но хорошо несет свое тело. На ней прошедшие года отразились меньше. Разумеется, подумал я, ведь она моложе. Тем не менее я заметил морщинки на лице и локоны, словно тронутые инеем, в гриве.

— Вы сделали? — спросил и вздрогнул не от холода. — Вы победили Убежище?

— Да, — с торжеством ответила Леонсия. Хейвиг только кивнул. Почему-то он был мрачен. Но продолжал обнимать

ее за талию, и я не думал, чтобы она радовалась, если бы у него были серьезные основания для тревоги.

— Замечательно! — воскликнул я. — Входите.

— На чай? — рассмеялась она.

— Боже, нет! Я имел это в виду, но, моя дорогая, такое событие требует аквавита «Аальборг» и карлсбадского пива в сопровождении глнтвейна и... Я позвоню в магазин Свенсона, и нам доставят еду, и мы поужинаем... Сколько вы можете пробыть у меня?

— Боюсь, не очень долго, — сказал Хейвиг. — День или два, в лучшем случае. Нам осталось очень многое сделать в жизни.

* * *

Они рассказывали часами. Закат ярким золотом окрасил зеленоватое небо на западе, за деревьями и крышами соседних домов, когда я составил себе неполное представление о происшедшем. Ветер стих, он негромко шуршал у меня на пороге. Хотя в комнате было тепло, мне хотелось разжечь огонь и посидеть у камина. Но Леонсия сказала:

— Позвольте мне.

Руки ее не утратили умения обращаться с деревом, и следить за ее действиями было приятно. Особенно приятно после того ужасного, о чем я услышал, видеть, как взгляд Хейвига следует за ней.

— Жаль, что вы не можете предупредить создания Убежища, — сказал я.

— Не можем, вот и все, — ответил Хейвиг. Медленно: — Но я не уверен, что это плохо. Мог ли такой человек, как я, приобрести ... целеустремленность? Я начал всего лишь с надежды встретиться с такими же, как я. Зачем мне было организовывать их для особой цели, если бы... — Он замолчал.

— Ксэния, — прошептал я. — Да.

Леонсия посмотрела на нас.

— Даже Ксения не нарушила бы равновесия, — мягко сказала она. — Крестоносцы не пощадили бы ее. А так она была спасена и прожила еще девять лет. — Она улыбнулась. — И пять из них с Джеком. О, конечно, у нее было гораздо меньше счастья, чем у меня, но ведь было же.

Я понял, что хоть Леонсия внешне изменилась меньше своего мужчины, внутренне она очень переменилась.

Хоть Хейвиг ничего не ответил, я знал, что рана его зажила — конечно, остался шрам, но тем не менее она зажила, как всегда заживают раны на здоровом теле и духе.

— Хорошо,— сказал я, стараясь уклониться от этой печальной темы.— Вы собрали вместе себе подобных, уничтожили зло, установили добро. Значит, теперь я принимаю у себя короля и королеву?

— Что?! — Хейвиг удивленно вскинул брови.— Мы не король и королева!

— Разве вы не правите там, в будущем?

— Пока. Кто-то должен править? Но с нами сотрудничают самые мудрейшие, кого мы только смогли найти — и не обязательно путешественники во времени. И мы все делаем, чтобы превратить военное общество в свободную республику.

Леонсия шевелила поленья в камине и они потрескивали, зажигая искры в ее глазах.

— Не понимаю, — не в первый и не в последний раз за день заявил я.

Хейвиг искал слова.

— Док, — сказал он наконец, — после того как мы уедем, вы нас больше не увидите.

Я сидел молча. Закат в окнах уступал место сумеркам.

Леонсия подбежала ко мне, обняла за плечи, поцеловала в щеку. Волосы ее были ароматными, с легким запахом дыма от очага.

— Нет, док, — сказала она. — Не потому, что вы скоро умрете.

— Я не хочу... — начал я.

— Да. — Она заговорила с прямою варвара. — Вы сказали, что не хотите знать, какая дата будет на вашем могильном камне. И мы не собираемся вам это говорить. Но черт побери, уверяю вас, вы еще проживете немало!

— Дело в том, — неловко объяснил Хейвиг, — что мы, Леонсия и я, покидаем Землю. И сомневаюсь, чтобы мы вернулись.

* * *

— Что хорошего дали путешествия во времени? — спросил он, когда мы смогли перейти к обсуждению главного.

— Ну, они... — я запнулся.

— Контроль над историей? Нельзя думать, что это

сможет сделать горстка путешественников. К тому же нельзя знать судьбу. Это положило бы конец надежде. А познание — это эстетический опыт, но если мы на этом остановимся, разве нельзя будет назвать нас эгоистичными? Не думаете ли вы, что знания должны использоваться?

— Зависит от цели, Джек.

Леонсия, сидевшая рядом с ним, пошевелилась в желтом свете единственной лампы, тени освещались многоцветными искрами очага.

— Для нас, — сказала она, — цель — это полет к звездам. Вот для чего нужны путешествия во времени.

Хейвиг улыбнулся. Говорил он сдержанно, но голос его дрожал от возбуждения.

— Зачем, по вашему мнению, мы создали фазу два — то, что между собой называем домом Полярис? Я говорил вам, что мы не хотим править миром. Нет, дом Полярис был создан для исследований и развития. Его работа завершится, когда будут готовы первые звездные корабли.

— И они будут созданы, — сказала Леонсия. — Мы видели.

Страсть охватила Хейвига. Он наклонился вперед, сжал в пальцах стакан, о котором забыл, и сказал:

— Я еще не овладел всеми научными и инженерными подробностями. Это одна из причин, почему нам нужно возвращаться в будущее. Физики говорят о математическом подобии путешествий в прошлое и движения со скоростью быстрее света. Они надеются создать теорию, которая даст метод. Может, у них получится, а может, нет. Я знаю, в доме Полярис этого не будет, но может, в отдаленном будущем Земли или на планете, кружащейся вокруг другого солнца. Но это уже не имеет значения. Корабль может лететь медленнее света, если экипаж состоит из таких людей, как мы. Понимаете? Путешествие должно занять столетия. Но для нас, способных перемещаться в будущее, когда корабль перемещается в пространстве, это будут часы или минуты.

— Наши дети не смогут это сделать. Но они там будут. Мы начнем путь человека к бесконечности.

Я смотрел мимо него. В окне созвездия не были видны из-за отражения пламени.

— Понятно, — медленно ответил я. — Грандиозное зрелище.

— Необходимое, — сказал Хейвиг. — А без нас — и в

конечном счете и без нашего врага — этого никогда не было бы. Маури могли бы найти ресурсы для исследования космоса в расцвете своего могущества. Но они этого не сделали. Их запрет на производство атомной энергии был хорош вначале, он был необходим для спасения планеты. Но потом, подобно другим хорошим идеям, он превратился в фетиш... И несомненно, культура, следующая таким фетишам, никогда не вышла бы в космос.

— А мы вышли, — воскликнула Леонсия. — Хозяева звезд — это и есть наши люди.

— И они принесли жизнь Земле, — добавил Хейвиг. — Цивилизация, которая просто сидит и смотрит внутрь себя — как скоро такая цивилизация станет застойной, кастовой, бедной и злой? Невозможно ничего придумать, если не начать думать. И толчок должен прийти извне. Вселенная бесконечно больше любого разума.

— Я вижу, что общество будущего приветствует пришельцев со звезд, — сказал я, пытаюсь замаскировать свое благоговение и страх.

— Да, о да. И больше ради их идей, чем из-за материальных благ. Идеи, искусство, опыт, вдохновение, рожденные на тысячах миров тысячами самых разных существ ... и Земля щедро отвечает им. Хорошо иметь своих мистиков и философов. Они думают и чувствуют, отыскивают значение, задают беспокоящие вопросы... — Голос Хейвига поднялся. — Не знаю, куда приведет наш союз с ними. Может, к более высокому состоянию души? Но я верю, что конец будет хорошим, и ради этой цели рождены мы, путешественники во времени.

Леонсия вернула нас к действительности.

— Главным образом, — рассмеялась она, — мы надеемся как следует позабавиться. Слезай со своей пророческой метлы, Джек, и обрати внимание на выпивку.

— Значит, вы собираетесь быть среди первых исследователей? — без необходимости спросил я.

— Мы заслужили это право, — ответила Леонсия.

— Гм... прошу прощения, но если ваши дети не могут наследовать ваш дар...

Она погрузилась в размышления.

— Может, мы найдем Новую Землю, где и вырастим их. Мы ведь еще не старые. — Она взглянула на резкий профиль своего мужчины. — Или будем бродить по вселенной, пока не умрем. И с нас этого хватит.

Наступило молчание. Громко стучали часы на каминной доске, и ветер снаружи шумел, как река.

Прозвенел дверной звонок. Я открыл дверь. На пороге стояли три маленькие фигурки: клоун, медведь и астронавт. Они протянули свои бумажные мешки.

— Кошелек или жизнь! — запели они. — Кошелек или жизнь!

* * *

Пошел год с тех пор, как Джек Хейвиг и Леонсия из войска Вахорна попрощались со мной. Я часто думаю о них. В основном, конечно, дни мои заполняет повседневность. Но часто находится час, чтобы вспомнить о них.

В этот момент они где-то на нашей планете, участвуют в торжественной и отчаянной саге, которую я уже знаю. Но мы больше не встретимся. Конец их жизней уходит далеко за пределы моей.

Что ж, такова жизнь человека. И жизнь Земли в космосе.

Хотел бы я... Я бы хотел многого. Чтобы они провели часть своей жизни в этом лете, которое для них прошлое. Мы могли бы отправиться под парусами. Однако они, конечно, захотели увидеться с Элеонор, матерью Хейвига, в один из немногих промежутков, убедиться, что она в безопасности, и рассказать ей ... что именно? Она мне никогда не говорила.

Хотел бы я задать вопрос, который все последнее время меня преследует.

Как возникла раса путешественников во времени?

Мы втроем решили, что знаем ответ на вопрос «почему». Но мы не задавались вопросом, кто — или что — почувствовал необходимость в их создании и ответил на эту необходимость.

Бессмысленная случайная мутация? Тогда странно, что люди, подобные Хейвигу, больше не рождались во времена Убежища — и во времена дома Полярис. По-видимому, они со своим знанием будущего были не нужны. Ведь цель заключалась в том, чтобы освободить человека для вечных исканий и открытий. Но кто решил это? Кто формирует реальность?

Я читал последние работы в области экспериментальной генетики. Очевидно, можно создать вирус, кото-

рый будет переносить гены от одного хозяина к другому; и хозяева совсем не обязательно должны относиться к одному виду. Природа могла уже однажды сделать это или делает постоянно. Вероятно, мы несем в своих клетках и передаем детям наследие животных, которые никогда не были нашими предками. Если это так, то хорошо. Я рад, что мы можем быть близки ко всему миру живого.

Но, может быть, возможно создание совсем необычного вируса, который будет распределен среди путешественников во времени? Вируса, созданного в каком-то невообразимо далеком будущем?

Часто вечерами я хожу за город, стою под высокими осенними звездами, смотрю вверх и думаю.

ВРЕМЯ ОГНЯ

Самое страшное на свете - это попасть на суд самого справедливого человека.

Его имя наводило на всех ужас. И вот теперь мы были вызваны к нему самому. Когда мы вышли из флайера, были еще сумерки. Все вокруг было бело-голубым, сгущаясь до черного там, где горы замыкали долину. Вершины гор, освещенные первыми звездами, были еще сиреневыми. Спутник медленно проплыл среди звезд и укрылся в тени Земли, как будто его сдул порыв холодного ветра. Здесь, в этой долине, остро ощущался запах ледников и огромных пространств.

Дом был построен из каменных глыб. Он как бы являлся неотъемлемой частью этих гор. Немногие земляне могут выдержать одиночество. Президент Трибунала принадлежал к их числу. Над окованной железом дубовой дверью зажегся бронзовый фонарь. Наш пилот жестом показал нам, что нужно идти. Он всем своим видом показывал, что нельзя заставлять ждать Даниэля Эспину.

Мы шли довольно твердо, хотя мое сердце отчаянно билось в груди. Открылась дверь и нас встретил служитель - не человек.

- Буэнос традос,- сказала это существо.- Добрый вечер. Заходите, пожалуйста.

Мы прошли через затемненный холл в помещение, явно предназначенное для таких встреч.

Это была огромная комната с высоким потолком, полная разных древностей и тишины. Стулья, обтянутые кожей, стояли вокруг деревянного, отлично инкрустированного слоновой костью стола. Дедовские часы, пришедшие из давно минувших столетий, торжественно отсчитывали время. Часы были сделаны из мрамора и имели форму совы. Вдоль стен стояли шкафы, набитые сотнями книг. А вот и современный пульт, обеспечивающий связь, прием данных, известную

их обработку, запись, отображение, печать, все, что положено.

Дальняя стена комнаты была прозрачной. Через нее были видны горы, лес, окутанный мраком, долина внизу, отдаленные вершины, покрытые снегом, звезды, все появляющиеся и появляющиеся на небе.

И перед этой стеной в мобильном шезлонге сидел Эспина. Как всегда, он был весь в черном. Видна была только его голова, похожая на череп, и руки, как у скелета. Его взгляд остановился на нас. А затем он сказал ровным, безо всяких интонаций голосом:

- Добрый вечер,- как будто мы были его гости, а не преступники, которым он должен был вынести приговор.- Садитесь, пожалуйста.

Мы вразнобой поклонились ему, а затем опустили на краешки стульев перед ним.

- Думаю, что удобней всего нам говорить по-английски.

«Вопрос чисто риторический,- подумал я.- Разве он не знает сам?» Чтобы нарушить молчание, я ответил:

- Да, ваша честь... сэр... Вы помните, что на Иштаре долгое время всеми принятый был язык людей. И большинство резидентов были люди английского происхождения, плохо знающие испанский из-за отсутствия практики. И...

- Да. До недавнего времени,- прервал он мой идиотский лепет.

«Тик-так,»- тикали огромные деревянные часы. Через минуту Эспина шевельнулся и спросил:

- Хорошо. Кто из вас будет пить кофе, а кто чай?

Мы пробормотали что-то неразборчивое. Эспина подождал слугу и отдал соответствующие распоряжения. Когда это существо исчезло, Эспина достал серебряный портсигар, вынул оттуда своими желтоватыми пальцами сигарету и закурил.

- Курите, если хотите,- разрешил он нам ни враждебно, ни доброжелательно, как будто ему было все равно. Мы не двинулись с места. Его взгляд действовал на нас, как альпийский ветер.

- Вы думаете, зачем я вас вызвал сюда,- наконец заговорил он.- Если судья хочет побеседовать с заключенными, зачем ему тащить их с другого конца планеты, не так ли?

Он выпустил дым из легких и его лицо окуталось голубоватым дымом.

- Да,- продолжал он,- голограмма избавила бы вас от путешествия, но я не хочу применять ее. Это не то же самое, что видеть вас здесь во плоти...- он посмотрел на свою костлявую руку,- которой у вас еще много. Да вы и сами понимаете, что общаться с живыми людьми - это совсем не то же самое, что смотреть на их цветные тени. Хотел бы я, чтобы все чиновники это поняли.

Кашель потряс его тело. Я видел записи его исторических выступлений, речей. И ни разу не замечал таких приступов. Может, все его речи редактируются? Ведь это стандартная практика всех политиков. Но Эспина всегда с презрением относился к такой лакировке.

Он отдышался, снова затянулся табачным дымом и продолжал:

- Поймите, я не занимаюсь обычными делами. Каждый случай - ЧП. Я - последняя инстанция для дел, которые не поддаются ничьей юрисдикции, для дел, не имеющих прецедентов. Для дел, над которыми бессильна не только система законов, но даже и философия. Скажите мне, если можете, что общего имеют между собой в вашей объединенной мировой Федерации процветающий японский инженер, гангстерский босс из Северной Америки, русский мистик и изможденный крестьянин из Африки? А кроме того, все больше и больше наших дел начинается вне Земли, в этой проклятой загадочной Вселенной.

Мы не сводили с него глаз. Эспина тронул кнопку на ручке кресла, свет в комнате погас и Вселенная как бы приблизилась к нам.

На ночном небе ярко светились звезды. От горизонта до горизонта тянулся галактический пояс. Я вспомнил, что в Валленене его называют «Зимний путь». Ниже к югу я отыскал Сигиттариус. А дальше мне показалось, что я смогу увидеть в облаке света, отраженном Землей, тройное солнце Анубелиса. Кое-где на фоне общего слабого свечения выделялись пронзительно черные пятна. Везде, невидимые нам, рождались новые миры, миры, населенные живыми существами, чуждыми нам и по духу, и по плоти. Рождались и умирали Галактики, и вся эта Вселенная служила вечным вопросом, на который пока не было ответа: откуда все это появилось? Куда все это стремится и зачем?

Голос Эспины вернул меня к реальности.

- Я подробно изучил ваши дела, слушал ваши заявления. Мои ученые коллеги порицали меня за это, за то, что я теряю

на вас в такую пору драгоценное время. Они напоминали мне, что есть множество более важных дел - ведь идет война. А это дело, говорили они, очень простое, без каких-либо очевидных последствий. Нужно просто вынести приговор. И все. И тем не менее я занимался вами. Но это только факты. А сколько в них правды?

Я рискнул заговорить:

- Сэр, если вы говорите о морали, о справедливости, то мы просили дать нам возможность все объяснить, но нам отказали.

- Естественно. Неужели вы думаете, что суд, занимающийся межпланетными проблемами, вынесет на предварительное прослушивание ваши речи, основное место в которых занимают эмоции?

- Я понимаю, сэр, но нам не разрешили сделать даже публичное заявление. Мы содержались в изоляции, а на заседания суда не допускались зрители. Я сомневаюсь, что все это законно.

- Это приказал я, в связи с военным временем. Можете мне поверить, что у меня были веские причины для этого.

Искалеченное тело наклонилось вперед. Слишком старое для омоложения и слишком молодое и живое, чтобы отправить его в небытие. Глаза его сверлили нас.

- Здесь вы можете говорить, что хотите. Хотя я не советую вам этого. Я надеюсь получить от вас нечто более тонкое, более сложное, чем обвинение в адрес политики Федерации. Я хочу знать, почему вы готовы пожертвовать своим будущим ради существ, населяющих Иштар.

Рука его рубанула воздух.

- Садитесь поудобнее и, если можете, объясните мне это. Расскажите мне о них, как вы их знаете, вернее, как себе представляете. О да, я прочел несколько трудов наших космологов. Я как будто вернулся в детство и перечитал эту сахарную белиберду «Сказки далекого Иштара». Слова и картинки. И ничего больше. Вложите в них плоть и кровь. Дайте мне почувствовать, что чувствует живое существо, которое знает, что его в течение жизни обязательно ждет Страшный Суд.

Вошел слуга с подносом.

- Можете пить алкоголь или другие наркотики, если желаете расслабиться. Но только потом. Не сейчас. Сейчас перед нами стоит очень трудная задача,- сказал Эспина.

Он поднес ко рту чашку. В ноздри мне ударил терпкий запах Лапсанг Сучанг. И вот он начал выжимать из нас все.

Глава 1

Во Время Огня северная страна от демонического солнца не видела мира. День и ночь, лето и зиму оно висело над головами и уже нельзя было отличить день от ночи и лето от зимы. Но это была Старкландия, откуда давно ушли все смертные, и никто не мог там жить, независимо от того, хороший это год или злой. Даури, жители этой страны, ушли на юг. Они видели, как солнце опускается вниз, к горизонту, по мере их удаления, и наконец они увидели его висющим над самым горизонтом.

Перевалив через Пустынные холмы, они оказались среди Тассуи, пограничного народа, который жил на южной окраинности Валленена и, следовательно, был самым северным народом на планете. Здесь сама земля, небо и жизнь казались чужими пришельцам Даури.

Когда Штормкиндлер был далеко от планеты - чуть ярче ближайших звезд - здесь почти не было разницы между временами года. Зимой чаще шли дожди, а дни были короче, чем ночи, - и это все. Но Время Огня изменило это, как изменило буквально все. Теперь над Землей повисли два солнца и не было ни одного мгновения благоденственной темноты.

То же самое видел бы и путешественник, пересекающий Южное море. Здесь только времена года были другими - зима в Веронене, когда лето в Валленене, а Бернер был всегда на северной стороне неба. Если бы путешественник двинулся дальше на юг, он добрался бы до страны, где Бернера не видно во Время Огня. Он появляется на небе только тогда, когда находится слишком далеко от планеты и не может причинить вреда своим жгучим дыханием. Тассуи, слушая эти рассказы, считали, что это земля, любимая богами, и не верили тем,

кто утверждал, что на самом деле это холодная и страшная земля.

Арнанак знал, что путешественники не лгут. Он сам был в Валленене сто лет назад как легионер Газеринга. Но он не разубеждал своих товарищей. Пусть они думают так, особенно, если это пробуждает в них зависть, ненависть, злобу и неприязнь к жителям другого полушария. Потому что он сам уже был готов начать нападение.

Звуки рога разносились в горах над Тарханой. Эхом отзывались долины и луга. Громче заревела река Эсали, прорываясь сквозь узкий каньон в долину. Она еще не пересохла полностью, и те, кто был измучен жаждой, еще могли напиться, хотя раскаленные солнцем камни обжигали ноги. В раскаленном воздухе сильно пахло дымом.

Над западным хребтом висело солнце. Сквозь дымный туман оно казалось тускло-желтым.

Снова Арнанак протрубил в свой рог. Воины выбирались из тенистых мест, где укрывались от жары, и устремлялись к нему. Сейчас на них не было доспехов. Обычно они одевали их только перед битвой. Перевязь и ножны - такова была одежда большинства. Зеленые тела, отливающие золотом красно-коричневые гривы, черные лица и руки, сверкающие высоко вверху наконечники копий, напряженные хвосты - все они собрались перед низким холмом, на котором стоял Арнанак, и запах их острого пота был подобен запаху мокрого железа.

Несмотря на свою гордость, Арнанак не удержался, чтобы не пересчитать их, хотя бы приблизительно. Около двух тысяч. Это было много меньше того количества, которое ему скоро понадобится. Однако вполне достаточно для такого мероприятия, которое он задумал сейчас. И они пришли отовсюду. Его отряд предпринял длинное путешествие сюда из Улу, от самой Стены Мира. По виду и манере держаться он узнавал жителей гор, лесных, равнинных жителей, обитателей побережья и островов.

Если они смогут захватить этот торговый город, то их родичи наверняка примкнут к ним.

В третий раз прозвучал рог. Тишина легла на долину, лишь слышался легкий плеск воды. Арнанак позволил им рассмотреть себя, оценить, прежде чем начал говорить.

Они преклонялись перед ним, так как он был достаточно силен, чтобы захватить власть, и достаточно умен, чтобы удержать ее и накопить богатство. Поэтому он постарался

одеться как можно богаче. В его гриву были вплетены драгоценные камни, золотые спирали обвивали его руки и ноги. Кольца сверкали на всех четырех пальцах каждой руки. Роскошная попона из Сехалы покрывала его круп. Длинный меч, который он поднял над головой в знак власти, был выкован из лучшей стали.

За ним возвышалось дерево Феникс и он находился в тени шатра, образованного его голубой листвой. Арнанак специально прибыл на место сбора раньше всех, чтобы занять это место. Он не хотел забираться в темную прохладную пещеру. Напротив, он решил остаться на жгучей равнине под солнцем. Это ему нужно было для того спектакля, который он хотел разыграть перед воинами.

Он обвел их всех глазами, набрал побольше воздуха в грудь, и его голос прокатился над равниной.

- Тассуи! Я, Арнанак, правитель Улу, говорю перед вами! Слушайте! Мои посланцы, которые несли кинжалы войны от селения к селению, не могли сказать вам больше, чем назвать место, где мы должны встретиться, когда Луна будет находиться в определенном месте на небе. Вы знаете, что долгие годы я вербовал себе союзников на западе. Вы слышали, что я хочу сбросить всех врагов в море и освободить путь на юг до того, как Время Огня начнет все сжигать здесь. Вы понимаете, что мой первый удар должен быть нанесен по Тархане.

Все это вы слышали и знали, понимали, но большего я не мог сказать, так как не хотел рисковать, ведь шпионы и предатели могли раскрыть все мои планы врагам.

Откровенно говоря, я не ожидал увидеть так много воинов. Одни боятся меня, другие боятся моего поражения, а главное, сейчас время делать запасы, чтобы было что есть в наступающем трудном году и в последующие еще более трудные годы. И в том, что вас собралось так много, я вижу доброе предзнаменование. Мы двинемся на запад. Я расскажу вам свой план.

Теперь я объясню вам, почему я выбрал для похода войну. Легион не ждет от нас ничего, кроме небольших разбойничьих нападений. И уж, конечно, не нападения на главную крепость Газеринга. Я знаю, о чем они думают там, за морем. С помощью двойных агентов я внушил им мысль, что мы сможем начать военные действия только летом, когда в наших домах все будет подготовлено к трудному времени, и

когда наступят длинные ночи, в течение которых мы сможем скрытно совершать длинные марши.

А сейчас ночи наполовину короче, чем летом. Но этого времени хватит, чтобы достичь Тарханы - я дважды совершал этот путь и могу говорить об этом со всей ответственностью. Кроме того я знаю, что сейчас в крепости лишь небольшой гарнизон. Большая часть воинов ушла на побережье Экур, чтобы сражаться с пиратами... которых я сам же направил на корабли Газеринга прошлой зимой.

Шепот пробежал по рядам воинов. Арнанак снова заговорил:

- Сегодня с вашими вождями я обсуждал план нападения. Двумя отрядами мы нападём на южные и северные ворота. Затем, когда солдаты противника будут заняты обороной, возьмем штурмом стены со стороны реки. Это трудно, но мои воины много тренировались в Улу, где я приказал выстроить точно такую же стену. Они прорвутся к воротам, где сопротивление будет слабее, и откроют их. И город будет взят.

Воин, помни, что если в твоём доме голод, то на свои трофеи ты сможешь надолго обеспечить свою семью и свой род. И помни: мы начинаем поход на Газеринг. Ваши дети будут жить в стране, которую любят Боги.

При его последних словах солнце скользнуло за горизонт. Сумрак темной волной опустился на мир. На небе вспыхнули звезды. Из-за западного хребта поднялась Килызу. Холодный призрачный свет залил равнину, вызывая тревожные чувства. Где-то завыл провлер. Шум воды, казалось, стал громче. Хотя земля и камни еще дышали жаром, дышать сразу стало легче.

Арнанак просигналил своим хвостом Даури. Они выскользнули из-за дерева как тени, и лунный свет осветил семь фигур. Издалека было видно, что их предводитель держал в руке Вещь.

Страх прошелестел по темной массе собравшихся воинов. Их головы опустились вниз. Арнанак взял в руки Вещь, поднял ее, сверкающую зловещей чернотой, над головой.

- Скачите быстро!- крикнул он.- Сражайтесь отважно! Вещь с нами!

Немного погодя, когда воины успокоились, он смог говорить более тихо.

- Многие из вас знают, что я стал другом Даури. Вы знаете, что я совершил путешествие в Старкландию, откуда ушли

все смертные, и взять из мертвого города эту Вещь Могушества не представляло труда. Вот она! Она принесет нам победу! Сегодня ночью мы начинаем! Я сказал, и вы слышали!

Еще до того, как выступило войско, на востоке взошла Нарау, маленькая, тусклая, медленно плывущая по небу. Свет двух лун, звезд, Моста Привидений хорошо освещал путь Тассуи.

Тем не менее спуск в долину был труден. Арнанак часто приходилось цепляться за почву всеми четырьмя пальцами всех четырех ног. Сердце его билось от напряжения. Колючие кусты цеплялись за шерсть и за гриву.

Он оставил свои драгоценности и Вещь под охраной Даури. Ни Тассуи, ни легионеры не будут даже пытаться украсть то, что охраняют эти существа. Более того, любой, если только он не сумасшедший, будет держаться от них подальше. Сейчас на Арнанаке было военное снаряжение. Оно было изготовлено в Веронене, когда он там служил, и было гораздо более тяжелым, чем на его воинах.

Он слышал, как они скачут за ним, слышал топот ног, звон металла, хриплое дыхание, отрывистые ругательства. Он скакал впереди, зная, что если он заставит их повиноваться себе, то всегда будет их вождем.

«Глупо,- подумал он.- Цивилизация мудрее варварства. Его командир, еще в те времена, когда он был солдатом Газеринга, был стар и весь изранен, но он оставался на своей должности, потому что не было администратора и тактика лучше его. Варвары... Да, варвары могут выиграть битву у цивилизованного народа только случайно».

Арнанак был рад, что легион, который он собирался сбросить в море, был легион Зера, а не его старого Тембуру Стайдера.

Конечно, он мог подойти сюда для подкрепления, но это маловероятно. Одну за другой Газеринг терял свои территории, как это было каждое тысячелетие, когда возвращался Штормкиндлер. Теперь они потеряют Валленен и не будут пытаться забрать его обратно, даже если при этом они потеряют острова, и потом...

Если только люди не... Что можно знать о существах более хитрых, чем Даури, существах, которые прилетели сюда издалека. Да, их родная планета так далеко, что их солнца даже не видно. Разумеется, если верить тому, что они рассказывают...

Арнанак стиснул рукоять меча, который был в ножнах, висящих на поясе. Если то, что он слышал, верно, то люди будут слишком заняты делом в окрестностях Сехалы и им будет не до того, чтобы вмешиваться в дела, которые происходят здесь, на самой дальней границе. Они не поймут значения выступления валлененцев, пока не будет слишком поздно. А затем... Почему бы им не вступить в деловые отношения с Высшим Правителем. Он будет обладать большим могуществом, он сможет больше предложить людям, чем осколки Газеринга.

Если, конечно, он, Арнанак, все правильно рассчитал и спланировал.

Если нет, то он умрет. И большинство его народа вместе с ним. Но Время Огня все равно убьет их - и это гораздо более мучительно, чем умереть в бою. Арнанак снял руку с рукояти меча и быстрее поскакал по каменистым склонам...

Скакать по равнине было легче. По приказу вождя воины бежали в стороне от торгового пути. Только дважды они вышли на него, чтобы спуститься к реке, утолить жажду и смочить шкуру. На торговом пути всегда могли встретиться патрули. Кто-нибудь из них мог избежать смерти и поднять тревогу. Поэтому Арнанак вел свой отряд напрямик.

На здешних полях не было колючих кустов. Жители города научили здешних жителей возделывать поля. Зерно, злаки, прирученные животные - да, они жили богато. Но приближалось Время Огня, и фермы с их богатыми запасами уже подвергались нападениям грабителей. Возделыватели земли уже оставили свои дома. Отряд Арнанака не встретил на своем пути никого. Однако пастбища не выгорели еще полностью, и воины неплохо подкрепились.

На востоке уже начало светать, когда они снова вернулись к реке. Перед ними на фоне неба возвышались стены и караульные башни Тарханы. Командиры тихо отдали приказы остановиться и вооружиться. Нужно было торопиться, чтобы солнце не выдало их появления.

А сейчас было почти холодно. Индевер не мог нагреть атмосферу. Хотя он и был больше солнца по величине, его излучающая способность была в пятьдесят раз меньше. Так сказал Арнанaku в Сехале один философ. Однако, когда взойдет солнце, настанет нестерпимая жара, а ведь была еще весна, и самое худшее время года еще не настало. Арнанак надеялся попасть в город до того, как солнце начнет жечь

землю. Снимет ли он свои доспехи или нет, зависело от поведения гарнизона. Арнанак был уверен, что гарнизон сдастся, если ему пообещают, что всех их выпустят, только без оружия. Цивилизованные воины считали большой глупостью, пустой бравадой драться тогда, когда надежды уже нет. Но их командир может решить, что нужно драться до конца, чтобы убить как можно больше варваров.

Ну что же, тогда к Арнанaku присоединится много воинов, родственники которых погибли. Их поведет на войну жажда мести.

Он распаковал мешок, с помощью знаменосца надел шлем и кольчугу. Затем взял щит. Наступило утро. Все окрасилось в алый цвет.

Арнанак вскинул меч, и тот полыхнул алой молнией.

- Вперед!- крикнул он.- Нападение и победа! — И он поскакал вперед, слыша, как сзади гудит земля от топота тысяч ног его воинов.

Глава 2

Прозвенел звонок.

П- Входите!- крикнул Юрий Джерин. Он встал и выключил плеер. Если бы он слушал что-нибудь классическое из их фонотеки, например, Моцарта или что-то легкое, Юрий просто бы уменьшил громкость. Но большинство людей не любили Геанскую музыку, хотя это была музыка планеты с цивилизацией такой же старой, как и земная. Чтобы понимать музыку, необходим интерес, который рождает терпение, и плюс хороший слух.

Дверь открылась, и вошел молодой человек в форме эскадрона воздушного преследования. Его новенькие эмблемы ослепительно блестели. Вошедший отсалютовал изысканно небрежно. Он хорошо приспособился к местной силе тяжести, хотя он не смог бы получить должность в эскадроне, не обладая быстрой приспособляемостью. Он был высокий, крепкий, с красивым лицом кавказского типа. Джерин подумал, можно ли заметить на его лице признаки того, что он был рожден вне Солнечной системы.

Юрий обратился к молодому человеку, мучительно боясь со своим ужасным испанским, мысленно переводя каждое слово на английский:

- Эсинь Конвей? Успокойся. Расслабься. Хорошо, что ты пришел.

- Капитан вызывал меня.

Да, Конвей говорил на той старой версии языка, которая очень отличалась от паневропейской версии, на которой говорил Джерин. И у него был акцент. Странный акцент. Мягкий и с примесью чего-то... негуманоидного.

- Я просил, чтобы ты зашел ко мне. Только просил.

Дверь закрылась. Джерин удивил юношу, протянув ему руку для пожатия. После мгновенного колебания пожатие состоялось.

- Ты сделаешь мне личное одолжение, да к тому же послужишь и Земле. Вскоре мы улетаем, и я хочу, чтобы ты хорошо отдохнул с девушками, или как ты там еще привык. А сейчас я хочу предложить тебе выпить.

Джерин взял за локоть Конвея и повел его к креслу, непрерывно разговаривая:

- Поэтому я и попросил тебя прийти сюда. В клубе слишком шумно, а в кабинете слишком официально... Так что ты предпочитаешь пить?

Дональд Конвей опустился в кресло, уступая нажатиям руки.

- Я... Что желает капитан. Благодарю, сэр.

Джерин встал над ним и улыбнулся.

- Держись свободнее. Забудем о рангах. Мы здесь одни и я ненамного старше тебя. Сколько тебе лет?

- Девятнадцать... Я имею в виду двадцать один, сэр.

- Ты все еще говоришь о иштарианском возрасте? Ну а я в прошлом месяце отпраздновал свое тридцатилетие по земному счету. Не слишком большая разница?

Конвей немного расслабился. Взгляд его стал менее нервным, скорее задумчивым. Он рассматривал своего хозяина. Джерин был среднего роста, с маленькими руками и ногами, кошачьими движениями. Черты его лица были правильными. Лицо оливково-желтого цвета с коротким носом и полными губами. Глаза коричневого цвета, как и волосы.

Одет он был в свободную блузу и облегающие брюки из блестящей ткани, таби или сори. Его кольцо, определяющее

общественное положение, было стандартным, но в мочке правого уха поблескивало еще колечко.

- Я стал кадетом в шестнадцать лет,- продолжал Джерин.- И остался на службе. Ты прибыл на Землю два года назад и был призван на службу, когда началась война. И, естественно, не успел пройти настоящей подготовки,- он пожал плечами.- Ничего. Закончишь учебу позже. Станешь профессором изящных искусств, президентом какого-нибудь университета. А я останусь все таким же. Так что ты выпьешь?

Он подошел к мини-бару.

- Я за коньяк с капелькой соды.

- Мне то же самое, сэр. У меня еще не было возможности изучить науку... пить.

- У вас на Иштаре небольшой выбор?

- Да. Пиво. Местное пиво. Вино,- Конвей заставлял себя говорить спокойно.- И вкус у них совсем не такой, как на Земле. У нас трудная планета. Мы производим не так уж и много. Погода, радиация...

- Видишь, ты уже помог мне. Теперь я знаю, что мне необходимо брать большие запасы.

Пока он готовил выпивку, Конвей осмотрелся. Комната была небольшая и совсем неплохо оборудованная, если учесть, что они находились на базе «Циолковский». Сейчас шла война, и база была перегружена оборудованием, людьми, которые были готовы в любой момент отправиться на поле военных действий. Вследствие перегруженности пришлось отключить генераторы тяготения, и теперь люди страдали от необычных условий. В связи с этим для поддержания формы им приходилось много заниматься специальной гимнастикой. Через полупрозрачную стену был виден величественный лунный пейзаж. Вот на вырубленную в базальте посадочную полосу приземлился грузовой корабль.

Личность Джерина наложила отпечаток и на комнату, которую он занимал. На столе лежали какие-то распечатки, книги об Анубелисе, стопка журналов, детективный роман, избранное Гарсиа Лорки. За столом находился увлажнитель воздуха.

- Пожалуйста,- Джерин подал стакан Конвею.- Как насчет сигары? Нет? Значит, у вас на Иштаре и с этим плохо? Ну что же, значит, я тоже воздержусь.- Он сел в кресло, поднял свой стакан.- Салют!

- О, превосходно!- проговорил Конвей, сделав глоток. Джерин хмыкнул.

- Верно. Ты становишься самим собой. Этого я и ожидал.

- Вы проверяли меня, сэр?

- Только посмотрел открытое дело. Я запросил ЭВМ: с кем, прибывшим с Иштара, я могу войти в контакт. ЭВМ выдала твое имя. Вот и все. Согласно данным ЭВМ, ты родился на Иштаре и не покидал планету до настоящего времени. Сомневаюсь, чтобы трус и бездельник смог вынести жизнь на этой планете, полную трудов и опасностей. И более того, проведя жизнь на такой отдаленной и редко посещаемой планете, ты проявил такие блестящие способности в визуальном искусстве, что тебе предоставили право учиться на Земле. И далее, когда разразилась война, ты не спрятался за свои занятия, а добровольно пошел служить в самые трудные войска. Чтобы узнать тебя, мне не нужно было никакой другой информации.

Конвей вспыхнул, сделал еще глоток и проговорил:

- Очевидно, вы получили задание, сэр, и хотели бы что-то от меня узнать. Разве это не удивительно для такого человека, как вы, с вашими заслугами?

Джерин нахмурился.

- Такое бывает.

- После того, как я получил ваш вызов, я тоже обратился к ЭВМ.- Несомненно, коньяк быстро подействовал на непривычную голову Конвея, так как теперь он говорил быстро и не задумывался. Джерин понял, что юноша хочет ответить в том же ключе, в каком говорил он, его непосредственный начальник.- Вы были в моем возрасте, когда вылетели на Даймон Старр освобождать Калибан. Вы были капитаном рейнджера, командиром бластшипа, руководителем работ по созданию базы на Гее. Разнообразие должностей, потрясающее даже для Космофлота, где часто любят менять род занятий. И вы слишком молоды для своего ранга.- Он спохватился.- Прошу прощения, сэр. Я не хотел быть таким нахальным.

- Все нормально,- Джерин небрежно махнул сигарой, хотя недовольство все еще таилось в уголках его губ.

- Я позволю себе высказать предположение, сэр. Аборигены Геи весьма странные существа, с нашей точки зрения. Но я не нашел в архивах никаких упоминаний о том, что они жаловались на вас, обвиняли вас в чем-либо. Следовательно, когда вы работали на Гее, вы были справедливы, мудры,

доброжелательны. Может быть, Синкпинс считает вас самым лучшим представителем Земли на Иштаре.

- Но почему же они не запросили тебя обратно?- спросил Джерин. Он сделал большую затяжку дымом.- Ты же жил там. Ваше сообщество на Иштаре существует уже лет сто.

Конвей нахмурился и наконец заговорил.

- Такая должность не для меня, тем более, когда идет война... И даже если бы меня назначили... я не гоюсь для Иштара... Эмоциональный конфликт - вся моя семья, родители, братья, сестры, старые друзья - все они против войны.

Джерин подавил недовольство.

- А что ты сам чувствуешь по этому поводу?

Конвей спокойно встретил его взгляд.

- Я же вступил в армию. Там трудно разобрать: кто прав, кто виноват. Но на людей напали. Их имущество, которое они зарабатывали все эти годы потом и кровью, даже их жизни находятся под угрозой. Если мы не остановим конфликт на ранней стадии, может быть совсем плохо. Вспомните дело Алерiona.

Джерин улыбнулся.

- Что мне напоминать его, Конвей. Я сам участвовал в этом деле.- Улыбка его погасла.- Но ты прав. Мы должны помнить уроки истории.

Он осушил стакан и снова направился к бару.

- Тебе налить еще?

- Нет, благодарю,- Конвей подыскивал слова.- Капитан, в вашем назначении есть резон. Предположим, что наксанцы неожиданно нападут и захватят Иштар. Там значительные ресурсы. А кроме того Иштар будет прекрасной базой для Накса.

- Ты действительно думаешь так? Я получил приказ основать базу Наблюдения для предотвращения отдаленной, но все же существующей возможности того, что действия переместятся в этот район космоса.

Конвей кивнул.

- Да, и кроме вас никто не сможет этого сделать. А когда работа будет закончена, вы, несомненно, получите назначение на фронт. Если, конечно, война к тому времени не кончится.

Джерин снова рассмеялся.

- О, ты знаешь, как успокоить серьезного человека. Благодарю.- Он вернулся в кресло.- Эти наксанцы отважны и умны. Думаю, что война продлится еще долго.

- Надеюсь, что нет.

- Естественно.- Джерин помолчал, а затем добавил: - Ты понимаешь, что я хочу сделать все, чтобы покончить с этим. Я считаю, что наши функции - это поддержание мира во Вселенской Федерации. Скажи мне, почему там, на Иштаре, против войны? Многие интеллектуалы Вселенной, поддерживающие Землю, на нашей стороне.

Конвей сделал глоток.

- Боюсь, что здесь, вдали от Иштара, мои доводы покажутся нереальными.- Он наклонился вперед.- В основном наши убеждения основаны на том материале, который поступает к нам извне. И они сложились до того, как началась война. Письма, магнитные ленты, беседы с теми, кто прибывает к нам, и люди, живущие на Иштаре, пришли к убеждению, что война - это катастрофа для всей планеты. Ведь в этом случае прекратится доставка материалов для выполнения проектов и все работы заглохнут.

- А,- проговорил Джерин, выпустив клуб дыма и долго наблюдая прищуренными глазами, как он рассеивается.- Вот мы и пришли к тому, что я хочу от тебя. Информации. Совета. Нужды и заботы иштарианцев и небольшой колонии землян на Иштаре. Все, что ты можешь сказать. Меня назначили на прошлой неделе, и все это время я организую свою команду, работаю. И так будет до отлета, а срок остался совсем маленький. Думаю, что не будет неправильным, если я скажу своему младшему офицеру, что я получил много указаний самого высокого уровня.

Видя удивление Конвея, он замолчал.

- Указания, сэр?- спросил юноша.

- Ты не слышал об этом. О, невинное дитя. Стандартная процедура. Достижение Максимума Энтропии. Дело в том, мой мальчик, что ты - единственный способ для меня изучить обстановку. Ничего не зная, я могу наделать много глупостей. Может даже провалить свою миссию...

- Но вы так много знаете о самом космосе...

- О, да-да,- нетерпеливо оборвал его Джерин.- Я изучал небесную механику Системы Анубелис. Я немного знаю об аборигенах Иштара, об их уникальной биологической ситуации.- Он перевел дыхание.- Планет, на которых люди

могут ходить в трусах, очень мало. Их можно пересчитать по пальцам. И они рассеяны по космосу. В основном мы заняты планетами, которые расположены поблизости от Земли. И не забывай, что любая планета - это огромный и сложный мир, который трудно понять и изучить до конца. Вот я - землянин, но ничего не знаю о литториальной экологии, о династической истории Китая, о том, что происходит сейчас в Кении!

Он бросил сигару в пепельницу, выплеснул туда же содержимое своего стакана и взял со стола книгу об Иштаре.

- Сейчас я изучал это,- слова его прозвучали горько.- Последняя публикация десятилетней давности. Тщательно собранная информация.- Он открыл ее на первой попавшейся странице и сунул под нос Конвею.

Левая страница:

Анубелис Б(Бел).

Тип - Г 2.

Масса - 0,95 СОЛНЕЧНОЙ.

Средний диаметр - 1606 СОЛНЕЧНОГО.

Средний период вращения - 0,91 СОЛНЕЧНОГО.

Яркость - 0,93 СОЛНЕЧНОЙ.

Эффективная температура - 5800 град К.

Планеты (Земля = 1)

Радиус Диаметр Масса Сила

орбиты экватора тяжести

Кабу 0,629 0,163 0,06 0,36

Адсд 0,54 0,402 0,78 0,74

Иштар 1,03 1,075 1,53 1,13

Шамаш 2,67 2,735 0,83 0,93

Мардук 4,40 9,560 5,10 1,93

П р и м е ч а н и е: Астероиды расположены полубеспорядочно. Полные данные по орбитам см. приложение Д. Полное описание планет см. главу XI.

Правая страница:

Анубелис Б III (Бел III).

Основные параметры: (Земля = 1)

Масса - 1,533.

Средний диаметр экватора - 1,143.

Средняя плотность - 1,033.

Сила тяжести - 1,183.

Длительность года - 1,0723: 392 земных дня равны 510 иштарианских дня.

Период обращения - 0,755. Наклонение оси - 1,143.

Освещенность - 0,89 Сол/Зем. Давление на уровне моря - 1,123. Состав атмосферы аналогичен составу земной.

Спутники:

Целестия.

Урания.

Обе луны Иштара имеют неправильную форму. Подробные сведения о них см. гл. III.

- Вот все, что я смог выкопать из Библии навигаторов, - сказал Джерин. - О, йес, си, уи, да, а еще тексты, иллюстрации, анекдоты. Неплохие материалы для туристов, если бы существовала индустрия туризма, организация экскурсий в такую даль. Кроме того, я провел много часов перед видеозэкраном, изучая все, что есть по Иштару. Теперь я хоть знаю, как выглядят иштарианцы. - Он говорил и листал страницы, пока не остановился на одной иллюстрации. Здесь были показаны особи мужского и женского пола, а рядом для сравнения - человек. Самец имел размеры небольшой лошади. Кентавр - вот, пожалуй, самое точное слово для описания иштарианцев. Могучий торс с двумя руками и четырьмя ногами. Голова сидела на почти вертикальной шее. В иштарианцах было больше от льва, чем от лошади: длинный хвост, лапы с когтями на четырех пальцах. Могучие, как у штангиста, руки. На каждой руке по четыре пальца, тоже оканчивающиеся когтями. Голова большая и круглая, заостренные уши могут двигаться в небольших пределах. На нижней челюсти виден небольшой подбородок. Зубы белые и маленькие, за исключением двух клыков, выступающих из рта. Вместо носа - короткий хоботок, на конце которого видна одна широкая ноздря. Кошачьи усы оттеняют верхнюю губу. Глаза такие же, как у кошек, без белков. У самцов - голубые, у самок - золотистые.

Лицо и руки у изображенных иштарианцев, жителей Веронена, светло-коричневые. Большая часть тела покрыта темно-зеленой, похожей на мох шерстью. Роскошная грива, покрывающая горло, голову, шею, делала их еще более похожими на львов.

Половые различия тоже были довольно существенными. Самки были на пятнадцать сантиметров короче. Хвост их был

едва намечен, зад более широкий и округлый, грудь широкая, живот плоский. Внешние половые органы были ярко-красного цвета. Из сопроводительного текста можно было узнать, что самки имеют сладкий запах, а самцы - остро-кислый. Кроме того самки пользуются более широким диапазоном частот в своей речи.

Иштарианцы не использовали никакой одежды, кроме украшений и пояса с ножнами для ножа и кинжала. Самец имел при себе копье и какой-то струнный инструмент. Самка - длинный лук и что-то вроде деревянной флейты.

- ...я знаю, что биохимия их подобна нашей. Мы можем есть одну и ту же пищу. Но, конечно, есть исключения. Иштарианцы, например, могут пить этанол.- Джерин с шумом захлопнул книгу.- Ты понял? Люди провели сотню лет на Иштаре, пытаюсь понять его, и ты мне можешь подтвердить, что они также далеки от этой цели, как и в начале.- Он отшвырнул книгу на кровать.

- Эта работа ничего не стоит.

- А эти люди? Да, я знаю, что больше половины персонала там временные: исследователи, прибывшие, чтобы провести специальные исследования, техники, работающие по контракту, археологи, которые сами определяют себе фронт и окончание работ... И ядро составляют резиденты, которые живут на Иштаре сравнительно долго. И уже появилось второе и даже третье поколение людей-иштарианцев, но они составляют ничтожно малый процент от всего людского населения планеты.

Джерин развел руками.

- Ты видишь, как мне нужна беседа с тобой. Разумеется, мне нужно гораздо больше информации, но я вряд ли смогу получить ее от кого-либо еще. Так что... дружище, допивай свой стакан и наливай себе еще. Тебе нужно развязать язык. Свободное общение. Расскажи мне о своей жизни, семье, товарищах. Я отвезу им от тебя привет, подарки, которые ты захочешь послать им. Но помоги мне!- Джерин одним глотком опустошил свой стакан.- Дай мне идею: что мне сказать им, как завоевать их доверие, заставить их сотрудничать. Ведь я для них - представитель политики, которая хочет уничтожить их самые сокровенные мечты и желания.

Конвей сидел молча. Взгляд его блуждал по лунному ландшафту. Наконец он осторожно заговорил:

- Я думаю, что вам следует показать документы Оляйи, которые наделали столько много шума в прошлом месяце.

- О причинах войны?- Джерин был очень удивлен.- Но ведь эти документы раскритиковали.

- Он очень старался быть объективным. Каждый знает, что Оляйя не сторонник войны. Он слишком аристократичен по своему темпераменту. Однако он прекрасный журналист и проделал огромную работу, изучив самые разнообразные аспекты проблемы.

Джерин нахмурился.

- Он сказал, что основная причина - элетарианцы.

- Честно говоря, я, и не один я, не согласны с тем, что они - основная причина. Я восхищаюсь ими и симпатизирую им, но я считаю, что мы, гуманоиды, если хотим выжить как вид, то должны остаться во главе событий. Ведь я видел, какой хаос поднялся на Иштаре... многие, как и моя сестра Джиль, которые провели на Иштаре всю свою жизнь, стали рассуждать так, что видят только то, что ужасы Ану придут и на их планету. Если они смогут понять, какие жертвы могут быть принесены во имя общего блага... Они умны, обладают здравым научным скептицизмом, они провели свою жизнь, изучая разнообразные науки и конфликты. Дешевой пропагандой их не завоевать...

Оляйя честно показывал реальность. Я чувствую это. Думаю, что и люди на Иштаре чувствуют это же. Даже если ничего другого вы не достигнете, но они поймут, что мы на Земле имеем право свободно выражать свои мысли, что Земля не какой-то там уродливый монолитный монстр... Это должно помочь вам.

Джерин сидел молча.

Затем он вскочил.

- Олл райт!- воскликнул он.- Я просил совета и, Дональд Дой - можно я буду так тебя называть - меня зовут Юрий. Теперь мы можем начинать хорошее дело - серьезную выпивку.

Глава 3

Ю жанин Ларекка и его люди приблизились к Примавере в полдень, через день после того, как он оставил свою жену в Якулен Ранч. Селение людей находилось в трех днях пути вверх по реке от города Сехала. Город не выставил на этой дороге никаких постов. Каждый житель Веронена, да и всего Газеринга, уже убедился, что земляне и их друзья - единственная надежда на спасение их цивилизации. Но этим чужакам все требовалась земля для выращивания их злаков и пастбища для скота. А те, кто изучал природу, вроде Жиль Конвей, предпочитали работать не на возделанных землях, которые теперь окружали Сехалу. Те, кто изучал народ, заявляли, что присутствие людей и города нарушает природу эксперимента.

Ларекка размышлял над всем этим, двигаясь по шоссе, проложенному параллельно течению реки Джейн. Прекрасное шоссе, мощенное плитами. Ларекка ощущал жар, исходящий от плит, и их жесткость. Но плох был бы тот старый воин, который показал бы, что путь ему труден. Однако трудное время только еще наступало. Правда, юный Веронен не подвергся непосредственному жестокому воздействию Ровера... Разве что косвенно, когда орды изголодавшихся вторгались в благословенные земли, после чего надо было все налаживать заново. Сейчас была только середина осени, после которой наступит дождливая зима. Здесь, в Южном полушарии, не было дела до того, что обрушит на планету безжалостный Ровер.

Его красный диск низко висел над северными хребтами. Солнце палило высоко в небе. Двойные тени и смешанные цвета делали весь ландшафт каким-то призрачным. Этот берег реки был отдан для возделывания людям. Овес, кукуруза, другие злаки, фруктовые сады, странные четырехногие рогатые животные, шипавшие траву возле заборов - все говорило о благоденствии. Другая сторона реки была оставлена аборигенам. Она заросла охристым мхом. Тут и там виднелись кустарники, семена которых распространялись ветром. Во всем здесь была видна беззаботность природы. Она щедро разбрасывала свои ресурсы.

В лицо дул приятный утренний ветерок. Ларекка с удовольствием ощущал, как вьется по ветру его грива. Он

жадно вдыхал сладкие ароматы растений, которые росли на берегу землян. Однако это не заставило его забыть о мрачности своей нынешней миссии. Воин не должен забывать свой долг, какие бы соблазны не вставали у него на пути.

- Еще далеко, сэр? - спросил один из полудюжины самцов, сопровождавших его. Такое сопровождение не было необходимым в густонаселенных, богатых пищей местах. И все же лишние руки никогда не помешают в охоте или в устройстве лагеря. «Бедные ублюдки, - подумал Ларекка, - за все время своей юности они так никогда и не познают радостей жизни, радости быть молодым». Сам он родился на острове Фосс в море Файери, и теперь его направили на Валленен, крепость Зера. Никогда до этого он не бывал на своей родине.

- Примерно час, - сказал Ларекка.

Час составляет одну шестнадцатую часть от одного восхода луны до другого.

- Хорошо. По крайней мере Скила скоро наверняка зайдет за горизонт.

- Что? Ах, да, - Ларекка слышал уже примерно шестнадцать разных имен для светила, которое он называл Ровер. Он стал называть его так с тех пор, как начал принадлежать к Триадическому Культуре. В своей юности в Хаэлене он называл его Аббада. И ему говорили, что это преступный Бог, который возвращается каждую тысячу лет. Позже он стал скептиком и понял, что все языческие ритуалы проклятия этого Бога связаны с тем, что когда приходит это солнце, народ начинает голодать, страдать от жары и жажды. Варвары Валленена так боялись его, что никогда не давали ему имени, называя лишь эпитетами, причем не повторяли их дважды, чтобы не обратить внимание Бога на говорившего. Однако люди называли Красное Солнце Ану и отрицали, что души умерших селятся на нем. Второе солнце они называли Бел, а Пылающую Звезду - Еа.

Их концепция не вызывали ни у кого сочувствия и поддержки. Сам Ларекка, только собрав все свое мужество, познакомился с их учением. И все же он не мог поверить, что в священной Триаде нет ничего, кроме Огня. Он продолжал выполнять все ритуалы и требования своей религии. Для воина это было особенно важно, так как это укрепляло мораль и дисциплину в легионе.

Со стороны Ларекка не выглядел тем, кто изучает философию. Он был похож на воина-ветерана, слегка погрузневшего, но все еще достаточно быстрого и ловкого. Все тело и лицо его были покрыты шрамами, а левое ухо он потерял очень давно. После того как он начал жить в южном Веронене, кожа его потемнела, но глаза так и остались светло-голубыми. Вся его речь носила следы грубого диалекта его родины, а его любимым оружием, так сказать, фирменным знаком, был тяжелый короткий меч, любимое оружие в антарктических странах. Во время путешествия на нем был только пояс с сумкой для разных мелочей. Кроме того, у него было копьё. Но никаких украшений. Единственной драгоценностью была золотая цепь на правой кисти.

Воины, которые следовали за ним, были разукрашены перьями, сверкавшими эмблемами, но они почтительно относились к своему скромно одетому предводителю.

Ларекка, сын Забата из клана Караци, был самым требовательным из всех тридцати трех командиров легиона. Сейчас он достиг средних лет, отслужив двести лет в Зере, и совсем недавно отпраздновал свой триста девятнадцатый год рождения. Он мог надеяться еще на сотню лет жизни полноценного воина, если, конечно, он не падет от копыя варвара или его не убьет смертоносное излучение Ровера.

Ровер соскользнул за горизонт. Некоторое время его лучи еще освещали облака на северной части неба, а затем истинное солнце осталось в одиночестве.

- Ты думаешь, будет дождь, сэр?- спросил воин с острова Фосс.- Я бы не возражал.

Хотя его остров лежал близ экватора, там все время дули освежающие ветры. Здесь же воину было жарко и душно.

- Оставь свою жажду до Примаверы,- посоветовал Ларекка.- Там хорошее пиво. Однако я не думаю, что сегодня будет дождь. Может быть, завтра. Не думай об этом, сынок. Скоро ты будешь иметь вокруг себя столько воды, что ты в ней сможешь даже утонуть. Может, тогда ты оценишь Валленен.

- Сомневаюсь,- сказал другой воин.- Валленен настолько пересох, что его уже ничто не спасет.

Воина звали Салех. Он продолжал:

- Но я не понимаю этого. Конечно, Валленен длительное время подвержен влиянию Злой Звезды, которая в Валленене выше на небе, чем в Веронене. Я понимаю, почему так жарко. Но почему все так пересыхает? Ведь испаряющаяся от жары

вода тотчас же проливается на землю. Разве не поэтому на тропических островах такая влажность?

- Ты прав,- ответил Ларекка.- Именно поэтому в следующие пятьдесят четыре года хлещут дожди и мы бродим, проваливаясь в грязь по самые хвосты. Но Валленен окружен горами и до него не доходят дождевые облака. А сейчас заткнись и иди молча.

Воины повиновались. И Ларекка вспомнил замечание Годдарда Ханшоу, которое тот однажды сделал.

- Вы, иштарианцы, обладаете врожденным чувством дисциплины. Впрочем, слово «дисциплина» здесь вряд ли подходит. Это скорее ощущение нюансов в действиях группы и ощущение себя частичкой единого целого. Мы, люди, быстрее вас схватываем основные научные идеи, но у вас более высокий социальный интеллект.- Он ухмыльнулся.- Эта точка зрения весьма непопулярна на Земле. Наши интеллектуалы не желают признать, что существо, у которого в стране есть войны, табу и прочее, продвинулось по ступени эволюции дальше, чем мы.

Ларекка вспомнил эти слова по-английски так, как они были произнесены. Люди очень привлекали его, и он изучил о них все, что только мог. Язык не был проблемой для него, который проскакал полпланеты и которому постоянно приходилось общаться с местными жителями, чтобы спросить дорогу, кров, пищу и пиво... Кроме того люди использовали в своей речи очень узкий диапазон частот и набор звуков. Они не могли сравниться в этом даже с иштарианцами мужского пола.

Очень жаль, что они живут так недолго. Один шестидесятишестилетний цикл, и им уже приходится пользоваться лекарствами, чтобы поддерживать здоровье. А в конце второго цикла им уже ничто не может помочь... Ему хотелось поскорее насладиться встречей с друзьями.

Кроме того его торопила и срочность поручения. Он нес плохие вести.

Примавера состояла из жилых домов и других зданий, стоявших вдоль асфальтированных дорог в тени деревьев, оставленных здесь еще со времен застройки территории. Остальная площадь была переработана для земной растительности. Теперь ее мягкая зелень раскинулась по пологим склонам над рекой Джейн, где возле причала стояли торговые суда иштарианцев. Дома землян были построены

из местных материалов: дерева, камня, кирпича, но неизвестное в Веронене стекло сделало эти здания необычными. Дорога уводила из города в космопорт, где производили взлеты и посадки лайнеры, используемые для путешествий в другие части планеты. Для близких поездок земляне использовали машины, мотоциклы или ходили пешком.

Иштарианцы были частыми гостями в Примавере, и поэтому никто из людей не обращал на них особого внимания, если, конечно, это не был близкий знакомый.

А Ларекка был хорошо знаком только с теми землянами, кто очень долго жил на этой планете. Правда, в этот час на улице народу почти не было. Взрослые на работе, дети - в школе. Ларекка дошел до Суб-парка и уже хотел подойти к фонтану, чтобы напиться, как его окликнули.

Сначала он услышал рычание огромного мотоцикла, летящего на большой скорости. Такой шум в городе мог устроить только один человек, подумал Ларекка, и он не ошибся. Он ничуть не удивился, когда узнал гортанный голос Джиль Конвей:

- Ларекка! Сам старый Сахарный дядюшка!

Она отстегнула ремни безопасности, спрыгнула с сиденья и бросилась к нему в объятия.

- М-м-м,- промычала она, склонив голову набок и рассматривая Ларекку с головы до ног.- Ты хорошо выглядишь. Поработал немного и согнал лишний жир. Почему ты не дал знать, что придешь? Я бы испекла пирог.

- Может быть, именно поэтому,- поддразнил он ее.

- О, ты еще не забыл! Вы живете так долго, что у вас совсем не развито чувство времени! Мои кулинарные катастрофы происходили вовсе не вчера, как тебе кажется, а целых двадцать два года назад. Я уже взрослая, как все мне говорят, и я прекрасно готовлю, но я должна признать, что ты вел себя как герой, когда ты ел то, что я готовила для тебя в детстве.

Они улыбнулись друг другу. При этом губы человека слегка изогнулись, а губы иштарианца вытянулись вперед. Теперь Ларекка в свою очередь рассматривал девушку. Они обменивались радиограммами, изредка говорили по телефону, но не встречались уже семь лет с тех пор, как девушка была направлена в Валленен, в Зеру. Он был слишком занят борьбой с суровой природой и усилившимся бандитизмом, а она сначала училась, а потом была занята своей карьерой. Если бы она занималась карьерой Веронена и Архипелага Ирэны,

где было еще много темных мест, Ларекка был бы только рад этому. Но она решила заняться изучением великих тайн Валленена, а этот материк был небезопасен. Ларекка был обеспокоен этим, так как он любил Джиль.

Она изменилась. Сотня лет дала Ларекке возможность близко сойтись с несколькими людьми, с которыми он потом дружил всю жизнь. Поэтому он имел возможность наблюдать изменения, происходящие у людей в процессе жизни. Он оставил Джиль еще ребенком, подростком, а сейчас она была уже совсем взрослая.

Одетая в обычную блузку и брюки, она стояла перед ним, высокая, длинноногая, стройная. Лицо у нее было узкое, на нем выделялся широкий рот с пухлыми губами, классически прямой нос, голубые глаза с густыми ресницами. Что-то орлиное было в ее взгляде. Солнце позолотило ее кожу. Густые темно-русые волосы спадали на плечи и их подчеркивало серебряное кольцо, которое подарил ей когда-то Ларекка.

- Да, ты уже взрослая и можешь выходить замуж, - согласился Ларекка. - За кого и когда?

Он не ожидал, что она вспыхнет и неразборчиво пробормочет:

- Пока не собираюсь, - и тут же она сменила тему: - Как семья? Мерса с тобой?

- Я оставил ее на ранчо.

- Почему? У тебя жена гораздо лучше того, чего ты заслуживаешь, насколько я знаю.

- Только не говори ей это. - Он стал серьезным. - Я еду в Сехалу на Ассамблею, а затем мне срочно придется вернуться в Валленен

Джиль долго стояла молча, а потом тихо спросила:

- Неужели дело так плохо?

- Очень.

- О, - снова пауза. - Почему вы не скажете нам?

- Все началось перед рассветом. Сначала я не был уверен, но когда все узнал, я позвонил и просто попросил собрать Ассамблею. После этого я сел на корабль.

- Почему ты не позвонил нам и не попросил самолет?

- А зачем? Вы не смогли бы доставить всех. Я сомневаюсь, что у вас столько самолетов, чтобы хватило на всех членов Ассамблеи. Так что она в любом случае не началась бы, пока не соберутся все. Поэтому я и отправился в это путешествие

обычным путем. - Он вздохнул. - Этот год был очень трудным, и мы с Мерсой нуждались в отдыхе. Путешествие и послужило нам отдыхом.

Джилль кивнула: он мог бы и не объяснять ей, почему он поехал так. При обычных условиях самым коротким путем был путь водный. Но сейчас близилось Время Огня. Усилились штормы, и существовала большая опасность кораблекрушения. Поэтому Ларекка и совершил большую часть путешествия по суше.

- Впрочем, я все равно была в поле. Бродила возле Каменных Гор и вернулась только позавчера. Так что, вероятно, я не знаю того, что уже знают Год и Ян Спарлинг.

Год - Годдард Ханшоу - был майором.

- Нет, они ничего не знают кроме того, что собирается Ассамблея. Я не мог позвонить им во время путешествия. Поэтому я и остановился здесь переговорить с вашими лидерами, прежде чем явлюсь в Сехалу.

Джилль снова кивнула.

- Я забыла, прости.

«Мы с нею в разных лодках», - подумал Ларекка. Портативные передатчики, способные связаться с релейными станциями землян, были установлены по всему Южному полушарию. Но чтобы наладить связь с Северным полушарием, требуются намного более мощные передатчики. Поэтому там установлено только пять таких станций... Поэтому, когда Ларекка удалялся от этих станций, приближаясь к центру цивилизации, его передатчик становился глух и нем.

Джилль взяла его за руку.

- Они тебя не ждут? Тогда позволь мне все устроить. Я тоже хочу послушать то, что ты сообщишь.

- Почему же нет? Хотя тебе вряд ли понравится то, что ты услышишь.

Прошел час. Джилль металась по городу, собирая нужных людей. Тем временем Ларекка отвел свой отряд в единственную гостиницу, которой гордилась Примавера. Там подавали пиво, вино, изредка обед. И она была предназначена для транзитных путешественников, людей, которые прибыли сюда и еще не обзавелись хозяйством, и для гостей-иштарянцев. Ларекка проследил, чтобы все его воины устроились как положено, и предупредил хозяев, что счет будет оплачен городом по договору. Он не стал говорить воинам, чтобы те вели себя соответственно. Это были хорошие воины, и они всегда заботились о чести легиона.

Себе он комнату не взял. Джиль писала ему два года назад, что переехала от родителей в отдельный коттедж, где есть комнаты, специально приспособленные для иштарианцев. Там жили те ученые-иштарианцы, с которыми она иногда вместе работала. Джиль писала, что когда он будет в городе, то должен непременно остановиться у нее.

Затем он направился к майору в его дом, который служил тому и канцелярией. Сообщество людей в Примавере не требовало от майора большой административной работы. Основные функции Ханшоу касались Земли, связи с компаниями космических кораблей, с учеными, техниками, желающими работать здесь, с чиновниками Мировой Федерации, политиками.

Дом был обычной архитектуры, построенный для климата, который на Земле называли бы «средиземноморским». Толстые стены, окрашенные в пастельные тона, обеспечивали устойчивость дома и его термоизоляцию. Задний дворик дома - патио - выходил в сад. Стальные ставни на окнах, крыша, обладающая параметрами, чтобы выдерживать удары шквальных ветров. Ларекка превосходно знал, что бури на Иштаре гораздо чаще и сильнее, чем на Земле.

Жена Ханшоу приняла Ларекку, но сама не пошла в комнату, где уже собрались майор, Джиль, Ян Спарлинг. Этого было достаточно. Собрать вместе большее количество людей в это время было очень трудно. К тому же Ян Спарлинг был главным инженером, ключевым человеком. Более того, это был давний и хороший друг Ларекки.

- Привет, странник,- прогудел Ханшоу. Он очень изменился, поседел, ссутулился. Однако он все еще выглядел величественно, хотя уже предпочитал пожимать руки, а не похлопывать по плечу. - Устраивайся здесь,- он показал на матрас, расстеленный на полу перед тремя стульями. Здесь же стоял стол на колесиках с небольшим пультом. - Что будешь пить? Как всегда, вино?

- Конечно. Много больших кружек.

Сердечно похлопав по плечу Спарлинга, Ларекка вынул из пояса трубку и пожаловался:

- Я не курил табак уже семь лет.

Инженер ухмыльнулся, подал ему свою табакерку и, получив ее обратно, набил свою трубку. Это был высокий человек - почти двухметрового роста, широкоплечий и мускулистый. Руки у него были узловатые, движения казались неуклюжими, но это только на первый взгляд, так как

все тело повиновалось ему безукоризненно. У него были высокие скулы, искривленный нос, глубокие морщины вокруг губ, обветренная кожа, неестественно черные волосы, тронутые сединой, большие серо-зеленые глаза. Спарлинг, как Джиль, был небрежен в одежде, но лишь на первый взгляд: вкус в ней чувствовался.

- Как твоя жена и дети?- поинтересовался Ларекка.

- О, Рода как всегда трудится по дому, Бекки училась на Земле, ты это знаешь? Нет? Прости. Я всегда не любил писать письма. Она вернулась. И выглядит великолепно.

Ларекка вспомнил, что люди раз в четыре года отправляются на Землю - на родину, как они говорят. Но некоторые, например Джиль, никогда не летали на Землю. Она считала, что ее дом здесь.

- Я больше знаю о твоей работе, чем о твоей семье,- сказал Ларекка. Он не хотел обидеть инженера. Ведь работа по улучшению условий жизни на планете была у людей на первом месте.- Твои дамбы, защищающие от наводнений...- он замолчал, увидев, что инженер нахмурился.

- Все это наши общие проблемы,- сказал Ян.

- Устраивайся поудобнее и поговорим.

Ольга Ханшоу принесла напитки, заказанные по интеркому мужем, и сказала, что ленч будет готов через час.

- Боюсь, что не найду ничего вкусного,- извинилась она перед Лареккой.- Бури уничтожили весь урожай,- пояснила она.- Как у нас, так и у твоего народа.

- О, мы понимаем,- сказала Джиль.- Ты говоришь это только для того, чтобы мы могли оценить твою изобретательность.

Сейчас ухмыльнулся один Спарлинг, Ларекка решил, что ее замечание относится к чему-то чисто земному, чего он понять не может.

- Оставим шутки на потом,- твердо сказал майор.- Может, сегодня вечером нам удастся поиграть в покер.

Ларекка надеялся, что удастся. Он стал ярым поклонником этой игры и даже обучил своих офицеров, чтобы тренироваться. Он увидел, что Джиль радостно потерла руки, и вспомнил, как азартно, но необдуманно играла она в детстве. Может, с тех пор она стала хорошим игроком?

Ханшоу продолжал, и вся веселость у него пропала:

- Ларекка, ты здесь с неприятными новостями. Боюсь, что наши новости еще хуже.

Ларекка, полулежа на матрасе, напрягся, сделал глоток пива и сказал:

- Говори.

- Порт Руа прислал сообщение: Тархана пала.

В Ларекке было слишком много Хаэленского, поэтому он не ахнул и не выругался. Он постарался получить как можно больше удовольствия от затяжки табака и ровным голосом спросил:

- Подробности?

- Плохо, но подробностей нет. Очевидно, валлененцы - варвары. Неожиданно напали, захватили город, вышвырнули всех оттуда, а их предводитель заявил, что они пришли туда не для грабежа, а для того, чтобы занять крепость, и там у них будет гарнизон.

- Плохо,- после молчания сказал Ларекка.- Очень плохо.

Джилль наклонилась к нему и коснулась его гривы.

- Ты потрясен?- мягко спросила она.

- Да.

- Но почему? Я понимаю, что Тархана была важным форпостом Газеринга. Но ведь это был только торговый центр, а ты знаешь, что близится время, когда будет не до торговли.

- Тархана была также и военной базой. Из нее мы могли наносить удары по грабителям. А теперь...- он молча покурил, а затем продолжил:

- Кроме того, это признак, что надвигается нечто худшее. В Тархане был сильный гарнизон. Он мог бы отбросить от стен города любую толпу варваров из этой части континента. Или, во всяком случае, выстоять, пока не подойдет помощь из порта Руа. Но этого почему-то не случилось. И враг тоже чувствует, что может закрепиться в городе. Следовательно, перед нами не просто армия грабителей, а организованное войско. Может быть, даже объединение.

Вы видели, что это означает. Окончательно доказывает то, о чем я давно догадывался. Бандиты и пираты в последнее время развили очень бурную деятельность, и мы должны обратить на это свое внимание. Но пренебрегая даже военной разведкой, и вот...

Кто-то объединил варваров. Теперь он хочет вышвырнуть нас из Валленена. В прошлом Ровер вытеснил народ на юг. Обезумевшие толпы варваров набрасывались на цивилизацию и рвали ее на части. Но на этот раз цивилизации грозит

гибель. Кто-то объединил вероненцев, и у него может быть только одна цель: вторгнуться на юг, убивать, поработать, выгонять нас с наших земель, обратить все в руины, в прах.

Я еду для того, чтобы сказать в Ассамблее: мы не можем временно уйти из Валленена. Мы должны срочно укрепить свои позиции, увеличить военную мощь. Но сначала я хочу спросить, какую помощь мы можем получить от вас. Это, конечно, не ваша война. Но вы здесь для того, чтобы изучать нашу планету, нашу цивилизацию. Что же будет, если цивилизация падет?

Это была, конечно, самая долгая речь, какую когда-либо произносил Ларекка. Он взял трубку и стакан с пивом.

Голос Спарлинга раздался в мертвой тишине.

- Ларекка, мне очень больно говорить это, но я не уверен, что мы сможем помочь вам. Видишь ли, мы сейчас тоже ведем войну.

Глава 4

Из космоса все планеты кажутся прекрасными, но те из них, на которых люди могут дышать, представляют для нас дополнительное очарование. Пока корабль маневрировал, выходя на орбиту, Юрий Джерин рассматривал Иштар.

Планета сияла бело-голубым светом, на фоне которого просматривались темные участки - материки. Непохожесть Иштара на Землю возбуждала Джерина так же, как женщина из другой страны возбуждает мужчину. На Иштаре не было полярных шапок, облака не закрывали поверхность планеты. Только над океаном висела пелена. Коричневое пятно суши не было окрашено в зелень растительности. Вокруг планеты быстро вращались две луны. Одна из них только что пронеслась перед взором Джерина, как огненная бабочка на темном фоне неба.

И свет, который падал на Иштар, был иным: основная доля света исходила от желтого Бела, по многим параметрам напоминающего земное солнце. Но второе солнце - Ану, сейчас находилось довольно близко. Оно окра-

шивало океан в пурпурный цвет, а облака - в кроваво-розовый.

Джерин затемнил экран, чтобы видеть оба солнца одновременно и не повредить глаза. Они, казалось, были одного размера, но Юрий знал, что это эффект разного расстояния до них. Вокруг Бела пылала корона. Ану казался просто диском. Болезненно-красным раскаленным диском, на поверхности которого плавали темные пятна, постоянно изменявшие свою форму и окраску. Изредка Ану выбрасывал тонкие огненные щупальца.

Джерин отвернулся. Он попытался отыскать их сестру Еа. И вот он увидел маленькую рубиновую звездочку. Она была в шесть тысяч раз дальше отсюда, чем Бел. Еа в отличие от бурного, опасного Ану казалась олицетворением долгой спокойной жизни.

Вид Еа напоминал Джерину о его собственном одиночестве. Прозрачные роскошные цвета Иштара только усилили его боль. Он вспомнил об Элино, как она была несчастна, когда после двух лет сказала, что больше не хочет пытаться построить совместную жизнь и просит развода.

- Я тоже пытался,- сказал он тогда,- я действительно пытался.

Он тряхнул головой. Командир флотилии не должен распускаться.

Голос из репродуктора разогнал его мрачные мысли.

- Мы на орбите, сэр. Все нормально.

- Прекрасно,- автоматически ответил он.- Свободные от вахты могут отдыхать.

- Могу ли я наладить связь с Иштаром?- спросил его помощник.

- Пока не нужно. В этом полушарии ночь. Вероятно, сейчас они спят. Ни к чему их поднимать. Подождем.- Джерин посмотрел на часы.- Скажем, до семи часов. Нам тоже надо отдохнуть. Если до этого времени придут какие-то сообщения, подключите их на мою каюту. А так ждем до семи.

- Хорошо, сэр. Есть еще приказания?

- Нет. Теперь отдыхайте, Хенрик. Впереди у нас еще много работы.

- Благодарю, сэр. Спокойной ночи.

Джерин говорил сейчас по-английски. Ведь на Иштаре основной язык - английский, хотя люди используют и много слов из речи иштарианцев.

Джерин не имел лингвистических проблем. Он прекрасно знал несколько основных языков, а его жена была из Соединенных Штатов.

Воспоминания снова вернулись к нему. Он очень любил свою жену и все еще жалел ее, но после трех лет разлуки уже смешно было думать об этом. У него было много других женщин... Интересно, найдет ли он себе на Иштаре подругу?

Он снова стал думать о планете. Сейчас корабль находился над ее цивилизованной частью. В противоположном полушарии находился только один континент и бесчисленное количество островов. Там жила незначительная часть иштарянцев, и люди до сих пор не имели возможности изучить ее. До сих пор на этой планете перед людьми таилось много неизведанного, чего они так и не смогли исследовать, несмотря на помощь цивилизованных иштарянцев.

Призрачный, зловещий свет Ану падал на ту часть планеты, где сейчас должна была быть ночь. И в этом свете Джерин видел континенты, о которых читал. Конвей пытался научить его произносить названия континентов.

Хаэлен - размером с Австралию, окружил Южный полюс и простирается за антарктический Полярный круг. Затем шла целая серия архипелагов и островов, видимых отсюда лишь как тени, а севернее их - Веронен, континент, по форме напоминающий Индию, лежащий между южными тропиками и экватором. А севернее Веронена находились острова, по большей части вулканические. Еще севернее - Валленен, простирающийся до самого Северного полюса. Джерин даже сейчас не мог видеть весь этот загадочный материк.

Он поискал глазами свою флотилию и не увидел ее. Неудивительно. Они специально рассеялись на огромном пространстве для собственной безопасности. Их имена звучали музыкой для Джерина: «Сьерра-Невада» - корабль, прокладывающий курс, «Изабелла» - космоматка. В ее чреве находились десять кораблей-разведчиков. Рабочий корабль «Мхотеп» и боевой корабль. «Да,- подумал Джерин.- Я прилетел сюда очень быстро. И то, что меня послали сюда, где до сих пор не наблюдалось военных действий, это большое доверие и честь».

Хотя ему сейчас не нужно было ничего делать, груз ответственности давил на него. Он встал и вышел из рубки, направляясь в свою каюту. Звуки шагов-гулко разносились в пустом коридоре. За время путешествия он установил на

генераторе силу тяжести в 1,8 «же», чтобы он сам и его люди прибыли на Иштар уже в форме, адаптированные к повышенной силе тяжести на планете. Сейчас он ощущал на себе груз лишних почти сорока килограммов. Ничего, зато потом будет легче.

Переодевшись в пижаму, он понял, что не хочет ложиться в постель. Он решил, что может позволить себе рюмочку коньяка и одну сигарету. Несколько минут Джерин рассматривал свои вещи.

Портрет отца... Почему они расстались с его матерью? Это произошло, когда Юрию было шесть лет. Мальчик остался с отцом. Его родители во время совместной жизни тоже редко виделись друг с другом, так как Марина Борисовна занимала довольно высокий пост в комиссии Контроля Мира. Поэтому он и привязался к отцу, Пьеру Джерину. Правда, заслуга матери была в том, что Юрий попал в Космическую Академию, хотя без постоянной помощи отца ему было бы трудно закончить ее.

Капитан покачал головой и улыбнулся. Если он не может уснуть, можно посмотреть материалы по Иштару. Это невероятно нагоняет сон.

Он взял книгу, поудобнее устроился в кресле, сделал привычный глоток коньяка и начал читать.

Разтлонские названия. Все другие земные мифологии уже исчерпали свои возможности. Их именами была названа значительная часть небесных тел вблизи Земли. Анубелиса была в числе первых звездных систем, которую посетили люди после того, как был открыт принцип Маха, сокрушивший сверхсветовой барьер скорости движения материальных объектов. И путешествие Диего Примавера было первым.

Его основной целью было посещение глобулярного кластера ГГЦ 6655 в созвездии Сигитариуса. Он находился сравнительно близко, всего три килопарсека, и к тому же представлял определенный интерес для астрофизиков, так как скопление было необычайно плотным и маленьким. Астрономы с Земли и с орбиты Земли не могли наблюдать этот кластер, так как Солнце находилось на прямой линии, соединяющей сердце кластера и Землю.

То, что Примавера обнаружил там, было очень интересным, как с точки зрения биологов, так и чисто психологически. При этом не нужно забывать, что человек впервые вышел на просторы Галактики. Он еще не был готов увидеть новый

мир, так похожий на его собственный и вместе с тем обладающий разительными контрастами.

Примавера повел вторую экспедицию с единственной целью - исследовать открытые планеты. В свое время его рапорт произвел настоящую сенсацию. Уинстон П. Сандерс предложил для наименования планет использовать имена из вавилонской мифологии, и его предложение было принято...

Однако к этому времени человек совершил уже много путешествий, проник в самые отдаленные места Галактики и принес удивительные сведения. Изучение Анубелианской системы перестало быть событием всемирного масштаба и сосредоточилось в основном в руках группы энтузиастов, которые и создали базу на Иштаре, желая помочь аборигенам пережить следующий кризис, который смертельной опасностью нависал над эволюцией аборигенов.

Патетика. Джерин хотел отыскать что-нибудь скучное, усыпляющее. Он перевернул страницу.

В системе нет ничего экстраординарного. Соседние звезды часто имеют разные массы и, следовательно, историю развития, а эксцентрические орбиты скорее правило, чем исключение. Все три звезды Анубелиса были приблизительно одного возраста с солнцем. Бел - звезда класса 12 - будет более или менее ровно светить еще приблизительно пятьдесят миллионов лет. Еа - красный карлик - еще дольше. Но Ану - самый массивный - состарится гораздо раньше.

Ану был немного больше Бела, всего в 1,3 раза. В начале своей жизни он светил не так ярко, и на одной из планет Таммузе даже возникла жизнь, разумные существа которой создали теологическую цивилизацию.

Но затем Ану стал распухать и сжег на планете весь водород. В настоящий момент его яркость равна яркости 280 солнц. И она медленно, но неотвратно увеличивается.

Чтобы понять ситуацию на Иштаре, представим себе его солнце - Бел - неподвижным. А Ану и Еа вращаются вокруг него. Разумеется, это не более чем упрощение, так как все три звезды вращаются вокруг общего центра масс. Но только математик смог бы тогда разрешить эту задачу. Наше допущение вполне удовлетворительно описывает реальную картину, во всяком случае, в первом приближении.

Ану вращается вокруг Бела по громадному эллипсу. Максимальное его удаление - 224 астрономические едини-

цы, то есть дальше, чем самая близкая к Иштару звезда. Максимальное приближение к Иштару - 40 астрономических единиц. Период обращения - 1041 земных года. Таким образом, каждое тысячелетие красный гигант приближается к планете...

Орбита Еа более величественна и правильна. Она всегда находится так далеко от Иштара, что не может оказывать на него заметного влияния.

В современную эпоху, которая составляет миллион лет назад и миллион лет вперед, Ану добавил примерно 20% излучения, получаемого Иштаром. Это соответствует повышению температуры черного тела примерно на 11500 К.

Однако эта цифра значительно ниже, так как планета, имеющая атмосферу и гидросферу - вовсе не черное тело. Облака отражают значительную долю излучения, падающего на Иштар.

Время, в течение которого Ану оказывает сильное влияние на Иштар, приблизительно сто земных лет. Когда он приближается, то сначала видно, как он лишь увеличивается в размерах. Требуется много времени, чтобы разогреть планету. Затем начинаются бури и засухи. Значит, примерно одно столетие из десяти в природу Иштара вселяются бесы. Благодаря специфическому наклону оси, третья часть планеты никогда не видела Ану вблизи. Хотя льда на полярных шапках в этот период нет, антарктический континент остается холодным. Мы могли бы, пожалуй, пожелать, чтобы распределение энергии по планете было более разумным, но Вселенная никогда не стремилась к тому, чтобы делать что-то разумное...

Глава 5

Орда Тассуи так и не смогла взять Тархану штурмом. Воины ослабели от жары и голода, и когда они были не в силах уже поднять топор или меч, легионеры покинули город. Легион Зера отправился на север, увозя с собой все стенобитные орудия, тараны и баллисты.

«Ларекка так бы не поступил,- подумал Арнанак,- он слишком мудр».

Но Ларекка уехал за море. Его вице-комендант Волуа был менее терпелив, менее способен предвидеть последствия. Арнанак надеялся, что его враги попытаются как можно быстрее вернуть город и усиленно готовился к этому. Он разослал посланцев, барабаны разносили вести по всем каньонам. В ночи на вершинах гор вспыхивали сигнальные огни.

Волуа не был дураком, как о том думал Арнанак. Основную колонну его войска окружили многочисленные разведчики, прочесывающие оба берега реки Эзали. Тассуи ничего не могли поделать с этими тренированными воинами, умевшими пользоваться картами и компасом, имеющими бинокли, портативные гелиографы и даже таинственные говорящие устройства, с помощью которых они могли переговариваться с другими отрядами Газеринга.

Разведчики не только не позволяли противнику захватить отряд врасплох, но и уничтожали маленькие отдельные группы войска Тассуи.

И до недавнего времени Арнанак так ничего и не смог узнать о своем противнике.

И тогда маленькие юркие Даури стали его разведчиками. Их было трудно увидеть, а если кто из легионеров и замечал их, то принимал за животных. Если же их замечал легионер, немного знавший фольклор Тассуи, он, вероятно, думал: «Святое солнце! Чего только не бывает на свете! Неужели эти сказки, которые я слышал в детстве, основаны на истине?»

Арнанак плохо понимал речь Даури, состоящую из свистков и трелей. Правда, Даури не могли передвигаться так быстро, как легионеры, но Арнанак знал все, что хотел знать. Он знал количественный и качественный состав отряда, направлявшегося в Порт Руа, он знал, где они находятся в каждый момент времени, и на основе этой информации он мог готовиться к решительному сражению.

Арнанак стоял рядом с Кусаратом, правителем Секурусу. Вести о захвате Тарханы заставили решиться этого могущественного, но неуверенного в себе вождя на выступление. И он прибыл сюда во главе трехсот вооруженных воинов. Арнанак сердечно приветствовал его. Ему была важна не только подмога, но и пример, который показал Кусарат другим вождям. Арнанак со всем почтением отнесся к вождю,

притворяясь, что считает того во всем равным себе... Правитель Улу прекрасно понимал, что потребуются долгие годы, чтобы доказать всем племенам, что его мудрость и могущество позволят ему стать правителем всего Южного Валленена.

- Что ты сейчас делаешь?- спросил Кусарат.

- Я отправил половину воинов вниз, в долину, делать вид, что мы полностью поглощены грабежами и убийствами,- ответил Арнанак.- И теперь я поджидаю легионеров, которые соединятся с отрядом из Порт Руа и совместно направятся сюда, в надежде застать нас врасплох и ударить по моим воинам большими силами. Мы готовы к бою и понемногу отступаем, заманивая их в ловушку. Другая половина моих воинов скрытно собралась здесь.

- Может, твои разведчики не полностью знают силы и направление движения врага?

- Да, конечно. Но Даури могут проникнуть туда, куда не проберется ни один разведчик.

- Даури...- Кусарат сделал гримасу и махнул рукой.

- Совсем недавно я узнал,- продолжал Арнанак, стараясь умаслить вождя,- что враги оставили небольшую охрану возле своих машин, оставленных на дороге. Они понятия не имели, что я могу сообщить об этом через Даури своим воинам в Тархане. Воины выступили и уничтожили всю охрану. Теперь машины едут обратно в город.

Кусарат забыл о своем беспокойстве. Он ударил мечом по щиту и радостно закричал:

- Ты мудр, Арнанак!

- Если можно, потише, мой друг,- сказал Арнанак.- Совсем не обязательно, чтобы легионеры узнали, что мы их поджидаем.

Из густых зарослей, скрывающих его, Арнанак смотрел вниз, на дно ущелья. Там шли вражеские войска. Две тысячи воинов. По ущелью идти легче, чем карабкаться по утесам, хотя на дне было много камней. Валлененцы, которых преследовал отряд, прошли именно здесь. Воуа старался прикрыть основной отряд с флангов при помощи небольших подразделений. Обычный здравый смысл. Но в этом тесном ущелье эта мера предосторожности не могла быть выполнена. Воуа не знал, что ждет его впереди, и не собираются ли его атаковать сзади. Стиснутый со всех сторон крутыми склонами, он вынужден был идти только вперед.

Ветер был невыносимо горячим. Заросли, где размещался Арнанак, не защищали его от жары. Они так раскалились, что немного пахли серой. Красный и белый свет двух солнц отбрасывал от всех предметов двойные тени разной длины и под разными углами, придавая всему зловещий вид. В глубине неба точкой висел стервятник. Плавающий жаром воздух был наполнен злобой и ненавистью.

В небе плыли два солнца, Истинное Солнце и Солнце-Демон, и, казалось, второе учило первое, как сжигать землю, учило злобе. Бело-золотое сияние исходило от двух светил и, как тяжелыми молотами, избивало планету.

«Тут, в тени, еще можно было переносить нестерпимое излучение,- подумал Арнанак, но близится миг, когда я брошу клич и поведу своих воинов в самое пекло».

Он был экипирован лучше, чем его воины. Недаром он прослужил столько времени в легионе. Ни один мастер Тассуи не смог бы скопировать его доспехи, хотя среди них попадались довольно неплохие мастера. Большинство варваров обходилось для защиты простым щитом, а некоторые не имели даже и этого.

Самые богатые воины могли позволить себе приобрести кольчугу для защиты торса. Однако кольчуга не позволяла воздуху достигать шерсти. Поэтому воину приходилось часто снимать ее и отдыхать, иначе он мог вовсе ослабить. Большинство воинов предпочитали не кольчуги, а легкие кирасы и шлемы. Шлем северных воинов представлял собой простое забрало конической формы, так как настоящий шлем, одетый на голову, придавливал гриву, а это тоже отражалось на физическом состоянии бойца.

Доспехи же Арнанака представляли собой сборную металлическую сетку, поддерживаемую с помощью плечевых ремней. Таким образом его шерсть и грива оставались свободными. Грудь его закрывалась металлической пластиной, тоже не прилегающей к телу. В общем, все было сделано для того, чтобы обеспечить безопасность в бою и при этом не нарушить обмен веществ. И все это было окрашено в белый цвет, кроме продолговатого щита, поверхность которого была отполирована до зеркального блеска, чтобы слепить глаза противника в бою. В центре щита выступал острый шип для ударов, верхняя и нижняя кромки были заострены, чтобы бить противника либо в подбородок, либо в бедро. Также Арнанак был вооружен мечом и кинжалом.

Однако обладать такими доспехами - это еще не все. Нужно иметь хорошую практику искусства боя. И Арнанак получил эту практику, служа в легионе Тембуру Стайдера.

Сейчас отряд противника был уже в полукилометре от него. Арнанак поднес к губам рог и протрубил сигнал к началу битвы. Затем он бросился вниз по склону.

Камни сыпались вслед за ним, блеск металла слепил глаза. Он чувствовал, как все его мышцы напрягаются в ожидании сражения, воздух свистит в ноздрях, сердце бешено колотится. Слева от него несли Кусарат, а еще дальше - его знаменосец с зеленым знаменем Секурсу. Справа от Арнанака скакал его сын Таранак, державший эмблему Улу - шест с рогатым черепом азара из Северного Веронена. А за ним неслись воины.

Арнанак видел, как со всех сторон воины его отряда накатываются на воинов Газеринга. Они без задержки смели передние отряды, втоптали их в землю и устремились в самое ядро отряда противника.

Трубы и барабаны гремели, приказывая легионерам выстроиться для отражения нападения. Летели стрелы, камни. Арнанак увидел, как один из его воинов вскрикнул, когда в него попал камень из пращи, упал на землю, и его кровь впиталась в растрескавшуюся от жары почву.

- Вперед, вперед, - кричал Арнанак. - Вперед на врага! Бей мечом, топором! Во имя жизни, во имя наших домов! Близится Время Огня!

Битва кончилась. Воины смертельно устали, многие были ранены. Они в изнеможении разлеглись на земле. Но отдыхать было некогда. Нужно было перевязать раненых, перерезать горло тем, кто был безнадежен и не мог убить себя сам. Тех из врагов, кто не был убит, необходимо было связать, чтобы отвести в рабство. Ведь за них можно было получить выкуп. После того как все было сделано, Арнанак приказал выступать. Он сказал, что лагерь будет у следующего источника, в часе ходьбы отсюда.

Воины были недовольны таким решением: ведь вода была рядом. Но Арнанак сказал:

- Те, с кем мы дрались сегодня, и те, кто лежит сейчас здесь, дрались хорошо. Если мы останемся здесь, стервятники не спустятся вниз, и духи воинов задержатся на земле. Но мы же можем сделать так, чтобы духи воинов покинули землю. Счастье сопутствует тем, кто благодарен и благодарен.

И он сам закрыл глаза Волуа.

Воины нагрузились сами и нагрузили на своих пленников то, что смогли набрать на поле боя, сдирая доспехи и украшения с противников и соплеменников. Тела последних не могли быть направлены домой - крюк получался слишком большой. Однако воины могли оказать им последнюю милость - не оставлять тела друзей на несколько дней, пока стервятники их сожрут и не отпустят дух воинов, а взять их с собой в Тархану и там сварить и съесть. Разумеется, кости съеденных воинов будут использованы для различных религиозных ритуалов.

Арнанак не разделял все эти суеверия. Будучи воином Газеринга, он проник в некоторые тайны Триады и это позволило ему понять, что Боги его народа всего лишь выдумки невежественных воинов. Однако он не говорил об этом открыто. Более того, он делал все, что полагается делать воину Валленена, чтобы укрепить свой авторитет, завоевать как можно большее число сторонников.

Арнанак приказал, чтобы пленников отпустили пастись в самые лучшие заросли, какие только мог предложить этот оазис. Другой пищи не было. Все запасы фруктов и сушеного мяса кончились. Так что он и его воины вынуждены будут рыскать по окрестностям, чтобы отыскать пищу.

Постепенно опустилась ночь. Звезды усыпали небо. Мост Привидения освещал утес Нарву. Воздух все еще оставался горячим, но легкий ветерок касался лица, как прохладная рука доброжелателя. Наконец победители смогли расслабиться. Арнанак услышал в темноте, как воины один за другим укладывались здесь же на земле, помещая голову между передних ног. Сам Арнанак устроился возле костра. Торнак и его трое братьев легли рядом. Кусарат попросил разрешения лечь поблизости.

- Если ты, конечно, не собираешься спать, - добавил он.

- Нет, я просто полежу, - сказал Арнанак.

- И я. Мои мысли все еще в полном беспорядке. Если бы я сейчас уснул, то не смог бы увидеть во сне ничего хорошего.

- О, ты истолкователь снов? Впервые слышу.

- Да нет, конечно, - признался Кусарат. - Но я умею давать такие истолкования, чтобы они были приятны для людей или полезны.

Арнанак в ответ кивнул.

- Тогда это подходит для меня.

- И для меня,- рассмеялся Торнак.- Сегодня ночью я хотел бы увидеть во сне вино и женщин, но не в Тархане, и даже не в доме своего отца, а в Порт Руа, или даже в Сехале.

- Не очень торопись,- предупредил его отец.- Такие завоевания требуют много времени. Нам может не хватить жизни, чтобы свершить все это.

- Тем больше причин мечтать об этом,- сказал двоюродный брат Торнака Тигини. Арнанак знаком приказал им обоим молчать. Они были молоды и их манеры не были еще отточены. Арнанак и Кусарат были взрослыми, давно женатыми, хотя и тот и другой еще не перешагнули рубеж шестидесяти четырех лет. Но авторитет Арнанака довлел над Кусаратом. Он хотел, чтобы Кусарат ощутил его доброжелательство. Очевидно, Кусарат был слишком встревожен, чтобы наслаждаться покоем. Он спросил:

- Это твои дети, Арнанак?- и получив положительный ответ, продолжал: - У тебя много детей? Я слышал, что ты осчастливил гораздо больше самок, чем любой из нас.

Арнанак не отрицал этого. Помимо нескольких жен и наложниц он оплодотворил очень много жен своих воинов. Мужья их были рады оказать ему это гостеприимство, так как надеялись на то, что их дом обогатится сильными сыновьями. Ведь помимо того, что Арнанак был богат и могущественен, он был великолепный самец, огромный, сильный, с блестящими зелеными глазами, горящими на черном лице, с прекрасными белыми зубами. А многочисленные раны, которые он получил в сражениях, не оставляли никаких шрамов на теле.

Немного погодя Арнанак заговорил:

- Да, много. Одни грабят на море, другие помогают мне на земле. Но большинство осталось дома, делают домашние дела. Я прекрасно понимаю, как трудно нам придется все это время, пока мы не завоюем себе новые дома и земли. Даже такая победа, как эта, значит для меня много меньше, чем создание запаса пищи.

- Ты говоришь как житель Газеринга,- заметил Кусарат.

- Я и был им. Я старался многому научиться у них. Почему они стали широко известны своим могуществом во всем мире? Да, они были искусны в ремеслах, их земли плодородны, все это так. Но я уверен, что основная причина - предварительное обдумывание всего, что они хотели сделать.

- Ты хочешь и нас сделать такими же, как они? - поинтересовался Кусарат.

- Да, насколько мы способны на это.

Кусарат долго смотрел на его лицо, освещенное пламенем костра, а затем добавил:

- И ты все же имеешь дело с этими Даури. И, может быть, даже с колдовством...

- Мне это часто вменяют в вину, - сказал Арнанак. - Лучшего ответа, чем правда, я не придумаю.

Кусарат поднял уши и хлестнул хвостом по боку.

- Я слушаю.

- Впервые я повстречался с ними двести лет назад, когда еще был сосунком. Тогда мир еще не был взбудоражен приближением Злого Солнца. Правда, уже тогда мы видели двойные тени предметов и знали, что оно приближается. Но молодые не боятся того, что произойдет в будущем, а у стариков будущего нет. Мы хорошо жили тогда, помнишь?

Мои родители жили в Эвисакуне, где правителем был Максукак. Отец мой был свободным и не давал клятву верности правителю. Наш дом находился в лесу, возле горы Фанг, и у нас не было никаких соседей.

Родители мои были убеждены, что я был зачат от самого Максукака и это произошло в день наводнения, когда он случайно оказался возле нашего дома и попросил у нас убежища. Я был похож на него во всем: и внешне, и по характеру. Я ненавидел занятие земледелием. У нас было небольшое поле, где для себя мы выращивали коатсто. Но в основном мы занимались охотой. Я часто уходил из дома, а потом врал, что был на охоте, но мне не верили, так как знали, что я плохой охотник. Вот так я рос и привыкал к самостоятельности.

Однажды, поднявшись на гору, откуда я мог видеть океан, я нашел Даури. Я видел их и раньше, но крайне редко. В наши места они перекочевали в небольшом количестве. Может быть, потому, что здесь были в основном дикие леса и плотность населения мала. Может быть, потому, что здесь не хватало каких-то важных для их жизнедеятельности растений. А может, их колдуны приказали им не селиться здесь. Кто знает.

Я не знаю этого до сих пор.

Это маленькое странное существо попало в ловушку под упавшим во время вчерашней бури деревом. Руки и ноги его

еще слабо шевелились. Кожа под жарким полуденным солнцем подергивалась волнами и меняла свой цвет от пурпурного до белого. Лепестки на ветке, где должна была быть его голова, то сжимались, то разжимались, щупальца под ними извивались. Из живота смотрели три глаза, темные, как отверстия. Острый сук вонзился в живот, и оттуда вытекала струйка жидкости.

Сначала я хотел убежать, затем мне захотелось убить его. Но я сдержался. Я подумал - мы больше их, отвергаем их дары только потому, что не знаем их. Не потому ли они злы - я слышал много рассказов о том, как они злы, как они вредят людям, но может, все эти рассказы - ложь? Я также слышал рассказы о том, как они делают людям добро - и эти рассказы могут быть правдой. Разве это не чудесно - завести дружбу с Даури?

Я поднял дерево, совсем легкое для меня. Затем я отнес его в ближайшую пещеру, сделал постель из веток, обработал, как мог, его рану. Затем много дней приносил ему пищу и воду. Я говорю «он», хотя не знаю, кто это - «он», «она» или «оно». И я не знаю, стали ли мы друзьями, как это заведено у смертных. Кто может сказать, о чем думает Даури, какие мысли таятся в его лепестках или животе. Мы вскоре перестали бояться друг друга и даже начали пытаться разговаривать. Разумеется, я не смог освоить их язык, состоящий из трелей и свиста. Он тоже плохо воспринимал наш язык. Тем не менее, мы научились кое в чем понимать друг друга.

Когда раны у него затянулись, он не дал мне сокровищ или магический амулет, как я надеялся. Просто он дал мне понять, что хочет, чтобы я вернулся домой, оставив его. В задумчивости я вернулся к родным и никому не сказал о том, что случилось.

Я часто возвращался на то место, но уже не встречал его. Только изредка я виделся с этими странными существами. Они не использовали металл и давали мне амулеты, весьма искусно вырезанные из камня. Я, в свою очередь, знакомил их с местностью: они ведь насовсем перебрались сюда.

Тем временем у меня подошло время для близкого знакомства с самками. Перед одной из них, которая мне понравилась, я похвастался, что дружу с Даури. И она убежала от меня в ужасе. Вскоре два ее брата пришли ко мне и обвинили в том, что я выдумал историю с Даури и пытался наложить на их сестру заклятье. Меня охватила ярость,

они тоже были не ангелами, и вскоре они оба лежали мертвыми. Родители с обеих сторон поспешили замять это дело, чтобы детская горячность не перешла в родовую вражду.

Тем не менее отец решил, что мне лучше уехать. Я с радостью последовал его совету. И следующую сотню лет я вел такую интересную жизнь, что мне и в голову не приходило вернуться в горы Фанг, чтобы повидаться с Даури. Я был охотником и приносил в Тархану добытые мной шкуры для продажи. Когда я услышал, что за дерево Феникс платят большие деньги, я стал сплавлять лес, доставляя его в Порт Руа. Там я познакомился с торговцами, воинами, моряками, и, наслушавшись их рассказов, могущих закружить голову кому угодно, я сам отправился на море и стал пиратом. Однако в те времена торговля шла плохо, а острова были сильно укреплены, поэтому мы не отваживались нападать на них. Вскоре я стал матросом на корабле из Сехалы.

Затем я много бродил по Газерингу, перепробовал массу работ, пока наконец не вступил в легион. Мне понравилась служба, но когда мой срок кончился, я не стал снова подписывать контракт. Я поехал в Сехалу и начал жить там на деньги, что я заработал во время службы. Я научился читать, это совсем не колдовское дело, как вы думаете, и стал читать книги.

Годы шли, и Злое Солнце становилось все больше и ярче.

В Сехале поднималось беспокойство. Ведь все цивилизации во время голода, наводнений и бурь испытывают кризисы. Во времена таких кризисов в цивилизованные земли вторгаются орды варваров и уничтожают их, уничтожают то, что не смогла уничтожить природа. И, тем не менее, жители Сехалы надеялись. В два прошедших приступа кризисов легионеры спасли цивилизацию. Может быть, и на этот раз обойдется. Кроме того, на этот раз на планете присутствуют люди, эти чужаки, о которых ты, конечно, слышал...

Да, я встречался с людьми, но сейчас я не буду говорить об этом. В другой раз. Ты же спрашивал меня о моих отношениях с Даури.

Из старых записей я установил, что Жестокая Звезда в момент кризиса будет висеть над Валлененом примерно в самом зените.

И я подумал, что если мой народ не вторгнется на территорию Газеринга, он обречен на гибель. Мне стало очень больно за свой народ. Пусть мы часто ссоримся друг с

другом, но мы одной крови, наши ссоры - это ссоры родственников.

И я подумал: все же Газеринг очень силен, но если он ослабнет, а мы все объединимся, и если валлененцев поведет в бой умный король... Ты понимаешь? Я хочу вести наши войска и пережить следующий кризис, я хочу, чтобы люди пришли ко мне, не в Сехалу. А когда я умру, то хочу, чтобы мой череп был передан жрецам и хранился в Святилище до тех пор, пока не наступит новое Время Огня. Это небольшая цена за то, что я спасу целый народ.

И поэтому я вернулся домой.

Остальное ты знаешь. Ты знаешь, как я создал новую территорию - Улу, как я получил богатство и власть с помощью торговли с Газерингом, как ко мне присоединились многие неимущие, видящие во мне спасение. Они дали мне клятву на верность и являются основной моей силой.

Кусарат, скажу честно, я искал твоей поддержки только потому, что ты могущественный правитель. Поэтому я могу говорить с тобой более открыто, чем с остальными. Ты не из тех, кто, надувшись от чванства, слушает сплетни своих жен.

Ты понимаешь, что мы, Тассуи, тратим все свои силы на внутренние ссоры. Нужно что-то новое, чтобы спаять нас в единый сплав, из которого я смогу выковать меч и спасу весь народ.

И тогда я стал искать Даури.

Поиски эти были долгими. Неважно как, дело сейчас не в том, что и как я сделал, но я все-таки отыскал одного Даури. Мы переговорили с ним. Затем я встретился с другими Даури, и мы продолжили переговоры.

Я даже не знаю, был ли спасенный мной среди этих Даури, не знаю, слышали ли они вообще об этом. Я пытался выяснить все это, но безрезультатно. Единственное, что мне удалось сказать, так это то, что я некогда дружил с Даури. И я сделал все, чтобы доказать им эту дружбу.

Близилось Время Огня, и мы, смертные, должны были искать союзников.

Даури очень не любили нас. Впрочем, и мои воины не испытывали к ним никаких дружеских чувств. Но мне был нужен Сигиль, Вещь, как знак их дружелюбия. Однако я старался скрывать от них свою цель. Даури и так неприязненно относились к нам. Впрочем, даже если бы они и поняли, чего я добиваюсь, они не смогли бы понять, для чего мне все это нужно. Честно говоря, я и сам не знал этого.

Перелом наступил, когда они повели меня на свою родину.

Ты слышал об этом путешествии. Ты так же знаешь, что я вернулся оттуда, похожий на мумию, и мне понадобился целый год, чтобы восстановить свое здоровье.

Но ты не знаешь, что я там видел и как я туда добрался.

Три года я готовился к этому путешествию. Сначала Даури забрали у меня все запасы пищи и устроили на дороге промежуточные базы. В Старкландии пища не гниет и не портится. А зверей там нет, так что воровать запасы было некому. И все же я во время пути голодал. В каждый тайник Даури положили слишком мало пищи. Они были такие маленькие и не могли переносить большие грузы, а я не мог себе представить, насколько сурова эта земля. Я чуть не умер там от голода и жажды.

И все же мы добрались до каких-то развалин. Я едва не сошел с ума, пока Даури не показали мне Вещь. Я схватил ее, прижал к себе и бросился обратно с этой проклятой Богом земли.

С тех пор я и Даури сблизились. Они доверили мне тайны, которые я не могу разглашать, и поэтому не поделюсь ими с тобой. Они доброжелательно относятся ко мне, и я не хочу для них ничего плохого. Они будут помогать моим друзьям и причинять вред моим врагам. Больше мне нечего сказать, но, я думаю, ты понял меня.

Позже, отходя ко сну, Арнанак подумал: «Большого ему знать не нужно. Люди мне хорошо заплатят, чтобы услышать больше. Да, чтобы услышать то, что я могу сказать о Даури, они согласятся отказаться от Газеринга и перейти на мою сторону...»

Глава 6

А ну уже скрылся за горизонтом, а Бел все еще нависал над ним. Желтый свет струился сквозь ветви деревьев, растущих вдоль Кембелл стрит, создавал на мостовой причудливый орнамент. От реки тянуло свежестью. Несколько детей

играло на улице. Их вопли в ушах Яна Спарлинга звучали музыкой. Вокруг игравших детей кружился велосипедист. Больше на улице никого не было. Лаборатории и мастерские были уже закрыты, рабочие разошлись по домам, а некоторые направились к дому майора. Они хотели увидеть вновь прибывших землян и услышать последние новости.

Первая конференция уже закончилась. Ханшоу пригласил ее участников на обед. Нужно было снять напряжение, возникшее между ними. Спарлинг отказался, сославшись на то, что его жена будет разочарована, если он не придет к обеду домой, так как для него было приготовлено специальное блюдо. Он предполагал, что Ханшоу знает о его лжи, но ему было все равно. Выйдя из дома через сад, он избежал вопросов собравшихся в доме людей.

С погасшей трубкой в зубах, сунув руки со стиснутыми кулаками в карманы, он быстро шел к дому, никого вокруг не замечая. Он даже не сразу понял, что чьи-то пальцы стиснули его руку. Но потом он увидел, что это была Джиль Конвей. Кровь толчками забилась в его жилах.

- Что это за спешка? - осведомилась она. - Ты несешься, как дьявол за душой грешника. - В ее голосе было легкое беспокойство. - Плохо, да?

- Я не должен... - при этом он забыл о трубке и чуть не выронил ее. - Что ты здесь делаешь?

- Жду тебя.

Он смотрел на ее стройную фигуру. От падавшего света вокруг ее волос был золотистый ореол.

- Да? Почему?

«Нет, она просто ждала, чтобы поговорить со мной и ничего больше, - подумал Ян Спарлинг». Взяв себя в руки, он спросил:

- Откуда ты знала, когда и где ждать меня?

- Я попросила Ольгу Ханшоу позвонить мне, когда официальная беседа закончится. Ей никто не запрещал этого, и она со спокойной совестью оказала мне эту услугу.

Джиль год назад спасла тонущего младшего сына Ольги. Первый раз Спарлинг услышал, что Джиль попросила сделать что-то в благодарность за ту услугу. «Но, - подумал он, - Ларекка просил, чтобы мы держали все в тайне, пока он не обдумает, как все это сообщить жителям Примаверы... и всему Газерингу. Но я не смогу скрыть это от Джиль. Это совершенно безопасно. Если и есть на планете человек,

которому можно доверять, так это именно Джиль. Ее тоже нужно было пригласить на конференцию. Хотя это было бы для меня мучительно... Я постоянно испытывал бы муки ревности. Забудь эту чепуху,- приказал он себе.- Старый дурак!»

- А что касается того, где тебя ждать, это просто,- сказала Джиль.- Кемпбелл, Риверсайд и домой, верно?

- Неужели я так прост?- он сделал попытку улыбнуться.

- Нет,- она внимательно смотрела на него.- Ты скрытный человек. Однако и я знаю, что ты не любишь вежливых банальностей и с официальных сборищ стараешься уйти пораньше. И ты наверняка пойдешь дорогой, где надеешься никого не встретить. А в это время эта дорога пустынна. Примавера не лабиринт,- внезапно ее голос изменился.- Ты знаешь мой метод, Ватсон, примени его.

Он улыбнулся и покачал головой.

- Почему бы тебе не расстегнуть воротничок побольше,- предложила Джиль. - Тебе уже не нужно потрясать прищельцев строгостью одежды.

- О'кей,- когда он расстегнул пуговицу, Джиль взяла его под руку, и они вместе пошли по тропинке, которая им нравилась.

- Что произошло?- спросила она.

- Я не должен говорить...

- Да. Но ты же не давал клятвы? Я могу обещать, что от меня никто ничего не услышит.

Она помолчала несколько секунд, и Спарлинг слышал звук ее дыхания, чувствовал ее прикосновение. Затем она мягко заговорила:

- Да, я знаю, Ян, что не имею права просить у тебя нарушить обещание. Но у меня брат в воздушном флоте. И Ларекка был для меня вторым отцом. В ту ночь, когда он остановился у меня, он старался через силу развлекать меня, шутил... а мне хотелось плакать. Я ведь все поняла, а дочери воинов не должны показывать свое страдание.

- Традиция легиона,- сказал он.- Мы, люди, совсем другие.

- Другие, но не совсем. Чем скорее я узнаю, в чем дело, тем скорее начну думать, что можно предпринять реального, и не буду сидеть и грызть себя.

Он с уважением взглянул на нее. Взгляд ее голубых глаз был твердым.

- Ты выиграла,- пробормотал он.- Но тебе эти новости не понравятся.

- Я и не жду этого. О, Ян, ты такой добрый!- она ласково взяла его руку. Спарлинг едва удержался, чтобы не отпрянуть назад. Бесплезно даже думать, почему она взяла его за руку. Но он должен обходиться с ней мягко и быть предельно осторожным, чтобы она не заметила его состояния.

Они дошли до половины пути и повернули на север, на Риверсайд. Дорога долго тянулась вдоль реки. Деревья закрывали их от города. Эти деревья с густой листвой оберегали город от ураганов, налетающих с запада. Река тихо несла свои воды. Вокруг расстилалась идиллическая картина, достойная кисти самого Констебля.

Здесь воздух был свежий и сырой, насыщенный разнообразными ароматами. На западе на сером небе оранжевыми яркими пятнами выделялись облака. Далекая Целестия появилась на небе, как призрак. Высоко впереди и вверху парил сару. Он не спикировал на ибуру, пасущегося на лугу. Видимо, решил дожидаться более легкой добычи, чтобы снести ее своим огромным, зелено-оливковым птенцам. На ветке сидел кантор. Маленькая, покрытая серыми невзрачными перьями птичка пела свою песню.

Спарлинг вспомнил, что Джиль продолжала работу своего ментора Джима Хасимото, посвященную пению кантора и других птиц.

Когда же он впервые встретил ее? Тогда она была просто длинноногой девчонкой, одна из трех детей Конвея. С тех пор Алиса вышла замуж за Бена Филлипса, а Дональд улетел на Землю учиться в колледже, а потом он попал в армию.

- Мы скоро придем к твоему дому, Ян, если не остановимся поговорить.

- Что ж, поговорим. Только ведь рассказывать-то нечего.

- Корабль привез почту?

- Нет, не знаю. Но во всяком случае никто не упоминал об этом. Капитан Джерин - их командир, обещал, что с Землей будет поддерживаться регулярная связь. В крайнем случае его курьерские корабли будут привозить почту.

- Зачем они здесь?

- Это было объявлено еще вчера. Сразу после установления контакта. Чтобы защитить нас от возможного нападения Наксана.

- Смешно. Как и эта война.

- Может и нет.

- Ну что же, если их присутствие гарантирует доставку необходимых материалов для выполнения наших работ, я буду только рада. Господи, но если идет война, все поставки прекратятся, так мне сказал капитан Хуэзи. Ведь правда?

Спарлинг кивнул.

- Новости еще хуже, да?

- Да. Они хотят строить здесь базу... Ты понимаешь, что это означает. Джерин уже имеет полномочия мобилизовать здесь все ресурсы, оставив нам для выживания только самое необходимое. И в самый короткий срок мы должны представить все данные о том, что мы можем дать в распоряжение Джерина.

Джилль остановилась, и он тоже.

- О, нет,- прошептала она.

Он позволил себе расслабиться.

Джилль схватила его за руки.

- А твой цементный завод? Ты уже не сможешь изготавливать цемент для дамб?

- Да,- голос его упал.- Цемент пойдет на строительство базы.

- Ты не мог объяснить им?

- Мы пытались рассказать о наших проектах. Я лично рассказывал и настаивал на том, что наводнения были главным фактором уничтожения цивилизации в Южном Веронене. И если мы сможем их предотвратить... Джерин поинтересовался, когда начнутся наводнения. Я сказал о наших прикидках, на что Джерин сказал, что через пять лет война закончится, и мы сможем продолжать наши работы.

- Он думает, что ты сможешь достроить дамбы мгновенно?

Спарлинг поморщился.

- Он сам и его товарищи не глупые и не злые люди. Нам сказали, что мы можем послать на Землю петицию с жалобой, а они постараются причинить нам как можно меньше ущерба. Они постараются выработать последний вариант строительства только после того, как внимательно изучат все местные условия. Год спросил, сможем ли мы оказать военную помощь Газерингу, и получил решительный отказ. Также он получил строгие инструкции: оставаться в стороне от местных конфликтов. Мы не можем рисковать ни военным снаряжением, ни людьми и не имеем права отвлекаться

от задания, что нам поручено... Более того, Джерин сказал о решении парламентской комиссии исследовать все случаи вмешательства в прошлое. Ведь все это будет выглядеть «культурным империализмом».

Джилль была потрясена.

- Я не слишком удивлен,- сказал Спарлинг.- Когда я был в прошлом году на Земле, я еще тогда заметил новые веяния: негуманоиды были предоставлены сами себе.

- Разумеется, если они не наксанцы и не с Мундомара.

- Да, в то время я не беспокоился об Иштаре: слишком велика была ставка. Если мы не поможем здешней цивилизации, она исчезнет навсегда. Но теперь...- Спарлинг пожал плечами.

Джилль закончила за него.

- А теперь они хотят придать законные права своей политике невмешательства. Это ведь гораздо лучше, чем прекратить собственную глупую войну,- он кивнул.- Тебя не удивляет, что я ни разу не посетила Землю?

- Не суди по правительству и его нарочитой политике невмешательства обо всем народе. Думаю, что тебя просто не тянет туда, где так много городов и людей, в то время как здесь ты видишь столько чудесного. Однако на Земле есть много прекрасных мест.

- Ты говорил мне,- Джилль сильно ударила кулаком по ладони.- Ян, что же мы сможем сделать?

- Попытаться уклониться от приказов,- вздохнул он.- Впрочем, мы должны сразу же постараться привлечь военных на нашу сторону. Нужно, чтобы они поняли, что Газеринг более важен, чем какая-то маленькая база вне основного театра военных действий. Их слово будет более весомым в Мексико-сити, чем любые наши жалобы. Я еще раз повторяю, что Джерин и его люди показались мне вполне разумными людьми. Они поддерживают войну, но они не фанатики.

- Ты планируешь для них большую экскурсию?

- Пока нет. Мне нужно завтра быть в Сехале на Ассамблее. И я должен буду им сказать, что если они рассчитывают на нашу помощь, то им придется подождать.- Спарлинг снова вздохнул.- Это будет нелегко.

- Да,- тихо проговорила Джилль.- Но, Ян, никто лучше тебя не справится с этой задачей. И мне жаль, что всю боль тебе придется взять на себя.

Он посмотрел на нее. Неужели она так беспокоится о нем?

Внезапно став задумчивой, она продолжила:

- Предположим, что я захочу переубедить этих землян. Нет, это невозможно сделать за один вечер. Я просто изложу им факты, объясню ситуацию. Я ведь не прошу ничего, я всего лишь натуралист, желающий продолжить свои наблюдения. У меня брат в армии. Они должны будут выслушать меня. Я буду вежлива, даже добросердечна... Это может помочь, да?

- Конечно,- вырвалось у него. И он сразу подумал: «Не верю, чтобы в ее голове сама по себе могла возникнуть такая идея. Воспользоваться тем, что она молода и красива. Кроме того, она понятия не имеет, что такое флирт».

Он понял, что ее сочувствие к нему было простым душевным участием и ничего больше.

Она покачала головой.

- О'кей. Когда ты увидишься с Лареккой, передай ему от меня: я его баррас.

- Что?

- Ты не знаешь? Ах, да. Это на диалекте острова Ирэнэ, где легион Зера находился десять лет назад.- Она колебалась.- Приблизительный перевод: я еще не начинаю драться. Если бы Ларекка это услышал от меня, он бы понял лучше.

Спарлинг смотрел на нее.

- Приблизительный перевод,- пробормотал он.- А как же перевести буквально?

- Я женщина,- возразила она.- Я не могу тебе это сказать, пока не решу попрактиковаться в грубом жаргоне.

Они молча стояли рядом.

- До чего красив закат,- сказала Джиль, глядя на реку. Свет от облаков и воды обливал ее золотистым сиянием.- Неужели на Земле тоже есть такая красота?

- Есть,- сейчас он думал только о ее руке, касающейся его груди.- Леса, горы, моря, влажный климат...

- Глупо! Я знаю, что ты из Британской Колумбии. Сейчас ты подтвердил только то, что я давно знала: что ты мыслишь, как компьютер. Если я попрошу объяснить мне, что такое лягушка, ты не только подпрыгнешь, но и приложишь все силы, чтобы сделаться зеленым.

Он улыбнулся, глядя на нее.

- Полетим на Землю, и ты увидишь лягушек. Там ты поцелуешь одну, и она превратится в прекрасного принца. И тогда ты пожалеешь об этом. Консервативная масса потребует, чтобы ты превратилась в лягушку.

Заметила ли она, что назвала его старым и черствым? И тут она снова заговорила серьезно.

- Значит, они сохраняют островки природы, и тебе посчастливилось вырасти на одном из них. Но разве ты не испытал огромное счастье, когда прилетел сюда? Разве ты не увидел, что вся эта планета - такой островок? Свобода, - она вскинул голову и показала на что-то. - Смотри!

Спарлинг последовал взглядом за ее рукой. Над самыми деревьями летело животное, совсем не похожее на пернатых планеты. Вместо четырех ног и двух крыльев оно имело две ноги и четыре крыла. Да и общее строение тела было иным. Это был бипен. Бипены водились лишь в Гаэлене. Спарлинг никогда раньше не видел их. Это было красивое, большое существо, оперение которого отливало в лучах солнца фиолетовым цветом.

- Они мигрируют на север, - вздохнула Джиль. Спарлинг посмотрел на нее, увидел ее сияющие глаза и сразу потерял интерес к бипену. - Я думаю, что это остатки выживших после последнего цикла. Ян, повлияет ли прохождение Ану на экологию?

Ему хотелось ответить: «Нет», но он подбирал слово более значительное. Ее крик оборвал его мысли. Спарлинг резко повернулся.

С неба пикировал сару. Он сложил крылья и стремительно несся вниз. Уже были видны страшные когти и клюв. Спарлинг слышал свист ветра в крыльях. Затем раздался резкий удар, и сару сломал бипену крылья и шею. Брызнула кровь. Сару со своей добычей стал медленно подниматься.

Джиль всхлипнула. Слезы стояли у нее в глазах. Но она сдержала их.

- Так и должно было случиться, - пробормотала она и повернулась к Спарлингу. - Прости меня. Я пытаюсь быть храброй, но... Это бедное животное прилетело сюда в такую даль только для того, чтобы умереть. Впрочем, ладно, спасибо за все, Ян. Спокойной ночи.

Она повернулась и быстро пошла прочь. Бел уже скрылся за горизонтом.

Спарлинг стоял, набивая трубку, пока она не скрылась из виду. Облака потемнели, зажглись ранние звезды, и выплыл величественный Мардук. Спарлинг подумал: какие свирепые бури вызывает на этой планете приближающийся Ану. Однако на расстоянии нескольких миллионов километров планета казалась спокойной и умиротворенной.

Воздух стал холоднее, тихо шелестели вода в реке и листва на деревьях, откуда-то доносился кислый запах дыма.

Действительно, эта планета привлекательнее, чем Земля. Он вспомнил берега Северной Канады. Их всегда били волны океана, над ними всегда висели облака. И даже в облачные дни они были угрюмыми, хотя и величественными.

И все же Джиль была права. Ему повезло. То же самое ему сказала дочь в прошлом году, когда он повез ее в круиз по стране своего детства. Ее колледж находился в мегаполисе Рио-де-Жанейро...

Он вспомнил сегодняшний день.

- Я видел Вэлфар и Бэкуорд тоже, - должен был сказать он Джерину. - Пойми, пожалуйста, меня правильно, я симпатизирую им и согласен, что они заслуживают лучшей доли. И когда мне было пятнадцать лет, я был также горд, когда Гуннар привел нас к победе над Алериионом.

Однако, работая инженером, я встречался с наксанцами и убедился, что они подобны нам. За последние пятнадцать лет работы на Иштаре он стал моим домом, я перед ним в долгу.

Он покачал головой: поздно рассуждать. Время ушло.

Сумрак опускался на землю. Все больше звезд появлялось на небе. Он поднялся по Гумбольд-стрит и открыл своим ключом ворота. Свет из окон падал на кусты и на траву. Земные растения здесь требовали постоянного ухода. Годы прошли в борьбе с природой, которая старалась уничтожить земные бактерии, червей, сохранить существующий баланс почвы: содержание азота, кислот и других веществ.

Он прошел к передней двери. Жена отложила книгу. Он узнал роман, которым зачитывались на Земле, когда был там. Странно, что прочтя роман на Земле, он совершил огромный виток и снова вернулся в то время, когда этот роман стал гвоздем сезона на другой планете. Читал он мало. Он был слишком занят и настолько уставал, что предпочитал просто поваляться. И если ему хотелось почитать, то он брал иштарианские книги.

- Хэлло! - сказала жена. - Что случилось?

В ее речи угадывался бразильский акцент. Когда-то она жила в Португалии, и с тех пор это чувствовалось в ее речи.

- Боюсь, что ничего не смогу рассказать, - буркнул он. Однако его кольнуло чувство вины. Она была не болтушка,

а Ольга Ханшоу слышала всю дискуссию. Он успокоил свою совесть тем, что он устал, и у него не было сил обсуждать все с Родой, так как она, занятая домашним хозяйством, была слишком далека от мировых проблем, и ей долго бы пришлось все объяснять.

- Плохо?- спросила она, изучив его лицо.

- Плохо,- согласился он, опускаясь в кресло.- Завтра я уезжаю в Сехалу на Ассамблею. Буду отсутствовать несколько дней.

- Понимаю,- она встала.- Ты не хочешь выпить перед обедом?

- Ром и лимон. На два пальца,- и он показал, сколько налить рома.

Когда она улыбалась, то напоминала ему ту веселую девушку, с которой он однажды познакомился. Она никогда не отличалась особой красотой. Спарлинг оценивал ее в одну миллиелену - это количество красоты, которой можно загрузить один корабль. Но он всегда был неловок в общении с женщинами, а Рода Ваграс - это он видел - готова была стать его женой, как только он этого пожелает.

Она была моложе его, но сейчас в ее волосах было гораздо больше седины, чем у него. Сейчас она потеряла всякую стройность и легкость походки, но все же, когда она, проходя мимо, потрепала его волосы, он вспомнил их первые годы.

Оставшись один и раскурив трубку, он подумал, что, может быть, трудное рождение Бекки изменило ее так. Несмотря ни на что она оставалась мягкой, доброй, и ее любили в их сообществе все, и к тому же она прекрасно готовила.

Но все реже они были с ней близки как духовно, так и физически.

«А может,- думал он,- может, это во мне происходят изменения?» Ведь его работа заставила его объехать полпланеты, в то время как она была вынуждена сидеть с ребенком дома. Он часто летал на Землю, а она никогда не жаловалась и летала туда лишь на несколько недель раз в четыре года. А с другой стороны, она сохранила свои человеческие интересы, общаясь только с людьми в Примавере. А он в это время был занят чисто иштарианскими проблемами.

Но какова бы ни была причина, он неуклонно отдалялся от нее. Его проекты требовали от него и внимания, и нервов, и сердца. Все остальное казалось ему скучным и ненужным.

Пока он не повстречался с Джиль Конвей.

Он яростно затянулся трубкой.

Рода принесла выпивку.

- Я рада, что ты так рано вернулся, дорогой. Ты так вымотался. Я все думала, неужели ты не придешь к обеду, который я специально для тебя приготовила.

Глава 7

Юрий Джерин с радостью принял приглашение на экскурсию с человеком, который мог бы объяснить ему все, что он увидит. Кроме возможности подружиться с членами общества, в которых он нуждался и которые относились к нему весьма враждебно, Джерин радовался и тому, что он сможет отдохнуть от трудного путешествия. А когда Годдард Ханшоу сообщил, что его будет сопровождать Джиль Конвей, он обрадовался еще больше.

Она позвонила ему перед восходом Бела, когда планету еще не обливал зловещий свет Ану. Он и несколько его помощников разместились в гостинице, а большинство его людей находились на орбите, так как для такого количества людей еще не были выстроены жилища. Джерину был предоставлен флайер.

- Пока ты не реквизируешь его,- мрачно пошутил Ханшоу.- А так мы сможем оказывать тебе знаки внимания.

Флайер Джиль был мощнее и больше.

Они перелетели через реку и очутились на иштарианской стороне.

Взошел Бел, и тени предметов сразу удлинились и стали розовыми. Джиль остановилась возле реки.

- Как насчет завтрака?- осведомилась она.

- Манифик,- Джерин открыл багажник своей машины.- Я сожалею, что не могу сделать настоящий вклад, но у меня есть итальянское салями, если ты примешь...

- Приму?!- она в восторге всплеснула руками.- Такое я ела только однажды в жизни. Поверь, что первая любовь не может сравниться с твердокопченной салями.

«Лгунья,- подумала она, вспоминая Сандзо. Но эта боль уже залечилась в ней.- И в тебе тоже, мой дорогой, я уверена в этом...»

Джерин помог ей расстелить на траве скатерть и распаковать пищу: хлеб, масло, сыр, джем...

«Он очень мил,- подумала Джиль.- И чертовски симпатичен».

Когда она подключила кофеварку к аккумулятору своей машины, Джерин сказал:

- Я не мог сказать тебе этого раньше, мисс Конвей, так как был потрясен вашим искусством водить машину. Но я знаком с твоим братом Дональдом. Он просил передать тебе привет.

- Что?- она вскочила.- Ты знаешь его! Как он? Где он?- Почему не пишет?

- Когда мы встретились с ним, он был в прекрасной форме. Мы с ним проговорили несколько часов. Понимаешь, когда я получил назначение сюда, я стал размышлять, кто может информировать меня об обстановке на Иштаре, и отыскал Дона. Он много говорил мне о тебе,- сказал он и замолчал, заметив, как напряжена Джиль.

Помолчав, он продолжил:

- Где он находится? Скорее всего на фронте. Ты не беспокойся о нем. Мы все же превосходим противника во всем: в вооружении, в организации, степени обученности солдат. А что касается писем, то он слишком занят, а, кроме того, он не любит писать. Но я взял с него слово, что он непременно вскоре напишет.

Джиль вздохнула.

- Большое спасибо. Это так похоже на Дона.- Она повернулась к кофеварке.- Оставим подробности на потом. Сегодня вечером, если ты не против, мы побываем у меня дома. Мои родители, сестра и ее муж захотят послушать о Доне.

- Как хочешь,- сказал он с поклоном. Он чувствовал, что нельзя предлагать ей помощь. Он просто наслаждался видом отсюда.

Роша находилась на покрытой низкими холмами равнине. Она состояла в основном из высоких деревьев с мечеобразными красными листьями. Кое-где мелькали ярко-желтые пятна - листья других деревьев. Почва была покрыта коротким мхом. Ветер был сухой и теплый, наполненный незнакомыми ароматами. Он рябил гладь реки. Вдаль, на

многие километры, простиралась равнина, поросшая кустарником в половину человеческого роста.

- Ты знаешь название всех этих растений?

- Да нет, я не ботаник. В основном это сорт мха. Он играет здесь такую же роль, как и трава на Земле. А кусты... Вот это - «горькое сердце». Иштарианцы используют его корни как тонизирующее средство. Отвар корней полезен и для нас, людей. А это - «ночной вор». Для людей он ядовит, хотя случается, что и иштарианцы болеют от него.

- Вы используете для названий перевод местных наименований?

- Редко,- ответила Джиль. Она почувствовала, что привлекательна для Джерина.

«Ну что ж,- подумала она.- Если между нами и возникнут какие-то отношения, то я предпочту сама проявить инициативу. Я ведь не собираюсь завоевывать сердце просто из тщеславия и быть роковой женщиной».

- Многие из названий непереводимы. Как, например, перевести на иштарианский «роза»? А местные названия не перевести нам. Поэтому мы и изобретаем новые. Первая научная работа была издана Ли Чанг Ши.

- Хм-м, насколько я понимаю, молекулы фотосинтеза не идентичны хлорофиллу, только похожи. Но почему здесь у растительности преобладают красный и желтый цвета?

- По теории основной цвет - желтый. Но красный пигмент преобладает в Хаэлене как поглотитель энергии. О, Боже, только через столетие мы начали понимать, как мало мы знаем об этом мире. Давай есть: время идет.

Пока они завтракали, в небе появилась стая пилигримов. Все небо потемнело, наполнилось звуками мощных крыльев. Откуда - то вырвалась стая перепуганных азаров. Они бежали, тревожно крича и грациозно перебирая шестью ногами. Люди через бинокль смотрели на происходящее, и Джиль объясняла Джерину, что у высших животных передние ноги превратились в руки.

Когда этот парад животных окончился, воцарилась тишина. Джерин посмотрел на Джиль и спросил:

- Ты родилась на этой планете и очень любишь ее?

- Это планета наша,- ответила Джиль.- Но наша раса никогда не будет владеть ею, она принадлежит иштарианцам. Мы здесь только гости.

Джерин опустил взгляд.

- Пойми меня, я знаю, как вам всем больно, что ваши гуманные планы приходится откладывать на завтра. Во время войн часто рушатся чьи-то интересы и надежды. Впрочем, для тебя мы сможем кое-что придумать.

«Сможем,- подумала Джиль.- Вот оно. Только не нужно слишком давить».

Она улыбнулась и погладила его руку.

- Благодарю, капитан. Вы хорошо сказали. Мы поговорим об этом позже. Я буду твоим руководителем, но не просителем.

- Хорошо. Скажи мне, я читал об обитателях планеты, подобных нашим обезьянам.

- Да,- кивнула Джиль.- Например, тартар, напоминающий бабуина. А самый ближайший родственник - гоблин.

- Полуразумное существо? Ты много о нем знаешь?

- Очень мало. Их почти нет в Веронене. Их много на другом полушарии, но цивилизация еще не проникла туда. Я только могу сказать, что гоблины делают примитивные орудия труда и уже имеют зачатки языка. Они находятся на стадии развития австралопитека.

Джерин погладил усы.

- Странно, что они выжили.

- Не забывай, что здесь между материками лежит океан, гораздо более бурный, чем у вас на Земле.

- Но высшие существа всегда подавляют низшие.

- Только не иштарианцы. Даже варвары не обладают кровожадностью людей. Например, здесь никто не знает, что такое пытка. Возможно, ты думаешь, что Газеринг - это нечто вроде империи? Это не так. Здешняя цивилизация не нуждается в государстве. Иштарианская форма жизни более современна.

Его удивление заставило Джиль замолчать. Она вдруг поняла, что эта идея, с которой она сроднилась и жила, для Джерина что-то новое. Немного погодя он заговорил:

- Но не хочешь же ты сказать, что они в чем-то более разумны и превосходят нас, а кое в чем - мы их. Это обычное дело среди разумных существ различных видов. А в целом все развиты одинаково. Я думаю, все заключается в том, что под давлением внешних обстоятельств мозг развивается только до определенных пределов, дальше которых развитие невозможно.

Джилль рассматривала его с некоторым почтением. Неужели он, военный человек, еще может размышлять над философскими проблемами?

«О'кей, я сделаю ему комплимент, поговорим с ним серьезно, но я не буду говорить больше, чем это необходимо».

- Ты сможешь выдержать небольшую лекцию?

Он улыбнулся, откинулся так, чтобы усесться поудобнее возле дерева, предложил сигарету и, когда она отказалась, закурил сам.

- Если лектор так красив,- пробормотал он.- Мадемуазель, я постараюсь быть джентльменом. Но, поверь, это так трудно.

Джилль ухмыльнулась.

- В конце мы устроим двадцатиминутный отдых,- сказала она.- А сейчас начнем. Ты знаешь, что здешняя жизнь - орто-жизнь, не такая Т-жизнь, что развивалась на Земле, хотя внешние условия в целом схожи. В основном биохимия та же - два пола, позвонки постепенно уменьшаются к концу позвоночника и так далее. Мы можем есть то же, что и иштарианцы, но не все, так как от некоторой пищи можем заболеть или даже умереть. То, что здешние обитатели шестиногие, а не четвероногие - это тривиальность. Не более, чем биологическая случайность. На Иштаре есть эквиваленты млекопитающих, птиц, рыб, рептилий и так далее.

Может быть, они были бы похожи на нас, если бы не вспышка Ану миллион лет назад. Это вызвало бурный скачок в развитии жизни. Возникли громадные холоднокровные животные, не имеющие ничего общего с нашими динозаврами. Однако развивающиеся млекопитающие все же вытеснили их. И на основании этого факта мы считаем, что млекопитающие имели здесь больше времени для развития, чем на Земле. И здесь они изобрели то, чего нет на нашей планете - симбиоз. Конечно, у нас тоже есть симбиоз с некоторыми организмами, например, с нашей кишечной флорой - бактерии, микробы. Но иштарианский организм - это настоящий зоо- и ботанический сад, сообщество помогающих друг другу существ.

Возьмем, к примеру, кентавра и его нескольких друзей. Его шерсть - вовсе не шерсть, а растительность типа мха. Корни у нее неглубоки, но связаны с кровеносной системой. Грива - это тоже растительность. Она создает броню для тонких костей черепа. Растения питаются двуокисью углеро-

да, водой и другими выделениями иштарианца. И они отдают прямо в кровь кислород и целую гамму витаминосодержащих веществ. Мы только сейчас начали идентифицировать их. Разумеется, эти растения не подменяют систему дыхания и очистительную систему. Они просто дополняют и поддерживают ее, и потому кентавры могут существовать в большом диапазоне условий. На Иштаре мало воды, и кентавры носят на себе ее запасы в виде этих растений. Они могут даже есть эту траву, если им не хватает пищи. Эти растения быстро отрастают вновь.

Джилль перевела дух.

- Да, заманчивая картина,- произнес Джерин.

- Ты об этом знал?

- Читал. Однако рад услышать все в развернутом контексте.

Захваченная возбуждением, Джилль продолжала:

- Симбиоз не просто помогает выжить, он высвобождает гены.- Заметив его возбуждение, она заговорила еще более эмоционально.- Гены несут в себе информацию, но их способности не бесконечны. Представь себе гены, которые хранят информацию о метаболизме. Но эту функцию выполняет некий симбиоз. Поэтому гены для этой функции уже не нужны и могут быть задействованы на что-то другое.

Поэтому здесь, на Иштаре, очень быстро происходит мутация и селекция. Может, иштарианцы и не так быстро достигли уровня развития людей, но шли к нему равномерно и уверенно. Поэтому на планете еще существуют и гоблины. Человек создавался в спешке. В его организме много непродуманного. Например, нервная система. Антропологи утверждают, что в человеке сосуществуют три мозга: мозг рептилии, млекопитающего и человека. Они плохо координируют между собой. Отсюда войны, убийства, социальные потрясения. У иштарианцев в голове больше единства, у них нет сумасшествия, неврозов. Они мало и редко болеют. И хотя мы здесь чужие, мы своим появлением никого не повергли в шок. Они относятся к нам с почтением, принимают от нас идеи или вещи, которые могут быть им полезны, но все это просто совмещается с той жизнью, которую они вели и до нас.

Немного охрипшим от долгой речи голосом она излагала известные ей вещи и факты очень понятно, а потом замолчала и, откусив бутерброд, запила его кофе.

- И несомненно, это и обеспечивает иштарианцам долгую жизнь, от трехсот до пятисот лет,- сказала Джиль.

Джесрин кивнул, и Джиль продолжала:

- Но есть и другие причины. На Земле быстрая смена поколений обеспечивает генетический отбор. Я согласна с теми, кто считает, что человек запрограммирован на то, чтобы стариться после сорока лет. Это увязывается с быстрой сменой поколений. На Иштаре все по другому. Приближение Ану через каждые тысячу лет обеспечивает резкие изменения в организмах. А большой срок жизни предусмотрен для адаптации, закрепления их.

- Странная философия.

- Да. Ну и что же. Она мне нравится.

Джиль задумалась.

«Буду с ним честной. Нам нужна его помощь, а не интеллектуальное развитие».

Он долго молчал, а затем тихо заговорил:

- Все это должно сильно подействовать на жителей Примавера. Тот самый не меняющийся кентавр был другом твоего деда, является другом твоего отца и твоим и будет другом твоих детей. Ты росла, и он учил тебя, воспитывал, защищал от опасностей... Может быть, стал твоим идолом. Я не хочу быть навязчивым, но если мое предположение верно, вы все находитесь под сильным влиянием иштарианцев.

«Клянусь Дарвином, он настоящий нахал!»

Он посмотрел на Джиль и заметил, что эти слова на нее подействовали. К чему отрицать то, что он узнает и так, выслушав городского сплетника.

- Может быть, пример этому - я. Ларекка, командир легиона Зера Нитрикс. Мы с ним большие друзья. Могу сказать, что я многое почерпнула у него.

- Ты не хочешь говорить об этом?

Джиль покачала головой.

«Почему я должна доверять ему? Ведь это мой враг».

- Нет, по крайней мере, не сейчас.

- Конечно,- мягко ответил он.

Ей вспомнилось...

Большие животные редки на Иштаре: каждую тысячу лет становится голодно... Только в Центральном и Южном Веронене еще могут прокормиться крупные животные вроде травяного льва и слоноподобного вальваса. Но на севере континент превращается в сухую безводную пустыню. Мел-

кие животные выживают даже тогда, когда уже наступают самые суровые времена. Например, азары. За ними охотятся хищники типа волков. Мощные челюсти хищников могут легко раздробить заднюю ногу азара. Кентавров в пустыне мало - пастухи, которые почти не охотятся. И все же и тут и там можно увидеть развалины огромных городов, которые высятся среди красно-желтого мха. По этому можно судить, что цивилизация появилась именно здесь.

В свой одиннадцатый год рождения Джиль поехала в сопровождении Ларекки и его отряда в Далаг - в пустыню. Помимо чисто развлекательной цели Ларекка хотел наметить место будущих укреплений для защиты Газеринга от неминуемого нападения варваров в дни Злой Звезды. С ними ехала также тетушка Джиль Эллен Эвальдсен, планетолог, которая хотела исследовать каменные формации в этом регионе.

Путешествие было спокойным. Джиль ехала либо на Ларекке, либо на одном из его друзей. Эллен была недовольна тем, что девочку балуют, но не препятствовала этому.

А когда они останавливались на ночь, то при свете костра, звезд, двух лун, зловещем свете Ану они обменивались сказками, рожденными на каждой из планет, и Джиль не могла для себя решить, какие же из них для нее чудеснее. Когда они достигли Далага, то пустыня оказалась внушительнее, чем ее представляли.

Шепчущие равнины из песка, монотонность которых нарушалась лишь редкими хребтами да одинокими деревьями, от которых несло холодом, ярко-голубое небо над головой, безжалостная жара, а ночью пронизывающий холод и блеск звезд, встречи с пастухами: чашка чаю, настоящего на траве, стада азаров, которых эти гнусные обезьяны рвали на куски и пожирали на месте живую плоть.

- Им ничего не остается делать,- сказал Ларекка.- Мы запасаем мясо впрок. Животные не могут так поступать. Им приходится все время убивать, чтобы выжить.

И он рассказал Джиль о том, что в здешнем воздухе находится форма жизни, называемая людьми саркофаг. Она безвредна для живого организма, зато мертвая плоть в ее присутствии быстро распадается. Буквально через три часа от мертвого животного, даже крупного, остаются одни кости. Саркофаг существует на Далаге да еще на нескольких островах. Вероятно, он требует определенного климата.

- Я слышал,- добавил Ларекка, что саркофаг губительно подействовал на здешние живые существа, существовавшие когда-то, и способствовал гибели здешней цивилизации.

Джилль посмотрела на обжигаемую солнцем пустыню.

- Наши ученые и философы утверждают, что когда кентавры жили в здешних местах, они были вегетарианцами. Они не могли сохранять мясо, но затем они нашли таких животных, в желудке которых при кипячении выделяется сок, используемый при консервации. Для кипячения они использовали каменные или железные котлы, непригодные для кочевой жизни, которую они тогда вели. Так и развивалась эта цивилизация, затем распространившаяся в другие места.

После этого Джилль уже с меньшим страхом смотрела на развалины. Она поняла, что катастрофы нередки в истории цивилизаций.

Она была уже готова воспринять эту ужасную пустыню.

И так было до того дня, когда погибла Эллен.

Это произошло очень быстро. Женщина взобралась на высокий холм, желая исследовать очередную каменную формацию. Более того, она заявила, смеясь, что ей в этой пустыне делать нечего. Камни казались крепкими. Однако время и климат сыграли свою роль. Снизу Джилль увидела, как камень обломился, и Эллен полетела вниз. Она лежала на земле, и голова ее была повернута под неестественным углом. К тому времени как Ларекка подбежал к ней, началось распадение плоти. Она превращалась в голубую жидкость и тут же испарялась. Иштарианцы из-за отсутствия инструментов не могут быстро делать могилы. И они похоронили лишь белые кости и золотистые волосы.

Ларекка отыскал Джилль. Он взял ее на руки и отнес в лагерь. Бел уходил за горизонт, пылая пожаром, на небе зажигались звезды, выплыла Еа. Ларекка прижал ее к груди и долго гладил по голове.

- Прости меня, девочка - сказал он,- я не думал. Нельзя было разрешать тебе смотреть. Но ты же легионер! Солдат! Разве нет?

Джилль кивнула. Ей ничего не оставалось делать.

- Тогда слушай,- тихо произнес Ларекка.- Может, ты слышала, что мы, четвероногие, страдаем гораздо сильнее, чем люди. Нелегко терять тех, кого знал сотни лет... Позволь мне рассказать, как мы поступаем, когда теряем близких.

И он рассказал ей о знаменах, на которых вытканы имена

павших, рассказал еще о многом, и когда наступил рассвет, Джиль танцевала с ним на могиле танец прощания. Танцевала, стараясь изо всех сил, чтобы не огорчить тетушку Эллен своей неловкостью. Это был самый первый шаг, чтобы горе отступило...

Джиль поднялась.

- Идем. Сложим вещи. Я хочу показать тебе типичное ранчо. Но если мы не поспешим, то самые интересные члены этого рода разойдутся по своим делам.

- Слушаю и повинуюсь,- ответил Джерин.- Мисс Конвей, ты очень добра ко мне, знакомя меня с жизнью на планете. Я благодарен тебе. Но, может, ты делаешь это в надежде пробудить мой интерес к иштарианцам?

- Конечно. Зачем же еще?

- Тогда, может, ты выслушаешь меня? Я знаю, что ты видишь в нас пришельцев, которые стремятся уничтожить плоды ваших трудов. Можешь ты поверить мне, что у нас есть и другие причины, кроме приказа, чтобы быть здесь?

Она помолчала, а затем сказала:

- Я слушаю. Говори.

Он улыбнулся.

- Вообще-то мне хотелось бы собрать всех жителей Примаверы и показать ленту, которая у меня есть. Это неофициальная пропаганда. Более того, это даже критика администрации. Но эти материалы очень важны.- Джерин задумался.- Ты видишь, я хочу доказать тебе, что мы не фанатики.

Джиль разразилась хохотом, затем стала серьезной.

- Не обижайся. Мы будем только рады посмотреть ее.

Глава 8

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ТВ-РЕПОРТАЖА ОЛЯЙИ.

— Добрый вечер. Я, Луис Энрике Оляйя Гонсалес, приветствую зрителей программы «Вселенная в развитии». Нашасегодняшняя программа необычна по длительности и важности.

Шесть месяцев назад Парламент Мировой Федерации потребовал от Комитета Поддержания Мира принятия самых строгих мер, вплоть до применения силы, против кораблей, персонала и другой техники Лиги Наксы, чтобы предотвратить возможные чрезвычайные последствия и начать переговоры на справедливой основе. Другими словами, Земля объявила Наксе войну. Официальные лица редко прибегают к таким прямым выражениям в политике. Тем не менее решение парламента предотвратило серию случайных столкновений и переход их в систематические военные операции. Началась война, настоящая война.

Мы собираемся рассматривать эту войну с разных аспектов, рассмотреть прошлое, настоящее и будущее, обсудить то, к чему все это может привести... Мы попытаемся быть честными...

Вид планеты из космоса. Это Земля, затянутая облаками. А может, и не Земля, а другая планета.

На расстоянии ста пятидесяти световых лет от Солнца находится тускло-оранжевое светило, вокруг которого вращается планета, на которой могут жить люди. Они могут там жить, хотя и не очень хорошо. Для людей на планете очень жарко и влажно. Сильные ветры, густые сырые леса, болота, полуразвалившиеся горы. Местный животный мир очень агрессивен, много ядовитых животных и рептилий.

Эта планета больше подходит для наксанцев. Еще на ранней стадии своих путешествий в космос они основали здесь несколько поселений, которые со временем разрослись и превратились в большие города. Наксанцы называют эту планету Чаякка, люди присвоили ей название Мундомар...

Люди поняли, что они смогли бы здесь жить, если бы приложили поистине геркулесовы усилия. В арктической зоне планеты более-менее приемлемые условия. Любящие влагу наксанцы не заселяли полярные области. И они не видели причин, по которым можно было бы отказать колонистам с Земли. Разумеется, за соответствующую плату.

Глаз камеры проникает сквозь облачную дымку, шарит по джунглям, болотистым равнинам, по поверхности бурного океана. Временами в поле зрения камеры попадают поселения наксанцев. Их большие тюленьи тела скачками перемещаются по улицам. Это их обычный способ передвижения, крайне неприятный для глаз человека. Камера постепенно перемещается на север. И вот на экране посадка космического корабля. Модель десятилетней давности.

Кто прилетел сюда? Земля переполнена людьми. Да, планет, которые подходят людям для жизни, очень мало. Все это так. Но кто же из людей настолько отчаялся найти место в жизни, что решил поселиться на проклятом Мундо-маре?

Да, перед этими людьми нет иного выбора, кроме безнадёжного отчаяния.

Долгая жизнь человека проходит на экране в сопровождении пророческого голоса Чарлза Бертон...

Перенаселенные районы типичных мегаполисов, стали адом для людей, которым технологическая цивилизация не нашла применения. Безнадёжность, безысходность, отчаяние, ощущение собственной ненужности, наркотики в бутылках, таблетках, ампулах. ТВ-экраны для всех, дома радости для тех, кто имеет хоть немного денег, враждующие банды подростков, преступные империи взрослых. Честные люди чувствуют себя, как в джунглях, населенных хищниками. И защиты нет. Ведь полицейские тоже враги.

Где отчаявшемуся человеку найти работу? «Простите, вы не имеете квалификации, чтобы работать у нас...». «Простите, вы специалист, но у нас нет вакансии. Заходите позже...». И по ночам, когда над городскими крышами зияет чернота неба, усыпанная звездами, люди устремляли туда взоры с надеждой...

Отстальные страны - в от где люди могут жить, получая помощь. Но не больше, чем просто существовать. Технология - не магия, она не может оперировать с природными ресурсами, которых больше нет. Крестьяне в засушливой Африке выбиваются из сил, чтобы собрать крохи урожая с истощенных земель, улицы индийских городов вымощены телами спящих. Сообщество пелагов на Гренландии составляет мальчишек уже с двенадцати лет выходить в море ловить рыбу, которой не осталось. Никто не голодает на Земле, но поступающая помощь - это струйка, которую измученные налогами налогоплательщики давно готовы перекрыть.

Все старые принципы спасения общества не действуют. Образование? Нельзя выучить человека тому, чему он не может выучиться в силу своих средних способностей. А потребность в обычных людях непрерывно падает. Контроль за рождаемостью? Невозможно заставить все человечество воздерживаться от воспроизводства рода. Перераспределение материальных благ? Экономические законы

столь же неумолимы, как и физические. Возвращение к первобытному существованию? Но предварительным условием для этого является смерть девяносто процентов людей.

Но остаются звезды. И на Земле еще есть возможности, чтобы начать новую эру. А если у человека нет капитала, то у него есть две руки...

Архивные материалы о пионерах Мундомара. Трудности, лишения, гибель людей, горе друзей и близких, но не гибнущая надежда на лучшее будущее. Постепенно труд преображал выброшенных из жизни людей. Они становились настоящими представителями человечества. Их дети вырастали, не боясь ничего в космосе - ни Бога, ни черта.

На экране проходят поколения колонистов. По мере того как увеличивается численность населения, колония расползается по всему северу. Растут материальные богатства, увеличиваются поступления с Земли - как в виде машин и изделий, так и в виде новых эмигрантов. Ведь тут осуществляется мечта человека - возможность работать и быть полезным.

Растут современные города. Дикая природа приручается и преобразуется человеком.

Трения с наксанцами начались, когда люди перешли нечетко обозначенную границу. Территориальные споры всегда улаживались при помощи торговых сделок. Однако социальная структура наксанцев такова, что многие отдельные личности чувствовали себя обиженными. Они стали собираться в отряды, чтобы нападать на поселения людей, возмещая кажущиеся им убытки. Для культуры наксанцев это было обычным явлением. Однако у людей - свои понятия о законности - или, может быть, инстинкты. Они считали подобные действия просто разбоем, бандитизмом...

Напряжение нарастало. Инциденты множились. Генерал-губернатор запросил помощи у Земли... Лига Наций ясно дала понять, что не оставит в беде своих соплеменников на Чаякке.

Тем временем индустриальные, климатические и экологические проекты землян воздействовали на климат на планете, ухудшив его с точки зрения наксанцев. И наксанцы медленно, но неумолимо продвигались к решению действовать совместно против землян...

Пакт о ненападении, заключенный между их родными планетами, не удовлетворял на Мундомаре никого. Обе

группы колоний чувствовали себя в опасности. Но в то же время на Земле преобладал дух пацифизма.

Местные стычки постепенно переросли в открытые военные действия. Люди оказались сильными противниками. По сравнению с наксанцами их было мало, но военная техника землян не уступала наксанской, а что касается организованности, дисциплины, тактического мастерства, то люди намного превосходили противника.

Сцены битвы. Применение химического оружия, взрывы атомных бомб.

Флаг развевается на ДOME Правительства в Бартоне. На балконе стоит человек в военном мундире и громко читает документ рукоплещущей толпе на площади перед всей Вселенной.

- Все трагические события показали нам, что никто, кроме нас самих не позаботится о соблюдении наших прав, нашей безопасности, нашей жизни... И мы торжественно объявляем, что с этого момента мы - граждане суверенной республики - Элеутерии...

Сразу после прекращения огня Земля признала новую республику, но не пригласила ее вступить в Федерацию. Может, из страха получить отказ колонистов, а может, Земля в это время вела тайные переговоры с Наксой. Дипломаты Лиги могли потребовать, чтобы Земля признала факт автономности. В конце концов Накса никогда не объявляла Мундомар своей собственностью, хотя и вполне могла это сделать. Однако она не смогла бы стерпеть прямое присутствие администрации землян в районах планеты, которые они считали украденными у себя.

Мы не знали, чем закончились переговоры. Сообщений о них мы не видели. Единственное, что мы знаем, так это то, что в Северном полушарии Мундомара образовалось суверенное государство Элеутерия, открытое для эмигрантов с Земли. Хотя Земля признала это государство, Накса категорически отказалась это сделать. Наксанцы, живущие в Южном полушарии, испытывали теперь еще большую тревогу.

Затем внимание Земли было привлечено к новому кризису. Общество Алерииона оккупировало колонию Новая Европа. Алериион был более сильный и решительный оппонент, чем Накса. На Земле вспыхнуло новое движение, требующее проявления твердости и наказания нахалов. И это движение победило. Началась короткая, но жестокая космическая война, и колония была освобождена.

Но с тех пор дух Земли изменился. Во время войны Новая Европа последовала примеру Элеутерии и объявила себя самостоятельной. У людей возникли сомнения в справедливости решения, которое они исповедовали столетия. Ведь раньше люди считали, что негуманоидная раса не может доминировать над ними.

Человеческая раса? Или наша Федерация? Теперь это разные вещи.

Сцены: быстрое развитие Элеутерии, увеличение населения, территории, экономической мощи. Гибельное воздействие этого на территорию наксанцев, снова необъявленная война, в результате которой люди захватывают новый континент, Гяуру, и закрепляются на нем.

Президент Гупта:

- Наши дети не должны жить в страхе. Континент Сигурсония жизненно важен для нашей безопасности и для мира на всей планете. Мы заселим его своими гражданами...

Президентство в Шангае. На огромном телеэкране лицо политика, который призывает к солидарности с мужественными элеутерианцами. Сам он очень богат, но скоро выборы, и ему нужны голоса избирателей.

Оляйя:

- Вспомним мое прошлогоднее интервью с адмиралом Аллесидро Виттели, шефом Комитета Контроля Мира...

Виттели:

- В этом нет никаких сомнений. Щадить противника нечего. Совершенно очевидно, что за последним происшествием стоят наксанцы. И дело не в том, что они поставляют оружие и обучают чеякканцев. Ни для кого не секрет, что мы тоже помогаем элеутерианцам. Нет, я имею в виду, что Лига готовится к реваншу. Не нужно слушать все те разговоры, что ведутся в Мундомаре. Наксанцы, в отличие от нас, землян, не склонны к демагогии. Они хранят молчание до тех пор, пока не приходит время перейти к действиям. Не будем прятаться от фактов: чеякканцы и все наксанцы желают большего, чем возвратить Сигурсонию. Они хотят полностью очистить планету от землян...

Оляйя:

- Вы думаете, что Земля может позволить это, адмирал?

Виттели:

- Я не делаю политику, я просто выполняю волю Парламента... Но лично я считаю, что присутствие людей в

этом секторе космоса совершенно необходимо для баланса сил...

Оляйя:

- ...речь его Сиятельства Толлога-Экруша, Генерального посла Лиги Накса в Мировой Федерации...

Желеобразная масса, покрытая грязно-желтыми пятнами, влажно блестящая в свете юпитеров, короткие ластообразные ноги с перепонками, доходящие им до колен, голова, похожая на голову моржа... Голограмма не передавала запах, но звуковые каналы доносили до каждого слишком резкий голос, раздражающий ухо человека.

-...историческая дружба между нашими народами. Конечно, мы часто были торговыми соперниками. Но разве соперничество не является стимулятором развития? От торговли выигрывают все. И, что более важно, соперничество вызывает новые идеи в науке, философии, искусстве. Мне хотелось бы, чтобы люди знали, как мы на Наксе восхищаемся землянами, как много вы дали нам, как многому мы у вас научились. Но разве мы ничего не дали вам? Так что же наши народы выигрывают от войны? Может, они больше теряют?..

- Да, мы поддерживаем наших соплеменников в Чейкке против открытых нападений. И я не могу поверить, что Земля, которую мы на Наксе любим и уважаем, поддерживает политику наглых завоеваний и агрессий. Да, мы отдаем себе отчет, что колония землян на Мундомаре должна расширяться и развиваться. Но почему только за наш счет?

Оляйя:

- Третий крупномасштабный взрыв враждебности на Мундомаре вызвал кризис, который невозможно было разрешить просто так. После первого успеха элеутерианцы последовательно развивали его, но чейкканцы не собирались признавать поражение. Мирные комиссии от обеих враждующих сторон полностью игнорировались и теми и другими. Возникла опасность того, что, или та, или другая сторона использует в конфликте оружие массового уничтожения, что приведет к опустошению планеты...

Сцены: парады, демонстрации, поющие толпы людей на всей Земле, требующие спасения Элеутерии.

Корабли землян и наксанцев получили приказ двигаться в район конфликта. Сообщение о боях в космосе. На экране разбитые корабли, погибающие люди, раненные в госпиталях, пленные в лагерях, ожидающие обмена.

Усилия дипломатов и с той и с другой стороны не имеют никакого успеха.

Парламент призывает Землю помочь Элеутерии.

Снова бои. Посол Лиги вручает Земле ноту.

Сессия Парламента приказывает военному флоту начать боевые действия.

Председатель Аль-Гази:

- Нет, конечно, мы не собираемся нападать на Наксу, если Земля не подвергнется нападению, что маловероятно. Это был акт агрессии, причем следует принять во внимание, довольно глупый, если учесть систему защиты планеты. Нет, пока мы сохраняем контроль за событиями, военные действия будут вестись только в космосе и на Мундомаре. И наша цель - это вынудить наших противников согласиться на честный мир.

Оляйя:

- Голосование не было единодушным. Представители некоторых стран высказывались против нашего вмешательства. Некоторые частные лица и отдельные организации поддерживали их.

Дождь на пустых улицах. Несколько печальных пикетов возле здания адмиралтейства. У них в руках плакаты с надписями: «Верните назад дружбу с Наксой» и «Разве наксанцы не правы?». Изредка проезжающие автомобили даже не притормаживают возле них.

Оляйя:

- Специальный гость Гунар Гейм, бывший министр космоса и Военных дел Новой Европы. Как вы помните, тридцать лет назад он был единственным, кто призывал к сопротивлению агрессии Алерiona, и, в конце концов, добился того, что Земля начала действовать. Позже он был одним из тех, кто объявил Новую Европу самостоятельной территорией и до своей отставки был важнейшей фигурой в правительстве. Но даже выйдя в отставку, он не ушел в тень. Сейчас капитан Гейм любезно согласился выступить...

Мужчина, седовласый и все еще подтянутый и величественный, одетый в старую военную форму с расстегнутым воротничком, сидел в кресле и невозмутимо попыхивал трубкой.

Оляйя:

- Не кажется ли тебе, что нынешняя ситуация весьма похожа на ту, с которой тебе уже приходилось сталкиваться?

Гейм:

- Нет. Алериион хотел, чтобы человечество, как и все остальные расы, покорившие космос, были навсегда изгнаны из него. Мы первыми подверглись нападению только потому, что занимаем первое место в гонке к звездам. Я уверен, что цель Алерииона была в уничтожении нас, как жизнеспособной нации.

Оляйя:

- Почему?

Гейм:

- Назовем это идеологией. Кажется, мы не единственная раса, которая заражена этим. Претензии Алерииона на Вселенную и господство над ней были неограничены, и поэтому он представлял смертельную угрозу для всех. Нам просто было необходимо применить силу, чтобы привести алерионцев в чувство.

Оляйя:

- А как с этим обстоят дела в настоящее время?

- Алериион уже не представляет той угрозы, которая была лет двадцать назад.

Оляйя:

- А с Наксой дело обстоит иначе?

Гейм:

- Конечно. Когда они угрожали Земле? Если, конечно, не считать некоторых столкновений на почве торговых интересов.

Оляйя:

- А что ты скажешь о бомбардировке здания Миссии землян на Мундомаре два года назад? Может, фанатики...

Гейм:

- У наксанцев нет фанатиков. Бомбардировку провели агенты элеутерианцев, чтобы спровоцировать ярость землян. И это им удалось. Федерация прервала переговоры с Лигой, а, кроме того, этот инцидент оказал известное воздействие на выборы.

Оляйя:

- Прошу прощения, ты можешь доказать это заявление?

Гейм:

- У меня сведения от моих друзей из службы разведки Новой Европы. Естественно, ваше правительство ничего не подтвердит.

Оляйя:

- Вернемся к теме разговора. Ты считаешь, что элеутерианцев следует предоставить самим себе?

Гейм:

- Мне странно слышать такой вопрос от тебя.

Оляйя:

- Это не мой вопрос. Это вопрос, который звучит во многих диспутах. Во многих выступлениях.

Гейм, улыбнувшись:

- Прошу понять, что я говорю, как частное лицо, гражданин иностранного государства. Благодаря Богу, если он есть, мое государство с самого начала заявило о строгом нейтралитете. Хотя должен напомнить, что Новая Европа находится в добрых отношениях с обеими сторонами.

Оляйя:

- Капитан, я просто удивлен, услышав твое мнение о конфликте. Особенно если провести аналогию с тем, что ты делал и что делают сейчас элеутерианцы.

Гейм:

- Я отрицаю подобную аналогию. Как я уже заметил, Алерин угрожал нашему существованию, что ни в коей мере нельзя сказать о Наксе. Новая Европа объявила себя независимой. Но никогда не посягала на чужую собственность.

Оляйя:

- Не...

Гейм:

- О'кей. Тогда послушайте старого инженера и старого политика, давно забытого всеми. Еще раз напоминаю, что я говорю как частное лицо и никто больше. Во-первых, я восхищаюсь элеутерианцами. То, что они сделали - грандиозно. Они провозгласили не новое государство, они создали свои души. Но, во-вторых, наксанцы Чеякки-Мундомара проявляют не меньше героизма. Разве нет? И это тоже разумно, как разумны они сами. И они первыми прибыли на планету.

Я не думаю, что им по силам изгнать землян с Мундомара. И не думаю, что Лига хочет этого. Сама эта идея глупа. На этой планете существуют самые разнообразные условия жизни. Их мирное взаимодействие не может привести ни к чему, кроме взаимной пользы.

О деталях всегда можно договориться. Самое плохое, что элеутерианцы не стремятся к этому. Например, сейчас они вкладывают значительные средства в развитие Гаярру -

Сигурсонию - и чем дальше, тем труднее им будет отказаться от нее. И сейчас они говорят о ней как о чем-то, что обеспечивает им безопасность. Чепуха. Даже если они и верят в это, все равно это чепуха. Единственное, что гарантирует безопасность между народами, так это взаимные интересы.

Оляйя:

- Значит, ты не одобряешь этот конфликт?

Гейм:

- Черт поberi, да! Наксанцы действуют столь же неразумно и опрометчиво, как и люди. Однако скажи мне, Оляйя, какую выгоду получает средний землянин от того, что Комитет Контроля Мира, руководимый Парламентом Федерации подписывается под элеутерианским империализмом? Если элеутерианцы захватывают чужие территории, пусть захватывают, но на свой страх и риск.

Высадка морских пехотинцев с огромного космического транспорта на шатлл-челнок, который доставит их на планету. Грохочет военный оркестр, разносятся голоса, усиленные громкоговорителями.

Слава, слава, алилуйя!

Слава, слава, алилуйя!

Слава, слава, алилуйя!

Глава 9

Спарлинг поехал в Сехалу на машине. Полет на флайере занял бы гораздо меньше времени, но ему хотелось все тщательно обдумать. Дорога шла вдоль реки и на ней было очень слабое движение. Огромные кентавры-носильщики, курьеры легионов, запряженные в тележки мермеры, просто путешественники. Спарлинг встречал представителей многих рас - от хаэленцов до полудикарей с острова Эхур близ Валленена. Большинство из них было без одежды, но зато в изобилии украшено разнообразными украшениями, побрякушками, перьями. По реке непрерывным потоком двигались баржи, галеры, лодки. Газеринг испытывал трудности, он терял одну территорию за другой, но тем не менее служил магнитом для торговцев всех мастей.

И еще Спарлинг замечал патрули легиона. Раньше такого не было. Они в основном несли службу по поддержанию порядка, оказанию помощи, улаживанию мелких споров. Сейчас ситуация была весьма сложной. Спарлинг знал - почему. Все больше народа с севера направлялось сюда. Они хотели закрепиться здесь до того, как бури и нападения уничтожат их дома. У Веронена не было правительства, и он не имел средств предотвратить это нашествие. И у него не было возможности обеспечить всем необходимым вновь прибывающих. Лишь немногие могли найти здесь работу. А остальные...

Спарлинг видел огромные стада, богатые ранчо. Далее к югу в Сехале уже собирали урожай. Тут еще не было горячего дыхания Злого Солнца и ничего не говорило о том, что дальше к югу Ану уже сжег весь урожай.

Он оставил машину и остановился в гостинице, предназначенной для людей.

- Если ты не возражаешь, дорогой гость,- сказал ему хозяин,- я предпочел бы иметь монеты вместо бумаги. В последнее время я получил много фальшивых денег и потерпел убытки.- И он показал Спарлингу монеты - грубую имитацию монет землян. Однако настоящие монеты за границами Примаверы почти не появлялись, и иштарианцы предпочитали пользоваться монетами своей чеканки, грубыми, но тем не менее имеющим хождение в качестве денег.

- Черт бы побрал этих бродяг,- ворчал хозяин,- воруют, грабят. А что толку хватать их? Тащить в суд? Они ничего не могут возместить. Заставлять отработать - бессмысленно. Телесные наказания тоже не могут ничему научить их. А суд не может приговорить к смерти, пока обвиняемый не предстанет перед ним трижды. Нужно просто грубо гнать этих бродяг.

Спарлинг знал все формы наказания, существующие в Иштаре, и в душе соглашался с хозяином.

Он полез в карман и достал несколько монет... Вполне достаточно, чтобы оплатить гостиницу. Хозяин сунул их в карман. Он понимал, что человек не будет его обманывать.

- Я пойду в город, осмотрюсь,- сказал человек.- Здесь все так изменилось с тех пор, как я здесь был.

Ему требовалось пройти в город для переговоров с местными лидерами. Обычно в Сехале не было никого из них, за

исключением того времени, когда собиралась Ассамблея. Это была не столица, и даже не город. Просто обширная территория, где были сосредоточены некоторые учреждения, и, значит, место, удобное для официальных встреч.

Оба солнца были уже за горизонтом, и с реки дул прохладный ветер. Хотя ему и не улыбалась прогулка по пустынным улицам длиной в несколько километров, Спарлингу все же хотелось посмотреть, как здесь обстоят дела. Люди бывали здесь довольно часто, но они не обращали внимания на то, что их не интересовало в данный момент. То, чем занимались люди, приходившие сюда по делу, требовало всего их внимания, будь то разбор старых хроник или беседы со старыми шкиперами о дальних неизведанных странах. Однако...

Гостиница находилась возле гавани. Это было типичное здание, где обычно останавливались люди. Она была окружена небольшим садом, а перед ним находился пруд. Первые четыре этажа были сделаны из камня, остальные восемь - из дерева Феникс. Каждая комната имела балкон.

«Хорошая архитектура», - подумал Спарлинг. Удобное здание. Деревянные стены защищали от жары. Все балконы были снабжены козырьками для защиты от смертоносного излучения. Этому зданию было больше тысячи лет. Одну катастрофу оно уже пережило, переживет и следующую.

Дорога вела к реке, где густо теснились склады, стояли лодки, пришедшие из Ливаса, большого морского порта. Шум, крики - это был настоящий порт, хотя, конечно, и не сравнимый с Гаванной. Но это был центр цивилизации, надежда расы, которая в будущем займет свое место в Галактике. Если бы только устранить это красное проклятье.

Он пошел к югу. Сначала дорога шла среди полей. Он знал, что здесь, в отличие от Земли, города кормили сами себя, развивая сельское хозяйство. Так что все эти поля являются собственностью Сехалы.

Спарлинг продолжал путь. Вокруг него уже были дома. Здесь не было городской стены, как в Порт Руа или в Тархане. Войны здесь не было уже много лет. И сейчас считали, что защиту вполне обеспечит легион. В случае поражения сехальцы предпочитали рассеяться по стране, чем оказаться запертыми внутри стен. Тем более что основные богатства жителей были сосредоточены на их ранчо.

Город строили без плана. Каждый возводил свой дом, как хотел. Дома стояли на большом расстоянии друг от друга, разделенные полями, рощицами. Многие кварталы были просто затянуты тентами, владельцы которых просто не хотели утруждать себя строительством. Все здания были большими, и не удивительно, если принять во внимание размеры их обитателей. Архитектура была самой разнообразной, от строго функциональной, до причудливо нарядной.

Система канализации в городе была небольшой проблемой для иштарианцев, так как их организмы не выделяли мочи, а твердых выделений было совсем мало. Поэтому в городе пахло только дымом, растениями, острым мужским и сладким женским потом.

Кентавры, встречавшиеся Спарлингу, почтительно приветствовали его, вне зависимости от того, были ли они знакомы. Однако никто не останавливал его поболтать. Здесь считалось дурным тоном останавливать того, кто спешит по делу. Народа в городе было меньше, чем обычно.

Он узнал причину этого, когда проходил мимо башни Книг.

- Ян!- услышал он.

Окликнул его Ларекка. Они хлопали друг друга по плечам и каждый читал на лице другого тревогу.

- Что-нибудь случилось?- спросил Спарлинг.

Хвост Ларекки хлопнул по коленям.

- Много всего,- ответил он.- И здесь и в Валленене. Я не знаю, где хуже. Пришло сообщение из Порт Руа. Отряд, отправившийся освободить Тархану, уничтожен по дороге. Сам Воуа - ты помнишь, Воуа, мой помощник, он убит. Варвары требуют выкупа за пленников, но не золотом. Они хотят оружие. Это означает, что они будут продолжать войну.

Спарлинг присвистнул.

- Поэтому Свazzi снова собирает Ассамблею сегодня утром,- продолжал Ларекка.- Скоро я откажусь выслушивать пустые речи и уеду.

«Так вот почему так мало народу на улицах,- подумал Спарлинг.- Все на аудиенции. Ассамблеи собираются крайне редко. И почему я попал сюда именно в этот момент? Ведь я же сначала хотел подготовить почву, осторожно сообщить им наше решение...»

Он услышал свой голос:

- Ты пришел сюда, чтобы потребовать подкрепление из Валленена?

- Да,- ответил Ларекка.- Большинство членов Ассамблеи требуют немедленной эвакуации. Они хотят отдать весь континент без боя. А что у тебя, Ян?

Спарлинг рассказал ему все. Ларекка долго стоял молча. Его шрам над бровью побагровел.

- Ну что же, нанеси им этот жестокий удар. Прямо сейчас. Может, хоть это приведет их в чувство.

- Или лишит чувств,- пробормотал Ян. Однако выхода или выбора у него не было и он пошел с Лареккой.

Ассамблея собиралась в мраморном здании, своими колоннами напоминавшем Парфенон. И это несмотря на бесконечные различия, начиная от круговой архитектуры и кончая абстрактными фризами. Окна, в которых виднелись головы зрителей, проливали свет на мраморный пол, где стояли члены Ассамблеи. Посередине были возвышения для спикера и ораторов.

Здесь собирались представители самых различных общин.

Каждое сообщество, входящее в Газеринг, прислало своего представителя. А иштарианцы в этом отношении были изобретательнее землян. Племена, кланы, монархии, теократия, аристократия, республики, коммуны - здесь было представлено все.

Последний раз Ассамблея собиралась десять лет назад. И уже тогда на ней обсуждался вопрос: какие территории можно надеяться удержать с учетом помощи землян, форму которой еще нужно было определить. С того времени произошли многие события: с многих территорий легион был вытеснен, усилились бури, возросло сопротивление варваров... Но потеря всего Валленена - это уже чересчур.

Когда Спарлинг вместе с Лареккой вошел в зал, он увидел, что спикером был избран Джерасса. Он хорошо его знал: местный житель, избранный спикером за свою разумность, выдержанность. Он провел много времени в Примаверсе, имел друзей среди людей, многому научился от них. В жизни он был ученым, смотрителем Башни Книг. Но от книжного червя в нем ничего не было. Более того, он был даже щеголем. В своей гриве он развел флуоресцирующие растения и теперь над его головой как будто светился нимб.

- ...Я согласен с тем, что в продолжении прошлых циклов мы были обязаны сохранять территорию Валленена. Но

согласно заявлению Ларекки, теперь среди варваров появился вождь, объединяющий их силы. И цели его идут гораздо дальше, чем просто грабежи. Поэтому я считаю, что нам нужны силы, чтобы наглухо закрыть ворота для эмигрантов, этого требует цель, наша великая цель - спасение цивилизации.

К тому же сейчас ситуация иная. У нас есть союзники. Раньше мы надеялись только на легионы и на склады провизии. Теперь же с помощью людей мы сможем выжить на гораздо больших территориях.

К сожалению, помощь землян очень ограничена. Они объяснили нам, что не смогут получить поддержку с Земли. Кроме того, их очень мало. И все же даже один вооруженный самолет землян для нас более ценен, чем целый легион.

И я считаю, что нет смысла пытаться сохранить Валленен. Мы всегда сможем вернуть его. И что мы теряем? Различные предметы роскоши, без которых мы и так сможем прожить. А, кроме того, я уверен, что валлененцы откажутся торговать с нами в свете последних событий.

Я уверен, что у нас много работы дома. Роль легионов теперь должна быть более гражданской, чем военной, больше инженерной и строительной. Я считаю, что нет смысла посылать второй легион на помощь Зера Ватрикс, но необходимо отозвать Зера. Он больше нужен здесь, чем там.

Джерасса увидел в дверях Ларекку и Спарлинга и закончил свою речь:

- Вы слышали мое мнение, а вот представитель людей. Если вы пожелаете, он выступит перед вами.

- Желаем,- слышались голоса. Джерасса спустился в возвышения, а Свazzi обратился к Спарлингу:

- Привет тебе, Ян Спарлинг. Ты хочешь выступить перед нами?

«Ужасно не хочу,- подумал Спарлинг.- Ты один из десятка существ во Вселенной, которому мне не хотелось бы причинять боль».

- Да,- сказал он и выступил вперед.

Он и Свazzi похлопали друг друга по плечам. Свazzi был стар, стар даже для иштарианца, а теперь, когда он услышит слова землянина, он еще больше постареет. Он смотрел на Спарлинга ясными глазами на морщинистом старом лице. Кожа его оставалась бархатисто-зеленой, грива - красной с золотыми прожилками.

- Ты в курсе того, что обсуждается теперь?

- Немного,- ответил Спарлинг, чтобы хоть немного выиграть время.- Будет лучше, если ты посвятишь меня в ваши проблемы.

И Свazzi стал излагать все события, которые вызвали собрание Ассамблеи. Хотя первоначальные функции спикера - быть в курсе всех событий в Газеринге - уже не могли быть выполнены, так как территория его расширилась по сравнению с первоначальной во много раз, блестящая память Свazzi помогала ему видеть полную картину событий, благодаря чему, несмотря на свой преклонный возраст, он все еще оставался в должности спикера. Ему было уже триста лет, но никто до сих пор и не думал о его отставке.

Спарлинг слушал вполуха, составляя в уме свою речь. Его основной проблемой было не просто облечь жесткую правду в обтекаемые слова. Нет, он должен вынудить слушателей самим прийти к такому же решению, к какому пришли земляне. Но что это за решение? Что за действия? Это же не парламент. Единственная власть, которой обладала Ассамблея - это сила морального воздействия.

— Я уже провел двадцать лет на Иштаре и сделался ксенологом, чтобы наиболее полно использовать знания инженера. Однако большую часть исследований я провел вдали отсюда. Я не играл никакой роли политика. Вся моя политика сконцентрировалась на Земле, где я старался выбивать фонды для проведения исследований. И я прекрасно понимаю, что Газеринг не империя, не федерация и даже не сообщество союзников. О, разумеется, все члены Газеринга имеют общие цели. Но это и все, что связывает их. Что привело сюда людей, что привело сюда делегатов? Впрочем, люди даже не делегаты.

Цивилизация Южного Валленена во время последнего прихода Ану не погибла окончательно. Были построены склады, укрытия, хранилища книг и приборов, сформированы легионы. Выживанию способствовала и продолжительность жизни. Иштарианец в своей юности встречал цикл активности Ану, вопросительно воспринимал уроки тех, кто уже имел опыт встречи со Зловещим Солнцем, а когда наступал следующий цикл, он был стариком, способным передать свой опыт молодым.

Слаборазвитые области с удовольствием нанимали легион, который обеспечивал им не только защиту, но и выполнял гражданские функции. Легионеры обеспечивали торгов-

лю и обмен информацией и новейшей техникой с другими областями. Центр этого обмена находился в Сехале.

Поэтому тут через определенные промежутки времени проводились встречи, переговоры, контакты, диспуты. Сехала была всеми признанным местом, где осуществлялись контакты между разными кланами, сообществами, группировками. Любое сообщение притягивало сюда лидеров сообществ и группировок. Причем количество делегатов вовсе не влияло на результаты голосования, так как каждый член или группа имели право на определенное количество голосов. И все же Ассамблея не была законодательным органом. Она могла только давать рекомендации, линию поведения.

Однако обычно этим рекомендациям следовали все. Ведь любая группировка предпочитала подчиняться требованию большинства, чем оказаться в изоляции. Воины легиона считали себя слугами цивилизации, однако не брали на себя функции политиков.

Таким образом, для разных его членов Газеринг был разным. Даже название его в разных группировках звучало по-разному. Для одних это было вопросом политики, для других - хранителем чего-то важного, для третьих - символом чужой культуры, обязательно высшей, но достаточно полезной, чтобы поддерживать с ней связь.

Для валлененцев, архаичных, остальных, Газеринг был чужой страной, которая посылала торговцев... но под сильной охраной, и которая благодаря своим крепостям, гарнизонам, кораблям, не допускала разбойничьих набегов на чужие земли, и которая, пока она сильна, не допустит захвата своих земель, удаленных от воздействия Жестокой Звезды...

- Теперь ты понимаешь обстановку,- продолжал Сваззи,- разумеется, никто не может заставить легион Зера вернуться домой. Более того, те, кто имеют владения в Валленене, предпочли бы оставить его там. Решение остается за нами. Однако большая часть делегатов чувствует необходимость возвращения легиона. Правда, прежде чем принять решение по этому поводу, мы должны узнать, какую военную помощь могут оказать нам люди. Не мог бы представитель Примаверы проинформировать нас по этому поводу?

- Я должен,- хрипло сказал Спарлинг.

Он предпочел бы сейчас стоять в земном зале, где мог бы спрятаться от этих глаз. Сейчас же он повернулся - как принято - к спикеру и заговорил:

- Я уверен, что большинство из вас поймет то горе, которое испытываю я, сообщая вам неприятные вести. Со всем недавно мы узнали, что на грядущие годы наши руки будут связаны, и мы не сможем оказать вам никакой помощи. Никакой. Я даже не знаю, когда мы сможем продолжить работы по сооружению дамб для защиты от торнадо, по созданию синтетической пищи, убежищ для тех, кто прибьет из пораженных Злым Солнцем мест. Мы даже не сможем предоставить вам самолеты для эвакуации пострадавших. И не дадим вам никакого оружия. Самое большое, что мы можем сделать, это помогать советами. Однако мы не покинем вас. Примавера останется. Для сотен из нас Примавера - наш дом, а вы - наш народ. Вы, несомненно, знаете причину. Вы знаете, что происходит в космосе, вы знаете о конфликте между Землей и другой планетой. Поэтому Земля должна сосредоточить в единый кулак все свои силы и ресурсы.

Но у меня есть новость более худшая. Земля решила создать свою базу на вашей планете. Однако вам об этом беспокоиться нечего. Мы достаточно далеки от театра военных действий и мы попытаемся убедить Землю, что база тут не нужна.

Если это удастся сделать, то некоторые работы для вас будут продолжены. Например, дамбы будут сооружены в срок. Однако, если война продлится долго, в обозримом будущем мы не получим с Земли никаких материалов. А если нам не удастся предотвратить строительство базы, то помощи вам мы оказать не сможем. О, разумеется, наше личное оружие и машины останутся в нашем распоряжении и мы сможем предоставить их вам. Но конечно же, этого недостаточно, чтобы вы смогли сдерживать варваров.

Я не знаю, сколько времени это продлится. Возможно, все окончится довольно быстро, и мы продолжим наше сотрудничество. Но будет лучше, если мы будем ожидать худшего и готовиться к нему.

Спарлинг замолчал. Вся эта риторика годится для людей. Как подействовало мое сообщение на иштарианцев? Боюсь, что мне не удастся смягчить удар.

В ужасной тишине Сваззи снова взял слово.

- Мы должны снова вернуться к обсуждению наших проблем. Без сомнения, Ассамблея продлится дольше, чем мы предполагали. В обсуждении примут участие и наши

друзья - люди.- Он повернулся к Спарлингу.- Ты прибыл вместе с Лареккой. Каково твое мнение относительно нашего пребывания в Валленене?

Спарлинг был захвачен врасплох.

- Я... не... воин... Я не знаю... Вряд ли я компетентен.

Послышался голос Джерассы:

- Спикер прав. В свете новых сообщений мы должны обсудить все более тщательно. И разве не удвоилась необходимость вернуть все наши силы в Валленен?

Послышались крики протеста. В этом гаме Спарлинг уловил, что большинство требует, чтобы цивилизация оставила все территории к северу от экватора и вывела оттуда свои войска.

Сваззи прекратил весь этот шум, пригласив на помост Ларекку.

Когда наступила тишина, командир легиона заговорил ровным, бесстрастным голосом:

- Я уже пытался объяснить вам то, что вы не хотели понимать. Сохранение Валленена - это не вопрос защиты коммерческих интересов. Это вопрос защиты всей цивилизации. Я знаю это как воин, который много лет охранял границы цивилизации, испытывший все опасности, которые подстерегали меня там.

Если мы оставим Валленен, враги могут собрать все свои силы и ударить по всему фронту. Вскоре мы потеряем все острова в Эхуре и Море Файери. Корабли противника достигнут берегов Северного Валленена и на материк хлынут целые орды варваров. Может, нам удастся сдержать их и сохранить половину континента, но все равно это будет концом Газеринга. Цивилизация погибнет везде, кроме Южного Веронена. Неужели вы не можете этого понять?

Но если мы останемся в Веронене и примем здесь бой, мы сможем сохранить здесь свои территории. Я как солдат считаю, что мы должны собрать все силы и послать их со мной в Валленен, чтобы нанести решительный удар по врагу. Голосуйте, если желаете, Зера останется в Валленене.

Глава 10

Джилль Конвей пела старую песню, и пальцы ее бегали по грифу гитары. Затем она стала просто насвистывать мелодию. Трели глиссандо, аккорды плавали под звездами, касались нервов, пока все тело, казалось, не начинало трепетать в такт волшебным звукам, пришедшим сюда через бездну времени.

Ее взгляд бесцельно блуждал вокруг. Ночь была теплой, и Джиль откинулась на крышу своего коттеджа. Она сидела под открытым небом вместе с Юрием. Уличного освещения в Примаверсе не было, а от окон соседей их защищал забор. Единственным источником света в комнате был светящийся шар на столе, который соседствовал с бутылкой коньяка. Бутылку к обеду, который приготовила Джиль, принес Юрий. Над деревьями торжественно сияли звезды. Между ними быстро плыла Целестия. Но глаза Джиль смотрели дальше, в созвездие, где находилась Земля, где родились слова и мелодия той песни, которую она подарила гостю. На Земле родилась раса, к которой принадлежала и она сама, хотя вряд ли и частица этой расы осталась в ней...

«Звезды,- думала она.- Мы можем исследовать объекты, находящиеся от нас в тысяче световых лет. Но что происходит с людьми, мы понять не можем... Какие они теперь... Световые годы... Свет...»

Свет блестел на траве, отражался от блестящих эмблем на одежде человека, и она знала это, от серебряного обруча, стягивающего ее волосы... Она закончила песню.

- Прекрасно!- воскликнул Джерин.- Никогда не слышал ничего подобного. Откуда эта песня?

- Думаю, из Америки.- Джиль опустила гитару и откинулась на спинку кресла, взяла стакан и сделала из него глоток. Этот бренди с Земли ударял ей в голову. Она предупредила себя, что не нужно слишком увлекаться. Однако не нужно и пренебрегать. Умеренность во всем, включая и саму умеренность.

Она вспомнила, как когда-то сказала эту фразу Яну Спарлингу, и тот ответил, что ее идея об умеренности понравилась бы Александру Великому.

Любит ли Ян меня? Мне бы очень хотелось знать, чтобы знать, как мне поступать...

Она продолжила, улыбнувшись:

- Странно, что ты прилетел в такую даль, чтобы услышать песню твоей планеты. Однако на Земле она давно забыта. А здесь мы сохраняем многое из старого. Может, мы поступаем неправильно?

Джерин покачал головой.

- Нет, Джиль,- поспешно сказал он.

Они уже во время обеда перешли на имена. Причем он с таким знанием дела похвалил ее искусство кулинарии, что она была уверена: он вполне искренен. И она была горда похвалой.

- Мелодия настолько оригинальна, что скорее всего местного происхождения, да?

- И да, и нет,- ответил она.- Я провела много времени на полевых работах в горах. На больших расстояниях местные жители общаются между собой с помощью пересвистывания. И на основе этого они создали целую музыкальную систему. Я попыталась приспособить ее к земной мелодии. И это было непросто, так как иштарианцы слышат мелодии в большем диапазоне, чем мы. Их музыка и танцы чересчур сложны с нашей точки зрения.

- Но ты превосходно исполнила песню!

- Да, это мое хобби. Тебе следовало бы послушать и другие мои песни. Некоторые даже неприличные,- хихикнула она.

Джерин усмехнулся и наклонился к ней. Джиль надеялась, что он не воспринял ее слова, как намек. Чтобы сменить опасную тему, она пошутила и была вознаграждена смехом. Затем наступила тишина.

- Прекрасный вечер,- пробормотала она.- Нужно сполна насладиться им. Такие вечера бывают редко.

- Да, прекрасный,- ответил он.- В основном благодаря тебе.

Она бросила на него быстрый взгляд, но он сидел спокойно.

- Я действительно благодарен тебе за приглашение и за такое хорошее отношение ко мне. У нас здесь будет трудная работа, и почти все к тому же относятся к нам холодно и даже враждебно.

- По-моему, это неправда. На тебе та же форма, что и на брате. Эту войну развязал не ты, и тебе приходится просто выполнять свой долг, как и всем людям.

- Ты знаешь, я за войну. Не для завоевания, не для славы. Просто это меньшее из зол. Если мы сохраним баланс сил на сегодня, нам придется воевать лет десять или двадцать.

- Ты уже говорил это... Я, Юрий... Ты нравишься мне как личность, но не хочешь понять, что я пытаюсь повлиять на тебя. Я хочу, чтобы ты помог Иштару. Ты говоришь о жертвах во имя высшего добра. А какова ценность миллионов живых мыслящих существ? Существ, создавших свое общество, искусство, философию, существ, которые опередили нас в эволюционном развитии?

Его рука сжала ручку кресла.

- Я понимаю, что у вас здесь много друзей, которые страдают, если вы не выполните свои программы. Но посмотрим на ситуацию беспристрастно, Джиль. Прости меня, но задай себе вопрос: каковы научные достижения в мире твоих друзей?

- Это не разговор!- воскликнула она.- Твоя дурацкая база...

Она замолчала, и Юрий поспешил вклиниться в ее речь:

- База - это мелочь. Она, конечно, нужна, но это мелочь. Главное в том, что война без остатка поглотит все наши ресурсы. Вы не сможете получать помощь с Земли. И эти жертвы приносятся во имя людей, которые могут так же пострадать, как и иштарианцы.

- Не знаю,- она смотрела мимо него.- Неужели твоя высшая цель состоит в том, чтобы ограбить наксанцев?- Она сначала говорила шепотом.- Не знаю. Единственное, что я знаю, это то, что мы теряем шанс продвинуться еще дальше в изучении молекулярной биологии.

Краешком глаза она увидела, что Юрий нахмурился.

- Хм. Я не уверен. Я уже слышал от тебя, что иштарианцы такие уникальные существа, но не знаю, насколько их достижения могут быть полезны для нас.

- К чему сейчас говорить об этом, если мы даже не пытались рассмотреть эти вопросы. Но я сейчас говорю только о биологии. Мы только начинаем понимать внеземную жизнь. Переворот, который свершается в биологии, сравним с эйнштейновским переворотом в физике. И Иштар, эта замечательная планета, может быть, единственная во Вселенной, где мы можем эффективно изучать внеземную жизнь.

- Но война ведь не повлияет на твои исследования, Джиль...

- Напротив. Для изучения Т-жизни мы должны иметь свободный доступ в Валленен. Мой дядюшка Ларекка приезжал сюда просить у нас помощи, чтобы сохранить Валленен.- Она посмотрела на Юрия.- Как тебе это нравится,

Джерин? Все наши будущие знания, может быть, даже тайна бессмертия человека находятся под защитой старых, измученных воинов-легионеров.

- Я не совсем понимаю тебя. Будь добра, объясни.

Ее охватило удивление. «До сих пор он все понимал и не нуждался в ее пояснениях. Откуда же теперь такое невежество?»

Он сидел, освещенный сиянием звезд, в правой руке стакан, в левой - сигарета. Добрый и сердечный, но с каким-то налетом таинственности. И... О, святой Дарвин! Как он красив! Сердце ее заколотилось.

«Нет, я не должна влюбляться! Хотя знаю, что это довольно просто. Но какая же из меня жена космолетчика? Или из него - житель Примаверы?»

Она вспомнила тех мужчин, что были у нее раньше. Разумеется, не мальчишек, друзей детства, с которыми она носилась на мотоциклах, выделявая головокружительные трюки. Теперь, оглядываясь назад, она понимала, что несмотря ни на что, они боялись ее, так же, как и она их... Возможно, именно они подготовили ее именно к тому, что она совершенно неожиданно для самой себя отдалась Кимуре Сэндзо. Ей тогда было семнадцать. Два года она сопровождала его в экспедициях - и это было чудесно, божественно, греховно... Но это было бы не таким, если бы он с самого начала не предупредил ее, что будет вынужден вернуться к своей жене и маленькой дочурке, которая скучает без папы. И это тянулось два года... После него у нее было еще трое - но к каждому из них она не испытывала ничего, кроме дружеских чувств. И эти связи были недолгими, потому что Примавера - небольшой городок, и она не хотела, чтобы люди, к которым она хорошо относилась, перессорились между собой...

Ян... Она вообще не была уверена, что любит его, и к тому же Рода...

«Джиллиан Ева Конвей,- сказала она в мыслях голосом Ларекки.- Опустить свой хвост. Ты помнишь, что этот человек - враг! Возможно, он симпатичен тебе, но для тебя это не более, чем объект игры, которого ты должна подчинить себе».

Какие сексуальные видения мелькнули в ее мозгу? Она хихикнула.

- В чем дело?- спросил Джерин.

- Ничего. Просто задумалась,- быстро ответила она.

Он с любопытством посмотрел на нее.

- Мне хотелось бы знать, что же это такое - Т-связь?

- О, да, - она расслабилась и выпила глоток коньяка. - Это сокращение для выражения: «Жизнь, возникшая на Таммузе». Для того, чтобы отличить ее от орто-иштарианской жизни, которая возникла на Иштаре... Ты знаешь, что в системе Ану есть планеты, подобные Земле. И на одной из них возникла разумная жизнь. Это было миллионы лет назад. Когда Ану стал раздуваться, таммузианцы решили переселиться на Иштар и основать здесь колонию. Разумеется, это только наши предположения.

Джерин поднял брови.

- Предположения? Я думал, это доказано.

Джилль покачала головой.

- Какие могут быть доказательства через миллион лет?

Я могу показать тебе доклады археологов, работающих на Таммузе. Весьма интересно и несколько грустно. Во всяком случае есть основания предполагать, что таммузианцы создали средства для межпланетных перелетов и пытались колонизировать Иштар. Разумеется, все они не смогли переселиться сюда. Вероятно, они хотели спасти лишь некоторых, чтобы жизнь могла возродиться снова.

- Насколько я знаю, - сказал Джерин, - они прибыли на Иштар и обнаружили, что здешняя биохимия несовместима с их биохимией, стерилизовали один из островов и поселились там. Однако по неизвестным причинам они все вымерли. И животные, и растения с Таммуза также погибли. Осталась только микроскопическая флора, приспособившаяся и со временем эволюционировавшая в многоклеточные формы жизни. Я правильно все понимаю?

- Да, эта терминология и теория весьма популярны, - ответила Джилль. - Она послужила основой для огромного количества плохих стихов, песен, фантастики, пьес для любительского театра. Но это только голая теория. Вполне возможно, что споры таммузианской жизни были занесены сюда метеоритами. А может, они присылали сюда экспедиции, от которых и сохранились формы жизни, известные сейчас.

А может, они действительно собирались здесь жить, но вскоре открыли принцип Маха и улетели куда-то в другую Галактику. Может, они все еще сосуществуют где-то, и их цивилизации на миллиарды лет опережают нашу. - Вся шутливость покинула ее. Она подняла голову к звездам и прошептала: - Понимаешь? И археологам можно было бы и не перекапывать древнюю почву.

Он ответил, и Джиль почувствовала в его голосе благоговейный трепет:

- Великая идея... Даже слишком великая для нас.

Она продолжала деловым тоном:

- Да, теорий было очень много. Гораздо больше, чем фактов. Во-первых, на Иштаре, с его вполне земной биохимией, существует Т-жизнь. Даже базирующаяся на водных соединениях протеина, но во многом чуждая ортожизни. Во-вторых, планета Таммуза мертва, но все говорит о том, что там когда-то существовала Т-жизнь. В-третьих, Т-жизнь Иштара сконцентрирована на Валленене, в северной его части. Это дает возможность предположить, что там когда-то был остров, заселенный колонистами и очищенный от местной жизни.

Но затем этот остров слился с другими островами, и в результате этого образовался материк, который затем стал нам известен под названием Валленен. Однако прямых доказательств этому мы не имеем. Это - терра инкогнита для нас.

- Все еще неизвестная, хотя человек появился на Иштаре сотни лет назад? - удивился он. И тут же сказал: - Впрочем, я понимаю. Обзор с орбиты, посадки в слу-чайных местах. До планомерного исследования дело еще не дошло. Перед нами еще много работы.

Джиль кивнула.

- Да. У нас множество проектов. А пока мы в основном работаем в зоне Южного Валленена. Только если Газеринг будет спасен и удержится, мы сможем продвинуться дальше на север.

И тут же с жаром добавила:

- Неужели ты не видишь, какую ценность представляет Иштар для Земли? Да, я знаю о планетах, где найдены аналоги Т-жизни. Но того, что мы имеем здесь, нет нигде! А уникальные интерзоны, где совмещаются Т-жизнь и ортожизнь Иштара!

Джерин улыбнулся.

- Ты выиграла.

Она улыбнулась в ответ.

- Две разные экологии, неспособные эксплуатировать одна другую. Только из-за этого одного нужно помочь Газерингу остаться в Валленене.

Джиль допила свой стакан, и Джерин взял бутылку, чтобы наполнить его вновь.

- Своей лекцией я заслужила эту выпивку,- заметила Джиль.

- Да, ты говорила весьма интересно,- согласился он.

- Теперь твоя очередь. Расскажи, где ты бывал.

- Если ты потом споешь мне еще.

- Мы найдем песню, которая знакома нам обоим. Давай начинай,- она снова подняла лицо к небу. Целестия уже скрылась, и остальные звезды высветились еще ярче.- О, сколько на свете удивительного! Даже умирать не хочется!

- Почему ты никогда не была на Земле?

- Я считаю, что здесь интереснее. О, я знаю, что на Земле есть много интересного, но у нас здесь большая фоно- и видеотека, записи, фильмы, фотографии...

- Самая лучшая голограмма не сможет заменить действительность, Джиль. Чего стоит один собор в Шартре! И ты со своим живым воображением нашла бы на Земле много интересного.

Послышался звонок, и Джиль поднялась.

- Извини, звонят.

«Кто бы мог быть в такой поздний час?- подумала она.- Кто-нибудь из команды Юрия?»

Она вошла в комнату и включила флюопанель. Резкий свет ударил по ее глазам и нервам. Комната как бы выпрыгнула из темноты. На алом бархате стен, расшитом спиралями, были развешаны инструменты, оружие иштарианцев, а, кроме того, тут же висели рисунки и фотографии, которые она делала сама. В шкафу стояли ее любимые книги, кассеты с записями.

Снова послышался звонок, и она со вздохом села и включила экран.

На экране появилось лицо Яна Спарлинга. Он был утрюм, глубокие морщины перерезали его длинное лицо, глаза запали и казались зелено-голубыми. Его черные волосы были в беспорядке, а бритва не касалась щетины по крайней мере дня два-три.

Сердце Джиль отчаянно забилось.

- Привет,- автоматически сказала она.- Ты похож на яблоко из компота. Конечно, случилось что-то плохое?

- Я решил, что ты должна об этом знать.- Голос его был хриплым.- Ведь ты дружила с Лареккой.

Она ухватила за край стола.

- О, с ним ничего не случилось,- поспешно сказал Ян.- Но... Я звоню из Сехалы. Целых восемь дней мы совещались.

Бесполезно. Ассамблея проголосовала за то, чтобы оставить Валленен. Мы не можем убедить их, что такое решение несет еще больше опасности. Я поддержал Ларекку, хотя у меня нет опыта в этом вопросе. Я просто верю Ларекке. Но больше нас никто не поддержал. Ларекка уверен, что ни один легион не присоединится к нему. Все потеряно.

Джилль охватила ярость.

- Идиоты! Неужели они не понимают?

- Им непросто. Ведь сейчас у них и дома много проблем. Я думаю, что смогу договориться, чтобы нам разрешили совершать полеты над Газерингом. Но будет ли у нас самолет? - в его голосе было сомнение. - А твоя задача - заняться Лареккой. Он все воспринял очень тяжело. Ты можешь успокоить его, вдохнуть в него жизнь... - он смотрел на нее так, что было ясно - не один Ларекка нуждается в ее помощи.

Слезы подступили к ее горлу, но она с трудом сдержала их.

- Что ты собираешься предпринять?

- Он направился в Валленен. Ты сможешь перехватить его на Якулен Ранч. Он остановится там, чтобы подготовиться к пути и попрощаться с друзьями.

- Я могу доставить его на самолете.

- Если наш уважаемый губернатор предоставит самолет нужного размера. Попроси его. Он наверняка поможет. Ларекка надеется, что сможет убедить легион подчиниться ему.

Джилль кивнула. Она знала, что командир легиона выбирается общим собранием офицеров. И он может быть смещен таким же голосованием.

- Ян, - почти взмолилась она. - Но зачем ему это нужно? К чему рисковать жизнями воинов?

- Он сказал, что должен поступить так. Он надеется, если дело пойдет совсем плохо, то Ларекка сумеет все же эвакуировать тех, кто останется в живых. Он хочет не просто испугать варваров. Он хочет втянуть их в битву, выяснить их реальную силу и намерения. А когда это будет ясно, он получит подкрепления. - Спарлинг вздохнул. - Ну вот, теперь ты знаешь все. Я буду звонить Году.

- Ты позвонил мне первой! - воскликнула она. - Благодарю.

И он улыбнулся ей той улыбкой, которая всегда нравилась Джилль.

- Ты заслуживаешь этого. Я вернусь через пару дней. Мне

нужно связать еще несколько оборванных концов. Приходи к нам.- Он попрощался, замолчал, затем экран погас.

Некоторое время она сидела перед экраном. Милый Ян, если бы он знал, как она восхищается им, исколесившим всю планету, готовясь к битве с красным гигантом. Иногда она думала, как бы сложилась ее жизнь на Земле на двадцать лет раньше.

Затем она тряхнула головой, вытерла глаза - ни к чему думать о несбыточном. «У меня тьма дел. Только я не знаю, как их делать».

Она поднялась и вышла в сад. Свет из комнаты упал на Джерина, который при виде ее сразу встал. Лицо его стало тревожным.

- Плохие новости, Джиль?

Она кивнула. Юрий подошел к ней и, взяв за руки, заглянул в глаза.

- Могу я чем-то помочь?

Надежда колыхнулась в ней.

- Конечно.- Затем она коротко обрисовала ситуацию.

Его подвижное лицо превратилось в маску.

- Мне жаль,- сказал он.- Я понимаю твоё состояние. А что касается того, что мне приказано, то я не могу подвергнуть сомнению его правильность. Мне запрещено даже в малой степени вмешиваться в дела планеты.

- Ты можешь обратиться к командованию, объяснить...

- Это будет бесполезно. И, следовательно, я не буду отрывать командование от дел.

- Хорошо. Поговорим об этом позже. А что касается настоящего момента, так Ларекка ищет быстрый способ передвижения. Я слышала, что в твоём распоряжении есть достаточно большие лайнеры.

- Да,- сказал он.- Несколько штук есть. Ведь нам придется строить большие наземные сооружения.

- Ты не мог бы предоставить один из них на пару дней?- она говорила и чувствовала, как у нее перехватывает дыхание.- Ведь основная работа еще не начата.

- Боюсь, что мне придется отказать. Поверь, я сожалею об этом, но я не могу рисковать флайером. Метеорологические условия на планете сейчас непредсказуемы. Флайер может попасть в бурю и погибнуть.

Она вспыхнула.

- Если ты не доверяешь мне, то пусть флайер поведет кто-нибудь из твоих пилотов.

Голос его звучал мягко, но возражений не допускал.

- Этот полет грозит не только потерей флайера, но и может сорвать выполнение моей миссии. Нет, это же и вмешательство в дела планеты. Пусть небольшое, но оно создаст прецедент. Как я потом буду отказывать в следующих просьбах? Нет, я не смогу оправдаться перед командованием.

Ее охватила ярость.

- Значит, ты просто боишься выговора? Галочка в твоём личном деле! Задержка в получении следующего звания? Вон! Пошел вон!

Он был поражен.

- Но... Я не имел... Я не имел в виду...

- Пошел прочь, болван! Или я вышвырну тебя прочь, как... Как вот это!- она схватила бутылку коньяка и швырнула ее вон. Бутылка не разбилась, но из ее горлышка, как струйка крови, вылилась темная жидкость.

Губы его сжались, ноздри расширились. Он коротко поклонился.

- Прошу прощения, мисс Конвей. Благодарю за гостеприимство. Доброй ночи.

Он пошел мерной походкой и вскоре исчез в темноте.

«Что я наделала? Может, так нельзя? Но я не могла иначе». Она присела возле бутылки коньяка, из которой все капала темная жидкость, и заплакала.

Глава 11

Пока Ларекка вместе со своими спутниками приближался к Якулен Ранч, на них с запада надвигалась зловещая буря. Холодный ветер, как плетью, сек усталые тела. Вдалеке одинокий пастух, затерявшийся со своим стадом на пустынной равнине, торопливо спешил в убежище. Одинокие деревья гнулись и трещали, задевая облака своими ветками. Мимо, совсем близко над землей летели черные птицы. Их хриплые крики были почти не слышны в вое ветра. На западе, где виднелись багрово-черные утесы, уже разразилась ужасная гроза, и яркие молнии, рассекая иссиня-черное небо, вонзались в землю. До Ларекки доносились раскаты грома.

Один из его воинов, с острова Фосс, сказал:

- Если бы я дома увидел, как надвигается такая буря, я вытащил бы свою лодку на берег и покрепче привязал бы ее.

Ларекка едва расслышал его слова.

- Да, конечно, это не смерч, но все же мне хотелось бы сейчас иметь крышу над головой,- согласился он.- Давайте побыстрее.- И он пустился вперед рысью.

На севере вдаль уже виднелись скопления домов. Видимо, придется останавливаться здесь, если они не хотят, чтобы ураган застиг их в пути.

Первые капли дождя уже начали барабанить по их шкурам, когда они вошли во двор, большой квадрат, по границам которого стояли все строения - жилые помещения, магазины, больницы, пекарни, столовая, школа, библиотека - здесь было все, в чем нуждалось цивилизованное общество, и вполне достаточно, чтобы жить здесь обособленно и торговать с другими городами. Ларекка заметил на площади небольшой флайер.

«Значит, прилетел кто-то из людей. Интересно, кто бы это мог быть?» - подумал он.

Ветер метался среди стен, поднимал пыль, трепал одежду, сек кожу. Ларекка, защищая глаза рукой, согнулся и вошел в холл.

Это было огромное здание в центре двора, сделанное из дикого камня, кирпича и дерева. Феникс с большим количеством окон, балконов, галерей. Стены все еще играли яркой мозаикой, хотя им было уже сто шестьдесят четыре года. Это было самое старое здание, и к нему по мере роста численности рода и его благосостояния пристраивались все новые и новые постройки. Они воплощали в себе самые последние стили архитектуры, и все вместе они выглядели как олицетворение чего-то вечного и непоколебимого.

Видимо, Ларекку и его спутников заметили, так как перед ними тотчас же открылись двери. В дверях их ждали слуги, тотчас подхватившие их поклажу и начавшие насухо вытирать их полотенцами. Ларекка оставил лишь свою гордость - меч из Хаэлена.

Во главе своих легионеров он пошел по коридору в главный холл. Стены коридора были кирпичные, обтянутые темно-голубым нейлоном из Примаверы. Они вошли в зал. В четырех очагах металось пламя. На стенах висели горящие факелы, а между ними разные трофеи: древние щиты, знамена. В дальнем конце зала, в изменчивых тенях находи-

лось укрытое святилище Его и Ее. Хотя лишь немногие из рода исповедовали эту религию: большинство были триадистами. Но традиции требовали, чтобы это святилище оставалось в доме. В комнате стояли длинные столы, пол был застлан матрасами. Только кое-где стояли стулья для гостей-людей. В теплом воздухе чувствовался запах дыма и разгоряченных тел. Окна по обеим сторонам зала были закрыты, чтобы сюда не проникал шум бури.

Здесь находилось примерно шестьдесят кентавров. Одни читали, другие болтали, третьи о чем-то размышляли, кое-кто тихонько напевал. Остальные кентавры, которых здесь было несколько сотен, сейчас занимались хозяйственными делами. Жена Ларекки Мерса вышла им навстречу. Это была крупная самка с большими серыми глазами, заостренным подбородком и округленным крупом. Возраст уже сказывался на ее стати: грудь и бедра стали уже несколько дряблыми, хотя раньше один взгляд на них приводил самцов в возбуждение. Хотя прошло уже двести пятьдесят лет, Ларекка и теперь переживал все это как чудо, что Мерса приняла его предложение и стала его женой. Правда, она дважды до этого отвергала его предложения, полагая, что такие предложения делает каждый легионер мало-мальски привлекательной самке.

Он поклялся, что вовсе не ищет богатую невесту и что он не искатель состояния, что он даже хотел бы, чтобы Мерса была бедной.

Она раскрыла свои прекрасные глаза и прильнула к нему так, что их гривы переплелись.

- О чем ты? Я совсем не богатая.

- Твой род Якулен владеет одним из самых богатых ранчо...

- Чепуха!- она облегченно рассмеялась.- Ты забыл, что находишься не в Хаэлене. Ранчо - это все, что находится во владении рода. Земля, вода. И все члены ранчо работают сами на себя.

- Я забыл. Ты заставила меня забыть обо всем, кроме тебя,- Ларекка обнял ее.- На следующий год мы будем нести службу за морем. И когда я вернусь, клянусь Громовержцем, мы будем богаты.

Она отстранилась от него.

- Что за чепуха? Ты думаешь, что я останусь сидеть здесь одна? Нет, я поеду с тобой.

Это произошло очень давно, когда Красное Солнце еще только появилось на небе.

Сегодня Мерса прошептала, как она соскучилась по нему, по его горячему телу и добавила:

- Пожалуй, тебе придется задержаться здесь несколько побольше, чем ты предполагаешь.

- Что? О чем ты?

Но она не ответила, и Ларекка решил, что все узнает в свое время. Он обменялся приветствиями с остальными, а затем прилег на матрас рядом с Мерсой с трубкой в руках. Остальные окружили воинов Ларекки. Всем хотелось узнать новости из Сехалы, хотя Ларекка и имел связь с домом с помощью радио.

Он и Мерса уже договорились обо всем. Когда Ларекка отбудет в Валленен, Мерса останется здесь. Это было уже не в первый раз. Иногда она не могла сопровождать его из-за отсутствия транспорта, в другой раз - из-за детей, хотя она каждый раз протестовала.

- Кто из людей у нас в гостях?- спросил он.

- Джиль Конвей. Сейчас она ушла с Рафиком. Вероятно, они скоро вернутся.

- Хм-м,- Ларекка приказал себе успокоиться.

«Его младший сын выдержит и не такую бурю. Но Джиль?..

Они погибнут, несчастные всемогущие звездные скитальцы. Если начинаешь заботиться о них, то оказываешься связан не с одним поколением, как это было у него с Конвеями. Но все же он был очень привязан к Джиль, которая обожала его еще с тех пор, когда даже не умела говорить и смешно ковыляла по двору к нему, когда он приезжал. Почему она до сих пор не родила маленькую девочку, которой он тоже стал бы дядюшкой?»

Мерса хихикнула и погладила его по руке.

- Перестань волноваться. Твоя любимица уже достаточно взрослая и прекрасно знает, что надо делать в такую погоду.- Затем она добавила:- Именно из-за нее тебе и придется задержаться здесь на несколько дней.

Ларекка затаился дымом и стал ждать продолжения.

- Она узнала, что голосование было не в твою пользу и позвонила мне, когда ты выехал из Сехалы. Она очень хочет тебе помочь, но их новый босс не разрешил подвозить тебя на самолете. Когда-нибудь ты будешь должен объяснить мне, почему это все люди должны слушаться его. Во всяком случае, она поможет тебе консервированными продуктами. Тебе ведь нужно двигаться быстро, а для этого требуются

силы. Ты должен питаться мясом. Она даст тебе порошок, который можно растворить в воде и... Ты понимаешь?

- Прекрасно!- воскликнул Ларекка и шлепнул жену по крупу. - Не понимаю, почему это я не догадался об этом сам.

- Ты бы догадался, просто у тебя раньше не возникало в этом необходимости. Кроме того, твоя голова занята сейчас более важными делами.

Ларекка молча смотрел на Мерсу.

«Черт поberi,- думал он,- вот это настоящая жена воина!» До того, как она появилась, он познал уже шестьдесят четыре самки, но сейчас они для него не существовали. Все это были не более чем случайные связи. Мерса всегда довольно урчала, когда он рассказывал ей о своих любовных приключениях, подчеркивая, насколько Мерса лучше всех их.

- Джиль сказала, что для того, чтобы доставить сюда продукты, потребуется несколько дней. Тебе придется подождать, но ты ничего не теряешь, так как это время можно будет потом сэкономить в пути, ведь его не придется тратить на поиски пищи.

«И это время ты проведешь со мной», - сказал ее взгляд.

Да, таких отношений люди никогда не поймут. За несколько столетий совместной жизни они стали как бы частью друг друга. Сейчас им предстоит длительная разлука, и хотя они непременно будут держать связь по радио, Бог знает, когда они смогут коснуться друг друга.

- Пусть лучше Джиль расскажет тебе все сама,- сказала Мерса. Она окинула взглядом собравшихся. - Ты не делаешь сейчас ничего плохого. А Якулену как раз сейчас нужна помощь доброй воли. И к тому же мы сейчас должны обсудить вопрос о Рафике,- продолжала Мерса. - Он хочет вступить в легион Иссек, так как достоверно известно, что район моря Файери может подвергнуться нападению, а кроме того, он считает, что тропические острова - это настоящий рай, где по мягкой земле бродят симпатичные самки.

- Нет,- ответил Ларекка,- если я не смогу отговорить его, он должен понять, что сейчас самая нужная служба - здесь. Если мы сможем удержать Валленен, будет прекрасно, а если не сможем - то следом падут и все острова, и следующим будет Веронен.

- Поговори с ним. Докажи ему, что сейчас военачальник для него - это я, мать.

- Он не знает, что сейчас творится на островах. После

появления Ровера, когда началась засуха, обрушились тайфуны, острова совсем не похожи на рай. Легионеры Иссека сейчас больше сражаются с голодом и болезнями, чем с варварами. Да и самки теперь не такие ласковые и доступные, как раньше. Им теперь больше приходится заботиться о том, чтобы выжить.

- Я пыталась растолковать ему все это, но он не желает расставаться со своим идеализмом. Он утверждает, что служить надо там, где требует этого его совесть, невзирая на риск.

- Тогда я скажу ему, что солдат, напрасно рискующий жизнью, должен покинуть легион. Думаю, он послушает.

Возле входа послышался шум и показался силуэт Рафика. Ларекка услышал голос Джиль:

- Мы хотели укрыться, но в такую грозу опасно прятаться среди деревьев, и тогда Рафик посадил меня на спину и мы...

Рафик устало подошел к ним и буквально свалился на матрас. Вероятно, проскакать ему пришлось много. Мерса ласково погладила его по голове. Ее вид говорил о том, что она гордится своим сыном.

Подошла Джиль. Кожа ее была уже сухая, но волосы - еще мокрыми, и в них мелькали искорки отражаемого света. Она схала на Рафике и поэтому несколько не устала. Увидев Ларекку, она устремила к нему:

- Сахарный дядюшка! Привет!

Он смотрел на нее, думая о ее странной красоте. Еще когда она была девочкой и они ходили купаться, она допрашивала его вопросами:

- Скажи мне честно, я кажусь тебе ужасной? Я знаю, что ты любишь меня, но кем я выгляжу для тебя? Существо с четырьмя конечностями, с вытянутым торсом и без крупа, без хвоста, совершенно голое, если не считать жалких пучков волос на голове, под мышками и внизу живота, груди болтаются где-то вверху, а половые органы находятся спереди, открытые взорам всего мира...

- А как для тебя выгляжу я?

- О, ты прекрасен, как может быть прекрасен кот.

- О'кей, ты напоминаешь мне сара в полете... А сейчас заткнись и доставай еду...

Все это пронеслось в его мозгу, когда она шла к нему. Он смотрел на нее и жалел, что не может стать человеком, чтобы быть ее любовником, смотреть в эти странно бездонные глаза, ощущать вкус розовых припухлых губ, провести ладо-

нями по этому белому телу, по мягким упругим грудям с темно-розовыми сосками, по плоскому животу до того самого сокровенного места, которое прикрыто от нескромных взоров мягким пушком... Его бросило в дрожь. Интересно, рождаются ли у нее такие же мысли в отношении иштарианцев? Вряд ли. Она слишком хрупкая. Одна мысль, что могучий член иштарианца может войти в нее, должна привести ее в ужас. Когда же она заведет себе любовника и начнет рожать детей?

Она упала перед ним на колени и бросилась к нему в объятия. Ее пальцы ласкали его гриву.

Ларекка потребовал еще сидра. Джиль тоже любила сидр.

- Я принесла тебе килограмм бархатного табака, - сообщила она.

- Я слышал, ты обещала не только табак. Консервированную пищу... Я благодарен тебе.

- Ты уже слышал, что на транспорт наложен запрет? Вместо того, чтобы биться головой о стену от отчаяния, я взяла себя в руки и начала собирать для тебя оружие. Я покупала, выпрашивала, занимала и даже кое-что украла. Удалось собрать двадцать винтовок и пистолетов. Плюс несколько тысяч патронов к ним.

- Ты молодчина.

- Самое малое, что я смогла сделать, но подумаем о практических вещах. Тебе нужно собрать носильщиков, которые смогут доставить груз на северное побережье.

- Не могла бы ты доставить все это в Порт Руа на маленьком автомобиле?

- Хм. Слишком явно. Джерин может поинтересоваться, зачем это мисс Конвей понадобился автомобиль. Он может проверить груз и все конфисковать. Понимаешь? И еще одно. Несколько тысяч патронов - это не так уж и много, если учесть, что твои воины недостаточно искусные стрелки. Тебе нужен инструктор, который в минимальное время обучит твоих воинов и истратит на это минимум патронов. Этот инструктор должен оставаться в строю и на время военных действий.

Он понял ее раньше, чем она кончила говорить.

- Ты имеешь в виду, что сама поедешь со мной?

Она кивнула, подтянула ноги к подбородку и обхватила колени руками. Мокрые пряди ее волос свешивались вниз, лаская ее груди.

- Именно это я и имею в виду, дядюшка.

Глава 12

Джерин вдруг обнаружил, что очень трудно найти подходящее место для строительства больших сооружений. Ему хотелось, чтобы это было недалеко от Примаверы, и он нашел подходящее место в двухстах километрах к северу. Это была совершенно безжизненная каменная пустыня, где росли только какие-то колючие кусты, место, которое было непригодно даже для жизни иштарианцев. На Иштаре было много таких мест. Однако воду там можно было добывать из глубоких скважин, а окружающие долину горы послужили бы источником строительного материала.

Он был уверен, что клан Тоссеа, которому принадлежала пустыня, без колебаний продаст эту никчемную землю. Конечно, они могут заломить большую цену, но ему было отпущено много как золота, так и валюты Федерации. И он был просто ошарашен, когда руководители клана отказали ему.

Он сказал предводителю клана:

- Насколько я понимаю, земля принадлежит не отдельным личностям, а представителям всего клана. На каком основании вы лишаете будущие, еще не родившиеся поколения моего золота?

- Зачем оно нам? Скоро придет Красное Солнце. Разве можно питаться красным золотом или прятаться под ним?

- Я могу заплатить деньгами моего народа.

- Зачем они нам, если сюда больше не прилетят торговые корабли с Земли?

В конце концов они сошлись на том, что в определенное время военные корабли доставят с Земли товары. Его командиры будут очень недовольны. Однако выхода у него не было. Если он не сможет получить землю здесь, то придется строить на другом месте, где с незапамятных времен живут дикие гоблины. А там пришлось бы не только захватывать землю силой, но и постоянно быть настороже, защищать ее. Затем он подписал очередное сообщение о том, что контракт должен быть соблюден и все его условия выполнены, в противном случае ему придется отказаться от выполнения своей миссии. Он долго размышлял, как бы сделать так, чтобы Джиль Конвей узнала о его решении.

Как только земля перешла в его собственность, он, не мешкая, высадил там своих людей и устроил поселок. Затем

он связался с Примаверой и попросил Яна Спарлинга приехать к нему. Советы инженера будут весьма и весьма полезны здесь, на Иштаре, где тот провел столько лет.

Флайер Спарлинга приземлился на следующий день. На безоблачном небе пылали два солнца, обдавая жаром землю. Окружающие холмы были серыми и какими-то нереальными. На площадке громоздились бараки, имеющие форму уродливых полуцилиндров. Огромные машины, урча, как допотопные динозавры, расчищали участок. Джерин провел Спарлинга в свой офис, помещение, оборудованное кондиционером.

- Кофе, чай?- спросил он, усаживаясь за стол.- Или вы предпочитаете сигару?

- Ничего, благодарю...- голос Спарлинга был холоден, как дыхание полюса.- Я надеюсь, что мне не придется задержаться здесь надолго?

- А я надеюсь, что вы задержитесь.

- С какой это стати?

- Я уже говорил вам об оплате консультанта. А кроме того, все ваши проекты заморожены и вам просто нечего делать.- Джерин изучал ледяное лицо Спарлинга.- Я не буду говорить о патриотизме. Будем честными, вам не по душе моя миссия. Но чем скорее я выполню ее, тем скорее вы сможете вернуться к начатым работам и проектам. Разве это не достаточное основание для помощи мне? Далее, только не поймите меня неправильно, я был бы рад, если бы Земля снова начала регулярно снабжать вас, а мои рекомендации будут весомее, если я сделаю порученное мне здесь дело быстро и хорошо.

Спарлинг в свою очередь изучал его.

- Олл райт,- согласился он.- Думаю, что вы порядочный человек. Конечно, в том смысле, как мы понимаем это слово, мы, испорченные земляне.

Джерин закурил сигару. «Что же, это небольшой шаг вперед. Особенно, если учесть, что инженер - близкий друг Джиль. Нужно попытаться получше узнать этих людей».

- Вы позволите личный вопрос?

Спарлинг улыбнулся.

- Валяйте. Хотя может случиться, что я не смогу ответить.

- Почему вы, живущие здесь так долго, имеете комплекс неполноценности в отношении иштарианцев?

Спарлинг был ошарашен.

- Откуда вы сделали такие заключения?

- Может, я неправильно выразился. Но я уже столько слышал об интеллектуальном и физическом превосходстве иштарианцев... И тем не менее у них до сих пор существуют войны.

- Не все войны так же бессмысленны, как наши.- Спарлинг помолчал.- Простите меня. Я не должен был говорить этого. Что же касается кажущейся воинственности иштарианцев, то это не более чем механизм выживания. Насколько я знаю, иштарианцы воюют только по строго ограниченным практическим вопросам. Впрочем, это не совсем верно. Поводами могут быть и гордость, и месть, особенно это касается молодых. Но это чисто индивидуальные причины. Иштарианцы никогда не стремятся навязать кому-то свою идеологию. И во всяком случае - убийство - это всегда чрезвычайное происшествие. Крайняя мера.

- И все же у них существуют разные идеологии. Разные религии, не так ли?

- Да, но при этом они ни в коем разе не фанатики.- Спарлинг заговорил более дружеским тоном.- Я не верю, что среди иштарианцев есть религиозные фанатики.

- А те, кто поклоняется триаде?- Джерин еле заметно улыбнулся.- Как видите, я тоже кое-что читал. Как эта церковь вербует себе сторонников?

- Она не вербует, а убеждает, что в ее догмах есть больше смысла, чем в верованиях язычников. Это трудная и кропотливая работа. Но вы знаете, если бы я имел склонность к религии, я бы присоединился к этой церкви.

- Что? Вы шутите! Персонифицировать разом три солнца!

- Это не больше, чем символ. Можно, конечно, считать их Богами, но можно, если предпочитаете, считать все это аллегорией, слепком реальности.- Спарлинг задумчиво посмотрел на дым, поднимающийся к потолку.- В мифологии, ее поэзии, ритуалах заложено много такого, что помогает нам лучше понимать действительность. Бел - солнце, даритель жизни, но он может быть одновременно и жестоким. Еа - Тлеющая Звезда - олицетворяет злые силы природы, зиму, смерть, но и в ней иштарианцы нуждаются. Ану - Ровер, приносит в мир смерть, хаос, но и шанс обновления мира. Да, религия иштарианцев гораздо ближе мне, чем наша христианская религия, в которой Бог един в трех лицах, и в которой его называют милосердным, хотя он и обрушивает на головы своих детей ужасные бедствия, болезни, голод, смерть...

Джерин, который причислял себя к христианам, не мог сделать ничего большего, как спросить:

- Кто-нибудь из землян принял их религию?

- Нет, конечно. И я уверен, что этого не случится. Мне кажется, что мы, земляне, даже наполовину не можем понять глубины этой религии. Достаточно вспомнить о снах...

- Снах? - Джерин нахмурился. - Это что-то вроде целительных снов первобытных людей?

- Ничего подобного. Разве вы не слышали об этом? Впрочем, вряд ли. В отчетах о планете Иштар этого не пишут - настолько это деликатный предмет. Иштарианцы спят как мы и по той же причине - мозг должен иметь отдых. Но мозг иштарианцев не отключается полностью, как и наш мозг. Иштарианцы в какой-то степени могут управлять своими снами.

- У меня и самого это бывает, когда я мало сплю.

- Да, но для землян это явление - редкое. А для иштарианцев - норма. Любой иштарианец может видеть во сне, что он пожелает сам. Сон составляет существенную часть эмоциональной жизни иштарианцев. Разумеется, и в этой области есть свои таланты, достигшие в области видения снов высот искусства. Есть даже профессионалы, которые передают свои сны другим. - Спарлинг вздохнул. - Увы, мы никогда не испытаем ничего подобного. Я никогда не могу общаться с Тριάдой во сне, и потому для меня их религия останется не больше чем философской концепцией, а не частью жизни.

Джерин глубоко затынулся.

- Да, - медленно сказал он. - Я понимаю, что иштарианцы обладают свойствами, которые могут произвести впечатление. Но я все же не пойму, по каким причинам мы можем считать себя ниже их?

- Никто и не считает так, - заметил Спарлинг. - Более того, во многом мы превосходим их. Например, они совершенно неспособны понять трехмерную геометрию. Ужасно боятся летать, хотя и знают, что наши самолеты абсолютно надежны. Вот, вы ошибаетесь, что нам свойственен комплекс неполноценности. Просто мы считаем их своими большими друзьями, от которых можно научиться очень многому, если земная политика при этом не будет на нас давить.

- Можете ли вы поверить, что я тоже был достаточно близок к негуманоидам? - осторожно спросил Джерин.

Спарлинг кивнул.

Джерин подумал: «Кажется, он стал более лоялен ко мне. Может, он отнесет оливковую ветвь мира к Джиль? Неужели

я влюбился в нее? Или это просто ее шарм очаровал меня? Впрочем, не знаю. И никогда не узнаю, если не буду видаться с ней снова, и часто...»

- Не могли бы вы как-нибудь передать это мисс Джиль? Если будет возможность, конечно. Боюсь, что она рассердилась на меня за отказ в помощи ее друзьям-иштарианцам. Она даже не дала мне возможности объяснить ей причину моего отказа.

Спарлинг выпрямился.

- Я не могу этого сделать.

Железная рука сжала сердце Юрия.

- С ней что-то случилось?

- Дело не в этом. Она уехала с Лареккой на север. Они уже давно в пути.

- Как? К чему это безумие?

- Как ее остановить? Если она решила исследовать Валленен до того, как он будет окончательно потерян для нас, кто может запретить ей это? Она собрала там немало материала. Теперь же она сообщила родителям, что у нее все нормально. Я попытался обратиться к ней, а потом обнаружить ее с Лареккой, но безрезультатно. Их отряд небольшой. Я пытался вызвать ее по радио, но она предусмотрительно выключила приемник, когда удалась за пределы досягаемости наших радиостанций.

- Черт побери, почему она решилась на это?

- Потому что она - Джиль, и хочет помочь. Да, вы это называете вмешательством. Но она называет это исследованием, и вам придется потратить много времени, чтобы доказать обратное. Она позвонит мне, когда доберется до Порт Руа. И будь я проклят, если я не найду повода поехать туда самому. А теперь начинайте свое дело. Разве вы мало причинили здесь вреда?

Глава 13

Джиль закончила древнюю шотландскую балладу, которую ей удалось переложить на язык Сехалы, так как многие иштарианцы не знали языка землян. Пальцы ее

продолжали бегать по струнам, и она насвистывала мотив, напоминающий свист моря при ветре. Она пела перед слушателями и параллельно размышляла; мог ли себе это представить сочинитель баллады, чьи кости давно превратились в пыль, а сама пыль находится в тысячах световых лет отсюда.

Отряд Ларекки стал лагерем на северном склоне Красных Холмов. Впереди их ждало судно легионеров. В этой тропической местности, где над головой все время сияли два солнца, можно было двигаться круглые сутки. Но по пути встречались леса, что резко замедляло их движение и заставляло останавливаться на отдых.

Слабый огонь костра освещал гривы, лица кентавров, которые внимательно слушали ее. Невдалеке среди теней виднелись часовые с копьями. Нужно было опасаться не только нападения варваров, но существовала и опасность нападения диких зверей, которые вовсе были не прочь закусить кентаврами. Натянутые шкуры служили защитой от сильного ветра. Правда, сейчас было тихо, и по всему Джиль видела, что перемены погоды не предвидятся. Темной стеной лес окружал поляну, воздух был напоен ароматом и теплом.

Джиль хотела расстелить свои вещи и ночевать на открытом воздухе.

Последние звуки музыки затихли. Некоторое время легионеры задумчиво лежали без звука, и только хвосты их покачивались, что означало на их языке «большое спасибо».

Наконец молодой воин спросил:

- А как поступают самки?

Вопрос отвлек Джиль от ее размышлений. Она поняла, что спрашивает воин. Его интересует вопрос жизни и смерти солнц и миров. Это тот самый вопрос, который интересует живых уже миллионы лет, и на который никогда невозможно дать исчерпывающий ответ.

- Самки человека в песне. Они страдают, да. А вообще?

- О, когда умирает любимый человек, женщины плачут, вода льется из их глаз, но потом все приходит в норму и они снова продолжают жить.

- Кто же им помогает?

- У нас... Все происходит не так, как здесь. Но не думайте, что мы заботимся друг о друге меньше, чем вы. Просто у нас все это происходит несколько по-другому. А что касается этой баллады, то в ней влюбленные уверены, что найдут свое счастье и друг друга в потусторонней жизни.

- Совсем как варвары Валленена,- сказал воин.- Они так

стремятся друг к другу, что даже съедают своих мертвых, если им предоставляется такая возможность.

Ларекка бросил быстрый взгляд на Джиль.

- Не презирай их за это, сынок,- сказал он. Голос иштарианцев имеет столько нюансов, что даже ласковым тоном можно выказывать презрение.- Отдав свое тело, ты служишь последнюю службу изголодавшейся стране. А те, кто ест своего друга, освобождают его душу и делают это быстрее, чем простое разложение плоти. В мире много непонятного, и кто скажет, какая из религий единственно верная.

- Да, сэр,- ответил воин,- я видел много разных религий и некоторые из них действительно были очень странные. Например, в одной общине на Литл Риен кентавры подвергают себя перед смертью мучениям. Я сам видел, как одна старая самка сама сунула руку в кипяток.

- Среди людей тоже есть такой обычай в момент горя,- сказала Джиль.- Но не следует забывать, что наша плоть восстанавливается не так просто. Я думаю, что боль просто позволяет человеку быстрее овладеть собой: физическая боль вытесняет душевную. Но сама я никогда бы не решилась на самоистязание.

Ларекка достал трубку и начал ее набивать.

- Правильно то, что помогает,- сказал он.- И в мире не существует ничего одинакового. Пожалуй, самое лучшее в Газеринге то, что внутри него существует множество сообществ с разным жизненным укладом, и каждый может сравнить и выбрать тот уклад жизни, который ему больше по душе.

Джиль подумала: «Я понимаю тебя, дядюшка. Ты хочешь укрепить в юных сердцах верность. У них нет твоего опыта и они не видят перспектив цивилизации так ясно. Ты хочешь сделать так, чтобы каждый сознательно встал на защиту Газеринга и был готов умереть за него».

Она почувствовала, что была права, так как он продолжал:

- Послушайте меня. Если бы не Газеринг, я стал бы бандитом или влачил жалкое существование. А Газеринг сделал мою жизнь полнокровной... Целеустремленнее.

Все уши насторожились. Джиль почувствовала, что если бы ее уши могли шевелиться, они бы тоже повернулись в сторону Ларекки. Ларекка рассказывал ей много историй о своей жизни, но никогда не говорил о своей молодости.

- Хотите послушать?- спросил он.- Сегодня у меня настроение для воспоминаний.

«Старый хитрюга,- подумала Джиль.- Если тебе действительно захотелось поделиться воспоминаниями, то лучшее время, чем это, действительно, трудно выбрать».

- Все это произошло так давно, что даже странно подумать, будто это происходило не со мной.

Ларекка помолчал. Костер рассыпал искры. Звезды своими лучами, казалось, касались дыма, который длинными полосами поднимался им навстречу. Откуда-то из-за леса донесся звериный вой.

- Вы знаете, что родился я в Хаэлене,- начал Ларекка.- И свои первые пятьдесят лет провел там. Песня, которую пела Джиль, пробудила во мне воспоминания, потому что Хаэлен похож на Шотландию, но только в Хаэлене холоднее. Там частые туманы, холодные ветры, морские волны бьются о скалистые берега...

Неудивительно, что в этой стране много мужественных людей, из которых рождаются прекрасные моряки, воины, рыбаки...

Клан Керазы, к которому принадлежал и я, был очень богат. Вы знаете, что хаэленцы живут кланами. Керазы владели обширными охотничьими и рыболовными промыслами, большими участками земли на материке. Отцу принадлежал большой участок побережья, и у него была еще доля в трех других участках. Мы жили в большом доме на берегу, куда течением приносило много плавучего леса, так что в угле мы даже не нуждались. И мы могли тратить деньги на другие нужды. Да, мы жили хорошо.

Хаэленцы женятся рано, года в двадцать четыре, едва выйдя из юношеского возраста. Это обусловлено тем, что в таком суровом климате велика детская смертность, и хаэленцы должны использовать период деторождения насколько это возможно. Свадьбы устраиваются родителями, но при этом учитывается и мнение детей: ведь если приходится жить с кем-то всю жизнь, партнер не должен быть тебе противен.

Ларекка долго молча курил. Когда он заговорил снова, взгляд его был устремлен в ночь, в далекое прошлое.

- Саррон и я были счастливы. Мы могли бы попросить, чтобы нам построили дом поблизости от нашего, и тогда я мог бы работать вместе с отцом. Но мы хотели независимости. Поэтому Керазы выделили нам участок в Нортвайд Вэй. Это был дикий участок, но в нем таились большие потенциальные возможности. Там была неплохая рыбная ловля, хотя и сопряженная с некоторой опасностью. В скором времени мы

открыли на берегу для моряков, приходящих в гавань, небольшую таверну. Саррон прекрасно готовила, а я добывал пищу. И к этому времени у нас было уже четверо детей. Я относился к нашим Богам довольно спокойно. Не приносил им жертв и не считал, что они единовластно правят Вселенной. Более того, я считал их выдумкой. Однако они не очень досаждали моей семье за это. Хотя почтение к Богам, как я теперь считаю, вещь обязательная. Почему бы не выполнять освященные веками ритуалы?

Время шло своим чередом, и через двадцать три года мы переехали в Дэйстед.

Ларекка замолчал, и Джиль ласково погладила его по спине. Он улыбнулся ей.

- Дэйстед, сэр?- переспросил один из воинов.

- Да. Это полуостров на северной оконечности Хаэлена. Там гораздо теплее и чаще бывает солнце. Мы поехали туда на лодке. Но по пути разразился ужасающий шторм. Сломало мачты, нас захлестнуло и бросило в бушующий прибой. Живым на берег удалось выбраться лишь мне одному. Я собрал то, что выбросило море, и отправился в Дэйстед, в основном затем, чтобы обо всем рассказать родным.

Он снова затаился, глядя на костер. Тьма подступала все ближе, и хитрая Урания медленно поднималась над верхушками деревьев, окрашивая их в серебристый цвет - и этот цвет был единственным в этой ночи, что напоминало ему холод зим родного Хаэлена.

- Я рассказываю вам это,- продолжил он,- не для того, чтобы вы видели меня, а для того, чтобы показать ситуацию. Вспомните, у разных наций разные ситуации для того, чтобы утешить в горе товарища. У нас считалось, что потерявший близких не должен оставаться один. С ним днем и ночью должны находиться родные. И так продолжается до тех пор, пока рана не залечивается. Для большинства это действительно трудно. Во всяком случае, это лучше, чем грустить одному в холодной пустынной стране. Но что касается меня... Последние двадцать четыре года я с семьей жил отдельно. Конечно, у меня бывали гости: рыбаки, моряки, охотники, шахтеры... Но это были просто знакомые, а не близкие друзья. Мы жили сами по себе. Так что я незаметно привык к тому, что живу наедине со своими мыслями и желаниями. А после того, что случилось, я вдруг понял, что с этого момента мне не позволят оставаться одному. И Джиль поймет

меня: мне не по душе было навязчивое участие. Со мной вели себя так, как будто я потерял тех, кто жил со мной двести - триста лет... И еще они ждали, что я начну возносить Богам хвалу за мое личное спасение. Я отказался, и все мои родные были шокированы этим поступком. Ведь шла зима, и жизнь каждого висела на ниточке. А я бросил вызов Богам, будто имел дело с простыми смертными. Нет смысла рассказывать дальше. Вы уже понимаете, что конфликт между мной и кланом день ото дня углублялся.

«Они совершенно не считали, что Ларекка сошел с ума, - подумала Джиль. - Ведь иштарианцы не знают, что такое безумие».

- В конце концов я ушел, - продолжал Ларекка. - Зима уже шла к концу, и я мог жить на природе. Питался я водорослями, которые собирал на берегу, и случайными мелкими животными. И все же судьба была благосклонна ко мне. Вскоре после моего ухода на Дэйстед обрушился свирепый ураган, и многие жители погибли. Остальным тоже пришлось плохо, так как ветер унес все запасы топлива. После этого гнев сородичей уже напрямую обратился ко мне. Конечно, не все думали, будто это мое отношение к Богам послужило причиной урагана, но все же... Я не порицаю их за суеверие, но вы, уроженцы земель с более теплым климатом, не знаете, как холод и мрак действуют на душу. В общем вы понимаете, как теперь все стали относиться ко мне. Мне не предложили другой жены. И мне не оставалось другого способа существования, как стать грабителем. И я уже всерьез рассматривал эту возможность. Но оставался еще Газеринг. Весной оттуда приходили торговые корабли, привозившие товары в обмен на меха, минералы и прочее. К тому времени я был уже в весьма плохой форме, но меня все же взяли в палубную команду.

И за следующие сорок восемь лет я исколесил полсвета. Я даже не представлял, как велик и прекрасен мир. Со временем я вступил в легион Зера и приобрел себе жену, которая до сих пор со мной. Газеринг дал мне все. Ребята, посмотрите вокруг себя. Кем бы вы были без цивилизации, без Газеринга? И какие бы шансы на приличную жизнь имели бы ваши дети?

Ларекка сложил передние ноги и устроился поудобнее. Слушатели поняли это как знак, что он не собирается больше рассказывать, и начали понемногу расходиться. Джиль опустила возле него на колени, запустила пальцы в гриву.

го тепло, острый запах самца и табачного дыма, ощущение елеза его мышц под гладкой кожей захватило ее.

- Дядюшка, ты никогда раньше не рассказывал об этом.

- Просто не представлялся случай, - ответил он и подумал: «Что можно рассказать тебе о жизни, которая теперь уже в четыре раза превышает ту, что отпущена тебе?»

- Что ты скажешь на то, если мы немного поспим? Скоро уйдет Ану, копьё ему в разбухший живот, а перед нами трудная дорога. Воин никогда не должен упускать возможности поспать.

- Да, сэр. Спокойной ночи. - Она тронула его шелковистую кожу. Кошачьи усы пощекотали ее.

Растянувшись на мешке, она закрыла глаза рукой. Интересно, какой сон он хочет увидеть сегодня ночью? И что риснится ей? Или кто? Если бы она могла выбрать сон, того бы она хотела увидеть во сне?

Глава 14

Наступила середина лета. Истинное Солнце шло по пятам за Красным, а Жестокая Звезда становилась все больше. Она уже приблизилась в своих размерах к своему сопернику. Алленен сжигала засуха, а море Файери все сотрясало от касающихся штормов.

А Тассуи занимались грабежами. За последнюю октаву жди кланов построили флот, чтобы безбоязненно грабить торговца, с которых ушли легионы. Арнанак был слишком занят на берегу, чтобы сейчас заниматься еще и пиратством. Однако он тоже послал несколько кораблей, чтобы грабить берега побережья и архипелага Эхур. Они отвлекали внимание и силы противника в том направлении, а он в это время готовил планы главной кампании на материке. В резерве его было достаточно сил, и близился момент, когда он полностью возьмет кольцо.

Ведь легион Зера занимал только Порт Руа. Легионы были повсеместно вытеснены с тех территорий, которые еще год назад казались вечными форпостами цивилизации. Объединенные войска варваров уничтожали небольшие отряды

легионеров, но сразу же скрывались, если против них выступили значительные силы.

Арнанак был недоволен, что Порт Руа еще держится. Пока Газеринг имеет свою базу на Валленене, он никогда не может быть спокоен за свои фланги и тылы. Нужно было решать эту проблему. Хотя все пока говорило за то, что в Порт Руа не дадут подкреплений, но это могло измениться в любой момент. Пока этого не случилось, нужно блокировать Порт Руа с моря и начать непрерывный штурм с суши. И не один воин не должен уйти домой, чтобы потом выступить против его орд.

И он встал во главе флотилии, которую повел к Касти Айленду. Преодолев незначительное сопротивление, они захватили остров, разграбив и предав разрушению его каменные строения, которые были воздвигнуты здесь агентами Газеринга. Арнанак хотел, чтобы жители острова признали его законным правителем и предоставили в его распоряжение воинов. Кроме того, он лишний раз хотел проверить боеготовность своей армии и дать опыт молодым самцам.

Но по пути назад тайфун разметал его корабли. И все же он был уверен, что корабли не погибнут, так как большинство воинов имели опыт плавания в плохую погоду. Но все же у него было только два судна, когда он заметил парус корабля, плывущего из Веронена.

- Поднять паруса!

Арнанак взглянул вокруг и взлетел на мостик. Могучие волны накатывались на корабль. Над головой неслись облака. Двойные лучи солнца прорывались через их завесу, чтобы еще больше усилить ощущение чего-то жуткого. Завывал холодный ветер. Волны окатывали уходящую из-под ног палубу.

Чужой корабль вдали казался не более, чем точкой. За ним в небо вонзалась черная игла вулкана на Блэк Айленд. Из нее валил дым. Арнанак прямо туда навел подзорную трубу. Теперь сомнений не было: это был вражеский корабль.

- Транспорт из Газеринга в Порт Руа,- сказал он и предложил посмотреть в трубу Усаюку...- Видимо, один. Идем наперерез. Просигналь Лазуреру, чтобы шел вдогонку за нами.

- Я бы вам сказал, что это все же военный, а не торговый корабль,- осторожно сказал Усаюк.- На борту, вероятно, солдаты и баллиста, готовая к стрельбе.

- Тем более стоит подойти поближе. Не бойся. Мы сумеем уйти в случае опасности.

Усаюк застыл.

- Я не говорил, что боюсь.

Арнанак улыбнулся.

- Я тоже. И все же должен признаться, что немного обеспокоен целью их плавания. Ведь если Газеринг решил закрепиться так далеко на севере от экватора... Нет, что пользы в одном корабле? Правда, возможно, конвой тоже расшвыряло штормом, как и нас... или на корабле везут то, что люди дали легиону для войны...

Арнанак прогнал эти мысли прочь. Что пользы беспокоиться понапрасну, если он не знает планов врагов. В священном танце Трех родилась его судьба. Могучие ритмы Истинного Солнца и Угольной Звезды, хаос, который несет с собой разрушитель Ровер - все это означает новый цикл возрождения.

Громкие команды разнеслись по палубе Лицера. Чтобы догнать корабль Газеринга, нужно было идти с максимальной скоростью. С треском развернулся парус главной мачты. Матросы разбежались по местам. Арнанак с одобрением наблюдал за их действиями. Оба корабля устремились вперед.

Воины готовились к бою. Палубная команда приготовила абордажные крюки. На верхней палубе выстроились лучники. Все приготовились к штурму. Арнанак был в передовом отряде. На нем были только шлем и наплечники. Все доспехи он скинул, так как если бы он упал за борт, тяжесть металла моментально утащила бы его на дно.

Он стоял на краю палубы и смотрел вперед. Ветер трепал его гриву. Море пахло солью и дикой свободой. К нему подошел его сын Игани.

- Можно я буду первым?- попросил он.

- Нет,- ответил Арнанак,- эта привилегия - моя. Но ты можешь идти за мной.

Старые мысли промелькнули у него в голове: глупый обычай, что предводитель всегда должен быть в гуще схватки. Ведь так можно и не увидеть, как Тассуи станут могущественной цивилизованной расой.

- Впрочем, может мы и не будем нападать на них.

- Как? Значит, они присоединятся к тем, кто воюет с нашими братьями на суше?

- Вернее, они полезут в западню, которую мы для них приготовили. Мне нужно взглянуть на палубу, чтобы понять, насколько серьезны намерения Сехалы сохранить Порт Руа.- Арнанак снова поднял подзорную трубу.

На вражеском корабле тоже готовились к бою. Правда, среди моряков он увидел всего лишь нескольких легионеров. Видимо, основные силы внизу и готовят ему какой-то неприятный сюрприз. Но вряд ли. Не могли же они заранее знать о встрече. Правда, сейчас, когда близится Время Огня, даже экипажи торговых судов уверенно учатся военному делу. И все же это не военный корабль. Скорее почтовый, либо доставляющий кого-то из правительства.

Может, стоит подплыть поближе? Корабль будет отчаянно сопротивляться. Несколько метких выстрелов из кормовой и бортовой баллисты - и оба его корабля уйдут на дно. Или же он сам будет убит, и тогда конец всего его дела, конец объединению всех варваров под одним знаменем. Но, с другой стороны, захватив корабль, он может узнать нечто, что может оказаться для него весьма важным...

А кто это идет по палубе? Две ноги, прямое туловище, завернутое в ткань, длинные пряди шелковистых волос, волнующие ветром?

- Мы будем драться!- крикнул Арнанак.

Вокруг него раздались радостные крики и зазвенело оружие. Арнанак перегнулся через поручни к Усаюку, который принял на себя командование кораблем.

- Харк, среди них есть человек. Если мы возьмем его в плен, кто знает, что удастся выведать важного, какой получить выкуп, какую заключить с людьми сделку. Быстро нападаем и мгновенно уходим. Я сам поведу воинов. Но все, что нам нужно - это человек. Как только он будет у нас - уходи. Просигналь Деверуру, чтобы он поддержал нас.

- Че-ло-век! - Усаюк беспокойно шевельнулся. Как и большинство Тассуи, он слышал о людях, но эти слухи граничили у него со слухами о колдовстве.

- Конечно, он может внести в наши ряды беспокойство, - признал Арнанак. - Но что может напугать воина? А Газеринг никогда не даст нам возможности прямого общения с этими инопланетянами. - Он поднял голову и заявил: - А кроме того, мои союзники - Даури!

Усаюк успокоился, но не совсем. Хотя и о Даури ходили зловещие слухи, они все же были гораздо ближе Тассуи, чем люди.

Солнце ярко осветило корабль Веронена. В воздухе зазвистели стрелы. Снаряд, выпущенный из баллисты, поднял фонтан воды неподалеку от корабля Арнанака. На обоих

кораблях варваров гребцы изо всех сил налегали на весла. Они маневрировали, чтобы зажать корабль южан в тиски.

Арнанак видел, как человек торопливо раздавал своим воинам оружие - длинные металлические трубки. Солдаты тут же открыли огонь. Правда, стрелки они были неважные. Однако рядом с Арнанакom кто-то со стоном опустился на палубу. Смерть нашла его. Но времени для страха уже не оставалось.

Весла били по воде. Корабли стремительно неслись вперед. Арнанак стоял на абордажной платформе, которая уже нависала над палубой корабля противника. Он прыгнул вниз, парируя своим мечом удары врага.

Вероненцы кинулись на него. Арнанак, отбивая удары мечом и щитом, сам разил направо и налево. Раздавались крики, стоны, хрипы. На борт корабля южан прыгали все новые и новые Тассуи. Они врубались в гущу врагов, очищая пространство.

Арнанак поверх голов и шлемов видел человека. Он стоял позади сражавшихся, и в руках его было колдовское оружие, но он не пускал его в ход, так как в такой свалке можно было снароком убить и своего.

- Вперед!- крикнул Арнанак и с победным криком Улу двинулся к человеку.

Воины бросились за ним. Их противник не ожидал концентрированной атаки в одном месте. Это было не в обычае варваров. Они обычно старались нападать со всех сторон. Отряд Арнанакa продвигался вперед, сея вокруг себя смерть.

Игани обогнал отца и побежал впереди всех. Человек спокойно поднял палку и нажал на что-то. Из палки вылетело пламя и голова Игани развалилась на куски. Он упал на палубу и замер там в луже крови. Арнанак швырнул свой топор вперед. Но не для того, чтобы убить, а чтобы оглушить. Топор попал в грудную клетку человека, и тот согнулся пополам и медленно опустился на палубу. Его оружие покатилося по доскам. Арнанак одним прыжком подскочил к человеку, схватил его, и тут же легионеры накинудись на него.

Они окружили этот небольшой отряд варваров, прорвавшихся так далеко вперед. Однако варвары, отчаянно отбиваясь, отступали к борту, где стоял их корабль. Человек пытался вырваться из объятий Арнанакa, но тщетно. Вот вождь уже схватился за поручни. Его правая рука махнула Усаюку. Тот

отдал короткий приказ, и Дипер приблизился к кораблю южан, насколько это было возможно, так что его нижняя палуба оказалась под Арнанакком. Он моментально прыгнул. Гребцы Усаюка удерживали корабль на месте, пока остальные воины перебирались обратно на свой корабль.

Но перебрались далеко не все. Некоторые были окружены легионерами и теперь им оставалось либо погибнуть, либо отдаться на милость врагам. Многие были убиты, и среди них Игани, который еще так недавно был полон сил и энергии. Но Арнанак решительно пожертвовал сыном, лишь бы заполучить человека.

- Отходи!- крикнул он Усаюку.

Девурер тоже начал отходить от корабля южан. Он выполнил свою роль, отвлекая их, насколько можно, чем значительно помог осуществлению плана Арнанакка. Оба корабля Тассуи быстро начали отходить. Ветер наполнил их паруса. У вероненцев не было никакой возможности догнать их.

Человек вскочил и начал что-то кричать. Легионеры, которые не смогли его защитить, теперь стояли у борта своего корабля. Один из них бросился в каюту и вынес какой-то ящик. Корабли уже находились довольно далеко друг от друга, но легионер размахнулся, и с силой бросил ящик. Тот шлепнулся на палубу корабля Арнанакка.

- Выбросите его за борт!- крикнул Усаюк.

Человек, видимо, плохо понимал язык Тассуи, но все же до него дошел смысл того, что сейчас произойдет.

- Нет!- крикнул он по-сехальски.- Иначе я умру!

- Стойте!- остановил своих воинов Арнанак, а затем по-сехальски обратился к человеку:

- Мы оставим твой ящик. Я хочу, чтобы ты жил. По крайней мере, пока...

Глава 15

Энсинь Дональд Конвей летел в Мундомар в составе большой группы военных. Корабль был старый, и он был забит до отказа. Все приходилось делать по очереди: и спать, и есть, и отправлять естественные надобности. Лежа на узкой

койке, которую ему только что освободили, Дональд прислушивался к голосам товарищей. Он слышал, как те ссорились. И совсем не похоже было на то, что они летят выполнять благородную миссию. Помогать своим братьям, которым будто бы угрожают внеземные чудовища. Они летят, чтобы обеспечить безопасность человечества на этом участке космоса. Разумеется, он не был чудачком: уроки дядюшки Ларекки не прошли для него даром. Но все же поначалу он ощущал себя кем-то вроде крестоносца. Но может, он все же ошибается, и Дональд не более чем пешка в чьей-то грязной игре?

Для быстрейшего времяпровождения они много играли в покер. И здесь Дон всегда выигрывал. Покеру его научила Джиль. И он часто вспоминал ее, дом, родителей, Алису, ее мужа, их детей. Ему очень не хватало их.

Чем ближе корабли подлетали к цели, тем сильнее нарастало напряжение. Наксанцы уже наверняка обнаружили их. И если решат напасть...

И они напали. Солдатам ничего не оставалось делать, как сидеть, скорчившись, в своих норах. Если им суждено погибнуть, они умрут, даже не поняв этого.

Долгие часы протекли в сложных маневрах, расчетах... Затем произошла яростная схватка... И враги ушли, очевидно решив, что цена за победу слишком высока. Люди начали оценивать свои потери. Пострадал один рейнджер, которому взрывом порвало корпус скафандра. Вся команда была в скафандрах, но осколки повредили скафандры, и к тому же люди пострадали от излучения. Все раненые были распределены между оставшимися кораблями.

Солдаты на транспорте уступили свои спальные места и помогали раненым во время длительного путешествия, которое, к счастью, близилось к концу. Дон Конвей впервые увидел раненых людей и муки людей, подвергшихся радиационному излучению, у которых облезала кожа, выпадали волосы, и все это сопровождалось жуткими болями. Он уже неоднократно встречался со смертью, но то было нечто совершенно другое. Теперь он понял, почему целый год после гибели тети Элен Джиль мучили кошмары. Он даже считал, что именно поэтому Джиль так привязалась к Ларекке.

Но тетя Элен пала жертвой слепого случая. А эти люди, которые уже умерли, еще умрут, или останутся жалкими калеками? Во имя какой великой цели пострадали они?

Сначала его подразделение сосредоточилось вблизи Бар-

тона, столицы Элеутерии, самого большого поселения людей на Элеутерии. На планете велись незначительные военные действия. Фронт стабилизировался, столкновения были крайне редкими.

- Подождите немного, - предупредил солдат Элмо Салминен, - затишье обусловлено тем, что у обеих сторон кончились боеприпасы. Но вскоре Земля и Накса доставят все необходимое, и все начнется сначала.

- А почему мы не можем блокировать планету? - спросил Конвей.

- Они тогда сделают то же самое, и начнется война в космосе с применением самого мощного оружия. При этом может пострадать и планета. Но самое худшее состоит в том, что в открытую войну при этом будут втянуты и Накса, и Земля.

Конвею показалось, что он понял, что же здесь происходит. О чейкканцах ходили самые страшные слухи, которые, если разузнать поподробнее, оказывались либо преувеличением, либо вымыслом. Официальная пропаганда не давала возможности узнать правду, так как постоянно подогревала шовинистические взгляды.

Конвей был рад, что добрался до места целым и теперь наконец может насладиться свободой. Однако проводить здесь свободное время было абсолютно негде. В Бартоне было несколько ночных клубов. Но для человека, прибывшего с Земли, они были слишком жалкими, скучными, либо переполненными. Гораздо интереснее было остаться на базе и смотреть телевизор. Власти попытались познакомить местных жителей и новоприбывших, устраивая танцы и званые вечера. Но Конвей чувствовал себя не в своей тарелке, бывая на таких мероприятиях. Да, конечно, это все хорошие, мужественные люди. Но насколько справедлива их война?

Одна девушка во время танцев спросила:

- Почему вас приехало так мало?

Другая девушка отклонила его предложение погулять, сказав, что она работает на военном производстве и у нее остается мало времени на отдых.

- Только не жалея меня, - сказала она. - Мы здесь на службе. У нас другая жизнь. Вам нас не понять, так как вы всегда жили в богатстве и безопасности.

Когда он был в гостях, его хозяева крепко выпили, и хозяин горько сказал:

- Да, я уже потерял одного сына. Еще двое ждут своей

очереди. Земля поставляет нам оружие, мы же поставляем на эту войну пушечное мясо.- Но он тут же возмутился, когда Конвей сказал, что это же справедливо в отношении Наксы и наксанцев.

Планета совершенно не понравилась Конвею. Хотя условия жизни на ней максимально приспособили для людей Земли, тем не менее здесь было невыносимо жарко, влажно, атмосфера была переполнена влагой. Ему не хватало здесь его родной планеты. Не хватало вида солнца, звезд. Естественно, элеутерианцы любили свою родину, но у него она подобных чувств не вызывала.

Наконец его подразделению было приказано отправиться на фронт. Военные действия возобновились.

Слово «фронт» не имело смысла на этой войне, которая заключалась в налетах землян на территорию чейкканцев и наоборот.

Эскадрон Конвея выступил на первое патрулирование. Когда он услышал в наушниках, что враги обнаружены, ему показалось, что все это нереально, что он видит сон, что такого не может быть, чтобы его, которого любили столько людей, могли убить. Тем временем он автоматически готовился к тому, чему его учили - к бою. Когда прибыли чейкканцы и разыгралось настоящее сражение, Конвей забыл все страхи.

Ему показалось, что все это похоже на игру в покер со ставками много выше тех, что он мог позволить себе проиграть...

Вражеские флайеры казались продолговатыми слезинками на фоне свинцового неба и тусклого моря. Однако его Шарк был лучше, а враги не имели даже той поспешной подготовки, которую получил он. Один из вражеских флайеров бросился на него в лобовую атаку. Конвей смог увернуться от прассирующей очереди, вышел на бандита с хвоста, а автоматика доделала остальное. На вражеском флайере вспыхнул огонь, и он, описав широкую спираль, рухнул в море. Из-за сильных перегрузок Конвей почувствовал себя пьяным. Он наслаждался своей победой, пока ему не пришлось вступить в бой с другим флайером.

Этому флайеру удалось уйти от него, и он улетел на базу. С минимальными потерями эскадрон Конвея смог разгромить целую эскадрилью противника.

Минимальные потери... Самое неприятное, что в их число входил и Эйно Салминен, лучший друг Конвея, который перед самым отлетом женился... Конвей дважды хотел написать в Финляндию о гибели Эйно. Но так и не смог

закончить письмо. Каждый раз, садясь за стол, он начинал думать, был ли тот пилот, которого он убил, женат?

«Конечно, я чувствую себя убийцей,- думал он.- Но убитым мог быть и я. Это же война. Я просто много думаю об этом».

Дождь барабанил по крыше барака, где разместились солдаты. Внутри было жарко, душно и влажно. Люди столпились вокруг экрана телевизора.

В Бартон только что доставили свежие ленты с записями. Они смотрели последние новости. Рождественские праздники на Земле, особенно пышные в этом году, когда заметно укрепилось влияние общества Универсальной Любви. Открытие почти целого скелета неандертальца в Северной Африке, открытие атомной станции в Лиме, острая выборная кампания в России, скандальный развод в королевской семье на Филиппинах, волнения в Нью-Йорке, показ королем мод из Гонконга новых моделей мод... В конце было объявлено о столкновениях землян и наксанцев в секторе Веге. Про Мундомар ни слова...

Майор Самуэль Мак Доуэлл, офицер связи, шевельнулся.

- Видели, за какое число новости?- спросил он.- Именно в этот день убили моего брата.

- Да?- сказал кто-то.- Очень жаль.

- И не его одного. Враги напали на селение из джунглей. Они перебили всех солдат. Пострадали и гражданские. Грязные террористы!

- То же самое можно сказать и о наших партизанских отрядах на Хатсаре,- не смог удержаться Конвей.

Мак Доуэлл бросил на него резкий взгляд.

- Ты за кого, Энсинь?

Несмотря на жару, у Дона вспыхнули уши.

- Я солдат, майор,- рявкнул он.

Он чуть не сказал майору старую пословицу о том, что дареному коню в зубы не смотрят, но сдержался. Если майор пожалуется капитану Якубовичу, то Конвея неминуемо вызовут на ковер. К тому же этот бедняга потерял брата, и он рассматривает эту войну только с точки зрения о том, как бы выжить.

- Я не хотел обидеть вас, сэр.

Мак Доуэлл расслабился.

- О, я не фанатик,- примирительно сказал он.- Но подумай, вам, землянам, все это видится как бы со стороны. Неужели вы не замечаете, что мы истекаем кровью?

После нескольких коротких стычек и блестящих побед земляне начали властвовать в воздухе. Чейкканцы ничего не могли им противопоставить.

После этого было уже элементарно блокировать вражеское войско и перекрыть пути подвоза к нему боеприпасов. Дон собственноручно отправил на дно один корабль и одну подводную лодку. Но однажды случилось так, что ракета поразила и его флайер. Конвею удалось катапультироваться и он болтался в море до тех пор, пока его не подобрал спасатели.

Это позволило ему получить неделю отпуска в Бартон. Вежливый человек с Земли позвонил ему в отель, назначил встречу и угостил его обедом, которого здесь, на Мундомаре, Дон увидеть не ожидал. После долгих разговоров вокруг да около джентльмен приступил к делу.

- Я знаю, что ты бывал на побережье Юка. Об этом районе дьявольски трудно получить какую-либо информацию. Все чиновники-элеутерианцы уклоняются от ответов. А ты - англичанин. Ты находишься под юрисдикцией Мировой Федерации. Подумай, кому ты служишь на самом деле. Вся Федерация очень хочет знать: оправданны ли слухи о наличии нефти на побережье Юка.

- Нефть? - Конвей удивился.

- Да. Я не ученый, мне трудно все объяснить. Мундомар имеет необычную эволюцию, которая началась уже тогда, когда вся система представляла собой не более, чем пылевое облако. Нефть Мундомара содержит уникальные элементы, ценные для производства органических веществ, медицинских препаратов. Конечно, можно было бы производить их на Земле, но гораздо дешевле добывать их прямо из земли Мундомара. Кстати, не хочешь ли еще выпить? Вопрос в том, что когда на планету придет мир, в чьих руках окажутся источники нефти. В дружеских руках или в руках этих монстров, которые сдерут с нас огромную цену. Если Земля точно будет знать мощность источников, она сможет более правильно формировать планы кампании и свою политику в отношении Мундомара. Я понимаю, ты не можешь иметь исчерпывающей информации, но каждый клочок знаний об этом для нас весьма и весьма ценен.

Конвей едва не ляпнул, что он рискует жизнью не для того, чтобы кто-то набивал себе карманы, но сдержался, притворился пьяным и ушел от конкретного разгово-

ра. Вскоре он действительно напился и провел ночь с очаровательнейшей девушкой, что стоило ему немалых денег.

О землянине он больше не думал. К тому же отпуск скоро закончился, и он вернулся в отряд.

Теперь он занимался тем, что летал над джунглями, поливал их напалмом и сжигал их. С земли его встречали только пули. Опасности практически не было, но самое неприятное было в том, что этой работе, казалось, не будет конца.

- Они не уходят, эти проклятые ублюдки,- сказал пехотный капитан, когда Конвей приземлился в одной из деревень. Деревня представляла собой руины. Люди давно не закапывали трупы наксанцев, так как они не угрожали инфекцией. Капитан плюнул на один из трупов.

- Они получают все больше и больше подкреплений с Наксы.

За забором находились пленники. Они не остались без медицинской помощи, но врачи землян не знали языка наксанцев, и к тому же у них было мало лекарств. Наксанцы сами оказывали помощь друг другу, как могли.

- Вскоре пленников у нас будет еще больше,- сказал капитан.- Так что тебе предстоит большая работа, Эсинь.

Конвей поднялся высоко за облака, в стратосферу. Под ним сияла белая пелена облаков. Вокруг сверкала голубизна неба и покачивали крыльями флайеры товарищей. Над ним были солнце и несколько ярких звезд. Но он видел только Иштар.

Он ощущал его запах, вкус, слышал его, впитывал всем своим существом. Когда он был маленьким, каким большим казался ему отец, какой прекрасной была его мать... А Джиль... А Алиса... Он не мог жить без них. Когда появился Ларекка, Конвей исходил ревностью, видя отношение Джиль к старому воину. А эти ночные путешествия на лодке с отцом, когда они были в мире только вдвоем... Он вспоминал леса и моря, рассвет, который можно видеть с вершины Тендерзет Рейндж...

Щелчок в наушниках насторожил его. Что? Разве у противника есть флайеры?

Вот они! Скорость вражеских кораблей была пугающей. Таких он еще не встречал. Длинные, узкие, с дельтовидными крыльями и эмблемой в виде колеса. Эмблема самой Наксы! Самой Лиги! Опытные пилоты вместо необученных колонис-

тов на сверхновых машинах! Значит, Накса последовала примеру Земли и прислала сюда регулярные части.

- Берегите скальпы, мальчики,- сказал Командор, и обе эскадрильи начали сближаться.

Когда он пришел в себя, шел дождь. Со всех сторон обломки его флайера окружали джунгли. Он никак не мог вспомнить, что же конкретно произошло.

В основном он ощущал только боль. Кровь была везде. Левая нога его представляла кровавое месиво, из которого торчали ослепительно белые кости. Превозмогая боль, он подумал, что, вероятно, сломал ребра, потому что вдыхать воздух было невыносимо трудно.

Дон включил радио. Ничего. Только шорох дождя, который поливал его. Где же пакет первой помощи?

Наконец он все же нащупал его и попытался приготовить распылитель с обезболивающим, чтобы снять боль, которая никак не давала сосредоточиться. Его трясущиеся пальцы несколько раз роняли препарат. Но в конце концов ему все же удалось сделать себе инъекцию, и он сразу же почувствовал тепловатое тупое безразличие ко всему. Он даже стал видеть окружающую обстановку.

- Смерть, уходи прочь,- лениво подумал он.- Ты здесь не нужна.

- Почему это?- спросила ласковая темнота.

- Потому что я занят, вот почему. Как ты этого не понимаешь?

- Хорошо, тогда я подожду, пока ты освободишься.

Глава 16

Теоретически Джерин уже мог прервать с Примаверой все связи. Но практически он и его люди нуждались в месте, где могли бы отдохнуть и расслабиться. Кроме того, электронные изображения на экране не могут на все время заменить нормальную жизнь. Поэтому Джерин был вынужден часто наезжать в город как по делам, так и для отдыха. Здесь довольно часто он подвергался обработке людей, убеждающих его воздействовать на правительст-

во, чтобы оно изменило свою политику в отношении Иштара.

После двухчасового обсуждения технических вопросов в кабинете Спарлинга последний откинулся в кресле и сказал:

- Сегодня Эниф, выдающийся создатель сновидений, дает представление в Стеб Парке. Почему бы нам вместе не пообедать, а затем посмотреть представление?

- Вы очень добры, - удивленно ответил Джерин.

- Вы тоже оказались неплохим парнем. А кроме того, чем ближе вы познакомитесь с культурой аборигенов, тем больше вам захочется ей помочь.

- Я уже попытался познакомиться с образчиками их культуры в вашем банке данных. Но для меня это слишком сложно.

- Хм-м. Просто вы еще не привыкли. Их музыка, танцы, драматические представления сложнее тех, что сумели создать люди. Но для вас я могу комментировать выступление Энифа.

- Разве это не будет мешать остальным?

- Я возьму микропередатчик, а вы вставите в ухо микроприемник. Шепот не помешает никому. Шум ветра будет значительно громче. Я уверен, что сегодня Эниф использует даже ветер, чтобы полнее передавать свои ощущения.

Зазвонил телефон.

- Простите, - Спарлинг нажал кнопку. На экране появилось лицо Ханшоу.

- Плохие новости, Ян. Я решил, что ты, как ее друг, должен узнать обо всем сразу.

Трубка выпала изо рта Спарлинга. Он автоматически подхватил ее и положил в пепельницу.

- Из Порт Руа звонил Ларекка. Джилль Конвей захвачена варварами.

Джерин вскочил с кресла.

- Что вы сказали? - спросил он.

Спарлинг жестом приказал ему сесть.

- Подробности, пожалуйста, - сказал он.

- Ларекка нанял корабль в Калене на побережье Далаг. Комендант для сопровождения смог дать им только горстку солдат, заявив, что ему нужен каждый меч для обороны Северного Веронена. Но случилось так, что две пиратские галеры, возвращающиеся с набега на острова, напали на

корабль. Однако нападающие сразу отступили, как только захватили в плен Джиль. Ларекка уверен, что нападение было совершено с единственной целью - захватить в плен человека. Это дает нам надежду. Если они захватили ее как заложницу, чтобы заключить выгодную сделку или получить выкуп, они не повредят ей. Ларекка не мог преследовать галеры, так как его корабль значительно уступал в скорости пиратским. Это случилось три дня назад.

К горлу Спарлинга подступила тошнота.

- Что значит «не повредят ей»? - рявкнул он. - Иштарианская пища...

- Ларекка стар и умен. Как только он понял, что случилось, он успел перебросить ей ее сундучок.

Спарлинг опустился в кресло.

- О, Боже, если бы ты существовал, я бы поблагодарил тебя.

И тут же он подумал о том, что она среди дикарей одна. Она не сможет вынести такую жизнь. И кто знает, что может взбредить в их дикие головы?

Силы вернулись к нему.

- Я поеду туда,- сказал он.- Постараюсь взять самый быстрый флайер. Я позвоню оттуда.

- Хорошо.- Лицо Ханшоу исчезло с экрана. Спарлинг повернулся к Джерину. Загорелое лицо офицера превратилось в маску, на которой были только огромные глаза.

- Ты слышал?- спросил Спарлинг.- Что ты предлагаешь?

Джерин с трудом пошевелил губами:

- Что предлагаешь ты?

- Не беспокойся, ничего особенного. Попытаюсь ее выторговать. Но если они не поспешат вступить с нами в контакт или потребуют невозможного, мы покажем им, что для их же блага будет разумнее вернуть ее нам целой и невредимой.

- Ты будешь угрожать?

- А что остается делать? Они уважают только один аргумент - силу. Когда мы начнем топить их корабли, уничтожать банды, опустошать жилища, они поймут, что для них выгоднее. А если Джиль погибнет...

- Наказание с неба,- Джерин медленно кивнул.- И я должен обеспечить это...

- У вас это есть, у нас - нет. У нас нет ни одного боевого устройства. Мы не ожидали, что может понадобиться такое,- он разозлился.- Между тем, сколько времени вы собираетесь

сидеть здесь? До этого времени вам не понадобилось пускать в дело большие боевые флайеры, чтобы оправдать свое присутствие на Иштаре.

Джерин собрал всю свою решимость.

- С моей стороны это будет неподчинение. Ни при каких обстоятельствах, кроме прямого нападения, я не могу использовать свое оружие против местных жителей. И это не просто идеализм. Я не имею права вмешиваться в местные конфликты.

Левая рука Спарлинга стиснула подлокотник кресла. Он медленно заговорил, но все же сумел не выдавать голосом свою ярость, что разгоралась в нем все сильнее:

- Неужели вы думаете, что сумеете хорошо выполнить свою миссию, если вызовете всеобщий бойкот? А именно это и случится, если вы оставите Джиль без помощи. Я лично займусь этим.

Джерин потянулся к нему через стол.

- Поймите, я сам сейчас попрошу разрешение. Ведь я очень хорошо отношусь к ней.

- Сколько времени у курьера займет путешествие на Землю? А сколько времени эти тупоголовые бюрократы будут рассматривать ваше донесение, чтобы найти повод отказать?

Тон Джерина ужесточился:

- Если я не подчинюсь, меня снимут с поста. А мой преемник, учитывая, что послужило причиной моего снятия, будет менее обходителен и любезен с вами. Я смогу работать в условиях бойкота вами моей миссии, хотя это потребует арестов и конфискаций, уголовных наказаний за отказ сотрудничать.- Он встал. Спарлинг тоже.- Сэр, я покидаю вас. Прошу заметить, что я никому не запрещаю оказать помощь мисс Конвей. Однако не предпринимайте ничего, что вынудило бы меня вмешаться в события. И... полагаю, что вы будете достаточно разумными, чтобы держать меня в курсе событий. Я буду благодарен вам за это более, чем вы можете себе представить.- Он поклонился.- До свидания.

После того как дверь за Джерином закрылась, Спарлинг смотрел на нее еще целую минуту.

- Он, конечно, прав,- пробормотал он.- А мне пора идти собираться.

Когда он вышел на улицу, на него обрушился обжигающий ветер. Он свистел вдоль улицы, раскачивая верхушки деревьев. В небе полыхали Бел и Ану. В воздухе пахло пылью, и народу на улице было совсем мало. Но он даже не замечал,

здоровались ли с ним. Пока он шел домой, в голове его роились разные планы. Он пытался предусмотреть все.

Кроме смерти Джиль. Если ее смех навсегда исчезнет, все потеряет смысл.

Жена была в гостинной.

- Хэлло, что привело тебя так рано? - он повернулся к ней и через мгновение выражение счастья растаяло на ее лице. - Что-то ужасное? - прошептала она.

Он кивнул, затем ввел ее в курс дела.

- О, нет! Господь не может этого позволить. - Рода закрыла глаза, затем бросилась к нему и схватила его за руки. - Что ты собираешься делать?

- Поеду туда.

- Один?

- Приходится. Так как военные не заинтересованы в защите простых налогоплательщиков.

И тут он вдруг вспомнил, что люди вне солнечной системы не платят налогов.

- Если дело дойдет до боя, то воины Ларекки полезнее нас, гражданских лиц. А если понадобится помощь людей, то она может прибыть в течение нескольких часов, даже если нам позволят воспользоваться только маленькими флайерами. К тому же, пока мы не имеем достаточно информации, к чему держаться в Порт Руа много людей?

- Ты должен ехать сам, один?

- Да, там нужен человек. - Не в силах выдержать ее взгляд, он посмотрел на фото Беки. - Здесь мне нечего делать. Джерину мои советы больше не нужны. Я знаю об Иштаре не больше, чем кто-либо другой... И к тому же Джиль...

Рода выпрямилась.

- Вот это и есть главная причина. Ты любишь ее?

- Что? - воскликнул он. - Это же смешно! Мы просто друзья. Но...

Она покачала головой.

- Нет, милый. - Давно она уже не называла его так. Слезы стояли у нее в глазах. - Я знаю это с самого начала. И я знаю, что вы оба не виноваты. Ты всегда был добр ко мне. И сейчас, в минуту опасности, прими мое благословение и возвращайся, возвращайся с ней.

Он притянул ее к себе.

- Ты ошибаешься. Как такое могло прийти в твою голову?

Большого, чем сказать это, он не мог придумать ничего.

- Может, я и ошибаюсь, - солгала она. - Не будем больше

говорить об этом. Давай, я помогу тебе собраться. И позвоню Конвеям, не нужно ли им чем-нибудь помочь.

«Неужели в чем-то есть и моя вина?»- подумал он.- Раз я так смутился. Почему я чувствую необходимость рисковать жизнью?»

Эта мысль пронзила его как током. Даже Рода почувствовала это.

- В чем дело?- спросила она.

- Ничего, ничего,- сказал он автоматически. Разум его в этот момент был где-то далеко.

- У меня здесь есть еще кое-какие дела. Они могут задержать меня на два-три денька.

Глава 17

Порт Руа представлял собой скопление казарм легионеров, хозяйственных построек, лавок, складов товаров, таверн, домов. Улицы были прямыми и узкими, сторожевые башни защищали порт. Возле города были раскинuty шатры. Здесь жили те, кто искал защиты от набегов варваров. Дальше виднелись фермы и пастбища, которые снабжали город пищей. Сейчас они были пустынные, частично из-за набегов, частично из-за засухи. Отряды легионеров регулярно выходили из города в поисках пищи, а также чтобы отогнать врагов.

С вершины горы, на которой он стоял во главе своих воинов, Арнанак едва видел поселение. Гораздо лучше были видны изгибы реки Эали, которая текла по долине и впадала в Эсхур. Арнанак через бинокль даже смог рассмотреть рыбацкие лодки. Они уходили в море, оставаясь, тем не менее, под защитой боевых кораблей, которые стояли тут же у причалов.

Небо с двумя солнцами казалось раскаленным добела. Хотя воздух был неподвижен и его сухость заставляла скрипеть гривы, Арнанак и его воины чувствовали себя нормально. На них не было ничего, кроме щитов и шлемов. Интересно, как бы они себя чувствовали, будь они из холодного Хаэлена или мягкого Веронена?

Он повел отряд экономным шагом. Копыта глухо стучали

по земле, раскидывая лишайник. Навстречу его отряду шел отряд легионеров. Они шли в боевом порядке: три тяжелооруженных воина с помощником, который нес доспехи, четыре тройки сопровождал лучник и воин со стрелами, который так же нес щит для обоих, восемь легковооруженных воинов-разведчиков, три воина, обслуживающие катапульту, носильщик, стрелок и заряжающий. И кроме того, с ними был еще один. И этот один - человек!

Одетый во все белое, подняв голову к небу, он шел медленно, но старался приноровиться к шагу воинов.

- Тихо!- прикрикнул Арнанак.- Это наша надежда. Помните, человек смертен. Ведь у нас в плену уже есть один человек.

Вновь прибывший был выше и мощнее, чем Джиль Конвей. Несомненно, это был самец. Арнанак подумал: может, смерть таится под белыми одеждами, может, там спрятана бомба, которая сотрет с лица планеты и его, и весь его отряд. Нет, он прибыл сюда совсем недавно на летающей лодке. А еще раньше комендант Зера освободил двух пленников Тассуи и отправил с ними сообщение о переговорах. Как только Арнанак получил это письмо, он сразу выехал из Улу, послав впереди себя курьера, чтобы определить место и условия встречи. А вот теперь он прибыл и разбил лагерь.

Легионеры остановились на расстоянии двух полетов копья. Развевающиеся знамена говорили о мирных намерениях легионеров. Арнанак вонзил свой меч в землю, затем еще с несколькими воинами вышел вперед, навстречу к такой же группе легионеров.

Удивленный Арнанак узнал Ларекку. Все знали старого Одноухого. Арнанак мельком видел его во время своих визитов в Порт Руа, еще до того, как началась война. Значит, он вернулся с Южных морей и решил поставить на кон собственную жизнь в битве с варварами?

«А почему бы нет? - подумал Тассуи.- И все же по своему положению я могущественен и ничуть не ниже его».

- Приветствую тебя, вождь,- сказал Ларекка. Но ничего не добавил относительно удачи и доброго здоровья.

Арнанак ответил по обычаям Сехалы.

- Честь и счастье с тобой, комендант! И пусть между нами всегда будет честное сотрудничество!

Ларекка стоял спокойно. Его бледно-голубые глаза не отрываясь смотрели в зеленые глаза противника. Даже не сознавая, что он делает, Арнанак принял стойку воина:

выпрямил торс и руки, расставил ноги, опустил хвост. Они обменялись рукопожатием.

- Где ты служил?- сразу спросил Ларекка.

- Тамбуру Стайдер,- ответил Арнанак.- В основном на островах Ирэны. Но это было очень давно...

- Понятно. Значит, теперь ты правитель Улу. Бог знает, сколько я слышал о тебе,- Ларекка сделал паузу.- И мы встречались раньше, но может, ты не узнал меня. Но я тебя видел, когда ты украл человека с моего судна. Я бросил на палубу галеры ее пищу.

Оба сердца Арнанака сжались. Может, это судьба? Только чей каприз? Истинного Солнца, Угольной Звезды или Ровера? А может, это ничего и не значит.

Ларекка стоял спокойно, и Арнанак предложил заключить на этот день мир, чтобы воины обеих сторон могли расслабиться.

Воины поклялись в соблюдении перемирия, разрушили боевые порядки, разоружились и перемешались друг с другом, причем южане были более осторожны, чем северяне. Ларекка представил Арнанаку Яна Спарлинга, и варвар повел их в свой шатер, стоящий в зарослях голубых кустов, которые лучше других растений переносят Время Огня.

В тени шатра были постелены ковры, стояли бурдюки с водой, сосуды с элем, стаканы. Иштарианцы удобно устроились на коврах. Человек сел на корточки, обхватив колени руками. Лицо его было суровым и мрачным. Арнанак сказал ему:

- Та, которую называют Джиль Конвей, чувствует себя нормально. Она не пострадала, и мы не причинили ей вреда.

- Это приятно слышать,- ответил ему Спарлинг.

- Я захватил ее в плен, как только представилась возможность, и именно для того, чтобы состоялась эта встреча. Мы всегда за то, чтобы был мир. Мы...

- Вы не сказали нам ничего нового,- прервал его Ларекка сухим тоном.- Кроме того, вы хотите, чтобы мы убирались отсюда и не возвращались сюда обратно.

- Это наша страна,- сказал Арнанак так, чтобы его мог слышать человек.

- Не вся,- возразил Ларекка.- Здесь, на этой земле, честно купленной у тех, кто захотел стать торговцами, уже много октад стоят наши города. И нам часто приходится отражать нападения бандитов. Скажи, кто из твоих воинов предъявляет претензии на наши города?

Арнанак обратился к Яну:

- Я рад, что мы, Тассуи, наконец имеем возможность встретиться с людьми и вести переговоры.

- Здесь уже были наши исследователи,- сказал человек. Он понял, что Арнанак согласен вести переговоры о Джиль Конвей, и его напряжение немного спало.- Но это было еще до того, как здешние племена объединились под властью одного вождя. А потом у нас появились и свои проблемы...- он наклонился вперед.- Я пришел поговорить об освобождении пленницы. Если ты искренне желаешь дружбы с людьми, ты сейчас приведешь сюда Джиль Конвей.

- А затем мы продолжим переговоры?

- Что ты хочешь от нас?

- Помощи. Мы слышали, будто вы будете оказывать помощь Газерингу в следующие шестьдесят четыре года. Неужели жизнь наших собратьев менее ценна?

- Я... я не знаю, что мы можем сделать для вас.

- О,- небрежно бросил Арнанак,- до нас доходят слухи о чудесах, которые вы творите в Веронене.

Ян Спарлинг задумался, потом заговорил:

- Я мог бы пообещать тебе любую плату, но зачем? Ты умен, так что будем обсуждать только то, что может быть выполнено. Потребуй невозможного, и ты не получишь ничего. Нет, даже хуже: мы объявим тебе войну, разрушим все твои планы - потребуй нечто разумное, и я постараюсь, чтобы твои требования были удовлетворены.

Арнанак не смутился.

- Если вы способны опустошить Южный Веронен, почему же вы не нанесли удар сразу? Мы напали на Газеринг, которому вы обязаны помочь. Почему же вы не оказываете ему военной помощи? Может, у вас нет такой возможности?

- Мы... мы пришли сюда не для войн и ссор,- Ян старался держать себя в руках.- Пока еще рано говорить об угрозах и мести. Назови свой выкуп.

- Что вы можете предложить?

- Наше доброе расположение сейчас и впоследствии. Затем инструменты, материалы, советы, как пережить трудные годы. Например, вместо этой тяжелой ткани для шатра - более легкую, компактную, водонепроницаемую, невоспламеняющуюся. Это позволит вам легко и быстро передвигаться в поисках пищи.

- Я предпочел бы, чтобы вы снабдили нас таким же

оружием, как и этих воинов.- Арнанак показал на Ларекку.- Кроме того, вы должны отказаться от помощи Газерингу.

Комендант кашлянул.

- Это плохо пахнет,- сказал он.

- Я знаю, что вы двое уже договорились между собой.- Арнанак говорил спокойно.- Но я не верю, что люди могут оставить своего товарища в беде.

- Тогда говори о том, что может быть сделано реально сегодня,- настаивал Спарлинг.

- Хорошо,- согласился Арнанак.- Ларекка со своей армией должен покинуть Веронен сам, по доброй воле, или нам придется уничтожить его. Мертвые кости пользуются почтением тут, но они бесполезны в Веронене. Кроме того, мы можем договориться, какие острова в море Файери вы можете оставить за собой.- «Пока мы не вышвырнем вас и оттуда,- добавил он про себя».- Хотя для вас самих было бы лучше вернуться к себе домой и оставить все наше нам.

- Хватит терять время!- рявкнул легионер.- Ты прекрасно знаешь, что если бы вы оставили в покое наших рыбаков и охотников, здесь бы не стояли наши легионы.

- Мы можем поговорить и об этом,- сказал Арнанак. Для него это было неожиданностью.

- Ну, хватит,- воскликнул Ян Спарлинг.- Как насчет Джиль Конвей?

Арнанак вздохнул.

- Пока что ты не предложил мне ничего, что соответствовало бы ее ценности как заложника. Если ты ничего не можешь предложить, мы оставим ее у себя до нашей победы. Время от времени мы будем возвращаться к переговорам о выкупе и о многом другом. Разве ты не понимаешь, Ян Спарлинг? Моя цель в том, чтобы все Тассуи пережили тяжелые времена. И чтобы это была не кучка изголодавшихся, а народ, полный сил. Могушественная раса. Разве ты не понимаешь, что без вашей помощи, которую я хочу выторговать у вас, это нам не удастся. И первое, что я хочу получить - это знания, что гораздо ценнее для нас, чем целый флот, нагруженный пищей и припасами. Поэтому не бойся за нее. Лучше подумай, как снабдить ее всем необходимым для жизни среди нас.

Ян Спарлинг долго смотрел на него. Вокруг двигались воины, но все звуки приходили к нему как бы издалека. Воздух под тентом палатки раскалился и жег почти, как уголь.

Ларекка нарушил молчание:

- Я знаю, что вождь Валленена так же хитер, как и силен. Но я пока не вижу, что он мудр и умен. Плохо, что нам придется убить тебя, Арнанак. Лучше бы тебе оставаться живым, и в наших легионах.

- Что ж, мне очень жаль, что вы не хотите принять мои условия.- Правитель вежливо поклонился.

Ян шевельнулся.

- Хорошо. Я предвидел такой исход. Тогда проводи меня к ней.

- Что?- удивился Арнанак.

- Она совсем одна среди чужих. Может, к ней относятся и хорошо, но ведь вы многое не знаете, так как впервые встречаете чужих. Вы по незнанию можете причинить ей вред. Позволь мне поехать к ней. Ведь у тебя тогда будет два человека.

Арнанак долго изучал лицо человека, которое для него было таким же чужим, как и лицо Даури. Комендант был угрюм. Они оба, вероятно, долго обсуждали этот вопрос.

И тут Арнанак решился. Что такое жизнь, как не постоянный риск?

- Я не могу ничего обещать,- предупредил он.- Предстоит трудное путешествие. Сами знаете, какое сейчас время.

- Тем больше оснований мне ехать,- спокойно ответил Ян Спарлинг.

- Но я осмотрю все, что вы возьмете с собой: одежду, пищу, и все остальное... И вы объясните мне назначение каждой вещи, чтобы я был уверен, что вы не готовите заговор или предательство.

- Конечно...

Глава 18

Как только Джиль Конвей привезли в Улу, Арнанак получил донесение и сразу же уехал.

- Они хотят вести со мной переговоры в Порт Руа,- сказал он Джиль.- Не сомневаюсь, что о тебе. Но не слишком надейся. Дела обстоят так, что тебе придется долго пробыть среди нас - может быть, до зимы.

Она подумала, что это был дружеский совет. И вообще этот огромный чернокожий варвар не казался ей олицетворением зла. С точки зрения валлененцев это был герой, и на самом деле он мог стать спасителем целого народа.

Они много общались друг с другом еще на борту галеры и во время путешествия в глубь страны. Отношения их стали почти дружескими. Он делал все, чтобы облегчить ее путешествие. Нередко она ехала на нем или на одном из его воинов, как она раньше ездила на Ларекке. И это несмотря на то, что из-за нее убили его сына, причем домой не попадет ни одна его кость, чтобы успокоить его душу и направить ее в царство грез.

Когда Арнанак уехал, Джиль поняла, что плен ее не очень тягостен, за исключением сознания того, что она в плену. Ей была выделена отдельная комната, куда никто не имел права войти в ее отсутствие. Она могла ходить, где хотела. Однако бежать не было никакой возможности, и главным образом потому, что ее запасы аминокислот и витаминов находились в запасниках у варваров и выдавались строго отмеренными порциями.

- Старайся не уходить далеко,- предупредила ее Иннукрат,- а то ты можешь заблудиться.

- Я хорошо ориентируюсь в лесах,- сказала Джиль.- И я не верю, что звери Веронена могут представлять для меня опасность.

Иннукрат сказала:

- Во всяком случае сначала не ходи одна, пока не убедишься, что сможешь находить дорогу правильно.

После нескольких путешествий в обществе варваров она уже не встречала возражений, когда уходила одна.

Иннукрат была женой Арнанака и после его отъезда единственной, кто знал язык Сехалы. До того, как началась война, она много путешествовала с мужем и бывала даже в долине реки Эзали. Вообще в иштарианском обществе преобладает равенство полов, хотя примитивные условия жизни и диктуют некоторую специализацию. Как правило, самцы занимаются торговлей, ездят за границу в чужие страны. Самки же путешествуют только по своей стране. Причем они не боятся нападений, так как существуют священные дороги, на которых запрещено грабить.

Джиль спросила, нарушает ли кто-нибудь это правило?

- Я слышала о таких случаях,- ответила Иннукрат,- но

крайне редко. Нарушителей ждет суровое наказание. Их преследуют до тех пор, пока не убьют.

Сначала Джиль даже забавлялась своим положением, но затем она почувствовала вину: ведь она стала выигрышной картой в руках врага Ларекки.

Дни, когда она оставалась одна, Джиль посвящала исследованию жизни незнакомого народа. В основном селение северян напоминало ранчо южных жителей, но с небольшими отличиями. Холл под навесом с одной стороны был вымощен грубыми камнями, одноэтажный дом из неотесанных бревен, где были комнаты для членов семьи и общие комнаты для приема пищи и для общения. Кое-где на стенах встречались украшения, выполненные с большой экспрессией. Остальная часть двора была занята хозяйственными постройками: амбарами, мастерскими, жилищами слуг, помещениями для домашнего скота. Здесь всегда бурлила жизнь: члены рода были заняты работой или же предавались развлечениям. Все они относились к Джиль вполне доброжелательно, но их разделял языковой барьер, и Джиль ничего не оставалось делать, как только смотреть. Вскоре валлененцы привыкли к ней.

Улу был расположен на восточном склоне хребта Стена Мира. Густой лес защищал селение от губительного света солнца. Местами попадались Т-растения, которые гораздо лучше переносили изменившиеся условия жизни. Она много бродила по окрестностям, и однажды тропа привела ее к хижине. Два вооруженных охранника жестами приказали ей удалиться. Она спросила Иннукрат - почему, и получила беспокойный ответ:

- Лучше поговори об этом с вождем, когда он вернется.

Джиль решила, что в хижине находится какая-то святыня. А в остальных путешествиях ее никто не ограничивал. Она могла бродить сколько угодно, пока голод или усталость не загоняли ее обратно. В десяти километрах к юго-востоку лес кончился, и она, стоя на горной вершине, видела перед собой голые пространства пустыни, над которой колебался раскаленный воздух.

Джиль поняла, что нынешнее состояние местных иштарянцев хранит в себе остатки феодализма, причем добровольного.

Правитель области принимал клятву верности от более мелких родов. Они обязались по его приказу выполнять разные работы, а также участвовать в войнах и набегах под его

предводительством. А он обязался защищать их в случае нападения.

Иннукрат рассказала, что среди молодых самцов существует дух соперничества, часто приводящий к кровавым дракам, а зачастую - даже к убийствам. И это не возбранялось, так как молодые воины изначально должны были быть готовы к войне, к смерти.

«Да,- подумала, удивившись, Джиль.- Иштарианцы - не люди».

Вскоре ее стало угнетать одиночество. Она старалась брать уроки языка у Иннукрат, хотя у старшей в роду было очень мало свободного времени: на ее плечах лежало огромное количество самых разнообразных дел. Джиль предложила свою помощь, но вскоре поняла, что она мало что может. Все орудия труда были слишком тяжелы и грубы для нее, а кроме того, требовались специфические навыки.

Поэтому она стала все больше и больше времени проводить вне дома, исследуя незнакомую местность.

И вот произошла встреча.

Она возвращалась домой после заката обоих солнц. Тропические сумерки длятся недолго. Однако луны давали достаточно света, чтобы различать дорогу. Часть ее пути пролегла по местности, заросшей низкорослым кустарником. Его плотно переплетенные между собой ветви создавали сильное впечатление живой массы. Позади нее мрачно поблескивали утесы Стены Мира.

Звезд в небе было меньше, чем обычно. Урания и Целестия достигли своего полнолуния и сияли красноватым светом. Их свет падал на лишайники и создавал иллюзию, что воздух еще горячее, чем есть на самом деле. На Джиль навалилась тишина.

Она остановилась, заметив впереди что-то движущееся. Сердце ее застучало: напротив Джиль стояло какое-то существо.

Должно быть, оно пробиралось в кустах, когда Джиль застала его врасплох.

- Нет... Не может быть!.. Это оптический обман... Я голодна... устала... у меня кружится голова...

Существо молча стало удаляться от нее.

- Подожди!- спохватившись, крикнула Джиль, но оно уже исчезло в кустах.

Через мгновение она в ужасе схватилась за кинжал, который дал ей Арнанак.

«Но ведь убежало оно, а не я,- подумала она,- но все же мне лучше уйти!»

Она шла все быстрее, а в памяти стояло незнакомое существо, освещенное красным светом. Несомненно, Т-животное. Та жизнь, которая существовала на Таммузе миллионы лет назад, и которая вновь возрождается здесь, но следует по тому же курсу, что и здешняя орто-жизнь, или земная. У Т-животных было три пола. Они не обладали ни сложным симбиозом, не имели ни молока, ни волос. Но это были геотермические существа, регулирующие, подобно растениям, температуру своего тела изменением окраски. Это было позвоночное животное, и у него вместо головы была пятая конечность, на которой находился рот и сенсорные органы. Среди них были и двуногие...

Но все они были маленькие. А это существо можно было назвать гигантом своего рода. Верхние лепестки конечности находились где-то на уровне ее груди. На животе она видела три глаза... Ноги у него были длинные и мощные. Это был скорее прыгун, чем бегун. И бескостные руки были довольно хорошо развиты. Каждая из них заканчивалась пятью пальцами, расположенными в виде звезды.

Руки? Пальцы?

Да, если она не сошла с ума, она ясно видела поднятую правую руку с растопыренными пальцами, как будто существо тоже чрезвычайно удивилось, увидев ее. В левой руке существа было что-то вроде ножа.

Иллюзия? Нет, не может этого быть! Она ясно видела живое Т-животное, неизвестное ранее. Возможно, оно эмигрировало с севера в связи с изменением климатических условий. Только животное ли?

Впереди показалось освещенное окно. Она бросилась в холл и рассказала Иннукрат о встрече.

- Ты встретила Даури,- с беспокойством сказала та.

▲ - Кого?

- Я думаю, тебе лучше дождаться Арнанака.

- Но...- Она вспомнила, что читала книги о Валленене, написанные учеными Газеринга.- Даур, Даури, да, я припоминаю. Что-то вроде эльфов, мелких демонов. Значит, это они обладают магической силой и могуществом?

- Я же сказала - дождись Арнанака.

Он вернулся через несколько дней. Джиль не вела счет дням и не могла знать, сколько он отсутствовал.

Когда он прибыл, она была дома. Чтобы не трепать обыч-

ную одежду, она была закутана в грубую ткань, сплетенную из растительных волокон, и подпоясана веревкой. Она не была иштарианкою, чья жизнь зависела от солнечных лучей. Более того, она могла сжечь кожу под ними. Хотя к этому моменту ее лицо, ноги и руки загорели уже достаточно, и теперь при необходимости она могла не закрывать их от солнца. Но все же обуви у нее не было, так ее туфли развалились.

Молодая самка дала ей свою обувь, сплетенную из ремешков. Может, она пожалела девушку, а может, просто хотела посмеяться над ней.

Джилль стояла во дворе, держа в руке зонтик, который она сделала для защиты от солнца. Послышались крики, топот ног, звон металла. Во двор въехал Арнанак со своим отрядом. Джилль выронила зонтик. Минуту она стояла неподвижно, не веря своим глазам. Затем крикнула: «Ян!», и бросилась к нему в объятия.

- Ян, дорогой!

И уже находясь в его объятиях, она приникла к нему, всем своим существом, ощущая его мужскую силу, запах его пота и его тепло. Она поцеловала его так, что зубы их столкнулись, а затем откинулась назад, чтобы посмотреть в его усталое лицо. Глаза ее наполнились слезами, и она поцеловала его еще раз, уже с дрожащей нежностью. Этот поцелуй встречи перешел в поцелуй любовников.

Наконец они оторвались друг от друга.

Так они стояли, держась за руки и смотря друг на друга. Они не замечали толпы иштарианцев, собравшихся вокруг.

- Ян,- снова прошептала она,- ты пришел! Ты пришел за мной!..

Радость будто смыла плоть с его лица и еще резче обозначила кости, обтянутые загрубевшей кожей.

- Прости, дорогая, я здесь не затем, чтобы освободить тебя,- ответил он глухим голосом.

Она была в замешательстве.

- Что? Тогда зачем?

- Не мог же я тебя оставить одну,- он взял себя в руки и заговорил:

- Не бойся, я здесь по взаимному согласию. Арнанак еще не готов отпустить тебя. Они не сумели договориться с Лареккой, однако, он хочет наладить отношения с людьми. Он считает, и не без основания, что два заложника лучше, чем один. Он надеется, что благодаря нам сможет установить с людьми дипломатические отношения, и поэтому обращение

с нами будет терпимым. Мы немало говорили об этом в дороге. Вообще-то он неплохой парень, в своем роде. А пока я привез сюда пищу, одежду и все остальное, что может тебе понадобится. Даже твои любимые книги.

Она смотрела в его глаза и думала:

«Он любит меня. Как же я могла в этом сомневаться!»

- Ты не должен был являться сюда!- воскликнула она.

- Черт побери! Я же объясняю тебе ситуацию. Мне ничего не оставалось делать. Как ты тут?

- Олл райт...

- Ты выглядишь неплохо. Похудела, но это тебе даже идет.

А эти выгоревшие волосы в сочетании с загорелым лицом... Теперь ты совсем платиновая блондинка.- И торопливо: - Дома все о'кей. Тебе шлют приветы и добрые пожелания. И все желают твоего скорейшего возвращения.

- Ну,- вступил в разговор Арнанак.- Может, вы войдете в дом? Проходите в свои комнаты, дорогие. Сейчас вам принесут ваши вещи, позже мы отпразднуем это событие. А сейчас вам есть о чем поговорить между собой.

И они говорили о многом.

Спарлинг ее хорошо знал, потому и старался смягчить ситуацию.

- Реального компромисса не существует. Единственное, что возможно, это мелкие частные соглашения, чтобы несколько уменьшить потери с обеих сторон, но это не облегчит реального положения дел. Тассуи не останавливаются, пока все легионеры не покинут Валленен, или же не будут перебиты. Зера будет решительно сопротивляться, насколько это возможно, в надежде на подкрепление. Вряд ли можно осуждать варваров. Арнанак сказал, что Время Огня убьет всех, если они останутся в своих домах. Мы, люди, должны были подумать об этом и о том, как облегчить положение этой страны. Но этот тип Джерин уже не позволит нам ничего предпринимать.

- Юрий вполне приличный человек,- возразила Джиль.

Услышав ее слова, Спарлинг поскущнел. Джиль ужасно захотелось обнять его. Они сидели на топчане, служившем постелью Джиль. Спины их опирались на бревна стены, ноги были вытянуты на глиняном полу. Через окно в комнату проникало мало света, так что в помещении царил полумрак... В комнате не было двери, и только портьера из грубой ткани отделяла их от холла, где слышались голоса.

- Арнанак тоже не негодяй,- сказал Спарлинг.- Они ооа

выполняют свои миссии. Арнанак хочет, чтобы его народ жил на земле, которая мало страдает от прихода солнца. Конечно, при этом ему нужно уничтожить Газеринг. А после этого Веронен будет открыт для вторжения. Снова цивилизация на Иштаре погибнет. Арнанак даже не стал умалчивать об этом.

- Он говорил об этом и мне,- заметила Джиль.- Правда, он считает, что его наследники восстаноят цивилизацию.

- Со временем. А сколько времени это займет, если вспомнить продолжительность жизни иштарианцев, знает только Бог. А пока на планете будут убийства, насилие и вандализм.

- Я знаю, Ян.

- У нас мало времени, если мы хотим как-то помочь Ларекке. Арнанак сказал, что он послал гонцов, чтобы собрать все свои силы. Думаю, что через месяц Порт Руа будет отрезан штормами от Веронена и не сможет получать подкрепление.

Джиль долго сидела молча. Спарлинг говорил совсем не так, как человек, охваченный отчаянием. Наконец она спросила:

- Ты говоришь так, будто мы не совсем беспомощны?

Он кивнул.

- Мы можем попытаться кое-что предпринять, Джиль,- он приподнял рукав на левой руке, где оказался браслет. Это был микропередатчик.- Арнанак проверял все мое имущество, но он не понял, что это такое и подумал, что это просто талисман.

Она нахмурилась.

- Ну и что? Мы же находимся в трех тысячах километрах от Порт Руа. А даже при идеальных условиях нас можно услышать лишь километров с десяти.

- Ах-ах,- он погрозил ей пальцем.- Ты недооцениваешь мое коварство.

С искрой надежды она спросила:

- Может, я его переоцениваю?

Он улыбнулся.

- Может быть. Но слушай. Ларекка помог мне разработать детали. Он договорился с Арнанаксом, что легионеры смогут спокойно охотиться в лесах. Я привез с собой несколько портативных релейных установок, питающихся от солнечных батарей. Охотники тайно установят их в стратегических местах. На верхушках деревьев, вершинах гор и так далее.

- Но, Ян, они же не смогут установить их поблизости...

- Разумеется, так как никто и не знает, где находится Улу, штаб-квартира Арнанак. Но все же какая-либо установка окажется километрах в ста отсюда.- Спарлинг перевел дыхание. Она вдруг обнаружила, что ей нравится ее возбуждение.

- О'кей. Я привез несколько пластиковых пакетов с протеиновой мукой. Арнанак, конечно же, проверил их, но он никак не мог догадаться, что там содержится второе дно. И именно там находится второй передатчик, несравненно более мощный и работающий на коротких волнах. Мой микропередатчик будет включать его, и сигналы мощного передатчика можно будет принимать на расстоянии ста километров и даже больше.

- О-о-о!- она смотрела на него, и все ее нервы дрожали, как струны.

- Нужно все делать без спешки,- предостерег ее Спарлинг.- Весь план зависит от надежности каждого звена. Сначала мы установим звенья передачи и вступим в контакт с Порт Руа. Я думаю, что нам это удастся. Далее, с помощью примитивных приборов я попробую определить по звездам приблизительный координаты Улу и отметить их на карте. А потом мы вызовем в условное место флайер.- Он улыбнулся.- Это единственное, что мне удалось придумать.

«Придумать!- подумала она.- А я вижу морщинки в углах его губ. Я не хочу быть плененной дамой, ради которой благородный рыцарь рискует своей жизнью!»

Она решила, что и сама все же должна внести лепту в свое освобождение.

Арнанак был в прекрасном настроении, когда, сидя во главе стола он ел, пил и хвастался. И он нравился Джиль. Это, впрочем, не означало, что она перешла на его сторону. Арнанак хорошо знал это. Но она давала ему понять, что, благодаря ее присутствию тут, у нее сложилось хорошее представление о нем и его народе, и она была рада помочь им.

«И это не ложь,- подумала она.- Мы должны помочь им. И Газерингу тоже. Жаль только, что наша глупая война делает такое почти невозможным».

Но она почувствовала себя менее виноватой перед ним, когда услышала его слова:

- Мы поговорим позднее, когда я вышвырну их из Валленена. Я много раз предупреждал легионеров, что уничтожу их, если они добровольно не уберутся отсюда. Теперь мои воины собрались вместе. Пора доказать, что Арнанак держит свое слово.

Спарлинг говорил мало и ни с кем не общался. Арнанак чувствовал, видимо, его настроение и не втягивал его в беседу.

После ужина Джиль помрачнела и сказала Арнанак:

- Мне нужно сказать тебе кое-что. Выйдем вдвоем на улицу.

Арнанак повиновался. Выйдя со двора, Джиль взяла его за локоть и указала:

- Вот сюда.

Он замер.

- Эта тропа ведет в заветное место.

- Я знаю. Идем. Недалеко.

Они остановились, когда не стало видно домов. Солнце уже скрылось за Стеной Мира. Густые тени лежали между деревьями. Небо было темно-голубым, и по нему плыли белые облака. Из лун только Эа казалась красной.

Глаза Арнанака под гривой казались зелеными фонарями. Его клыки сверкнули в полутьме, когда он сказал:

- Говори, что ты хотела. У меня здесь совершенно другие дела.

Джиль стиснула локоть Спарлинга, как бы ища его поддержки. Пульс ее часто бился.

- Кто такие Даури и какие у тебя с ними дела?

Он схватился за рукоятку меча.

- Почему ты спрашиваешь это?

- Мне кажется, я встретила одного из них, - Джиль описала встреченное ею существо. - Иннукурат не сказала мне ничего и посоветовала дожидаться тебя. Я помню, что кое-что слышала о Даури...

Его напряжение спало.

- Это живые существа, не смертные. Говорят, они обладают таинственным могуществом и им приносят жертвы, когда видят Даури, но это бывает чрезвычайно редко.

- Пища не нужна им?

- Что ты имеешь в виду?

- Я думаю, ты понимаешь меня. Не забывай, что я многое знаю о животных. В Даури, которого я видела, нет ничего волшебного. Он такой же смертный, как ты или я. И это представитель давно исчезнувшей жизни. И я видела в его руке нож. Арнанак, если бы эти Даури так далеко продвинулись бы в своем развитии, что стали обрабатывать металл, люди давно бы обнаружили их. Я думаю, это ты дал им ножи... как цену сделки между тобой и ими.

«Прыжок в темноту,- думала она.- Но кажется, мое предположение справедливо».

Заговорил Спарлинг.

- Я тебе говорил, что мы пришли сюда для исследований. И мы были бы очень благодарны тому, кто даст нам хоть крупицу нового знания.

Арнанак стоял спокойно, но как бы колебался. Но вот он принял решение.

- Хорошо,- сказал он.- В конце концов большой тайны здесь нет. Многим Тассуи я говорил об этом. А вы двое будете у меня до тех пор, пока я не завладею Валлененом полностью. Идите за мной.

Когда они шли, Спарлинг прошептал:

- Ты права, это целая разумная раса.

- Тихо. Не говори по-английски. Он может подумать, что мы что-то замыслиаем.

Они подошли к хижине. В знак салюта часовые подняли копья и отошли в сторону. Арнанак открыл дверь и пропустил людей вовнутрь. Затем он закрыл дверь, чтобы часовые не слышали, о чем они будут говорить, и не заглянули бы внутрь.

Хотя внутри горели две глиняные лампы, но стоял полумрак, потому что дневной свет почти не проникал в окна над потолком. Единственная комнатка была обставлена миниатюрной примитивной мебелью. В буфете лежали растения с голубыми листьями, разделанные туши странных животных - это была пища для Т-жизни. За занавеской виднелись спальные принадлежности: видимо, здесь жили втроем.

Спарлинг в изумлении ахнул. Джиль схватила его за руку. Все ее внимание было приковано к животным, которые находились в этой комнате. Животные подались назад, тревожно посвистывая. Иштарианцы говорили об этих животных со слов Тассуи, и вот теперь они, люди, видят их воочию.

- Выслушайте историю о моей поездке,- начал Арнанак.

Пока он говорил, Джиль внимательно рассматривала Даури. Их тела, казалось, совсем не были приспособлены к жизни на планете. Однако она различала отдельные черты, которые классифицировались в учебнике по Т-биологии. Верхняя конечность туловища оканчивалась пятью лепестками, которые служили сенсорными органами, а также переправляли пищу в рот с пятью челюстями. Под каждым лепестком находилось щупальце, орган слуха Даури. Рука

заканчивалась пятью пальцами, которые были расположены в виде пяти лучей звезды.

Конечно, им еще трудно было держать рабочий инструмент, но все же в эволюции это был шаг вперед. Тем более, что Арнанак изобрел им ручку ножа, которую им было удобно держать. Глаза их были хорошо развиты, но непривычны для человека, так как их цвет менялся в зависимости от интенсивности освещения. Под двумя глазами находился и третий глаз, служащий, видимо, для ориентировки. Ноги разной формы и цвета говорили о том, что перед ними находятся особи трех полов. В данный момент кожа их была пурпурной, а в жаркий тропический день она становилась ослепительно белой.

«Да, любопытно. Т-жизнь. Однако Т-жизнь, наделенная разумом».

И когда Арнанак закончил свой рассказ, он достал то, что принес из пустыни...

И Джиль, и Спарлинг вскрикнули одновременно. Кристаллический куб с длиной грани в тридцать сантиметров. В его черной глубине таинственно и завлекающе сверкали цветные точки. Арнанак вертел его в руках и освещение куба менялось.

- Смотрите хорошенько,- сказал вождь.- Вы не скоро увидите его снова, если вообще увидите. Это и Даури помогут мне вдохнуть новые силы в моих воинов и вдохновить их на битву.

В их комнате горела лампа. Под ногами лежала постель Джиль. В комнате стоял запах горящего масла. Было тепло.

- О Боже, Ян, это же настоящее чудо!- Джиль никак не могла избавиться от возбуждения. Лицо ее казалось еще более изможденным.

- Да. Но какая цель у этого куба? Нам нужно добыть дополнительную информацию.

- Нам...- Она схватила его за руку.- Я так рада, что ты здесь!

- Я тоже.

- Ян, я рада возможности отблагодарить тебя. Я стольким тебе обязана, что не могу не отблагодарить тебя.

Спарлинг заговорил, и губы его подергивались:

- Я должен был потребовать отдельную комнату. Если это невозможно, я сейчас найду свой спальный мешок и... Спокойной ночи, Джиль.

- Что? Спокойной ночи? Не смеши меня, Ян.

Он сделал движение к двери. Она обхватила руками его шею и поцеловала его. Он ответил на ее поцелуй.

- Перестань быть высокоморальным,- пробормотала она.- О, я сама люблю Роду и я знаю, ты ждешь от меня только слов благодарности. Но я сама хочу этого.

«Я хочу,- думала она.- Я так долго ждала этого. И я не знаю, грех ли это. Что плохого, что два человека будут ласковы друг с другом. Ведь существует такая возможность, что они больше никогда не вернутся к родным...»

На фоне оглушительных ударов сердца она услышала рассудительный внутренний голос, напоминающий ей о том, что действие последнего противозачаточного укола уже кончилось. «Пошел к черту», - сказала она этому противному голосу. Она внезапно вспомнила, что Ян всегда хотел иметь много детей, но в Примавере не было сирот, и усыновлять было некого.

- Мне кажется, что я уже люблю тебя, Ян,- медленно сказала она.

Глава 19

В то время, как Улу отпраздновал середину лета, с песнями, танцами и жертвоприношениями, Желтое Солнце обогнало Красное. Жара нависла над Валлененом. Свиристествовали засушливые ветра. Вельд горел целыми неделями. Над горами клубился горький дым. Белые облака висели над Стеной Мира, но ни разу дождь не пролился на измученную землю.

Спарлинг пренебрегал всеми неудобствами. Джиль сказала, что ей тоже на это наплевать, и он поверил, так как по опыту знал, что она никогда не врет. Тем более, что почти при нулевой влажности высокую температуру было довольно легко переносить. Их пища была грубой, но в достаточном количестве. Иштарианцы относились к пленникам вполне лояльно, не досаждая им излишними вопросами. Поэтому Джиль и Спарлинг могли без помех заниматься своими делами. А ночью наслаждаться друг другом.

Спарлинг, конечно, никогда не был счастлив так, как

теперь. Он, конечно, чувствовал свою вину перед Родой, но в основном корил себя за то, что не может сразу организовать побег. Хотя в глубине души он даже был рад этому.

Они редко разговаривали о своем будущем. Такие разговоры быстро кончались объятиями. Теперь он, как и она, перестал считать дни. Время текло как бы мимо него. Однако потом он как-то подсчитал, что прошло сорок три дня и пожалел, что они не равны земным дням.

Однако кроме любви у них было еще и очень много других дел.

Они сидели среди камней в глухом ущелье. Небо казалось почти белым. На одном из деревьев, уцепившись за ветку сразу всеми четырьмя лапами, висел птеноид. Видимо, жара связала и его.

- О'кей, попробуем еще раз,- сказал Спарлинг и повернул ручку передатчика. Джиль склонилась к нему. Свежий запах ее волос волной окутал его.

- Вызываю Порт Руа,- медленно заговорил он,- пожалуйста, ответьте.

- Милитари Интеледженс отдел икс 13 вызывает Порт Руа,- добавила она.- Срочно и тайно. Нам нужны фальшивые бороды. Эти совсем износились.- Она явно дурачилась.

«Хотел бы я иметь такую способность во всем находить смешное,- подумал Спарлинг.- Может быть поэтому она так хороша в постели? Правда, у меня маловато опыта для таких сравнений».

- Честно говоря, я беспокоюсь,- сказал он.- Ларекка должен был оставить у приемника круглосуточное наблюдение. Либо наша идея не сработала, либо...

Тихий, страшно далекий голос иштарианца ответил:

- Отвечает Порт Руа. Вы пленные люди?

Джиль вскочила на ноги и исполнила военный танец.

- Да,- ответил Спарлинг, когда возбуждение прошло и он смог говорить.- Мы слышим вас прекрасно. Как ваши дела?

- Спокойно. Даже слишком спокойно.

- Ясно. Это продлится недолго. Вызови ко мне коменданта.

- Не могу. Он уехал на инспекцию. Вернется только завтра. Я могу подключить вас к Примавере.

- Нет. Не надо. Нам надо экономить батареи. Вы не знаете, какого большого труда нам стоило связаться с вами.

«К тому же сейчас я не смогу говорить с Родой,- подумал он».

- Свяжитесь с ними и передайте им, что с нами обращаются хорошо. Я свяжусь с вами послезавтра около полудня. А пока до свидания.

- Пусть вам сопутствует удача!

Спарлинг отключился.

- Ну вот,- сказал он.- Первый шаг сделан.

- И это сделал ты!- девушка порывисто бросилась к нему на шею.

Они шли под звездами и лунами, пурпурный свет обливал горные пики, где земля сливалась с небом. Воздух был мягок и полон разнообразных ароматов. Спарлингу все напоминало Веронен.

- Разве можно думать, что такая ночь возможна во Время Огня?- сказал он.- Это совсем как у нас: когда все вокруг рушится и сгорает в огне, мы наслаждаемся любовью и не желаем ничего другого.

Она сжала его пальцы.

- Люди всегда таковы. Иначе они не смогли бы многого пережить.

Он посмотрел на небо.

- Интересно, что же это было?

- Ты имеешь в виду кристалл?

- Да. Жаль, что он не позволил более внимательно рассмотреть его. Но полагаю, что это пришелец из космоса. Нечто вроде твердотельного компьютера. Он предназначен для передачи информации, может быть, для обучения...- он вздохнул. - Черт побери, кто может прочесть разум умершего человека, тайну исчезнувшей расы?

- Почему мертвая раса? Они могли куда-нибудь уйти. Если они смогли создать устройство, которое сопротивляется действию времени уже миллионы лет, почему они не могли выжить?

- Если, если, если!- воскликнул он, взбешенный скудностью своих знаний.

- Я считаю, что «если» - это самое лучшее слово в языке,- сказала Джиль.

- Сейчас для нас самое главное - передать об этом информацию, чтобы она не умерла с нами, если таковое случится.

- Ну что же, мы передадим Ларекке, а он сообщит в Примаверу. Все должны узнать, что Арнанак собирается воспользоваться мифами и суевериями для достижения своих политических целей. Пусть Тассуи поймут, что Даури тоже

смертны, что Арнанак вступил в сделку с представителями другой расы и использует их в своих целях. Он наверняка обещал им лучшие земли, когда будет уничтожена цивилизация. Это - удар по морали.

Он покачал головой.

- Нет, дорогая. Я уже думал об этом. Когда тайна Арнанака станет известна всему миру, он сразу поймет, откуда дует ветер. Он ведь сам показывал нам свою хижину, рассказывал о целях, хотя и не говорил о будущей политике, которой он будет придерживаться.

- Да,- сказала она.- Неужели ты думаешь, что он так мстителен?

- Может да, а может и нет. Он может убить нас просто из элементарной предосторожности. Я не хочу рисковать твоей жизнью, любимая.

- Я понимаю.- Она остановилась и заставила остановиться его. Он увидел, как ее нос сморщился. Он притянул ее к себе. Под ними был мох, прародиной которого был Таммуз. На нем было мягко, и он слегка пружинил от их движений, так что они оба испытывали необычайное наслаждение.

Потом он приподнялся и посмотрел на нее, как на живое чудо. Она лежала перед ним, разметав по мху волосы, и влажные чувственные губы ее были приоткрыты.

- Я беру назад свои слова,- промурлыкала она.

- О чем?

- Относительно того, что лучшее слово в языке «если». Оно второе. А лучшее слово то, которое ты произносишь, когда берешь меня, пусть даже оно и неприличное.

Когда они сказали Иннукрат, что собираются отправиться в путешествие на всю ночь, та выделила им дополнительную пищу, сказав, что им предстоит трудный путь, и они должны поддерживать свои силы.

- Ты хорошая,- сказал Спарлинг. Он явно чувствовал угрызения совести.

- Если ты действительно так думаешь, то когда ты снова вернешься в свое селение и снова обретешь свое могущество, не забудь обо мне и моих детях.

Они собрались и покинули селение.

У Спарлинга был карманный компас, который Арнанак разрешил им иметь, так как он видел подобные приборы у легионеров. Джиль взяла с собой бумагу. Арнанак решил,

что они пошли на исследования и будут записывать все, что видят.

- Ты сможешь точно выйти на место?- спросила она.

- О, я предпочел бы лазерный компас и электронный шагомер, но мне трудно было бы дать Арнанакку объяснение относительно их назначения.

Таким образом они намеревались определить на карте местонахождение Улу с точностью до нескольких метров.

Когда они возвращались, опускаясь по раскаленному солнцем склону горы, послышался зуммер приемника.

Спарлинг нажал на кнопку.

- В чем дело?

- Техник Аддис, Порт Руа,- ответил далекий голос.- Мы получили из Примаверы сообщение для вас.

Спарлинг выругался. Он моментально раскалился, как и воздух вокруг него.

- Что за идиотство? А может, мы находимся среди тех, кто держит нас в плену?

- Кха-аа,- извиняюще протянул техник.

- Полегче, милый,- сказала Джиль.- Ничего не произошло. Это, видимо, кто-то из новеньких, поэтому он и торопится поскорее выполнить приказ.- Она наклонилась к браслету.

- Адисса, мы договорились, что на связь будем выходить только мы. Нас вызывать нельзя.

- Прошу прощения,- тихо произнес иштарианец.

- Хорошо, ты получил его. И мы ничего не скажем об этом Ларекке,- пообещала Джиль.- Так что там у тебя за сообщение для нас?

- Сначала скажи, что с легионом?- Спарлинг отыскал рядом маленькую тень и направился туда.

- Оружие все еще в ножнах, но в лесах начались пожары. И Ларекка больше не направляет туда охотничьи отряды. На корабле, который привез и меня, прибыли припасы и несколько воинов. Нам сказали, что мы последние, больше помощи не будет.

Спарлинг и Джиль скорчились в тени. Адисса щелкнул тумблером, и они услышали запись голоса Ханшоу:

«Привет вам обоим. Мне кажется, что вы решили взять отпуск и отдохнуть. Спешу сообщить, что у нас все в порядке. Но ваш поступок всколыхнул Примаверу. Вы стали каким-то символом, не знаю, как это можно назвать еще.

Обычная ситуация. Люди мирно жили и выполняли свою работу. Вдруг началась война, бессмысленная война. И в

довершение всего два популярных ценных члена нашего общества оказались в плену у варваров именно в результате этой войны.

Сейчас Примавера охвачена забастовкой, все жители отказались сотрудничать с Джерином. И даже те, кто не прочь был с ним работать, отказываются из-за боязни того, что их обвинят в предательстве.

Можете себе представить, какие у нас начались неприятности из-за этого. Капитан Джерин ежедневно осаждает меня. Он даже произвел несколько арестов, но ничего этим не добился и был вынужден снять обвинения и освободить всех, кого он арестовал. Вы знаете, он не глуп и не зол. Мне даже иногда жаль его. Он просит, чтобы мы сообщили информацию о вас ему. Однако мы ничего не сказали ему откровенно возможной связи с вами.

Между тем я не уверен, что мы поступили правильно. И не знаю, к чему, в конце концов, может привести наше сопротивление. Может быть, армия отменит свое решение о сооружении базы, а может, нам вообще срежут все фонды помощи. Думаю, вы должны быть в курсе того, что у нас происходит, и буду информировать вас об этом. Ситуация напряженная, но пока серьезных причин для опасений нет. А теперь я даю слово Роде».

«Добрый день, милые,- сказал женский голос. Спарлинг стиснул зубы, сжал кулаки.- Джиль,- заговорила Рода по-английски.- Твои родители, сестра, посылают тебе свою любовь.- Неужели в ее голосе слезы?- Прими добрые пожелания и от меня. Живи в мире. Благодарю тебя за то, что ты делаешь. Желаю счастливого возвращения. Гуд бай».

Стало тихо.

- Это все,- сказал Адисса.

- О'кей,- ответил Спарлинг.- Мы отключаемся.

Он долго сидел, глядя на утесы.

Джиль обняла его за талию.

- У тебя жена гораздо лучше меня,- сказала она.

- Нет,- проговорил он.- Ты чистая и смелая. И мы ничего не можем поделать. Верно?

«Может, это слова труса?» - подумал он.

- Я разделяю сомнения Говарда,- сказал Спарлинг.- Эта забастовка против армии... черт побери, эти люди ведь служат для нас.

- Не нервничай. Хотя...

Когда эхо от ее голоса замерло, он повернулся и посмотрел на ее чистый профиль, вырисовывающийся на фоне скал и раскаленного воздуха.

- Интересно, почему на ленте нет голосов ни отца, ни матери, ни Алисы? Неужели я их так плохо знаю? - сказала она в пустоту.

Затем она выпрямилась.

- Ну, вот теперь и я превратилась в машину для беспокойства. Бог с ними. Идем домой, милый, но сначала поцелуй меня.

Глава 20

Ларекка стоял на восточной сторожевой башне и смотрел на причал Порт Руа, где в этот час стояло несколько кораблей легионеров, и вдаль, где в море курсировал вражеский флот.

Он насчитал пятьдесят восемь кораблей, пятьдесят восемь узких галер, пятьдесят восемь парусов, окрашенных только что взошедшим Ровером в кроваво-красный цвет. Солнце, отражаясь от поверхности моря, слепило глаза. Он сомневался, что крепостная артиллерия сможет достать вражеские корабли камнями или огненными стрелами. Ветер раздувал паруса галер, трепал флаг над головой Ларекки.

- Да, - сказал Серода, его адъютант, - кто бы мог подумать, что он сможет собрать такой флот!

- Их вождь - умная бестия, - кивнул головой Ларекка. - Он держал корабли в небольших отрядах, курсирующих между островами на побережье. А затем по его приказу они собрались в этот флот в заранее назначенный день и в заранее назначенном месте. Поэтому мы так и не смогли узнать точное число вражеского флота, - он покрутил усы. - Я думаю, что это еще не весь его флот. Большая часть, видимо, блокирует крепость с моря, чтобы мы не смогли получить помощь.

- А зачем тогда здесь эти?

- Чтобы не выпустить наши корабли. Они не хотят принимать бой в открытом море.

Взгляд Ларекки скользнул по городу, по низким зданиям, окрашенным в яркие цвета, по крепостной стене, доходящей до реки, теперь уже так обмелевшей, что из нее торчали камни, как спины гигантских животных. Затем он обозрел раскаленные развалины за городом, откуда приходили пыльные бури и смерчи.

- Да,- сказал он.- Война началась. Вскоре и его сухопутные силы будут здесь.

Через некоторое время он добавил:

- Но их вождь совершил одну большую глупость. Он забыл одну из основных военных мудростей, а именно: «Противнику всегда нужно оставлять путь для отступления».

- Вероятно, он думает, что мы сдадимся,- высказал предположение Серода.

- Это тоже вид отступления. Нет, вряд ли. Эти корабли говорят об обратном. Кроме того, честно говоря, сейчас не те дни, чтобы держать пленников. Либо они всех нас вырежут, либо сделают рабами и рассеют по всей стране, в шахты, на фермы, прикуют к тележкам, киркам... Я бы предпочел смерть...

Он подумал, что следует выступить перед своими воинами и разъяснить им все это. Хотя он терпеть не мог говорить речи.

Серода, долго прослуживший в легионе, не высказал ни страха, ни сомнения. Он сказал:

- Но им дорого обойдется взятие крепости. Им выгоднее было бы отпустить нас.

- В этом случае нам лучше отказаться и остаться здесь,- ответил Ларекка.

Варвары, которых легионеры убьют здесь в свои последние часы, никогда не придут туда, где осталась Мерса и его дети...

К полудню отряды Тассуи достигли Порт Руа. Многие тысячи их расположились лагерем всего в километре от городских стен, между рекой и бухтой. Их устрашающие штандарты, посаженные на шесты черепа животных или кентавров, хвосты убитых кровных врагов. Вырезанные из кости или из дерева тотемы издали казались лесом, среди которого ослепительно сверкали острия пик. Их барабаны непрерывно гремели, трубы издавали пронзительные звуки, они кричали, пели боевые песни и в облаках пыли носились галопом туда-сюда. Городские стены представляли собой земляные насыпи, увенчанные частоколом из заостренных

бревен. По углам стояли башни, в которых были установлены катапульты, стреляющие сразу несколькими снарядами. Под стенами был выкопан ров, сейчас, правда, пересохший. Дно его было утыкано заостренными кольями. Воины поднялись на городские стены. Их доспехи и щиты сверкали на солнце, перья на шлемах развевались по ветру, подобно знаменам. Среди них имелись и такие, что имели винтовки.

После возвращения Ларекки были эвакуированы все гражданские лица, за исключением тех, кто изъявил желание остаться и бороться. Оставшиеся так долго жили здесь, что стали уже как бы членами легиона. Среди них были и самки, чья помощь и уход за ранеными будет неоценима.

«Пока что дела у нас не так уж и плохи», - подумал Ларекка.

Трижды прозвучала труба, и из походного шатра вышли двое. Первый нес знамя, второй был огромен, и весь сверкал золотыми доспехами.

«Сам Арнанак, - подумал Ларекка. - Должен ли я говорить с ним? Ведь от всего этого можно ожидать предательства... Нет, я должен идти».

Несмотря на протесты офицеров, Ларекка приказал открыть северные ворота и опустить мост. Он пошел один. Доспехи он скинул. К чему носить лишние тяжести. Сейчас на нем были только красный плащ и хаэленский меч. Плащ слишком трепыхался на ветру и мешал Ларекке, но Серода настоял на том, чтобы комендант был в плаще. Нельзя же казаться нищим перед таким разодетым противником.

Арнанак что-то сказал знаменосцу и тот отсалютовал флагом. Сам Арнанак воткнул меч в землю. Он обменялся с Лареккой похлопыванием по плечам и несколькими словами приветствия.

А затем состоялся разговор.

- Мне бы доставило большую радость, если бы мы могли положить на землю свои мечи и копья.

- Прекрасная идея, - согласился Ларекка. - И легко выполняемая. Вам осталось только разойтись по домам.

- А вы сделаете то же самое?

- Мы дома.

- Правда, вы теперь упустили свой шанс уйти свободно, - вздохнул Арнанак, - теперь мне придется уничтожить Зера.

- Давай попробуйся. Но что толку понапрасну трепать языком? Может, нам стоит сесть в тень и выпить пива?

- Я сделал тебе предложение, потому что ты храбрый воин. Сдавайтесь. Мы отрубим вам правые руки и будем кормить, пока вы не поправитесь. А затем мы позволим вам уплыть. Вы никогда не сможете больше быть солдатами, но зато вернетесь домой живыми.

Ларекка ухмыльнулся, глядя в зеленые глаза.

- Я могу сделать другое предложение. Правда, оно будет касаться другой части ваших тел, чтобы вы не могли производить на свет таких хвастунов.

- Я рад, что ты можешь шутить, - ухмыльнулся Арнанак. - Обещаю, что те, кто присоединится к нам, останутся целыми и невредимыми. Для остальных же - смерть, за исключением тех нескольких несчастных, кто попадет в плен и станет рабом. - Арнанак широко раскинул свои огромные руки. На солнце сверкнули золотые браслеты. - У вас нет надежды. Если не удастся прямой штурм, мы уморим вас голодом.

- У нас достаточно припасов, в том числе и прекрасной воды. А вот ты окажешься на выжженной солнцем равнине, где не будет ничего. Посмотрим, кто первым умрет от голода и жажды.

Арнанак совсем не смутился, что его блеф не прошел.

- У вас прекрасное положение для обороны. Но это не оборона. Вы в ловушке. Нас раз в восемь больше. Вы думаете получить помощь из Веронена? Пусть ваши корабли попытаются прорваться через мои боевые порядки. Их уже ждут мои лучшие воины на самых быстроходных кораблях. Ты рассчитываешь на помощь людей? Но они даже не пошевелили пальцем, чтобы освободить даже тех двоих, что уже у меня в плену.

- Не нужно недооценивать их. Я знаю, на что они способны.

- Неужели ты думаешь, что если я столько лет создавал свое могущество, то не потратил для их изучения определенное время? Чтобы знать, что можно ожидать от них? Мои пленники только подтвердили правильность моих умозаключений. Они здесь только для исследований. Они будут помогать тому, кто создает лучшие условия для их работы. И они не вступят в войну, если не будет прямого повода. А я, будь уверен, такого повода им не дам.

Арнанак помолчал.

- Ты прав относительно того, что нельзя откладывать штурм, Одноухий. Мы сотрем вас с лица земли. Если, конечно, вы не примете мои условия.

- Нет.

- Значит, ты отвергаешь их от имени всех своих воинов?

- Да,- ответил Ларекка.

Арнанак печально улыбнулся.

- Ничего другого я и не ожидал. Но я должен был попытаться договориться. Ну что же, брат, желаю тебе приятного путешествия в темноту.

- И я желаю тебе того же,- ответил Ларекка по древнему обычаю. После этого они обнялись, крепко прижимаясь друг к другу, как предписывало правило, и отправились каждый своим путем.

К вечеру начался ветер и поднял облака пыли, сквозь которые не могли пробиться ни лучи звезд, ни свет лун. Под прикрытием темноты варвары двинулись на исходные позиции. Они тащили с собой осадные машины, захваченные ранее у легионеров, которые пытались освободить Тархану. Утром, при первых лучах солнца, они начали обстрел из метательных машин, луков и пращей. А когда солнце поднялось немного выше, оно стало единственным свидетелем разыгравшейся битвы.

В воздухе свистели стрелы, камни с гулким стуком обрушивались на насыпь, за которой прятались легионеры. Поминутно слышался скрип досок, бревен в стенах, вой труб, грохот барабанов. Орды варваров толпились на противоположном берегу рва. Становилось нестерпимо жарко. Песок попадал в глаза, смешивался с потом, текущим по лицам, скрипел на зубах.

Ларекка обходил крепость, управляя боем. За ним постоянно шел знаменосец, неся на шесте личный штандарт коменданта. Благодаря этому любой, кому это было необходимо, мог сразу найти коменданта. Разумеется, это привлекало и огонь врага, но Ларекка считал, что он не имеет права отказываться от древних обычаев.

Его девиз на штандарте удивлял многих: рука с коротким мечом указывала на небо.

Он шел, то и дело отдавая короткие приказания:

- Собери эти камни и отправь их обратно, пусть подавятся.

Или:

- Неплохая работа, воин!

Он шел и подмечал все, что еще нужно ему сделать, относительно чего распорядиться.

Лучники, укрывшиеся в башнях, вели прицельный огонь по наступающим. Обнаженные варвары откатывались назад,

многие падали и лежали, ожидая, пока жизнь не покинет их тела. Однако им удалось подтащить одну катапульту, и она принялась обстреливать башню, пока та не превратилась в развалины. Теперь этот участок был ничем не защищен, кроме бастиона, и стрелы начали поражать и защитников крепости.

Ларекка наблюдал за этим через смотровую щель в соседней башне. Скоро рухнет и эта. С радостными криками варвары уже тащили ко рву длинные доски, чтобы сделать из них мост.

- О'кей,- пробормотал Ларекка и отдал соответствующий приказ. Отряд воинов тут же потащил на тот неукрепленный теперь участок огромную катапульту. Их прикрывали воины с большими щитами. Варвары не обращали на них внимания до тех пор, пока катапульта не обрушила на них град камней. Толпа панически отхлынула назад. Затем Ларекка приказал открыть огонь сосудами с горячей смолой. Только что наведенный с таким трудом мост тут же загорелся.

- Тебе лучше спрятаться за стеной,- предупредил Ларекку один из легионеров. И действительно, отряды варваров обрушили в сторону коменданта град стрел.

- Еще рано,- ответил Ларекка. «Совсем как в старые дни»,- подумал он.- Я думаю, что нам нужно уничтожить еще и катапульту варваров.

Для этого понадобилось всего три залпа, и оружие, принесшее столько вреда бастионам крепости, запыхало ярким огнем. Однако у них не было времени повосхищаться своей работой. Они поспешили убраться под защиту стен, и только тут Ларекка перевел дыхание и по достоинству похвалил воинов, но тут прибежал гонец и сообщил, что в гавань направилось шесть галер.

Видимо, Арнанак предпринял нападение не только с суши, но и с моря.

Ларекка осмотрел своих офицеров, которые его окружали, а затем задал вопрос:

- Кто из вас готов выполнить опаснейшее поручение?

Корректное молчание, а затем вперед выступил командир одной из когорт, который уже давно обратил на себя внимание Ларекки как мыслящий командир.

- Я выполняю,- решительно сказал он.

- Хорошо.- Ларекка хлопнул его по плечу.- Возьмешь нескольких добровольцев, чтобы было можно поднять парус

на судне. Ветер как раз тот, что нужно. Ты поплывешь за кораблями этих ублюдков. Они наверняка пристанут в рыбацкой гавани. Как хорошо, что я приказал не уничтожать там причалы. Теперь это облегчит твою задачу. Ты подожжешь свой корабль и направишь его на вражеские корабли. Вы сбежите на лодке или вплавь. Мы откроем ворота и пропустим вас.

- Пожертвовать целым кораблем? - изумленно воскликнул Серода.

- Мы не собираемся никуда уплыть, - напомнил ему Ларекка. - Остальные тоже придется сжечь, чтобы они не попали в руки варваров. Я не сделал этого раньше, так как чувствовал, что они могут нам понадобиться именно для такого вот случая.

Сейчас Ларекка смотрел на молодого офицера. Сквозь густую пыль, поднятую горячим ветром, глаза их встретились. Ларекка крепко сжал плечо молодого офицера.

- Иди на подвиг, легионер, - напутствовал он его.

Битва сама собой как-то стала стихать. Массы варваров откатывались назад, чтобы отдохнуть и освежиться. Ларекка предположил, что галеры начнут штурм до темноты. Вернее, до восхода лун.

«Пожалуй, не помешает и мне немного отдохнуть». Слабость охватила его. В сопровождении Сероды он пошел к дому, где находился штаб. Антенны большого передатчика казались странным скелетом на фоне зловещего неба. Солнце уже опускалось, а Ровер висел низко над горизонтом. Он окрашивал планету в цвет крови землян. Ну что же, по крайней мере следующая битва будет происходить не при такой жаре.

У входа его встретил Иразен, который стал вице-комендантом после гибели Воуа. Это был ветеран легиона, разукрашенный многочисленными боевыми наградами, стойкий боец. Конечно, он страдал отсутствием воображения, но при выполнении заданий был упорен и ни на шаг не отступал от поставленной цели. Если он и проигрывал бой, то для врага это обходилось слишком дорого.

- Ты прав, - сказал Иразен, - пленники-люди вышли на связь. Когда они узнали все, то женщина потребовала разговора с тобой.

«Да, Джиль захотела поговорить. Спарлинг тоже, но он более терпелив, чем она. Приятный сюрприз», - подумал он.

Она выплыла в его памяти: узкое лицо в облаках темно-каштановых волос, глаза более голубые, чем небо над тропическими островами, ослепительная улыбка, гибкое тело...

Ларекка пошел в радиорубку.

- Он пришел,- сказал техник в микрофон и отсалютовал коменданту. Ларекка встал перед пустым экраном.

- Дядя,- в комнату ворвался голос Джиль.- Как там у тебя?

- Еще на палубе,- ответил Ларекка по обычаю Хаэлена.- А вы?

- О, у нас все нормально. Пошли на вечернюю прогулку и сейчас сидим на вершине холма, смотрим закат солнца. Но, дядя, на вас напали?

- Пока они получили мало радости.

- Пока. А потом?

- Потом будет то же самое. Что ты еще хотела сказать?

Наступила тишина: Может, она шепчется со Спарлингом, а может, и нет. Но когда она заговорила, голос ее был жестким и решительным.

- Сколько времени вы продержитесь?

- Это зависит...- начал Ларекка.

Джиль выругалась, как последний легионер.

- Я говорила с техником, пока ждала тебя. Никакой помощи не будет. Даже мы ничем не сможем помочь, дядя. Я тебя знаю, и поэтому можешь считать меня полноправным воином твоего легиона.

- Я думаю, что нам нужно попрощаться,- сказал Ларекка, глядя на невозмутимую аппаратуру.

- Слушай меня,- сказала Джиль.- Я знаю, что Газеринг, считай, уже списал тебя со счетов. Даже если они захотят помочь тебе удержать Валленен, уже поздно. Арнанак перехитрил их. Мои соплеменники-люди ничего не смогут сделать, так как им это запрещено. Отступать вам нельзя, так как вы заблокированы. А значит, все вы будете уничтожены. Арнанак не скрывал от нас своих намерений. Значит, вы должны будете продать свои жизни как можно дороже. Верно? Мы не можем допустить, чтобы так случилось.

- В конце концов все умирают,- мягко сказал Ларекка.- Смотри на это так.

- Мы с Яном решили заставить этих ослов в Примавере оторвать свои задницы от стульев. Я, мы сделаем это... Не теряйте связи с нами и будьте подключенными к кабинету Ханшоу постоянно.

- Что ты задумала?- спросил Ларекка. Ему почему-то стало страшно.

- Еще пока не знаю.

- Вы не должны рисковать собой. Это мой приказ тебе, как легионеру.

- Даже ради спасения Порт Руа?

Ларекка вспомнил об офицере, которого он послал почти на верную смерть на горящем судне, и о том, что Джиль всегда считала себя легионером Зера Витрикс.

- Хорошо,- сказал он.- Но предварительно переговори со мной. О'кей?

- О'кей, старина,- прошептала она.

Послышался сухой голос Спарлинга.

- Так как у нас садятся батареи, мы должны действовать. Сколько времени вы продержитесь без помощи?

- От завтрашнего утра до начала зимы. Все слишком непредсказуемо,- ответил Ларекка. Он подумал, какой великопной парой были бы Спарлинг и Джиль, не будь он на двадцать лет старше ее. Для людей это целая бездна лет.- Постепенно они уничтожат все укрепления и стены. Мы не можем стрелять с такой скоростью, чтобы предотвратить это. Их слишком много. Конечно, Арнабак не захочет терять большое количество воинов и не будет форсировать события. Когда они войдут в город, мы превратим в крепость каждый дом, и им придется брать их один за другим.- Он подумал.- Так что самое разумное предположение - тридцать два дня.

- И не больше?- тихо спросил Спарлинг.- Ну что же. Нам нужно думать и действовать быстро. Могу сказать, что у меня зародилась идея. Счастья тебе, Ларекка.

И через сотни километров до Ларекки донеслись всхлипывания Джиль. Затем щелчок и тишина.

Ларекка повернулся к Иразену.

- Есть еще что-нибудь для меня?

- Ничего важного, сэр.

- Я хочу отдохнуть. Боевые действия возобновятся после восхода луны. Скажешь мне тогда.

Ларекка вошел в дом. Здесь некогда жила Мерса, и до сих пор в разных местах он находил ее безделушки. Здесь сохранилась память о ней. Он скинул доспехи и встал перед фотографией, на которой был изображен он, Мерса и их последний ребенок. Эту фотографию сделал человек, когда

Примавера еще только создавалась. Якоб Зопф, бакалавр. Он уже давно умер, и память о нем сохранилась лишь в архивах, но Мерса до сих пор, когда бывала здесь, носила цветы на могилу друга. Ларекка лег на матрас, вытянулся и закрыл глаза, думая, что бы ему посмотреть во сне. Конечно, было бы неплохо, чтобы у него выросли крылья и он мог бы подняться и посмотреть на планету, узнать, что происходит. Но к чему думать о смерти? Вполне возможно, что он будет убит сейчас и уйдет из жизни так, как ему этого захочется.

- К черту,- сказал он сам себе и сконцентрировался на свадьбе Джиль и Спарлинга, погрузился в бурное веселье, к которому примешивалась легкая зависть к Спарлингу.

Серода разбудил его, как и было приказано, когда варвары только-только зашевелились. Их галеры, как Ларекка и предполагал, подняли якоря и направились к рыбацким причалам. Они не сделали попытки напасть на большой корабль, стоящий на якоре недалеко от них. Они, несомненно, решили, что экипаж корабля ищет возможности выскользнуть из гавани, но варвары знали, что выход в море надежно заперт кораблями их товарищей.

- О'кей, сейчас буду,- сказал Ларекка, подавив зевок. Он до сих пор был еще во власти того, что видел во сне. Серода подал ему чашку с питьем и помог облачиться в доспехи. Он почувствовал, что настроение его поднялось. Кто знает, может друзья действительно найдут выход из безнадёжной ситуации.

Нападение с моря не было неожиданностью для его офицеров. Все эти возможности уже рассматривались на военном совете. Менее предсказуемым было нападение со стороны реки, и Ларекка направился туда. Со стены он начал обозревать происходящее.

Целестия уже осветила дальние горы и теперь быстро передвигалась по небу. Она показалась ему похожей на красный щит. Ее свет падал в море, становился холодным, серебрянно-серым, дрожащим. Галеры варваров медленно двигались по воде. Когда они достигли берега, тишина ночи была разбужена их воплями.

Теперь главное - задержать их там до тех пор, пока не подоспест брандер. Задача варваров была аналогичной - отвлекать силы легионеров до тех пор, пока с другой стороны не обрушатся сухопутные войска. Ларекка смотрел в ночь и слышал крики варваров.

Звенели тетивы луков, свистели стрелы. Варвары оставались только тогда, когда были поражены стрелами или камнями. Остальные, не обращая внимания на свист стрел, рвались вперед. Среди движущихся теней они были трудноразличимы. У многих были факелы, которые дымили и разбрасывали вокруг себя искры.

За ними виднелись паруса галер, которые вдруг занялись жарким пламенем, когда корабль-брандер незаметно приблизился и врезался в корабли варваров. Пожар разгорался. И все же валлененцы не дрогнули и еще не побежали. Они рвались вперед, к стенам крепости, выливали масло из кожаных бутылей на бревна и доски, поджигали их.

«Неужели Арнанак одурачил меня, и это главный удар, а не отвлекающий маневр?» - думал Ларекка.

- Вперед!- крикнул он.- Отбросьте их назад, пока они не сожгли все укрепления.

Он сбежал по лестнице вниз, выхватил меч и повел своих воинов на варваров.

Металл звенел, сталкиваясь с металлом. Варвары упорно рвались вперед, невзирая на ужасающие потери. Их было очень много, и легионеры, укрывшись за щитами, сосредоточенно работали мечами. Затем к ним прибыло подкрепление, и легионеры смогли предпринять контратаку. Шаг за шагом они оттесняли врагов назад к горящим кораблям, к пенному морю.

- Молодцы!- воодушевлял своих воинов Ларекка.- Великолепно! Кончайте их всех!

Удар обрушился на него. Боль пронзила все его тело. Затем пришла темнота. Он выронил клинок и стоял, пошатываясь и держась за голову.

- Неужели это все?- громко спросил он. В голове его закрутилось, загрели боевые барабаны. Ноги его подкосились, и он опустился на землю. Воины склонились над ним, но Ларекка ничего не видел. В красном свете луны он лежал и пытался удержать ускользящие силы. Но вот все они ушли, и Ларекка увидел свой самый короткий предсмертный сон.

Глава 21

В комнате Башни Книг с толстыми стенами было почти холодно. Солнечные лучи проникали сквозь стекла и разбивались в многоцветные пятна на полу.

Насекомые кружились возле гривы Джерассу. Ученый стоял возле стола, на котором был разложен свиток пергамента. Его английский язык был безукоризнен, даже педантичен.

- Это рисунки различных машин, приводимых в действие мускульной силой, которые использовались нами до прибытия людей. Проблема в том, что иштарианцы хотя и сильнее людей, но намного тяжелее их. Вот на этом рисунке показан корабль, на котором система привода весел позволяет работать не столько руками, как ногами. Вот эта модель использует силу ветра для приведения во вращение гребных колес, а также винтов. Но такие корабли были недостаточно надежны, пока у нас не была достаточно развита хорошая металлургия для получения хорошей стали. Валлененцы комбинируют весла и парус, что делает их корабли более маневренными, хотя и во многом зависящими от силы и направления ветра. Мы, вероненцы, разработали корабли с пропеллерами, использующие энергию ветра. Со временем мы надеялись создать и моторы, но пока у нас нет для этого промышленной базы. А исходя из создавшихся условий, видимо придется отложить эту проблему еще на столетия.

Он не добавил, что если бы Примавера оказала реальную помощь, они смогли бы и сейчас решить эту задачу.

Джерин, стоявший возле стола, помолчал. Затем он заговорил:

- Но все же некоторые теоретические разработки вы сделали, так что когда Ану уйдет... Но почему ты принял меня?- вдруг сменил он тему.- Почему твой народ дружелюбно относится ко мне, хотя мои соплеменники-люди не хотят даже разговаривать ни со мной, ни с моими людьми?

Золотые глаза Джерассу спокойно выдержали его взгляд.

- Чего мы добьемся, если отвернемся от вас, кроме того, что лишимся возможности узнать много интересного. Люди из Примаверы надеются, что смогут оказать давление на твоих начальников через тебя. Ведь без сомнения, тебе не нужны их знания и умения.

Джерин проглотил комок в горле.

- Вы завоевали наши симпатии,- признал он.- Ведь мы многого лишимся, если ваша цивилизация погибнет. Но мы обязаны выполнить свой долг.

- Я тоже легионер,- напомнил ему Джерасса.

Иштарианец был готов возобновить беседу о промышленном и научном потенциале Сехалы, когда переговорное устройство Джерина зазуммерило. Он достал плоскую коробочку, нажал на кнопку и сказал в микрофон:

- Да, что случилось?

- Говорит лейтенант Маевский, сэр,- прозвучал голос, говорящий по-испански.- Простите, что беспокою вас в ваш выходной день, но дело весьма срочное.

- А тебе было поручено присматривать за нашими добрыми согражданами. Говори...- Смутное беспокойство овладело Джерином.

- Вы помните, сэр, они для своих проектов собрали довольно много взрывчатки? Мы опечатали их склад с ней. После того как наши отношения ухудшились, я решил установить на складе систему сигнализации. И вот сегодня в полдень она сработала. К несчастью, в этот момент никого в городе не было, и злоумышленники все это прекрасно знали. К тому времени, когда я вызвал отряд с базы, дело было сделано. Я бы сказал, очень профессионально. Все печати на месте. Внутри, на первый взгляд, тоже все в порядке, но после проверки мы недосчитались десяти ящиков торденита и пятидесяти взрывателей.

Джерин присвистнул.

- Да, поработали знающие люди,- продолжал Маевский.- наших людей, которые должны были быть в городе, майор Ханшоу попросил помочь в поисках исчезнувшего флайера, захваченного бурей в Скалистых горах. Сэр, вы приказали выполнять все разумные просьбы. Правда, в этом случае доказать что-либо будет невозможно.

- Не может быть!- воскликнул Джерин.- Я не верю, что Ханшоу связан с грабителями! А он знает о том, что нам уже известно о пропаже взрывчатки?

- Он спросил, чем мы занимаемся на складе, но я не решился сказать ему правду, не проконсультировавшись с вами. Я сказал, что мы проверяем безопасность условий хранения. Он удивился, но ничего не сказал.

- Молодец, Маевский, я отмечу все это в твоём личном деле. А пока вы оставайтесь там со своей группой и не очень-то отвечайте на вопросы. Я скоро буду.

Джерин отключил передатчик, извинился перед Джерасой и поспешно вышел. На улице было душно, а на западе собирались грозовые тучи. Красноватый свет солнца казался еще более зловещим, чем обычно. Джерин был рад, когда забрался в машину и поднял ее в воздух. По пути в Примаверу он связался с Ханшоу. Тот был дома.

- Это Джерин. Я хочу встретиться с вами.

- Да, капитан. Я ждал вас. Лучше нам переговорить вдвоем, не так ли?

Джерин сел около дома. Двое прохожих посмотрели на него. Он вошел в дом. Ольга Ханшоу, спокойная и невозмутимая, провела его в гостиную и закрыла за ним дверь. Ханшоу, человек с громадным животом, сидел в кресле возле проигрывателя. Он не встал при появлении Джерина, но подал руку и улыбнулся, выпустив дым сигары.

- Хэлло, присаживайтесь.

Джерин поприветствовал его и уселся напротив.

- Я только что получил ужасные новости.

- Слушаю.

- Я, сэр, буду говорить прямо. Дело слишком серьезно, чтобы ходить вокруг да около. Украдена взрывчатка, и есть все основания полагать, что вы замешаны в этом деле.

- Я не могу классифицировать это как воровство. Взрывчатка принадлежит нам.

- Значит, вы все же признаете факт кражи?

- Это не кража.

- Взрывчатка была предназначена для нужд армии. Сэр, несмотря на все наши разногласия, я все же думал, что вы не способны на измену.

- А, бросьте,- Ханшоу выпустил столб дыма.- Мы не собираемся оказывать помощь врагам Земли.

- Где взрывчатка?

- Вне города. Вместе с несколькими техниками и их аппаратурой. Я сам не знаю, где она. И знать не хочу, чтобы вы не подвергали меня допросу. Вы не можете арестовать меня или арестовать их, пока они не выполнят свою миссию. И, Юрий, я полагаю, что нет смысла разыскивать их.

- Почему?- Джерин стиснул руки в кулаки.

- Я хочу прокрутить тебе один разговор, что состоялся несколько дней назад. Я всегда записываю такие разговоры. Вы помните ситуацию в Валленене? Джиль Конвей и Ян Спарлинг находятся в плену. Порт Руа осажден.

Дрожь пробежала по телу Джерина.

Джилль...

- Да,- сказал он.

- Когда Ян собирался туда, он взял с собой микропередатчик и несколько трансляторов, а солдаты Ларекки установили их так, чтобы он имел возможность связываться с Порт Руа. И, следовательно, с нами, если возникнет такая необходимость.

- Вы не говорили мне этого!- воскликнул Джерин. Он чувствовал себя обиженным.

- Вы же занятый человек!- хмыкнул Ханшоу.

Джерин вспомнил, как он, словно привидение, бродил по улицам, думал о страшно замедлившихся темпах работы в пустыне, о часах, которые он проводил за составлением рапортов, стараясь сделать так, чтобы карающая рука Федерации не обрушилась на Примаверу. Хотя бы пока.

- Значит, вы думаете, что меня это не интересует? Может, они тоже отвернулись от меня, но я все еще считаю их своими друзьями.

Он снова увидел Джилль, бегущую по аллее с развевающимися по ветру волосами, увидел ее улыбку, жестикуляцию, снова вспомнил, как она кормила его, играла и пела под высокими звездами...

Гнев охватил его.

- Если вы хотите подвергнуть меня наказанию,- проговорил он,- не прокручивайте пленку!

- Тише!- воскликнул Ханшоу. Лицо его потеплело.- Так как у них нет запасных батарей, до этого дня они не связывались с нами. Через Порт Руа мы знали, что они здоровы, что с ними хорошо обращаются, и что находятся они на ранчо где-то на севере континента. Я сообщил им о нашей забастовке, так что это, несомненно, внесло в их план коррективы. И позавчера они вышли на прямую связь со мной.

Палец Ханшоу был уже возле выключателя.

- Если вы хотите представить, где они находятся, то мы неплохо представляем себе тот континент по снимкам с воздуха и рассказам иштарянцев. Это - гористая местность, весьма красивая, правда, в своем роде. Леса низкие, подлесок почти отсутствует. Красно-желтые листья, безоблачное небо. Кое-где встречаются Т-растения с голубыми листьями. Там очень жарко и сухо. Животной жизни почти нет. И поэтому

там удивительно тихо. Джиль и Ян уходят из селения подальше от глаз и ушей варваров. Они только вдвоем в пустынном умирающем лесу.

- Благодарю,- кивнул Джерин.- Я представляю.

«Я вижу ее стройную гибкую фигурку среди скрюченных деревьев. Солнце играет в ее золотисто-рыжих волосах, блестящих глазах, белозубой улыбке... А рядом с ней человек, мужчина... И они только вдвоем... Хватит, перестань, животное...- пронеслось у него в голове».

Ее голос встревожил Юрия. Он был совсем не таким, как он помнил его, а срывающимся и нервным.

- Хэлло, это ты, Год? Здесь Ян Спарлинг и Джиль. Мы в Валленене.

- Да, да,- послышался голос Ханшоу.- Это я. Что-нибудь случилось, девочка?

Джиль:

- Все плохо.

Спарлинг:

- Личной опасности для нас нет.

Ханшоу:

- Где вы? Что происходит?

Спарлинг:

- Все там же. Условия не изменились. Мы рассчитали так, чтобы застать тебя дома. Но ты один?

Ханшоу:

- Да, один.

Джиль:

- Как насчет мониторов? Мы не хотим, чтобы нас подслушали.

Ханшоу:

- Думаю, все в порядке, нас никто не может подслушать. Джо Селиган совсем недавно проверял мой дом на предмет подключения подслушивающей аппаратуры. Все нормально. Капитан Джерин джентльмен. Он уверен, что я не буду устраивать заговора.

Джиль:

- Будешь.

Ханшоу:

- Что?

Джиль:

- Мы кое-что слышали о ваших делах.

Ханшоу:

- О'кей. Давайте по делу. Что случилось?

Джилль:

- Ларекка... мертв... убит. Он...

Ханшоу:

- О... Когда? Где?

Спарлинг:

- Мы беспокоились за исход сражения и потому связались с Порт Руа сегодня утром. Ларекка был убит прошлой ночью. Он повел отряд на вылазку. Все прошло успешно, но случайная стрела попала в прорезь шлема. Гарнизон пока держится, но я не думаю, что он выстоит столько же времени, сколько продержался бы во главе с Лареккой.

Ханшоу:

- Бедная Мерса...

Джилль:

- Пусть она узнает об этом от поста Зера.

Ханшоу:

- Да-да.

Джилль:

- Все это поистине ужасно. Но мы дали клятву, что найдем способ помочь ему. А теперь... Теперь он погиб...

Ханшоу:

- Так что можно сделать?

Спарлинг:

- Мы много думали, но сначала опиши вашу ситуацию.

Ханшоу:

- Боюсь, нет ничего утешительного. Армия железно сидит на своем холме. А несколько гражданских флайеров вряд ли смогут напугать варваров. Они ведь уже знакомы с ними. И ружейный огонь их не разгонит.

Спарлинг:

- Вы не сможете убедить Джерина выдать вам настоящее оружие? Ведь, в конце концов, все это связано с нашим освобождением. Мы уже определили координаты нашего местоположения, и хороший пилот всегда сможет сесть в назначенном месте. Вы можете сказать Джерину, что именно наш план, а особенно план Джилль и является причиной забастовки. Разве он не может не подумать, что наше освобождение прекратит забастовку?

Ханшоу:

- Вряд ли. Эмоции его не трогают. Мы, разумеется, пошлем за вами флайер. Но Джерин не даст нам оружия и даже не позволит людям Примаверы рисковать собой ради спасения цивилизации, раз это не входит в его миссию. Дети,

я думаю, что он боится, как бы здесь не произошло то же самое, что произошло с Элеутерией и Новой Европой. И я боюсь того же самого. Я боюсь, что Земля либо потеряет нас, либо пошлет оккупационные силы, что тоже не приведет ни к чему хорошему. Рассуждая с точки зрения политика, могу сказать, что пока все искусственно спокойно только потому, что мы не вмешивались в войну, не стали оказывать помощь Зера Витрикс. Разумеется, мы испытываем горькое сознание по поводу того, что там происходит. Но это не наше дело, а дело Газеринга. Это Газеринг предоставил легион своей судьбе. Я знаю, Джиль, что тебе сейчас очень трудно. Все знают, как ты любила Ларекку, но я умоляю тебя, победи искушение. Меньше всего нам хотелось бы сейчас вмешиваться в войну.

Джиль:

- Подожди...

Ханшоу:

- Но...

Джиль:

- Подожди, черт побери. Ты сказал, что забастовка возникла из-за того, что я попала в плен. Но ведь я у варваров уже давно. Значит, у вас есть что-то еще. Год, что у вас происходит?

Спарлинг:

- Не торопись, Джиль. Мы все узнаем, когда вернемся.

Джиль:

- Что ты скрываешь, Год?

Ханшоу:

- Ян прав, девочка. Сейчас не время.

Тишина.

Джиль:

- Это касается Дона, моего брата. Что с ним?

Тишина.

Ханшоу:

- Да. Он убит в бою.

Тишина.

Спарлинг:

- Джиль, дорогая...

Джиль:

- Странно. Я ощущаю только тупую боль.

Спарлинг:

- Ты уже ранена в самое сердце.

Джилль:

- Как мои родители перенесли это?

Ханшоу:

- Вы, Конвей, мужественные люди, Джиль. Мне очень жаль...

Джилль:

- Нет-нет, ты не прав. Я хочу знать все. Ян, я немного посижу на бревне, а ты поговоришь обо всем остальном.

Спарлинг:

- Конечно.

Тишина.

Спарлинг:

- Хэлло, Год. Извини. Я тоже в шоке.

Ханшоу:

- Все любили Дона и ненавидели войну. Его смерть и вызвала сопротивление.

Спарлинг:

- Тем более мы должны помочь Порт Руа. В память... но если говорить серьезно, есть и еще одна причина. Она одна может изменить все. Мы считаем, что мы просто обязаны оказать помощь. Дело в том, что здесь к северу существует разумная Т-жизнь.

Ханшоу:

- Что?

Спарлинг:

- Да. Странные маленькие существа. Я думаю, что только изучение их психологии произведет величайшую революцию в этой области познания.

Ханшоу:

- Ты уверен, что это Т-существа?

Спарлинг:

- Мы встречались с несколькими из них. Видели их орудия труда. Обменивались жестами. Арнанак, вождь варваров, поддерживает с ними контакт, он путешествовал в их страну и... он пользуется ими, чтобы укрепить свою власть. Валлененцы считают, что это сверхъестественные существа. Арнанак заключил с ними сделку. Они поселятся в более благоприятных для их жизни землях, когда он закончит свой поход. Но это еще не все. Даури, как их здесь называют, достаточно мало и они достаточно примитивны, но они до сих пор помнят, где находятся руины Таммузских поселений. Как все это выглядело миллионы лет назад и как это

выглядит сейчас. Арнанак показывал нам один предмет, по нашему мнению - портативный дисплей, которого совершенно не коснулось время.

Ханшоу:

- Непостижимо!

Спарлинг:

- Очевидно, что мы, люди, сможем предложить Даури гораздо больше, чем Арнанак. Многое узнать о них и о погибшей цивилизации... но только если сможем работать тут, на Иштаре, свободно. А Газерингу просто необходимо спасти Порт Руа - ведь это исходная точка в Валленене, чтобы начать исследования.

Тишина.

Ханшоу:

- М-м-м. Да, я согласен. Значит, мы должны как минимум разрушить организацию варваров, сохранить аванпосты на севере, и это существование уменьшит давление на юге. Газеринг сможет продержаться и без нашей интенсивной помощи. Но как это сделать?

Спарлинг:

- Можно ли сделать так, чтобы флайер, который прилетит спасать нас, привез с собой запас бомб? Очевидно, варвары наступают на Порт Руа большими силами, стараются овладеть укреплениями. Если бросить бомбы в самое их скопище... мне противна такая мысль, но другого выхода я не вижу.

Ханшоу:

- А ты уверен, что это сработает?

Спарлинг:

- Не уверен. Но у нас нет лучшего предложения.

Ханшоу:

- Да... Надо подумать. Ты знаешь, что наша взрывчатка находится под охраной? Правда, я... Ты сможешь подождать несколько дней?

Спарлинг:

- Думаю, да.

Ханшоу:

- Я свяжусь с вами. Я буду делать это ежедневно, скажем, в полдень.

Спарлинг:

- Хорошо.

Ханшоу:

- Значит, до завтра.

Спарлинг:

- Мы отключаемся.

Ханшоу:

- До завтра. Джиль, мне очень жаль, что все так случилось.

Джиль:

- Все олл райт, Год. Постарайся сделать так, чтобы выполнить все, ради чего мы жили.

Прошло полминуты, потом Ханшоу заговорил:

- Вот чем живет сейчас моя Примавера. А вы все стараетесь подавить восстание.

Джерин кивнул. Он чувствовал себя опустошенным.

- Единственное, что вы должны делать, так это не так бурно отреагировать на инцидент с взрывчаткой. Объясните в рапорте, что пока продолжается расследование, вы не будете вмешиваться в события. Я уверен, что ваше начальство найдет это объяснение разумным. Мы сможем послать наших людей примерно через пять дней.

Внезапно Джерином овладела решимость. Она зрела в нем на протяжении многих дней и сейчас наполнила его спокойной силой.

- Нет,- сказал он.- Задержка нежелательна.

- Что ты имеешь в виду?

- Я полечу на военном флайере. Он гораздо более эффективен, не говоря уже о безопасности. Ведь погода может внезапно испортиться. Значит, завтра в полдень, как мы свяжемся с ними, я сделаю необходимые распоряжения.

- Но неужели ты полетишь сам?

- Я рассматриваю спасение пленников как повод, чтобы улучшить отношение с местным населением. К тому же совсем не обязательно, чтобы мисс Конвей и Спарлинг были свидетелями бомбардировки.

Ханшоу внимательно посмотрел на Джерина.

- Ты полетишь один?

- Да, чтобы не было кривотолков.

- Ясно.- Майор встал с кресла и крепко пожал руку Джерину.

- О'кей, Юрий. Как насчет пива?

Глава 22

За день до прилета флайер Джиль и Спарлинг сказали, что они снова отправятся на всю ночь. Иннукрат внимательно посмотрела на них двоих.

- Зачем?- спросила она.

- Я же изучаю животных, а их нужно наблюдать ночью.

- Да, и все же...- жена Арнанак вздохнула.- Ваше поведение в последнее время изменилось. Хотелось бы мне знать, почему. Но я вижу и слушаю это в ваших словах.- Ноздри ее сузились.- Я ощущаю это.

Джиль стояла молча, но в разговор вступил Спарлинг:

- Ты права. Битва при Порт Руа может продолжаться, а может, уже заканчивается. Разве ты не знаешь, что там сражаются наши друзья? Разве ты сама не ждешь весточки оттуда?

- Неужели мы так похожи?- спросила Иннукрат спокойно.- Тогда можете идти, если хотите. Я здесь займусь работой, чтобы поменьше думать.- И она дала им щедрый запас пищи.

Когда они ушли, Джиль призналась:

- Я чувствую себя предательницей.

- Нет,- сказал Спарлинг,- ты самая преданная из всех нас, но нельзя же быть честной по отношению ко всем.

«Как и по отношению к Роде,- вдруг вспыхнуло у него в мозгу.- Ведь завтра я встану лицом к лицу с той, которая не переставала любить меня. И что же мне делать, когда на моих руках такие кандалы? Может, поэтому я надеюсь, что мой план не сработает? - Он коснулся охотничьего ножа, висевшего на поясе.- Может, эта любительская бомбардировка не принесет много радости, что сделает мою любовь не самой важной вещью на свете? - Он посмотрел на Джиль и позавидовал ее прямоте.- Ну, хватит, нечего терять время. Ведь мы с ней уже недолго будем одни».

Они редко говорили в пути, так как подъем был очень труден. Когда они добрались до места, то одновременно облегченно вздохнули. Глаза их встретились, и они рассмеялись. Выбранное место находилось далеко от Улу и было весьма удобно для посадки флайера. Здесь они могли спокойно отдохнуть целый вечер, не опасаясь быть замеченными.

Здесь природа дала возможность развиваться Т-жизни. Поэтому среди растений, исконно принадлежащих этому миру, тут и там виднелись чужеродные вкрапления громадных растений с голубыми листьями, похожими на ошупь на кожу. Тут протекал небольшой ручеек. Там, где расположились Джиль и Спарлинг, над ними раскинулась крона большого дерева Феникс. Земля была устлана мягким мхом. Кое-где по мху сверкали желтые головки цветов. На западе деревьев расступались, и они могли видеть угрюмую Стену Мира.

Люди лежали по обе стороны ручейка и долго пили прохладную воду. Спарлинг наслаждался не только приятной прохладой, но и тем, что его щека касалась щеки Джиль, а по лбу скользила прядь ее волос.

Напившись, они уселись у воды, и по их лицам играли золотые и алые блики. Немного странным было отсутствие запаха почвы - во всяком случае, обоняние человека не улавливало никаких запахов. Но они с удовольствием вдыхали запахи друг друга, запахи тел, много потрудившихся на открытом воздухе.

- Опля,- сказала Джиль,- сейчас вся выпитая вода выйдет из нас потом.

Спарлинг посмотрел на нее, подыскивая нужные слова.

- Я счастлив так, что не могу объяснить. И рад, что несчастья не выбили тебя из колен.

Она опустила голову.

- Я стараюсь держаться, Ян. Дон, Ларекка. Я буду оплакивать их потом. Я не хочу делать этого здесь.

- Мне бы очень хотелось иметь твое мужество, твое самообладание.

Ее улыбка была печальной.

- Ты думаешь, это так просто? Эта борьба? И я не всегда выигрываю ее,- она потрепала его волосы.- Давай помогать друг другу, любимый. Ведь скоро будет завтра.

- А что потом?

- Кто знает,- она стала серьезной, слезы мелькнули у нее под ресницами.- Я хочу попросить тебя об одной вещи, Ян. Ты должен обещать мне.

«Да. Ты можешь взять у меня все, что я осмелюсь тебе дать»,- подумал он.

- Твое честное слово. Что бы я ни делала, ты не должен останавливать меня.

- Что ты задумала? Неужели самоубийство? Нет, невозможно!

Глаза ее опустились, пальцы сжались в кулаки.

- Я не могу пока сказать точно. Все слишком сложно и завязалось в тугой узел. Но, предположим, я решила лететь на Землю и там пропагандировать Иштар. Я не сомневаюсь, что ты не сможешь полететь туда, пока идет война. Но ты можешь начать удерживать меня, потребовать, чтобы я оставалась здесь и была твоей любовницей.

- Неужели ты считаешь меня таким эгоистом? Заставить тебя поступать против совести? Нет, когда мы вернемся, я не буду требовать, чтобы ты посвятила жизнь старику, который не может предложить тебе ничего реального.

Она ладонью закрыла ему рот. Спарлинг нежно поцеловал ее.

- Лады,- сказала она.- Мы потом обсудим все это, когда будем знать, что лучше.- И тут же она быстро добавила: - Но ты должен дать мне слово, так как я хочу принимать решения свободно.

Он кивнул, потом ответил:

- Да, мне кажется, я ждал этого. Свобода.- И он удивился, почему Джиль поморщилась при этих словах. Но затем она снова заговорила.

- Значит, ты даешь слово?

- Да, даю.

Она обняла его.

- Спасибо,- она с трудом сдерживала слезы.- Я никогда не любила тебя так сильно, как сейчас.

Он успокаивал ее, как мог. Прошло немало времени, прежде чем Джиль снова подняла глаза, и они были полны лукавства.

- Я начну собираться прямо сейчас. Ты ведь не будешь препятствовать мне. Ты даже будешь помогать.

Позже, когда Ану скрылся за вершинами гор, они зажгли костер и приготовили ужин. Затем на небе появились две луны и звезды. Им нужно было немного поспать, чтобы встать пораньше.

Было уже позднее утро, когда наконец прибыл спасательный флайер.

- Вот он!- вскрикнула Джиль и присела. Проследив взглядом направление движения ее руки, Спарлинг увидел в южной части неба ослепительно сверкающую точку, которая постепенно приняла вид крылатой барракуды и сделала над ними круг, распространяя шум и грохот по всем окрестностям.

Джилль и Спарлинг торопливо обнялись и побежали между камней и деревьев на открытое место, где их можно было увидеть. Флайер скользнул вниз. Джилль присвистнула.

- Это же огромный Будкан,- сказала она.

Спарлинг сразу же узнал этот тип судна: шесть пулеметов, три скорострельные пушки, излучатель энергии, две самонаводящиеся килотонные бомбы. Его, несмотря на предстоящую разлуку с Джилль, охватило возбуждение.

Передачик на его кисти зажужжал. Спарлинг услышал голос самого Джерина:

- Хэлло, на земле. У вас все чисто?

- Да,- ответила Джилль.- Можешь присоединиться к нашему пикнику.

Флайер опустился. Сердце Спарлинга тревожно екнуло. Неужели на борту один Джерин? Сенсоры, компьютеры, тьма приборов... и со всем этим справляется он один. В глубине души Спарлингу очень хотелось, чтобы Джерин был не один.

Они бросились к флайеру.

Открылся люк, и появился трап. Наверху появился Джерин, стройная фигура в военной форме. Он махнул в знак приветствия рукой, и Джилль махнула ему в ответ. Металлический трап загудел под их торопливыми шагами.

Джерин пожал им руки. Пожал крепко, но по всему чувствовалось, что он устал и нервничает, чем-то насторожен. Ну что же, после того, что он вынес... У него нет второй пары рук.

- Привет,- сказал он,- я счастлив, что вижу вас снова.- Он неотрывно глядел на Джилль.

- Неужели ты прилетел один?- спросила она.

- Да.

Спарлинг видел, что они оба смущены.

- Мы можем сразу лететь домой,- сказал Джерин.- Это был изумительный полет. Планета гораздо более прекрасна, чем я даже мог себе представить.

«Почему они позволили тебе спасти нас?- думал Спарлинг.- Ты же армейский робот, сукин сын... Спокойнее, Спарлинг, ты почти в истерике».

Они вошли внутрь, и люк за ними тут же закрылся. Кондиционированный воздух принял их в теплые ласковые объятия. Вся внутренность флайера была забита всевозможными приборами.

Джерин провел рукой по потным усам.

- Не могу себе представить, как вы выдерживали среди этой печи.

Джилль торжественно пропела:

- Шедрах, Мешах, Абеннего...

- Я привез пищу, одежду, лекарство,- продолжал Джерин.- Когда мы поднимемся в воздух, я включу автопилот. Но, может быть, вам нужно что-нибудь сейчас?

Сейчас! И уже не было времени на сожаления и сомнения...

Спарлинг достал нож и стиснул его в руке:

- Да,- голос его гулко прорезонировал в помещении рубки.- Приготовьтесь лететь на выручку легиона. Не двигаться. У меня нож.

Джилль ахнула. Смуглое лицо Джерина побледнело, но не изменило своего выражения. Лишь глаза вспыхнули.

- Это только моя идея. Джилль об этом не имеет ни малейшего понятия. Но когда я узнал ситуацию, когда понял, что усилия Примаверы слишком слабы и ни к чему не приведут, а это чудовище уничтожит весь легион... Те же воины, которые не испытывают сладости смерти, будут всю жизнь мучаться в рабских оковах. Ты понимаешь. Я решил захватить тебя, самому выполнить суд и исполнить приговор. Но, капитан, если ты не будешь выполнять мои приказы, мне придется тебя связать и самому выполнять роль пилота.

- Ян...- голос ее разбился в тишине, как стекло.

Джерин прыгнул. Расстояние было небольшим, и он был молод и достаточно тренирован, и все же Спарлинг уклонился от броска и двумя ударами левой швырнул его на пол.

- Не нужно больше пытаться, сынок,- посоветовал инженер.- Ты в хорошей форме, не спорю, но я провел годы и годы с иштарианцами и неплохо изучил их приемы борьбы. Этот мой нож только символ, а не угроза.

Джерин поднялся на ноги, потрогал места, куда достались удары, вытер губы и медленно произнес:

- Если я откажусь - а это мой долг перед Федерацией - ты неминуемо разобьешь флайер. Тут требуется высококвалифицированный пилот. Что в таком случае будет с Джилль?

- Я отошлю ее назад в Улу, где она придумает что-нибудь относительно моего исчезновения.

Она шагнула вперед:

- Какого черта я пойду туда, мистер?

Он ничего не ответил на ее возмущение и продолжал обращаться к Джерину:

- Повторяю, Джилль не имеет к этому никакого отноше-

ния. Ее поведение все время было юрректным и незапятнанным.

Джилль стиснула кулаки и топнула ногой.

- Идиот!- крикнула она.- Как ты думаешь, почему это я взяла с тебя слово ни в чем не препятствовать мне? Именно потому, что я сама планировала захват флайера!

Он не мог посмотреть на нее, так как не выпускал из поля зрения Джерина. Но он представлял себе ее пылающее лицо, горящие глаза, высоко вздымающуюся грудь.

«Ты могла бы»,- подумал он и добавил вслух:

- Не сходи с ума.

- Вот такова она,- быстро добавил Джерин.- Прикосновение солнца. Она всегда так непредсказуема. Спарлинг, я считаю тебя честным, но заблуждающимся человеком. Если я подчинюсь тебе, а потом ты сдашься мне, мы вернемся сюда за Джилль, которая будет ждать нас в безопасности.

Девушка выхватила нож.

- Нет!- тон ее был суровым и непреклонным.- Я сама буду выбирать, как мне обращаться со своей безопасностью, хотите вы этого, или нет. Ян, если ты нарушишь свое слово, тебе придется драться со мной. Ты хочешь этого? Послушай. Если ты будешь один, Юрий сможет внезапно напасть на тебя, незаметно достать станнер, может неожиданным маневром флайера вывести тебя из строя... И на этом все кончится. Но когда нас будет двое, для него такие действия будут слишком рискованны. Верно, Юрий? Против двоих у тебя нет шансов. И твой долг перед Федерацией вернуть эту громадную машину смерти на базу неповрежденной.

«Сейчас я уже не могу выключить ее из игры,- думал Спарлинг.- Она сама отрезала себе все пути к отступлению».

Джерин... Джерин был в шоке. Плечи его опустились, он прикусил губу и задумался. Наконец, не отрывая взгляда от девушки, он произнес:

- Да. Ты рассуждаешь логично. Я получу взыскание, но не остается ничего другого, как выполнять все ваши приказы.

Повернувшись, он пошел в рубку управления. Спина его выпрямилась, но все тело было напряжено. И Спарлинг подумал: «Он знал, что я сделаю это. Но поступок Джилль для него такая же неожиданность, как и для меня. Он прилетел сюда, заранее зная, что произойдет...»

Взглянув на Джилль, он понял, что та тоже знает это.

Арнанак выхватил меч, полыхавший алым пламенем.
А - Вперед!- крикнул он.

Раздался страшный скрип, когда две дюжины сильных воинов налегли на громадную конструкцию. Медленно, со стоном и скрежетом мост пришел в движение. Из-под его деревянных колес поднялась едкая пыль, закрывшая все вокруг. Солнце немилосердно жгло землю. Справа, как медная полоса, сверкала река. Впереди высились земляные стены и укрепления, которые казались нереальными в колыхающемся горячем воздухе.

И все же мост двигался вперед. Арнанак шел рядом. Его воины должны были видеть своего вождя - это вселит в них мужество. К тому же он со своим огромным щитом легионера сможет защитить их от вражеских стрел, когда они подойдут вплотную к крепости.

Арнанак с гордостью смотрел на свое грубое, но прекрасное сооружение. Оно было его изобретением. Инженеры Газеринга никогда не делали ничего подобного. Да у них и не было в этом необходимости. Ведь их враги никогда не строили крепостей, подобных Порт Руа.

Каркасы трех больших повозок были скреплены толстыми бревнами. И от них вперед выдавались доски такой длины, чтобы они могли достать противоположной стороны рва. На задней платформе для их уравнивания были навалены камни. Массивная крыша защищала тех, кто толкал громоздкое сооружение. Вряд ли что-то и кто-то мог остановить его неукротимое движение. Ведь Арнанак сделал все, чтобы ослабить линию обороны в месте предстоящего штурма. Для этого пришлось пожертвовать многими сотнями воинов.

В воздухе свистели стрелы. Многие из них несли подожженную паклю и некоторые даже попали в цель. Однако поджечь эту громадину было трудно, к тому же Арнанак специально срубил ее из сырых бревен. Вождь ходил взад и вперед, подбадривая воинов. Несмотря на жару, он чувствовал готовность всех своих мышц к бою.

Он до сих пор не видел знамени Ларекки. Его не видели уже с тех пор, как произошла эта непредвиденная катастрофа в гавани. Катастрофа, которая заставила его даже отложить решительный штурм и только обстреливать крепость стрелами и камнями, а в это время срочно заканчивать сооружение

моста. Может, комендант пал в том утреннем бою? Если так, спи спокойно, брат. Ларекка был хитер, и все же...

И вскоре мост перекинул свои доски через ров. Крики радости вырвались из тысячи глоток Тассуи. Арнанак повернулся и пошел назад. Было видно, как воины, толкавшие мост, уже разбирают свои доспехи. Со стены донеслись звуки труб. Они приказывали лучникам прекратить бесполезный обстрел.

Арнанак дал сигнал. Вперед двинулась следующая машина, захваченная варварами в битве при Тархане. Это был таран, подвешенный на цепях. Его должны были раскачивать шестьдесят четыре воина. Окантованная медью крыша защищала воинов от града камней и стрел.

- Будьте готовы,- приказал Арнанак воинам. Его слова прокатились по всей многотысячной толпе варваров. Оружие засверкало в облаках пыли. Арнанак медленно пошел вдоль рядов, чтобы все могли его видеть.

Над крепостью подняли флаги. Арнанак рассмеялся.

- Я этого и ждал.

Широко распахнулись восточные ворота. Опустился перекидной мост. Арнанак понесся вперед. Его отряд ринулся за ним. Галоп! Галоп! Галоп! Начищенные доспехи сверкали на солнце. Из крепости на вылазку вылетел отряд, legionеры хотели перебить команду осадной машины, захватить сам таран, некогда принадлежавший им же. И все это нужно было сделать до того, как на стену обрушится первый удар.

Отряд legionеров был довольно большой. Когда legionеры увидели, что на них несется масса Тассуи, они храбро перестроили свои ряды и приготовились к обороне. «Да,- подумал Арнанак,- это будет чувствительная потеря для крепости. Их гарнизон ослабнет».

- Рассейтесь!- кричал Арнанак своим воинам. - Двигайтесь зигзагами. - Однако воины уже не слушали его. Они забыли все его наставления, ибо старые методы войны были впитаны ими с молоком матери.

Портативные катапульты начали выпускать целые пачки стрел. Арнанак невредимым несся вперед, а воины вокруг него гибли. Некоторые падали на землю и оставались лежать неподвижно, другие поворачивали назад, третьи бесстрашно неслись вперед. Кровь растекалась по земле, такой пересохшей, что она потеряла способность впитывать влагу. Однако варваров было так много, что ничто уже не могло остановить их вихрем мчавшуюся лавину.

Арнанак с восемью телохранителями направились к группе из трех легионеров в тяжелых доспехах. Началась битва.

Мечи звенели о мечи и о щиты, отражающие удары. Арнанак схватился с легионером. Они кружили друг возле друга, стремясь найти слабости в обороне противника. Удары сыпались не переставая, телохранители Арнанака находились поблизости. В своих, более скромных доспехах, им было бы трудно защищаться против таких тяжеловооруженных воинов. Однако они видели, что воин полностью поглощен поединком с Арнанаксом, и тоже искали незащищенное место, куда можно было нанести смертельный удар. И вот длинное копье вонзилось под брюшную пластину. Легионер вскрикнул, удивленно посмотрев, как его внутренности вываливаются из раны и упал. Два его товарища тоже были убиты.

Арнанак высмотрел поблизости легковооруженного легионера и бросился на него. Тот легко мог бы отступить и убежать, но он, не колеблясь, схватился с Арнанаксом. Но бой длился недолго. Арнанак хитрым маневром заставил воина раскрыться и разящий удар меча довершил дело.

Везде кипела битва. Натренированные воины-варвары разбили стройный ряд легионеров, и теперь бой превратился в серию единоборств, где численность была на стороне варваров, и теперь они просто приканчивали легионеров поодиночке.

Когда рассеялась пыль, Арнанак увидел, что таран уже возле стены. По всем окрестностям разнесся гулкий звук от первого удара.

- О-хай!- торжествующе вскричал он и повел свои отряды туда. Нельзя допустить, чтобы легионеры предприняли новую вылазку и перебили тех, кто раскачивает таран. Пока не рухнет стена, они будут под сильным обстрелом, да и потом образуется только узкий пролом, который легионеры будут отчаянно защищать. Но сегодня варвары будут в Порт Руа.

И, значит, через шестьдесят четыре года они будут в Сехале.

С неба раздался какой-то гром. Арнанак недоуменно посмотрел вверх. В небе, словно выпущенная Солнцем-Демоном, парила металлическая птица. Сердце Арнанака забило.

Люди! Что им здесь нужно?

От флайера отделилась черная точка и полетела вниз, в самую гущу воинов.

Грохот был таким, что заглушил все вокруг. Каждая кость в теле Арнанак завибрировала. Его швырнуло на землю, которая заколебалась, как море.

Вся его душа зашлась в крике.

Арнанак, преодолевая боль, поднял глаза. Он лежал на земле, невообразимо спокойной. Он лежал и не слышал ничего, ни звука. Над полем поднялось облако, которое потом расплылось огромным грибом. Город стоял невредимым. Таран исчез под обломками машины. «Должно быть, я находился далеко от места взрыва», - промелькнуло у него в голове. - Я пойду искать своих сыновей», - подумал он. Арнанак приподнялся на руках, согнул передние ноги и поволок по земле непослушную заднюю часть тела.

- Торнак! - попытался крикнуть он. - Уверни, Аило, Татара, Игани... - Нет, Игани погиб еще в море. Корзиак, Митусу, Навано - сыновья, которыми он так гордился. Однако он не мог вспомнить имена остальных сыновей. - Кусарат! Усахи Иннукрат! Алинари... - Друзья, жены, все, милые его сердцу сейчас проходили мимо него, хотя мрак медленно пытался поглотить его сознание.

- Люди! Почему? - пытался спросить он. - Я должен был стать вашим другом. Я принес бы вам Вещь и привел Даури.

Он снова посмотрел на небо, но перед глазами плыл туман, и он не мог понять, здесь ли еще флайер людей. Он думал о своих воинах. Если он сам еще жив, значит, спаслись и другие, которые могли бы бежать, вернуться по домам, к своему очагу, некоторые даже имеют шанс пережить Время Огня... Если, конечно, люди не будут мстить дальше... Но зачем им это? Нет, люди могущественны, а значит, великодушны.

Арнанак вздохнул и снова лег отдохнуть. Пришла ночь. Неужели это предсмертный сон? Нет, слишком быстро. Он не позволит смерти так быстро овладеть им. Он не простое животное, он правитель Улу.

Арнанак поднялся и взял меч.

- Отдай мне мою часть, - сказал он не имеющему лица. Ответ отражался от стали. Он ударил по черным крыльям птиц, которые вились вокруг, сверкая загнутыми клювами и острыми когтями.

Арнанак побрел вперед, по серой пустыне, обдуваемый холодным ветром. Стервятники вились над ним, но он от-

пугивал их мечом, и доспехи надежно защищали его спину от нападения. Он шел, и туман в его голове сгустился.

Барабаны, барабаны, барабаны...

- В поход! Допей свое вино! Собери свои доспехи! Попрощайся с самочками!.. До встречи!.. До встречи!- поют трубы и стучат барабаны.

Черт с ним, черт с ним! Я лучше пойду домой.

Мы идем грабить, грабить... Как пиво? На границе?.. И что такое самка?..

И тут он увидел скачущих легионеров.

К ним присоединились легионеры Зера, так как этот мост нужно было брать.

- Я родился в очень холодной стране,- сказал Ларекка, добавив ругательство.- Самое лучшее в Хаэлене - это корабль, который увезет тебя оттуда.

- Ты сожалеешь?

- Конечно, нет.

Мост был узким, как острие ножа. Он дрожал над пропастью, на дне которой плескался голодный океан. Те, кто стояли на мосту, внушали ужас.

- Будем брать мост штурмом,- решил Арнанак.

Ларекка согласился. Когда они оба облачились в доспехи, Арнанак взял меч в левую руку. Хорошо, что они пойдут вместе щитом к щиту, защищая друг друга.

Арнанак швырнул копье. Оно врезало в ряды врагов. Ларекка бросился вперед. Они сбросили врагов вниз, в туманную бездну, и прошли мост.

И очутились в гористой стране, где вершины утесов врезались в небо, долины корчились под палящими лучами солнца.

- Идем,- сказал Арнанак.- Я знаю дорогу.

И они оказались в холле Улу, окруженные друзьями, женами и сыновьями. Со всех сторон слышались приветствия, тянулись для объятия руки. Арнанак усадил Ларекку на почетное место.

Здесь было прохладно и сумрачно, хотя оружие, развешанное по стенам, сверкало в свете ламп. И всю ночь продолжалось веселье. Они праздновали, пили, занимались любовью, напропалую хвастали, рассказывали небылицы, соревновались в борьбе, играх, пели песни... и вспоминали, вспоминали, вспоминали...

На рассвете самцы распрощались с самочками и вышли на улицу. Охай-я! Какое зрелище! Развешаются по ветру

знамена, перья на шлемах, сверкают наконечники копий, раздаётся звон мечей, ударяющих о щиты. И единодушный крик. Это воины приветствуют двух своих командиров.

- Пора!- сказал Арнанак.

- Да,- согласился Ларекка.

Радостные Тассуи и легионеры, павшие в битве, последовали за ними, шагая по обдуваемой ветрами дороге, ведущей туда, где их ждал красный Хаос Ровера...

Глава 24

Джилль плакала. Спарлинг прижал ее к себе и старался утешить. Ее лицо представляло маску, только подергивались уголки глаз и рта, и глаза были огненно сухие.

Крупные слезы медленно текли по лицу Джерина, оставляя на губах горький вкус.

Время от времени его передергивало. Руки его касались кнопки управления, и перед ним на экране представала картина того, что они совершили.

Кратер сверкал чернотой, так как при взрыве почва превратилась в стекло. Кратер был огромен. Ракета была запрограммирована так, чтобы при взрыве выделялось как можно меньше жесткого излучения. Но, разумеется, никакие расчеты не могут быть идеальными. Выброшенная взрывом почва кольцом лежала вокруг кратера. Джерин с болью в сердце осматривал останки варваров. Некоторые из них еще шевелились, что было хуже всего.

Он не мог этого выдержать, включил излучатель энергии и стал методично сжигать останки, лежащие на земле, и через минуту вся земля дымилась. Может быть, некоторых еще можно было бы спасти, если бы вовремя оказать им медицинскую помощь. Но где она?

- Отец, прости меня,- молил он про себя.- Я не ведал, что творил.

Он еще никогда не был на настоящей войне и не знал, на что это похоже. Он продолжал молиться, произнося про себя слова древних молитв.

Джилль перестала плакать и произнесла тихим дрожащим голосом:

- Я в порядке. Благодарю тебя, милый. Но это было ужасно. Я себе даже не представляла, как это ужасно. Но со мной все в порядке, я не сошла с ума.

- Успокойся,- сказал Спарлинг.

- Нет, пока не могу,- она встала.

Джерин слышал ее шаги. Она подошла к нему сзади, положила руку на его плечо и протянула ножи - свой и Спарлинга.

- Возьми их,- сказала она.

- Мне они не нужны,- запротестовал Джерин.

- Это вещественное доказательство насилия.- Джилль бросила ножи ему под ноги. Раздался металлический звон. Он беспомощно посмотрел ей в глаза.

- Что я должен делать?

Она не ответила.

Он сел в кресло, не пристегивая ремни безопасности.

- Сначала мы сделаем круг над окрестностями.

Юрий взялся за ручки управления. Флайер охотно повиновался и стал описывать пологую спираль диаметром во много километров. Экраны показывали толпы варваров, в панике разбегающихся, не обращавших больше ни на что внимания, бросающихся в слепом страхе в воду, лезущих в горы.

Спарлинг сел рядом, достал трубку и закурил. Запах табачного дыма был, как сон о Земле. Мир и покой овладели им. Наконец он спросил:

- Как вы думаете, сколько их погибло?

Прежде чем ответить, Джерин проглотил комок в горле.

- Две или три тысячи.

- Я думал, что мы будем просто охотиться на них с пулеметами.

- А какая разница?

- С моральной стороны - никакой. Однако с помощью ракеты многие из них погибли, даже не зная о смерти.- Спарлинг помолчал.- Они воины по своей крови. Никакие пули не остановили бы их. Они нашли бы новую тактику войны, изобрели бы новое оружие, скопировали или украли бы его у нас - и война продолжалась бы до бесконечности, пока нам не пришлось бы уничтожить всю расу. Или оставить Иштар. А теперь, после такого взрыва, я уверен, что новая война начнется не скоро.

- К тому же,- добавила Джилль,- помощь из Примаверы

больше не потребуется, и взрывчатка будет возвращена. Юрий, ты теперь закроешь дело?

Джерин кивнул.

- Что будем делать дальше? - спросил он.

- Теперь ты начальник, - ответила Джиль с удивлением в голосе.

Голос Юрия окреп, стал уверенным:

- Тогда свяжемся с легионом по радио, сообщим им все, проконсультируемся. Может, нам стоит сесть? Переночевать? Осмотреть лагерь варваров? Кто знает, может мы найдем там этот предмет с Таммуза. Либо нескольких Даури. Они наверняка нуждаются в помощи, бедняги.

Убранство в большой палатке говорило о том, что в ней жили Даури. Но они исчезли, бежали в ужасе вслед за ордами варваров. Зная о них из рассказов Джиль, Джерин представлял себе, как они пробираются по голой равнине, где их не ждет ничего, кроме голода и страданий. И ему от всей души захотелось помочь им выжить.

Загадочный кристалл был в палатке. Джерин с трепетом отнес его в флайер. Когда они вошли в ворота Порт Руа, легионеры приветствовали их как своих спасителей. Однако пышной встречи не было. Спарлингу объяснил, что они очень устали, потеряли друзей. Так что с торжественным ритуалом надо подождать. Весь остаток дня легионеры занимались погребением останков своих погибших товарищей.

Налетел ветер, горячий и обжигающий кожу. Облака пыли заволокли небо, и сквозь пыль Бел казался таким же зловеще красным, как и Ану.

- Мы выдержим, - сказал вице-комендант Иразен, - если только получим помощь.

Он разговаривал с людьми в кабинете, который еще недавно занимали Ларекка и его штаб. Кабинет был почти пуст, если не считать матрасов на полу, небольшого количества книг и военных трофеев. Короткий меч и знамя свешивались с крестообразной подставки, стоявшей за спиной Иразеңа. Окна были закрыты ставнями для защиты от ветра. Желтое пламя фонарей освещало внутренность кабинета, где было жарко, но все же немного прохладнее, чем на улице.

Джерин посмотрел на кентавра, служившего цивилизации, на Джиль, Спарлинга, стоящих рядом. Какая она хрупкая! Свет фонарей играл в ее волосах, отражался в глазах.

- Что мне сказать ему?- спросила Джиль, когда тишина слишком затянулась.

- Скажи - помоги ему Бог! Что я могу?- Джерин развел руками.- У тебя хватит смелости сказать ему правду?

- О нет, я не такая смелая,- прошептала она. Затем Джиль повернулась к Иразену и что-то сказала ему. Иштарианец ответил, и его слова немного успокоили ее.

- Я объяснила ему, что это был исключительный случай, и что Земля не разрешает людям оказывать помощь местным жителям. Но это не очень разочаровало его. Он уверен, что валлененцы не скоро справятся с полученным потрясением, и теперь легиону придется иметь дело только с разрозненными бандами. Он говорит, что пока существует Зера Витрикс, наши имена будут в списках легиона.

- Возможно, эти варвары снимут блокаду, когда узнают о случившемся,- сказал Джерин.- А если нет, то я сам разгоню их.

Джиль облегченно вздохнула. Спарлинг что-то пробормотал. Джиль перевела слова Джерина Иразену и кентавр шагнул вперед и крепко обнял плечи землянина.

«Почему я обещаю это?- подумал офицер.- Разве я уверен, что смогу выполнить обещанное?»

Он видел живую радость Джиль и понимал, откуда берутся ее истоки.

Она вместе со Спарлингом получит наказание, которое может до конца жизни связать их вместе. А что получит он? Кроме крупных неприятностей? Тогда откуда же эта радость?

«Сомневаюсь, что мне придется разгонять пиратов. Они и сами разбегутся, когда вести о случившемся дойдут до них. Если же нет, то я смогу сделать это и один, тайно от всех».

Чувство вины снова охватило его.

- Но мне не придется топить корабли с разумными существами, которые совершенно беззащитны передо мной.

Иразен заговорил снова. Джерин заметил, как радость Джиль и Спарлинга угасла. Она крепче прижалась к Спарлингу.

- Что еще?- спросил Юрий.

- Он говорит, что он не Ларекка. Легиону не прокормить-ся здесь, и если Газеринг откажется снабжать их пищей, он, Иразен, уведет легион отсюда.

Джиль попыталась улыбнуться.

- Не хмурься, Юрий,- сказала она.- Теперь Валленен не является угрозой и легион может уйти на юг.

- Но было бы лучше, если бы он остался, не так ли?- спросил Юрий.

- О, да,- ответил Спарлинг.- Ты - военный, и сможешь понять это, взглянув на карту. Это ключевая точка для защиты моря Файери. Для защиты цивилизации на островах и Северном Веронене.

Джилль кивнула.

У Джерина перехватило горло. Все перед ним поплыло.

- Что с тобой, Юрий?- он понял, что несколько минут был как бы без сознания. Джилль держала его за талию. Лицо ее было полно участия. Иразен протянул руки, как бы предлагая помощь.

- Уи... Са ва бьен, мерси...- Джерин взял себя в руки.- Пардон, я должен подумать.- Он уселся, стиснув руками виски и глядя на разноцветные коврики под ногами. Он не думал. Он предоставил пониманию возможность придти самому, с огромными ласковыми волнами покоя.

Наконец он встал. Он знал, почему эти двое с радостью готовы примериться с тюрьмой. Та же самая радость сквозила и в его словах. Ему показалось, что он понял, немного постиг искусство видения снов, столь развитое у иштарианцев.

- Друзья мои, я не знаю, что я могу ответить ему здесь и сейчас. Можете пообещать ему небольшое количество пищи. Можете сказать, что уверены в помощи Газеринга, что цивилизация не отступит на юг. Энтр-ну, между нами, я хочу, чтобы вы знали: работы на базе будут остановлены. Все работы, которые вы вели здесь, будут возобновлены. И армия во всем будет помогать вам.

- О, Юрий,- глаза Джилль сияли.

- О, Боже,- протянул Спарлинг голосом, которым, вероятно, Господь прощал Иуду.

Джерин продолжал:

- Я живу не только по приказам. Я все больше думаю, что был далеко не всегда прав. И я полетел к вам, будучи уверенным, что Ян сделает попытку овладеть флайером и мог подумать, что ему это удастся, но я не мог предположить, что и ты, Джилль, задумаешь тоже самое. Если бы план Яна удался, то это была бы, правда, не только моя вина. А он бы получил наказание. Но я не ожидал, что ты, Джилль, тоже будешь наказана.

Я понятия не имел, что значит сжигать живых существ, неспособных оказать сопротивление. И неважно по ка-

кой причине совершаются массовые убийства. А вы, кто теперь отправится на Землю, вы свободны от чувства вины.

Да, я убил, но когда делаешь доброе дело, убивать недостаточно. Я командир. Нужно помогать. Нужно создавать. И мои люди будут выполнять мои приказы, пока я не буду смещен со своего поста вышестоящими начальниками. Примавера останется в Федерации, а за нами троими прилетят с Земли, и мы трое будем выступать в защиту Иштара... Понимаете?

- Понимаю,- сказал Спарлинг, а Джилль бросилась к Юрию на шею и поцеловала его.

ЭПИЛОГ

Была глубокая ночь, когда мы закончили свой рассказ. Эспина еще долго расспрашивал нас, и его вопросы как всегда были предельно точны. Казалось, он совсем не устал, хотя мы были на два поколения младше него. Наконец он сказал:

- Е компредо - я понимаю.- И закрыл глаза. Комнату наполнила тишина. Час за часом мы смотрели на звезды. Восточная часть неба подернулась серебром. С ужасом и надеждой мы ждали.

Орлиное лицо вновь обратилось к нам, морщинистые веки прикрыли глаза от всего окружающего.

- Прошу меня простить,- сказал Президент Трибунала и Федерации.- Я не должен был заставляя вас ждать так долго. Но мне нужно было подумать.

- Конечно, сэр,- промямлил я.

- Вы, несомненно, думали, что я вызвал вас, чтобы поиграть, как кот с мышкой.

- Нет, о, нет, сэр!

Эспина ухмыльнулся.

- Я не хотел, чтобы вы знали о моей цели. Мне нужно было получить откровенную и правдивую информацию. Возможно, что вы считали, что вам удастся убедить меня в более мягком приговоре, а я, возможно, искал подробностей, которые позволили бы применить более изощренное наказа-

ние, чем предусмотренное законом. Но как бы там ни было, все это почти закончилось.

Он замолчал.

- Почти,- сказал он снова.- Прежде чем я внесу ясность, мне еще следует сказать, в чем вы обвиняетесь. Вы должны знать, что перед вами выдвинуты серьезные обвинения.

Вы, Ян Спарлинг и Джиль Конвей, силой захватили военный флайер во время войны. А кроме того, вы совершили деяние, которое противоречит мировой политике Федерации. Ты, Юрий, военный офицер, способствовал им в этом, а затем, забыв о полученном задании, использовал своих людей и ресурсы, предоставленные тебе, в целях, которые прямо противоречат твоему заданию.

Да-да, вы уже знаете обвинительное заключение, а теперь я подробно узнал, как вы оказали помощь далекой негуманой и технически отсталой цивилизации, неинтересной никому, кроме кучки ученых. И ваши действия не позволили тысячам людей, живущих на Иштаре, работать в пользу Земли. Короче говоря, вы поставили ваши мизерные цели выше целей миллиардов людей и присвоили себе право действовать от имени самих себя.

Так почему же вы считаете, что вы не должны весь остаток жизни зарабатывать себе прощение?

И я, и мои товарищи были охвачены ужасом перед такой перспективой. Но это длилось недолго, не дольше нескольких секунд. Затем Джиль выпрямилась. Раздался ее голос, подобный удару хлыста.

- Сэр, что бы мы ни сделали, закон не может лишить нас права защищаться публично. Почему мы покорно подчинились вашим эмиссарам, которые прилетели за нами? Ведь мы могли уйти в пустыню и оставаться там никем не обнаруженные до тех пор, пока не улетят ваши люди. Но мы хотели, чтобы Земля узнала о нас!

Мы с Яном подхватили знамя, которое подняла она.

- Да,- сказал Спарлинг.- Капитан Джерин подчиняется военной дисциплине. А мы люди гражданские. Ваше закрытое слушание дела, запрет общаться с внешним миром незаконны. Ваш Трибунал может вынести нам приговор, но он не может запретить делать нам заявление.

Я присоединился к нему:

- Это касается и армии. Именно поэтому я с гордостью и ношу форму.

Эспина встретился со мной взглядом. Часы пробили. Он улыбнулся.

- Великолепно,- сказал он.- Благодарю вас за ваше мужество и терпение.

Я даже не предполагал, что его голос может быть таким мягким.

Он нажал кнопку в кресле, и в его голосе мгновенно появилась сталь.

- Ваши попытки неизвестностью кончились, но то, что последует за ними, может быть во много раз хуже. То, что вы рассказали, только еще раз подтверждает то, что я и сам хотел доказать себе. Я не милосердный человек, но страдаю и стараюсь быть справедливым. Слушание суда будет открытым. Это нужно сделать для того, чтобы погасить в Федерации слухи. Суд оценит ваши действия, определит вину и вынесет приговор, который, кстати сказать, я думаю, будет самым суровым. А затем я, используя свою власть, оправдаю вас полностью и бесповоротно.

Я не помню, что было следующие несколько минут, помню только, что мы обнялись, плача и смеясь.

Когда мы успокоились, то увидели слугу, который принес бренди. После того, как мы сели и выпили, Эспина достал сигарету. Он закурил, закашлялся и сказал нам тем же суровым тоном, что и прежде:

- Я понимаю, что вы хотите добиться симпатий к Иштару. Добиться оказания для него помощи. Сегодня вы укрепили меня в своем решении. С моей помощью - а я сделаю все, чтобы сенсация была ошеломляющей - вы разбудите шторм. Приготовьтесь. Вы не знаете, как изнурительно быть символом. У меня в вашем деле есть своя конкретная цель. Ваша цель, конечно, перспективнее, но моя не менее важная. Я хочу закончить войну.

Он еще раз затаился. Было видно, что он до смерти устал.

- Война,- на его лице появилась гримаса отвращения.- Бессмысленная, несправедливая, жестокая. Вместо того, чтобы с помощью переговоров все уладить, мы превратили друзей во врагов. Сами мы превратились в гнусных политиканов. Пора все это закончить. Это нужно сделать прямо сейчас. Земля и Накса могут договориться между собой, чтобы не гибли наши и их солдаты. Мы уже видим, что наши потери постоянно растут, и растут без видимого практического результата. Однако политики отказываются начинать

переговоры. Я с вашей помощью хочу их заставить это сделать.

Он снова сделал гримасу.

- О, в этом деле у меня есть и эгоистические мотивы,- признал он.- Это будет чудесная последняя битва. Они будут кричать, требовать моей отставки, ревизии законов, чтобы лишить мой кабинет власти, любой власти, какую только можно выдумать в состоянии истерии. И я буду сражаться всеми способами. Не бойтесь моего проигрыша или выигрыша. Вы в любом случае будете надежно защищены законами. Вы должны только сражаться. Однако не разменивайтесь на краснобаиство, демонстрации, волнения, статьи в журналах, не упоминайте Бога, которого не существует, оставьте все это пустобрехам. Единственное, что вы должны делать - это говорить правду. Это будет нелегко. Интеллектуалы, которые будут противостоять вам, достаточно закалены в спорах. Самое сложное - это оставаться спокойными. Не терять самообладание и разум. А какую правду вы будете говорить? Что принесла нам эта ненужная война? Во-первых, смерть миллионов разумных существ, цена которых неизмеримо выше нас в глазах вечности. Опасность потерять цивилизацию, у которой есть чему поучиться и которая, несомненно, скоро займет свое достойное место среди звезд. Гибель двух лидеров, которые, работай они вместе, могли бы сделать много добра, если бы мы предоставили им этот шанс. На Иштаре Земля потеряла доверие превосходных, первоклассных умов, которое нелегко будет опять вернуть. Земля потеряла прекрасного офицера, ибо ты, капитан, несмотря на оправдание, вряд ли будешь служить в армии. К тому же вы сообщите нам о новой разумной расе, знания о которой могут открыть нам новую Вселенную. Но для наведения контакта с этой расой нам потребуется всемерная помощь Газеринга. Далее - мы должны оказать помощь Валленену, чтобы они, в свою очередь, помогли нам. Но все это потребует мира! Я думаю, что не пройдет и года, как Земля поймет, где на самом деле лежат ее интересы.

Голова его упала на грудь. Даниэль Эспина тоже смертен! Вскоре он распрощался с нами, и слуга разбудил пилота, который должен был доставить нас обратно.

Мы ждали его на улице. Воздух был холодный, невообразимо чистый и свежий. Солнце уже высветило дальние горы, а небо приобрело цвет сапфира.

- Год,- вздохнул Спарлинг.- Максимум два. А потом мы вернемся домой.

«И, если нам повезет, то продолжим работу»,- подумал я.

- Так много месяцев,- вздохнула Джиль. Мы давно уже перестали хранить друг от друга секреты. Нас было трое. Но сейчас они были только вдвоем.

- Ты вызовешь Роду,- сказала она.

- Как она может прилететь сюда?- удивился он.

- Суд разрешит тебе. Ты не будешь сам собой, дорогой, если не потребуешь этого от суда.

Она расправила плечи.

- А потом...- она помолчала.- Потом посмотрим. Мы посмотрим.

Ей не нужно было говорить, что и тот, кто любит, и тот, кого любят, имеют определенные обязательства. Взгляд ее сказал мне, что и я входил в это слово «мы».

Появился пилот. Джиль повела нас к флайеру. Я шел за ней, лелея надежду.

СОДЕРЖАНИЕ

Настанет время	5
Время огня	187

Литературно-художественное издание

Пол Андерсон
ВРЕМЯ ОГНЯ

Ответственный за выпуск
Ильгар Гусейнов

ЛР № 061867 от 03.12.92.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 19.06.95.
Формат 84х108/32. Бумага кн.-журн.
Гарнитура Таймс. Печать высокая
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 20 000 экз. Зак. № 3356.

Издательство «Сигма-пресс».
107140, Москва, Б. Краснопрудный туп., 8/12.

ЛР № 070335 от 28.01.92.
«Амбер, Лтд». 665830, Ангарск, квартал 76,9.

Набор и фотоформы изготовлены
в издательстве «Сигма-пресс».

Ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Роскомпечати.
127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

**КНИГО-
ТОРГОВАЯ
ФИРМА
«БУКС»**

По вопросам реализации данной книги опто-
вым покупателям обращаться в книготорговую
фирму «БУКС».

телефон: (095) 111-41-57

**В межиздательской серии
«Англо-американская фантастика
XX века»**

*вышли в свет следующие книги
Пола Андерсона:*

- Вып. 1. Сломанный меч**
- Вып. 2. Война Крылатых людей**
- Вып. 3. Мир Сатаны**
- Вып. 4. Круги Ада**
- Вып. 7. Танцовщица из Атлантиды**
- Вып. 8. Патрульный времени**
- Вып. 11. Странник**
- Вып. 12. Нелимитированная орбита**
- Вып. 13. Звездный лис**

Готовятся к печати:

- Вып. 9. Щит времен**
- Вып. 15. Урожай звезд**
- Вып. 16. Дети водяного**
- Вып. 17. День их возвращения**

а также другие произведения Пола Андерсона

